

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

110-й ВЫПУСКЪ

издание
ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

МОСКВА «ИНДРИК» 2014

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
110

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

110

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК» 2014

ББК 86.372
П 68

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
Д.Д. Васильев, В.Н. Ганичев, С.Ю. Житенёв,
С.П. Карпов, О.А. Колобов, Н.Н. Лисовой (ответственный редактор),
архиепископ Егорьевский Марк (Головков), Е.Н. Мещерская,
А.В. Назаренко, О.Г. Пересыпкин, М.Б. Пиотровский,
М.В. Рождественская, протоиерей Владимир Силовьев,
А.В. Салтанов, П.В. Стегний, С.В. Фатеев

Ответственный редактор

Н.Н. Лисовой

Православный Палестинский сборник. Выпуск 110. —
М.: Индрик, 2014. — 336 с.

ISBN 978-5-91674-328-9

- © Авторы статей, текст, 2014
- © Императорское Православное
Палестинское Общество, 2014
- © Издательство «Индрик»,
оформление, 2014

ISBN 978-5-91674-328-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Житенев С.Ю. Паломническое путешествие иеромонаха Игнатия (Деншина) в Царьград, на Афон, в Иерусалим, Александрию и Египет в 1766–1776 гг. 9

Вах К.А. Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса). 21

Блинова Л.Н. Марко Джурич и другие проводники-черногорцы на службе ИППО. 63

Горячкин Г.В. Русское присутствие в Палестине как фактор взаимоотношений между правящими династиями России и Египта (конец XIX — начало XX в.) 72

Лисовой Н.Н. Сбои вертикали. Из истории Русской Палестины в XX веке. (К 50-летию «Апельсиновой сделки»). 79

К ПРЕДЫСТОРИИ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ: ДОКУМЕНТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ 1850-х гг.

Влангали А.Г. Православие и Россия на Востоке / Подг. текста и предисл. И.Ю. Смирновой 105

Неклюдов В.С. Ответ на записку Б.П. Мансурова / Подг. текста и предисл. Н.Н. Лисового и И.Ю. Смирновой. 129

Неизвестная аналитическая записка архимандрита Антонина (Капустина) и посланника А.П. Озерова (1858) / Подг. текста, предисл. и коммент. Н.Н. Лисового	140
--	-----

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВРЕМЯ, В КОТОРОЕ МЫ ЖИВЕМ, ТРЕБУЕТ НАСТОЯТЕЛЬНОГО ПЕРЕСМОТРА
ПРОШЕДШЕГО»: К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ АРХИМАНДРИТА
АНТОНИНА (КАПУСТИНА). МОСКВА, 23 АПРЕЛЯ 2014 Г.**

<i>Бутова Р.Б.</i> Сподвижницы архимандрита Антонина: «великие российские бабы»	199
--	-----

<i>Смирнова И.Ю.</i> Архимандрит Антонин (Капустин) и пастор Джордж Вильямс: к истории православно- англиканских контактов в Святой Земле	215
---	-----

<i>Щербакова М.И.</i> В преддверии Русской Палестины: из истории Духовной Миссии в Иерусалиме	227
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ АН СССР

Документы из архива РПО. Часть 2. 1979–1985 / Сост. и подг. текста Н.Н. Лисового	245
---	-----

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИППО

<i>Фомин О.И.</i> Отчет о работе секции международного сотрудничества и культурного обмена ИППО в 2013–2014 гг.	277
--	-----

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ

<i>Громова А.В.</i> Елизаветинские дни в Дармштадте. К 150-летию со дня рождения Председателя ИППО великой княгини Елизаветы Федоровны	293
--	-----

<i>Лисовой Н.Н.</i> Молитва в камне: Антонио Барлуцци (1884–1960) и его храмы в Святой Земле. (К 130-летию со дня рождения архитектора)	298
---	-----

СТАТЬИ
И
СООБЩЕНИЯ

ПАЛОМНИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРОМОНАХА ИГНАТИЯ (ДЕНШИНА) В ЦАРЬГРАД, НА АФОН, В ИЕРУСАЛИМ, АЛЕКСАНДРИЮ И ЕГИПЕТ В 1766—1776 гг.*

С.Ю. Житенев

В ряду русских странствий по Православному Востоку, датируемых царствованиями Екатерины II и императора Павла, самым долгим и примечательным — длиною в десять лет — является паломничество, которое совершил иеромонах Игнатий (Деншин) в 1766—1776 гг. Это был период, когда из-за русско-турецких войн и сложных отношений Российской империи с Османской Портой паломничества наших соотечественников к святым местам Вселенского Православия были единичными явлениями. Действительно, во второй половине XVIII в. кроме дипломатов, военных, государственных деятелей и купцов, ведущих зарубежную торговлю, мало кто имел возможность совершать путешествия по странам библейского региона. Помимо официальных лиц, нам известно о путешествии в Святую Землю, на Синай и Афон так называемого «младшего Григоровича» — архимандрита Леонтия (Луки Степановича Зеленского-Яценко, в рясофоре Леонида), настоятеля посольского храма в Константинополе в 1763—1803 гг.¹, о хождениях иеромонаха Саровской пустыни Мелетия в 1793—1794 гг.² и монаха Никанора (Москвитинова) в 1794—1796 гг.³ В этом недлинном списке паломничество Игнатия (Деншина), безусловно, обращает на себя внимание.

Имеющиеся скудные сведения о происхождении и мирской жизни нашего героя были собраны в свое время неутомимым секретарем Императорского Православного Палестинского Общества В.Н. Хитрово при подготовке им к печати для «Православного Палестинского сборника» рукописи «Описания путешествия отца Игнатия» (1891)⁴. Они были получены им из Тамбовской консистории, поскольку к епархии Тамбовской и Шацкой принадлежала в изучаемое время Саровская пустынь, где подвизался одно время Игнатий.

---

* Настоящая статья выполнена в рамках научного проекта «История русского православного паломничества в XVIII-XIX вв.», осуществляемого автором по гранту РГНФ № 13-61-01003а.

Иеромонах Игнатий (в миру Иван Иванович Деншин) происходил из Курска, из купеческой семьи. Точного времени его рождения мы не знаем. Родители дали Ивану начальное образование, он умел читать и писать. Однако, когда он вырос, родительского бизнеса не продолжил и семьи заводить не стал, как бы готовясь к будущему иноческому постригу.

1 мая 1766 г. Иван Деншин из Курска направился в Киев с двойной целью: богомолья и пострижения в монашество, — о чем и поведал в своём «Описании». «Въ лѣто 1766-ое Мая 1-го числа отправился аз, Игнатій, из Курска въ Киевъ, и дойдохъ въ пещеры, и поклонихся гробом преподобных отецъ Антонію и Феодосію. И приде во мнѣ желаніе воспріять монашескій чинъ, но не могъ получить сего»⁵. При этом важно иметь в виду, что он в 1765 г. запросил в Курском магистрате паспорт на два года для зарубежной поездки, где также указал цель своего путешествия — поклонение святым местам и «пріисканія и къ постриженію въ монашество мѣста»⁶.

Видимо, у Ивана была надежда стать иноком в одном из киевских монастырей, но по каким-то причинам ему этого не удалось сделать. Поэтому, поклонившись святыням Киева, он принял решение отправиться в «дальчайшій путь» — в древние монастыри Святой Горы. Вместе с неким «старцем іеромонахом», имени которого автор не назвал, он выехал из Киева и прибыл в Сечь⁷. Здесь иеромонах, с которым путешествовал наш паломник, покинул его и направился в Волошскую землю⁸. Иван Деншин остался один в Сечи и не знал, что ему делать и как поступить. В это время пришли из Константинополя греческие купеческие корабли, которые, загрузившись русскими товарами, гзотовились отправиться назад. Как раз в это время автор Описания познакомился с двумя монахами, которые направлялись в паломничество на Афон и согласились его взять с собой с условием, что он примет иноческий сан. Договорившись о совместном путешествии, они обратились с просьбой к капитану греческого корабля, чтобы тот взял их с собой в плавание. Капитан дал согласие. Паломники отплыли из Сечи вниз по Днепру и прибыли в Очаков, где корабль досматривала турецкая охрана (Очаков войдет в состав России лишь в 1791 г., по Ясскому мирному договору). Только вышли из Очакова, как «восстала жестокая буря и великія волны, гдѣ мы были въ великомъ страхѣ»⁹. Но корабль с паломниками благополучно пересек Черное море и прибыл к Босфорскому проливу, который Деншин в своем сочинении называет Бугаз¹⁰. По Босфору они добрались до Константинопольской гавани, куда и прибыли в июне 1767 г. Таким образом, путь из Курска до Царьграда занял у автора Описания более года.

Описание Царьграда занимает в сочинении нашего паломника отдельную главу, которая начинается восторженными словами о его красоте и великолепии. Во время высадки в порту Константинополя Ивану Деншину очень повезло, так как он познакомился с находившимся здесь по торговым делам курским купцом Григорием Дрючиным, который взял земляка

под свою опеку. При описании города наш паломник отметил его чистоту и порядок, организацию противопожарных мер, узость улиц, по которым в карете проехать невозможно, а только пешком или верхом на лошади. Также отметил, что воинские люди не стоят на постое в частных домах, а специально для янычар построены казармы, где они пребывают в количестве двадцати тысяч человек. На него произвел большое впечатление водопровод, доставляющий воду в дома по трубам, построенный ещё в античности. Правда, он по незнанию своему счёл, что вода в водопровод поступает из Живоносного источника¹¹, который трогательно описал в своём сочинении. «Сей же Живоносный источник состоитъ от Царяграда три версты. Открылась прекрасная поляна и сады. И гдѣ источникъ, тутъ пещера, и въ ней имѣется церковь и бываетъ со временемъ служба, однако же содержитсяъ турецкій караулъ и съ богомольцевъ берутъ по пяти копѣекъ съ человѣка и живутъ при ономъ Живоносномъ источникѣ нѣсколько монаховъ греческихъ и отправляютъ службу»¹². Отмечая присутствие у источника богомольцев, автор Описания, очевидно, имел в виду, прежде всего, православных греков, проживавших в пределах Османской империи.

С помощью курского земляка Иван смог обойти весь город, видел православные монастыри и храмы, обращённые в мечети или превращённые в руины. Эта картина вызвала эмоциональные переживания, которые он выразил следующим образом: «Охъ увы! Достойно плача и рыдания»¹³. Он аккуратно отметил, что во время его пребывания в Царьграде там действовало двадцать греческих храмов, принадлежащих Константинопольской Церкви и вынужденных платить дань турецкому султану. Купец Григорий Дрючин, видимо, хорошо освоился в городе, так что смог показать нашему паломнику даже патриарший собор во имя св. великомученика Георгия Победоносца в городском районе Фанар, где они поклонились святыням, в нём находившимся¹⁴. Всего Иван пробыл в Константинополе три недели, после чего вместе с Григорием направился по морю на корабле к Святой Горе. По пути они посетили остров Лемнос, Хиос и Чесменскую бухту. Вблизи Афона попали в сильную бурю, но и на этот раз невредимо добрались до берега и высадились около Лавры преподобного Афанасия Афонского 26 июля 1767 г.

Рассказ о Святой Горе занимает в «Описании» несколько глав. Автор подробно представляет читателю географические и природные особенности полуострова Халкидики, который называет «землёй Македонской», характеризует особый мир монашеской республики, подчёркивая, что женщин сюда не пускают «ни в какое время». Он также обратил внимание на то, что все афонские монастыри платили в то время османским властям дань «по три рубля съ человѣка».

Следующая глава посвящена описанию монастырей и скитов Афона. Начал он с Лавры преподобного Афанасия, честным мощам и железному посоху которого паломники поклонились сразу по прибытию. Иван под-

робно описал Лавру и её обитателей, отметив, что среди насельников были и русские монахи. Особое внимание его привлёк чудотворный источник, связанный с преданием о посещении и благословении монашеской жизни на Афоне Пресвятой Богородицей. Вместе со своим спутником паломник обошёл 19 афонских монастырей, скрупулёзно и точно описав в своём труде святыни каждого из них.

В монастыре Дохиар в 1767 г., согласно данному обету, Иван Деншин принял малый монашеский постриг с именем Игнатий. Вместе с ним принял монашество и Григорий Дрючин. «В сем-то монастырь мы с братом Григорием восприяли монашеский чинъ, облекохся ещё в рясу. По воспрятіи иноческаго чина пребыхъ въ монастырь лѣто едино и возымѣхъ паки возвратиться въ свою Россійскую землю, но в то время учинилась съ турецкимъ государствомъ у Россіи война»¹⁵. Речь идет о Русско-турецкой войне 1768–1774 гг.¹⁶, из-за которой они вынуждены были остаться на Святой Горе до 1776 г. Как известно, султан Мустафа III¹⁷ объявил России войну 25 сентября 1768 г. А 6 октября того же года великий визирь пригласил к себе российского посла А.М. Обрескова¹⁸, арестовал его и приказал заключить в Семибашенный замок. С учетом названных дат мы можем уточнить предполагаемое время принятия монашества нашими паломниками: конец сентября — начало октября 1767 г.

Новопостриженные рясофоры, поняв, что им придётся надолго остаться на Афоне, решили принять великий постриг и для этого направились в русский Чёрный скит¹⁹, принадлежавший монастырю Зограф. В своём «Описании» Игнатий так писал об этом важном для него событии: «И остахся не нѣкое время и быхъ въ великомъ желаніи воспріять совершенно монашескій чинъ великаго образа и постричься въ мантию. И придохомъ во единъ скитъ, зовомый Русский Черной, празднують Рождество Богородицы. Оной скитъ состроенъ отъ государыни императрицы Елисаветы Петровны. <...> Въ ономъ монастырь начальствующій строитель Григорій, постриженникъ Кіево-Печерскія Лавры. Братія въ нёмъ состоитъ до 30 человекъ, живутъ по разнымъ кельямъ. И по усердному желанію моему постриженъ въ ономъ скиту въ мантию»²⁰.

Вскоре после пострижения, получив благословение у своего духовного отца, Игнатий отпущен был, наконец, в Святую Землю. На корабле наш паломник направился в Египет, посетив по пути Кипр и другие греческие острова. Прибыв в Александрию, иеромонах Игнатий поселился в монастыре преп. Саввы Освященного и несколько дней посвятил изучению города. Видимо, он не нашёл христианских святынь, поэтому вывод его был неутешителен: «Нынѣ всё разорено, достойно плача и опустошено отъ безбожныхъ варваровъ-араповъ и только осталось при морѣ одна крѣпость»²¹. Из Александрии на корабле он достиг города Дамьят (Дамьетты), стоящий в устье Нила, откуда только через месяц смог отплыть в Акру.

В Акре пришлось ждать, пока соберётся паломнический караван: путешествовать одному было опасно из-за «злыхъ араповъ», разбойничавших на дорогах. В «Описании» приводятся важные сведения о стоимости охраны путников того времени: «Есть же обычай поклонникомъ, могущимъ людемъ даётся конвой изъ платы, которая восходитъ до сорока рублёвъ»²². По тем временам это было, конечно, очень дорого.

Из Акры паломнический караван в один день достиг Назарета. Здесь паломник обошел весь город, описал все святые места: «Усмотрѣвъ въ Назаретѣ знакъ святыхъ мѣсть, видехъ домъ Иосифа Обручника; нынѣ состоитъ дивный монастырь, содержатъ римляне. И вкусихъ святую воду, гдѣ архангелъ Гаврииль възвѣщалъ Пресвятой Богородицѣ Благовѣщеніе и сія мѣста лобызахъ.<...>Град Назарет не велик, имеет дома каменные о двухъ жильяхъ²³. <...> До Иерусалима ходу пѣшымъ полагають три дни. И егда поидохомъ отъ Назарета, узрѣхом на пути Кана Галилейская, гдѣ Христосъ воду въ вино претворилъ. И оттоль шедше, узрѣхом Фаворскую гору, но не сподобился быти на ней за великими разбои отъ араповъ и такъ мы шествовали ночнымъ временемъ, а въ день идти никакъ невозможно отъ злыхъ араповъ. ... И тако мы во вторую ночь доидохомъ на Иорданъ рѣку. Какой же я радости исполнися, что сподобилъ мя Господь по стопамъ ступати и пихъ сію святую воду и мыхся ею с великою жадностію. Сія рѣка Иорданъ не весьма велика, близъ Москвы-рѣки»²⁴. Реку Иордан русские паломники часто сравнивали с рекой Москвой, не избежал этого сравнения и иеромонах Игнатий, хотя, возможно, это мог сделать редактор. На Иордане паломник совершил традиционное погружение в святые воды и даже попробовал местную рыбу — знаменитую «рыбу апостола Петра». Вдоль Иордана караван вышел к Мёртвому морю, которое произвело на всех сильное впечатление.

Путешествуя от Мёртвого моря через развалины Иерихона, наш паломник приблизился к Иерусалиму. «А оттоль воспріяхомъ путь къ Иерусалиму и доидохомъ въ Вифанію, гдѣ Христосъ воскреси Лазаря Четверодневнаго, и поклонихомся святому мѣсту и видѣхъ пещеру, въ ней же бысть гробъ Лазаревъ; симъ мѣстомъ владѣют нынѣ арабы, оная Вифанія село малое. А отъ Вифаніи приблизихомся ко Иерусалиму, разстояніемъ 8 поприщъ. И егда приблизихомся, узрѣхом его красоту — вельми возрадовахся»²⁵.

Отдельная глава в труде нашего паломника посвящена подробному описанию Иерусалима и его святых мест, а также личным впечатлениям Игнатия. В какие городские ворота вошёл наш паломник в Иерусалим, он не сообщил, но перечислил все четыре действующих на все стороны света: Гефсиманские, Вифлеемские, Сионские и Дамасские. Сразу по прибытии в Иерусалим иеромонаха и его спутников привели в патриарший монастырь, где их принял Патриарх Иерусалимский Ефрем II²⁶, который удивился тому, что русский паломник заговорил с ним на греческом языке. «И как я внидохъ во Иерусалимъ, довели мя въ патриаршій монастырь святаго

Константина и Елены²⁷; тогда узрѣх я святѣйшаго Патріарха, который приказалъ ближе къ себѣ подойти. И принялъ я отъ него благословеніе, и сталъ насъ по-гречески вопрошать, отъ коей страны приидохомъ. Мы же отвѣтствовахъ ему все подробно, ибо я въ то время немного зналъ по-гречески. И весьма удивлялся Патріархъ странствію нашему и по благословенію его Патріаршества опредѣленъ я былъ в монастырь Святаго Димитрія»²⁸. Видимо, иеромонахъ Игнатій имелъ способности к овладению иностранными языками, поэтому выучилъ греческій за время своего путешествія, в том числе в период пребывания на Афоне. Впрочем, не исключено, что осваивать греческій языкъ он начал, ещё обучаясь в Курске.

Сразу после размещенія в обители святого Димитрія паломники поспешили в храм Воскресенія Господня, где поклонились Гробу Господнему и святой Голгофе, а также всем находящимся там святыням. Иеромонахъ Игнатій молился в греческомъ Кафоликоне, а также посетил армянскій и латинскій приделы. «При семъ надлежитъ о большой церкви Воскресенія Христова воспомянуть, что она есть весьма велика и широка и имѣетъ в себѣ разныя кельи ради монашествующихъ, также и страннопріимницы, и поварни, в которыхъ жити греки и другихъ христіане вѣр по 12 человекъ каждой вѣры. Турецкій паша обычай имѣетъ церковь заключить и запечатать, когда жь поклонники соберутся и бываетъ какой праздникъ или недѣля, въ то время всѣхъ вѣр христіане цѣлуютъ Гробъ Господень и протчія святыя мѣста и каждой вѣры христіанинъ слушаетъ на своемъ языкѣ литургію, а потомъ турки выгоняютъ народъ изъ церкви и паки заключаютъ»²⁹. Игнатій деликатно указал в своемъ «Описаніи», что храмом Воскресенія Христова в тот период реально управляла османская администрація в лице паши, а не Патріархъ Иерусалимскій.

Русскій иеромонахъ внимательно осмотрелъ Иерусалим, побывалъ во многихъ святыхъ мѣстахъ и поклонился имъ с благоговеніемъ. Он обошелъ святыни Гефсимании, поднимался на Елеонскую гору, ходилъ к Силоамской купели, виделъ село Скудельничье и гору Сионъ. Паломникъ насчиталъ в Иерусалимѣ двенадцать православныхъ монастырей, а также несколько обителей, принадлежащихъ другимъ христіанскимъ конфессіямъ.

Ходилъ Игнатій и в монастырь Саввы Освященнаго, который по его расчѣту отстоитъ отъ Иерусалима пятнадцать вѣрстъ и где в то время проживало тридцать монаховъ. Здесь уместно привести интересную информацию о русскомъ паломникѣ, совершивъ путешествие в Святую Землю, жилъ в обители преподобнаго Саввы и здѣсь скончался. «Въ оной Лаврѣ обретохъ я своей Саровской пустыни трудника Кирила, ужъ скончавшагося, и показали мнѣ мѣсто, гдѣ онъ положенъ съ прочими отцы святыми, гдѣ я узрѣхъ тѣло его нетлѣнно. Отлучилъ онъ изъ Саровской пустыни тому нынѣ учинитъ 15 лѣтъ»³⁰.

Нашъ паломникъ ходилъ в Вифлеемъ, к мѣсту Рождества Христова. «Градъ Вифлеемъ очень убогъ, подобенъ селу. Ту есть церковь велика, посреди оной церкви вертепъ — пещера велика, въ ней же родился Христосъ,

и ясли, гдѣ положень руками Пречистыя Дѣвы Маріи. И содержатъ сіе мѣсто наши греки и празднуют Рождество Христово, а гдѣ ясли, то мѣсто содержатъ римскіе католики»³¹. Он побывал в монастырях, расположенных вокруг Иерусалима: в обители святого пророка Илии, в лаврах преподобных Евфимия Великого, Феодосия Киновиарха, Герасима Иорданского, Харитона Исповедника и других, многие из которых, к искреннему огорчению отца Игнатия, были «разорены и опустошены».

По нашим расчётам Игнатий провел в Святой Земле весь Великий пост 1770 г. и встретил Страстную седмицу на реке Иордан, согласно древней христианской традиции. «Егда приближися святыи великий постъ и обыкновенно бываетъ в понедѣльникъ первой недѣли съ поклонниками, кои пришли отъ разныхъ мѣстъ христіане на поклоненіе и бываетъ большой ходъ и съ великимъ конвоемъ турецкимъ на рѣку Іордан, въ присутствіи самага турецкаго паши отъ нападенія злыхъ варваровъ. И приближихомся ко Іордану рѣкѣ, къ тому мѣсту, где Христосъ крестился. И въ томъ походѣ видѣхомъ варваровъ-арабовъ ото всѣхъ странъ, на горахъ стоящихъ яко песокъ морской. И какъ достигли сего святаго мѣста, начаша пить святую воду и довольно мыхомся. Сіе мѣсто прекрасно. По удовольствіи всего народа сея рѣки Іордана, возвратишася паки во Іерусалимъ, разстояніемъ 30 поприщ, и придохомъ во Іерусалимъ во второй день къ вечеру»³².

Русский паломник описал, как в Великую пятницу, когда все православные жители Иерусалима и паломники вспоминают крестную смерть Спасителя, османская администрация осуществляла сбор дани. «Егда же приближися Великий Пятокъ, приходитъ турецкій генераль паша въ великую церковь Воскресенія Христова, гдѣ находится Гробъ Господень и садится близъ той святыни и при нем другіе знатнѣйшіе турки и множество янычаръ, и бываетъ сборъ с поклонниковъ въ казну султанскую съ каждого человѣка по два червонныхъ и по единому человѣку пушаютъ в церковь до Гроба Господня и сей-то у султана состоитъ съ поклонниковъ великий сборъ, ибо многіе тысячи христіанъ всякихъ веръ собираются на поклоненіе святымъ мѣстам»³³. Против поборов православных паломников у святых мест со стороны османской администрации всегда боролась Российская империя, оговаривая запрет этих поборов в официальных дипломатических договорах с Высокой Портой.

Иеромонах Игнатий описал также схождение Благодатного Огня в Великую субботу в храме Воскресения в Иерусалиме. «Въ Великую Субботу предъ вечернею огонь съ небеси сходитъ. Сіе чудо обыкновенно довольно доказываетъ исторія. Тогда Святѣйшій Патріархъ, вшедшій въ церковь, тако жѣ и прочихъ вѣръ христіанъ Патріархи и генераль паша турецкій съ янычары ожидаютъ того жѣ небеснаго огня. Тогда Патріархъ и паша приближишася ко Гробу Господню; въ то время отправлялъ Патріархъ съ великимъ соборо-

мъ службу Божию и сниде огонь съ небеси на Гробъ Господень, и вжигаетъ самъ Патріархъ и раздаетъ православнымъ. И кандила вжигаютъ, и подаетъ Патріархъ в одно оконце огонь небесный и каждый другъ отъ друга вси свѣчи вжигаютъ, воскликнуша веліимъ гласомъ: кириеелейсон (то есть: Господи помилуй), да уаси о Феосъ имонъ (то есть: слава Тебе, Боже нашъ, слава Тебѣ). О! коль предивный и ужасный оный свѣтъ, святой огонь. Аще приложишь къ тѣлу и къ волосамъ, опаленія никакого не имѣетъ; и сіе дѣйство чрезъ полчаса, а потомъ претворяется какъ и протчій огонь. И слушалъ в церкви Воскресенія Христова литургію, а послѣ литургіи учинилъ Патріархъ всѣмъ поклонникамъ веліе учрежденіе, а потомъ отходятъ всѣ во свои страны»³⁴.

После Пасхи иеромонахъ Игнатій, получивъ благословеніе Патриарха Иерусалимскаго Ефрема II, решилъ вернуться на Афон и направился в Иоппию. Однако во время своего путешествія по Палестинѣ трижды подвергался нападению арабовъ-разбойниковъ, которые полностью его ограбили и жестоко избивали каждый разъ. «Близъ Іерихона напали на насъ варвары арабы разбойники, биша насъ немилостиво и ограбиша, обнажиша донага, отпустивше насъ нагихъ и шествовали такъ нѣкоторое время и напали ещё на насъ другіе варвары разбойники»³⁵. С великими трудностями паломникъ добрался до Назарета, где смогъ найти пищу, воду, одежду, пріютъ и немного отдохнуть и подлечиться после побоевъ и перенесѣнныхъ испытаній. Из Назарета онъ прошёлъ до Иоппии, где ему удалось бесплатно сесть на корабль, идущій в египетскій городъ Дамьятъ, откуда добрался в Александрію, где былъ радушно встреченъ иноками изъ тамошняго монастыря Саввы Освященнаго. Нашему иеромонаху повезло, такъ какъ в это время в городе находился Патриархъ Александрійскій Киприанъ³⁶, который принялъ и благословилъ его, а также выслушалъ с изумленіемъ и интересомъ рассказъ о приключеніяхъ русскаго паломника. Видимо, Игнатій понравился Патриарху Киприану, который пригласилъ его съ собой в Египетъ, такъ в те времена называли городъ Каиръ. Полгода пробылъ авторъ «Описанія» в Каирѣ, в гостяхъ у Патриарха. Онъ успелъ за это время основательно познакомиться съ самымъ большимъ городомъ Ближняго Востока и Северной Африки, помолиться на святыхъ местахъ, связанныхъ съ пребываніемъ в Египте Святаго Семейства. «Поклонихся святому мѣсту, гдѣ Пресвятая Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и со Іосифомъ, бѣжавши отъ Ирода во Египетъ и пребывали на ономъ мѣсте, ту есть пещера и монастырь, который содержатъ христіане кофтскіе (коптскіе. — С.Ж.). Еще жъ монастырь имѣется нашъ православный великомученика Георгія в домъ патріаршемъ, церковь состоитъ Николая Чудотворца, другой нѣтъ. (На полъ тою же рукою написано: Городъ Каиръ, 240000 улицъ, 7 милліоновъ людей). Градъ Египетъ, такой великій, что вдвое болѣе Царяграда, и сказываютъ, однихъ мечетей арабскихъ болѣе 20 тысячъ. О многолюдствѣ его весьма удивихся. Зимы тамъ не бываетъ и зной весьма великъ, того ради не могахъ терпѣти солнечнаго вару, принужденъ возвратиться въ Александрію»³⁷.

Из Александрии, получив благословение Патриарха Киприана, иеромонах Игнатий направился на Афон. По дороге корабль останавливался на островах Патмос и Парос³⁸, «гдѣ нашъ Россійскій флотъ пребывахъ, и видѣхъ россійскіе корабли, и воинству весьма возрадовахся, паче жъ всего, что я обрѣл купца города Курска и довольно съ нимъ побесѣдовахъ». После этого он вернулся на Афон, в свою обитель. Однако через некоторое время случилось событие, которое заставило иеромонаха Игнатия задуматься о возвращении в Россию.

«Возвратихся въ Афонскую гору и нѣсколько лѣтъ поживъ, и притомъ учинилось придти одному россійскому кораблю называемому «Трѣхъ Святителей»³⁹, и снисдошася отцы изо всѣхъ лавръ первоначальствующіе, изыдоша къ пристани съ крестнымъ хожденіемъ, придоша кораблей первоначальники: графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ⁴⁰, господинъ Спиридовъ⁴¹, господинъ Елмановъ⁴² — и придоша въ церковь Пресвятыя Богородицы Иверскія, отслушаша молебень и паки возвратились на корабль, гдѣ меня звалъ господин Елманов на свой корабль и такъ я отъ него отрекохся и остахся пребывать въ монашествѣ рядовыхъ». Возможно, что посещение Афона знаменитым графом А.Г. Орловым-Чесменским состоялось в первой половине 1773 г. Однако в этом эпизоде важно то, что иеромонаха Игнатия пригласил на корабль контр-адмирал А.В. Елманов, возможно в качестве флотского священника, чтобы впоследствии переправить нашего паломника на родину. Однако автор Описания не захотел нарушать монашеские обеты и остался на Афоне.

Впрочем, мысли о далёкой родине, видимо, не покидали нашего паломника, и он решил вернуться в Россию. «А притомъ пришли мысли возвратиться въ свое отечество и возвѣстихъ отцу своему духовному. Онъ же даде ми благословеніе и тако я обрѣтохъ корабль и яхся пути, достигохъ Царяграда, явихся резиденту и получихъ от него паспортъ». Сев в Константинополе на корабль, он пересёк Чёрное море и, прибыв в Крым (который по незнанию называет островом), остановился в Керчи. Затем прошёл по Азовскому морю и прибыл в Таганрог, далее по Дону добрался до крепости святителя Димитрия Ростовского (будущего города Ростова-на-Дону), от которого его путь лежал в Воронеж. В августе 1776 г. он прибыл в Саровскую обитель, где и закончил свое затянувшееся паломническое путешествие. В Саровской пустыни он создал «Описание» своего путешествия, которое хранилось в библиотеке обители до тех пор, пока было впервые опубликовано в 1891 г. в «Православном Палестинском сборнике».

¹ См.: Александр (Попов), протоиерей. Младший Григорович. Новооткрытый паломник по святым местам XVIII века. Кронштадт, 1911, 156 с.; *Перминов П.В. (Стегний П.В.) История жизни младшего Григоровича // Путешествия в Святую Землю: записки русских паломников и путешественников XII-XX вв. М., 1994.*

- ² *Мелетий, иеромонах*. Путешествие во Иерусалим Саровской общежительной пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 гг. М., 1798. 325 с.; изд. 2. 1800.
- ³ См.: Алехина Л.И. Святая Земля в записках русского паломника конца XVIII в. // ППС. Вып. 107. М., СПб., 2011. С. 215–248.
- ⁴ Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет. 1766–1776 гг. / Ред. и предисл. В. Н. Хитрово // ППС. 1891. Т. XII. Вып. 3(36). С. 1, 1–33.
- ⁵ Описание путешествия отца Игнатия. С. 1.
- ⁶ *Хитрово В.Н.* Предисловие // Описание путешествия отца Игнатия. С. II.
- ⁷ Сечью назывались несколько последовательно сменявших друг друга военных и административных центров запорожского казачества в XVI–XVIII вв., которые располагались в низовьях Днепра южнее трудно проходимых днепровских порогов. В данном случае речь идёт о Новой (Подпольненской) Сечи — центре запорожского казачества в 1734–1775 гг. Это была последняя Запорожская Сечь. По указу императрицы Екатерины II в июне 1775 г. она была разрушена, а вольности Запорожского Войска аннулированы. На месте Сечи возникло село Покровское, которое в 1950-е гг. оказалась под водами Каховского водохранилища.
- ⁸ Волошская земля, Валахия — историческая область на юге современной Румынии, на Нижнедунайской равнине, между Карпатами и Дунаем. «Молдовлахийские», как тогда говорили, монастыри и скиты славились своими старцами и книжным просвещением. Достаточно напомнить о великом современнике иеромонаха Игнатия — реформаторе русского монашества преподобном Паисии Величковском.
- ⁹ Описание путешествия отца Игнатия. С. 2.
- ¹⁰ Бугаз (тюрк. бугаза — пролив, вход в пролив или залив), в данном случае имеется в виду вход в пролив Босфор. Это понятие нередко воспринималось как топоним. Так, например, Бугаз назывался пролив, соединяющий Кубанский лиман с Чёрным морем, и залив рядом с Одессой.
- ¹¹ «Живоносный источник» находится в греческом православном монастыре Пресвятой Богородицы в местности Балаклы в Константинополе. В V в. по повелению византийского императора Льва I Македлы (457–473) источник был очищен и заключен под каменным сводом, над которым был построен храм. Император Лев назвал это место «Живоносный источник». Храм несколько раз разрушался и вновь восстанавливался. Современный храм, восстановленный с помощью России, был освящен Вселенским Патриархом Григорием VI в 1835 г.
- ¹² *Игнатий, иеромонах*. Там же. С. 3–4.
- ¹³ *Игнатий, иеромонах*. Там же. С. 4.
- ¹⁴ Кафедральный собор во имя св. великомученика Георгия Победоносца, являющийся резиденцией Константинопольского Патриарха, расположен в городском районе Фанар, в старом городе, на южной стороне Золотого Рога. До 1601 г. храм святого Георгия был женским монастырём, но Константинопольский Патриарх Матфей II избрал его своей резиденцией и перестроил. Деньги на строительство греки получили в Москве, у царя Феодора Иоанновича. Храм и резиденция неоднократно горели, но всегда восстанавли-

вались. Справа от иконостаса расположена часть колонны (столб бичевания) из Иерусалима с остатками кольца, к которому, по Преданию, был привязан во время бичевания Спаситель. Среди особо почитаемых икон — образ «Панагия Фанеромени» в серебропозлащённой ризе из России у северной стены и мозаичная «Панагия Паммакарistos» у южной, происходящая из бывшего храма Богородицы Паммакаристы.

- ¹⁵ Описание путешествия отца Игнатия. С. 12.
- ¹⁶ Русско-турецкая война 1768–1774 гг. — одна из ключевых по значению войн между Российской империей и Османской Портой. Основной целью войны со стороны России был выход к Чёрному морю. Русские войска под командованием фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского выдавили турок и их союзников из Северного Причерноморья. Средиземноморская эскадра под командованием графа А.Г. Орлова и адмирала Г.Спиридова нанесла поражение турецкому флоту в Хиосском сражении и при Чесме. В июне 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому в состав России вошли Новороссия и Северный Кавказ, а Крымское ханство перешло под её протекторат. Одним из пунктов договора стала защита прав русских паломников в Иерусалиме «и на прочих святых местах, посещения достойных».
- ¹⁷ Мустафа III (1717–1774), турецкий султан в 1754–1774 гг., сын султана Ахмеда III.
- ¹⁸ Обресков Алексей Михайлович (1717–1787) — известный русский дипломат, посол в Константинополе в 1752–1771 гг. В 1740 г. по собственной просьбе был причислен к русскому представительству при Высокой Порте. В 1752 г. назначен поверенным в делах, а вскоре стал резидентом. В период Семилетней войны сумел добиться сохранения нейтралитета Турции. После начала Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. вместе со всем штатом русского посольства был арестован, в 1768–1769 гг. содержался в крепости Еникале. В 1769 г. был вынужден следовать за армией визиря, а в 1769–1771 гг. находился в замке в Димотике. Освобожден благодаря дипломатическим усилиям русской стороны в 1771 г. По возвращении на родину был назначен членом Коллегии иностранных дел, награжден орденом св. Александра Невского. С 1774 г. жил в Петербурге. См. о нем подробнее: *Стегний П.В.* Посол III класса. Хроники «времён Очаковских и покоренья Крыма». М., 2009.
- ¹⁹ Чёрный скит, называвшийся также Черный Вир, устроенный русскими монахами при материальной поддержке императрицы Елизаветы Петровны в 1747 г., принадлежал монастырю Зограф. В скиту был построен соборный храм в честь Рождества Богородицы. Монашеская жизнь в скиту прекратилась после 1830 г.
- ²⁰ Описание путешествия отца Игнатия. С. 12–13.
- ²¹ Там же. С. 13.
- ²² Там же. С. 14.
- ²³ То есть «о двух этажах».
- ²⁴ Там же. С. 14–15.
- ²⁵ Там же. С. 16.
- ²⁶ Ефрем II (†1771), Патриарх Иерусалимский и вся Палестины в 1766–1771 гг., известный проповедник, автор богословских и духовных сочинений.

- ²⁷ Патриарший монастырь свв. Константина и Елены в Иерусалиме, часть комплекса Греческой Патриархии, резиденции Патриарха Иерусалимского и всея Палестины, расположенная в Старом Городе. Нынешние здания Греческой Патриархии образовались постепенно. Внутри зданий Патриархии находится пять храмов: две верхних и три нижних. Один из них освящён во имя свв. равноап. Константина и Елены, возобновлён Патриархом Софронием в 1579 г.
- ²⁸ Описание путешествия отца Игнатия.
- ²⁹ Там же. С. 17–18.
- ³⁰ Там же. С. 20.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 20–21.
- ³³ Там же. С. 21.
- ³⁴ Там же. С. 21–22.
- ³⁵ Там же. С. 22.
- ³⁶ Киприан (†1783), Патриарх Александрийской Православной Церкви в 1766–1783 гг.
- ³⁷ Описание путешествия отца Игнатия. С. 23–24.
- ³⁸ На острове Паросе находилась база русского флота в период действия его в Средиземном море во время проведения Первой Архипелагской экспедиции.
- ³⁹ Речь идёт о прославленном военном линейном корабле «Три святителя», который участвовал в составе русской эскадры в Первой Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.
- ⁴⁰ Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич (1737–1807), граф — государственный и военный деятель, сподвижник императрицы Екатерины II, генерал-аншеф, генерал-адмирал. А.Г. Орлов был активным участником дворцового переворота 28 июня 1762 г. Военный талант А.Г. Орлова проявился в Русско-турецкой войне (1768–1774). В 1768–1769 гг., командуя эскадрой, он разрабатывал план военно-морской экспедиции против турок в Средиземном море, командовал русским флотом в победоносных сражениях у Наварина и Чесмы (1770). Эти победы открыли русскому флоту быстрый путь к завоеванию греческого архипелага, который российский флот удерживал до заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. После возвышения Г.А. Потемкина, А.Г. Орлов отошел от дел, в 1775 г. вышел в отставку.
- ⁴¹ Спиридов Григорий Андреевич (1713–1790), русский военно-морской деятель, полный адмирал Российской империи (1769). Участник Русско-турецкой войны (1735–1739), Семилетней войны (1756–1763), Русско-турецкой войны (1768–1774). В июне 1770 г. в ходе Хиосского и Чесменского сражений русский флот во главе с адмиралом Г.А. Спиридовым разгромил превосходящий турецкий флот. В конце 1773 г. ушёл в отставку по состоянию здоровья.
- ⁴² Елманов Андрей Власьевич (1716–1778), русский военно-морской деятель, вице-адмирал. Командующий русским флотом на заключительном этапе Первой Архипелагской экспедиции. В конце 1773 г. произведен в вице-адмиралы и вступил в командование всем Средиземноморским флотом вместо ушедшего по болезни Спиридова. По возвращении в Россию в 1775 г. получил орден св. Александра Невского. В 1776 г. был назначен главным командиром Ревельского порта.

ЦЕРКОВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ НА ПРАВОСЛАВНОМ ВОСТОКЕ: АПОКРИСИАРИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ ИЛИ РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ? (К постановке вопроса)*

К.А. Вах

В Византийской империи, в лучшие времена объединявшей в своем составе пять патриарших престолов, слаженное взаимодействие государства и Церкви поддерживалось при помощи института апокрисиариев. Патриарх при василевсе имел своего представителя — архонта-референдаря, василевс при патриархе — архонта-апокрисиария¹. Апокрисиариями стали также называть позже и представителей Поместных Церквей при Константинопольском патриаршем престоле. Апокрисиарии, первоначально светские сановники, отвечали за внутреннее согласие и единодушие в Империи и Церкви, участвовали в преодолении возникавших разногласий, выступая посредниками между конфликтующими сторонами и императором, которому как главе Церкви принадлежало высшее право арбитража и вынесения окончательного решения².

После падения Византии, когда все Патриархаты Востока оказались под игом мусульманских правителей, институт апокрисиариев на Востоке постепенно утратил свое значение. Права арбитра между различными частями Православной Церкви перешли, по воле турецких властей, к Константинопольскому Патриарху. Связь с местными властями Православная Восточная Церковь осуществляла в соответствии с местным законодательством и системой государственного управления, а внешние контакты ее были обращены преимущественно к светским дипломатическим каналам.

С XVI в. контакты между восточными патриархатами и Россией становятся постоянными. Московский государь, а затем и российский император признаются покровителями Восточной Церкви³. Патриархи берут на себя роль политических агентов Московского правительства, а взамен получают ще-

---

* Исследование проведено в рамках гранта РГНФ № 12-61-01002.

дые подарки. «Чем же можно больше привязать, если не благодеяниями? — спрашивает А.Н. Муравьев и тут же отвечает на свой вопрос: — Такова была наша политика, в отношении к Востоку, в течение многих столетий, наипаче в XVII. Не было ни епархии, ни монастыря, во всех частях Православного мира, которые бы не присылали ходатаев своих к благочестивым царям нашим, и щедро рукою сыпалась на них милостыня; множество церквей и обителей, и самая нынешняя Патриархия в Царьграде, обустроены нашими деньгами. Я это знаю в подробности, потому что два года занимаюсь уже в Московском архиве разбором наших духовных сношений с Востоком. Сколько замечательных актов! И как с своей стороны святители восточные платили нам любовью за любовь! При неопределенном еще положении нашего посольства, они были настоящими нашими агентами на Востоке, предостерегали в случае угрожавших нападений от турок, заботились о нашем просвещении и давали мудрые советы, особенно Иерусалимские Патриархи, потому что целый ряд великих мужей Церкви восседал на кафедре Св. Гроба»⁴.

В XVIII в., после учреждения Св. Синода, когда российский император становится официальным главой Русской Церкви, контакты императорского правительства с Православным Востоком приобретают более простой и казенный характер, поскольку идут по государственному, дипломатическому каналу. К концу царствования Петра I связи между Иерусалимскими Патриархами и русским правительством ослабевают, а потом прекращаются и вовсе. Последняя патриаршая грамота с просьбой о милостыне в пользу Святого Гроба датирована 1730 г. Еще через пять лет российское правительство утвердило «палестинские штаты» — 1000 рублей в год, пересылаемые раз в пять лет. Услуги Восточных Патриархов для контактов с османским правительством более не требуются: Россия установила прямые дипломатические отношения с Константинополем.

Европейские державы, которые время от времени воюют с Турцией, оказывают в этот момент поддержку христианскому населению и духовенству Православной Церкви. В глазах православных иерархов Россия начинает терять статус единственной державы, способной служить греческим интересам, как церковным, так и национальным, как раз в тот момент, когда Ункьяр-Искелесийский договор, по мнению российских властей, официально закрепляет за Россией право покровительства православным христианам в Османской империи.

Эпоха регулярных церковно-дипломатических контактов России с православным Востоком открывается в первой половине XIX в.: в России появляются постоянные представительства патриарших престолов (Иерусалимское, позже Антиохийское и Александрийское подворья в Москве), а с середины 1830-х гг. греческие Патриархи активно используют возможности своих российских «эпитропов» из числа влиятельных русских паломников, таких как А.Н. Муравьев, А.С. Норов, граф Н.В. Адлерберг и

др. Российское правительство со своей стороны стремилось поддержать православие на Востоке, считая Православную Церковь на территории Турции своей естественной опорой для ведения собственной политики. Помимо сети российских консульских представительств на Востоке, появившихся в первой половине XIX в., МИД создает еще и церковно-дипломатическую структуру — Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме.

Однако, почти одновременно обозначились и первые недоумения и нестроения в отношениях между российским правительством и греческим миром. Отношение к России со стороны греческих иерархов, начиная с петровских преобразований, начинает меняться. Наиболее активно это происходит в 40-е и 50-е годы XIX в. на фоне постепенного формирования в Константинополе единого антироссийского дипломатического фронта ведущих европейских держав. В Иерусалиме в 1838 г. открывается британское консульство, в 1841 г. — учреждается протестантское англо-прусское епископство. Европейские державы стремительно занимают позиции в дипломатическом и конфессиональном пространстве Святого Града.

В этих условиях любые противоречия между интересами российской внешней политики так, как их понимали в Петербурге, и интересами греческой церковной иерархии на Востоке могли серьезно ослабить российское влияние в Османской империи. Естественным образом появился вопрос о необходимости отладить систему церковно-дипломатических взаимоотношений. Об этом говорили восточные Патриархи, российские дипломаты, представители духовенства и русские путешественники. Как правило, этот предмет обсуждался полуофициально, а высказанные при этом предположения остались нереализованными.

Патриарх Константинопольский Григорий VI еще в 1844 г. считал своевременным и полезным «назначение со стороны Всероссийского Святейшего Синода постоянным представителем Российской Церкви при Константинопольском Патриархе и Синоде одного из членов русского духовенства в таком сане, в каком Синодом признано будет удобнее».⁵ Позднее он вспоминал, что с подобным предложением он обращался письменно к российским посланникам В.П. Титову и к А.С. Меньшикову⁶.

О недостатках традиционного дипломатического представительства для обсуждения церковных вопросов было хорошо известно. Патриарх Анфим прямо сказал А.Н. Муравьеву в 1850 г., что русские дипломаты чуждаются церковных контактов с православными патриархами. «Никогда не забуду, — говорит Муравьев, — как спрашивал меня в Царьграде Патриарх Вселенский Анфим, когда я посетил его в неделю Православия. — Отчего вы нас боитесь? Не мы ли больше должны бы вас бояться. — Я спросил: почему? — Патриарх отвечал: Никогда посланники ваши не являются к нам на сии торжественные службы, когда даже и английский посетил нас на Пасху; от того и мы не можем входить с ними в прямые сношения, опасаясь Порты».⁷

Первый публичный инцидент, открывший наличие серьезных проблем во взаимоотношениях, произошел при выборах Иерусалимского Патриарха в 1845 г.⁸ Патриарх Кирилл II был избран на иерусалимский престол с нарушением существовавшей церковной традиции и вопреки усилиям российских дипломатов. Общий фон во время выборной компании, проходившей преимущественно в Константинополе, был откровенно антироссийским. Сам же Иерусалимский Патриарх «благодаря российского императора за помощь, а заодно прося и впредь одаривать Иерусалимскую Церковь, <...>одновременно просил султана *ограничить русское влияние и препятствовать русским усилиям на Востоке*»⁹. С своей стороны Всероссийский Синод считал возможным проигнорировать, т.е. никак не отвечать на официальное послание новоизбранного иерарха к Русской Церкви.

Между тем, еще при жизни Патриарха Афанасия, архимандрит Порфирий (Успенский), по завершении своей первой иерусалимской командировки, подал в октябре 1844 г. посланнику в Константинополе В.П.Титову подробный отчет о состоянии Иерусалимской Церкви, в котором главным был вывод о насущности создания в Иерусалиме Духовной Миссии как постоянного представительства Русской Церкви при Патриархатах Востока.

В «Записке», поданной тому же Титову в январе следующего 1845 года, Порфирий, не используя, видимо, по тактическим соображениям, термин «миссия»,¹⁰ предлагает учредить в Иерусалиме или «духовное посольство Церкви Российской к Церквам Палестинской, Александрийской и Антиохийской, или российский общежительный Святопоклонный монастырь первого класса»¹¹. Целью нового учреждения было «теснейшее единение Церковью Российской и Палестинской»¹². Позднее В.Н. Хитрово писал, что предложение Порфирия о создании Духовной Миссии при иерусалимской Патриархии «не представляет чего-либо небывалого». При этом он ссылался на пример «апокрисиариев, или представителей, связующих определенные части Церкви, существовавших в Древней Церкви»¹³.

Еще в 1843 г., в обоснование первой командировки Порфирия на Православный Восток канцлер К.В. Нессельроде писал о необходимости постоянного пребывания в Иерусалиме «благонадежного и образованного лица из российского духовенства» именно в качестве «ближайшего посредника» между Российским Синодом и иерусалимским духовенством. Однако функции этого представителя состояли в том, чтобы, используя духовный сан, полнее вникать в положение церковных дел в Палестине, передавать греческому духовенству «советы и внушения на пользу Православия» от имени Российского Синода и тем самым вселять в него бодрость и нравственную опору¹⁴. Иными словами, посланник Синода должен был собирать сведения, которые трудно было получить светскому чиновнику, и сообщать иерусалимскому духовенству о реакции Синода, которая могла бы последовать в ответ на доставляемую ему информацию.

Нетрудно заметить, что в данном виде коммуникация между двумя Православными Церквями приобретала сложную форму. Конечно, в случае придания архимандриту Порфирию соответствующего официального статуса, он, вероятно, по факту смог бы наладить полноценное церковное взаимодействие. Однако именно официальный статус русского церковного представителя в Иерусалиме был камнем преткновения, и Порфирий отправился на Восток как частное лицо «с исключительным негласным поручением собрать на месте достоверные о настоящем положении Православной Церкви сведения»¹⁵. Позднее тот же Порфирий будет вопрошать воображаемого собеседника: «Что значила такая осторожность? Кто и кому не доверял? Кто и чего опасался?»¹⁶ Вопрос этот останется без ответа до сего дня.

Проект Порфирия, изложенный в записке от 6 января 1845 г., в терминах основания в Иерусалиме русского монастыря, был впервые опубликован П.В. Безобразовым и в наше время — по другому списку, по рукописи работы В.Н. Хитрово из библиотеки ИППО, — Н.Н. Лисовым¹⁷. Действительно, Порфирий еще в 1844 г. обсуждал с греческим духовенством Святого Града идею учредить в Иерусалиме Русскую Духовную Миссию и в первую очередь «для видимого единения Церквей Иерусалимской и Антиохийской и Российской, и для взаимных известий»¹⁸. Сами греки опасались появления подобного российского учреждения еще лет за десять до того, когда консулом в Яффе был Г. Мострас¹⁹, известный искренним попечением об интересах русских паломников Святого Града²⁰.

Но в том-то и заключается интересующий нас аспект: если сам Порфирий так легко мог перейти от названия Русская Духовная Миссия в собственном дневнике и отчете 1844 г. к имени русского монастыря в Иерусалиме согласно тексту его записки, значит, для него ключевым моментом была цель, ради которой могло быть устроено то или другое русское учреждение в Палестине. Он заменил именование Миссии на монастырь, сохранив те задачи, которые по его предположению должны были стать предметом деятельности нового русского учреждения в Иерусалиме²¹. Точно так же поступит в 1865 г. архимандрит Антонин (Капустин)²². Можно предположить, что перемена имени была сделана по соображениям тактического свойства.

Как указывает И.Ю. Смирнова отмечает, что именно Порфирий «первым поставил вопрос о разделении функций дипломатического и церковного ведомств в Святой Земле и о недопустимости вмешательства дипломатов в церковные дела»²³. Исследователи русской деятельности в Палестине не раз отмечали, что причиной постоянных конфликтов между российскими дипломатами и российским духовенством в Иерусалиме было отсутствие четкого разграничения их полномочий.

Не оспаривая этого очевидного факта, добавим, что в данном случае речь идет об учреждении в Иерусалиме особого церковного института, который по замыслу автора проекта автоматически выпадал из-под юрисдикции МИД уже ввиду своего формального статуса. Монастырь, о котором подробно пишет в своей записке Порфирий, не мог быть учреждением МИД, поступавшие в него монахи не могли состоять по службе и тем более получать зарплату в российском внешнеполитическом ведомстве, министр или посланник в Константинополе не мог писать инструкции игумену монастыря и ожидать от него отчетов. Финансовое содержание, а значит, и управление русским палестинским монастырем целиком подлежало ведению Синода.

Однако в тот момент идея о самостоятельном духовном представительстве Русской Церкви на Востоке — даже под видом привычного «монастыря», не могла найти понимания в Синоде и одобрения у дипломатов. Российский посланник в Константинополе Титов переправил записку Порфирия в Петербург, сопроводив своими комментариями и собственной запиской по данному вопросу. Нессельроде представил три документа обер-прокурору Синода графу Н.А. Протасову, который также высказал свое мнение на предложение архимандрита Порфирия. Суть министерских и синодальных изменений в проект русского иерусалимского монастыря сводилась к следующему. Соглашаясь в принципе с возможностью учреждения в Иерусалиме русского монастыря, в Петербурге считали необходимым подчинить его в юридическом отношении российской консульской власти, а в духовном — Иерусалимскому Патриарху. Первым пунктом из проекта Порфирия исключалось упоминание о «духовном посланничестве к Восточным Церквям»²⁴.

Досадой на непонимание (сознательное или бессознательное) главной причины пробуксовок во взаимоотношениях Синода с иерархами Восточной Церкви можно, кажется, объяснить чрезмерно откровенный и горячий пассаж Порфирия, прозвучавший в разговоре с митрополитом Филаретом в Москве 11 октября 1846 г., прямо касавшийся нежелательности для греческих иерархов в иных случаях обращаться в Синод через МИД²⁵. Фраза Порфирия повисла в воздухе после его слов о бессилии Синода, благовременно прерванная вопрошающим взглядом святителя. Немногим ранее митрополит Филарет уже объяснил данную необходимость установленным порядком и входить в обсуждение этого порядка не считал возможным. Однако, несмотря на то, что Порфирий явно вышел за рамки дозволенного, владыка не сделал каких-либо возражений, хотя в продолжение долгой беседы не раз поправлял Порфирия или объяснял свой взгляд на вещи. Прощаясь, митрополит Филарет выказал «иерусалимскому архимандриту»²⁶ явное удовольствие, полученное от его рассказов о Востоке²⁷.

Проект Порфирия в сокращенном виде стал основой при создании в феврале 1847 г. по инициативе канцлера К.В. Нессельроде универсальной церковно-дипломатической структуры — Русской Духовной Миссии в Иерусалиме²⁸, действовавшей под эгидой МИД. Первоначальное название вернулось в официальное именование, потому что любая миссия по своему значению суть посольство от одного к другому. И в этом качестве МИД вполне мог направить свое посольство к любой другой структуре, если таковая захочет его принять. Нужно было только очертить круг ее деятельности и полномочия в специальной инструкции. В данном случае от лица российского правительства при помощи МИД посольство направлялось к Иерусалимской Церкви и поэтому состояло из духовенства, избранного Российским Синодом.

В Петербурге возлагали надежду на возможность личного посредничества начальника Миссии в отношениях между Синодом и Восточными Патриархами. Тем самым прямой и официальный способ церковного общения, о котором упоминал Порфирий, был выведен за рамки формата деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Из-за двусмысленной «секретности»²⁹, которой по инструкции МИД должна была придерживаться Миссия в своей деятельности, Порфирий отказался «от щекотливого посредничества между предстоятелями Церквей»³⁰, предложив на эту роль своего товарища по академии, архимандрита Софонию (Сокольского), которого он сам посетил в Могилеве на пути в Одессу и которого уговорил ходатайствовать перед Синодом о своем переводе на должность настоятеля посольской церкви в Константинополе³¹.

Таким образом, идея русского церковного представительства на Православном Востоке была реализована в завуалированной форме, а ее исполнение на практике поручалось главам двух отдельных структур: настоятелю русской посольской церкви в Константинополе и начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. При этом никто из них не получил официального статуса представителя Св. Синода; архимандриты Порфирий и Софроний должны были исполнять представительские функции, как тогда говорили, «под рукой». Все это не могло не сказаться на качестве церковно-дипломатического взаимодействия.

Отправка Русской Духовной Миссии в Иерусалим и архимандрита Софонии в Константинополь по линии МИД ни по своим задачам, ни по своим возможностям не могла стать эквивалентом института апокрисиариев, «связующих части Церкви» и обеспечивающих тем самым церковное единство. Ближайший к Миссии чиновник МИД — генеральный консул в Бейруте К.М. Базили, который по сути был и ее куратором, имел четкий негативный взгляд даже на гипотетическую возможность любых самостоятельных контактов с Православными Восточными Патриархатами помимо МИД³².

Символично, что следующий системный сбой, имевший еще более серьезный характер, произошел как раз в вопросе о единстве между Российской и Восточной Православной Церковью.

Искаженная форма, в которую было облечено церковное общение между российским Синодом и Восточными Патриархами³³, позволила английским дипломатам поставить канонические отношения между двумя Православными Церквями на грань разрыва³⁴. В британскую провокацию вокруг внутреннего церковного вопроса об отношении к перекрещиванию инославных в Русской Церкви оказались вовлечены Константинопольский и Иерусалимский Патриархи.

Использование противоречий между представителями европейской дипломатии Царьграда стало характерной чертой в политике Вселенских Патриархов. С начала 1850-х гг. к такой же тактике стал прибегать и Патриарх Иерусалимский Кирилл, принужденный маневрировать между различными политическими силами в условиях начавшегося обострения вопроса о святых местах в Палестине и вопроса о ремонте купола над Гробом Господним. Лавируя между турецким правительством и англичанами, Патриарх Кирилл в то же время поставил свою подпись под провокационным письмом, адресованным Николаю I с просьбой о немедленной отправке в Константинополь чрезвычайного посольства «с тем, чтобы тот, кто будет стоять во главе посольства, своим твердым тоном и угрозами, с которыми он обратился бы к Дивану, добился для императора Николая неограниченной власти над Греческой Церковью во владениях султана и, следовательно, вместе с тем над греческой нацией»³⁵.

Реакция российской стороны на это послание, отправка чрезвычайного посольства во главе с князем А.С. Меншиковым и последующие его демарши в Константинополе заставляют задуматься о мере той дезориентированности, в какой оказалось российское правительство накануне Крымской войны. Последовавшее затем «неблагоприятное»³⁶ для России окружное послание Константинопольского Патриарха Анфима в 1854 г. показало, что внутрицерковный вопрос о единстве в обрядах между Русской и Восточной Православными Церквями так и не был исчерпан.

Причина этого общего нестроения, по словам архимандрита Порфирия, заключалась в том, «что Российская Церковь с давних пор не встречалась с Восточной лицом к лицу и не менялась с нею живым словом»³⁷.

В России видели проблему, возникавшую из-за недостатка коммуникации, но понимали ее по-своему, отлично от того, как эту же проблему оценивали церковные иерархи на Православном Востоке. Восточная Церковь представлялась подавленной мусульманским правлением, нуждающейся в поддержке и исправлении.

Какими были российские представления об идеальной Вселенской Православной Церкви, мы можем узнать из двух проектов, озвученных в

самом начале Крымской войны. Один принадлежит перу А.Н. Муравьева, другой связан с личностью уже упоминавшегося архимандрита Порфирия (Успенского).

ПРОЕКТ А.Н. МУРАВЬЕВА.

Проект А.Н. Муравьева, который в наши дни может показаться наивным, приобретает совершенно иное значение, если мы посмотрим на него в контексте вышеизложенного. «Записка о важности Патриаршей кафедры Царьграда для соборного единства Православной Церкви», написанная А.Н. Муравьевым вероятно для дальнейшей публикации по каналам МИД, датирована 19 марта 1854 г. Победа России в Восточной войне и окончательное падение Османской империи представляется ему вопросом ближайшего будущего. «Царьград и Дарданеллы будут в руках наших, и они должны оставаться до времени под нашею властью, доколе не установятся взволнованные стихии греческие и славянские, и что-либо определенное не произойдет из сего хаоса!»³⁸ Основное внимание автора обращено на моделирование послевоенного устройства Православного Востока. Ключевым в этом проекте был вопрос «о средоточии церковного управления и поддержании патриаршей кафедры в Царьграде»³⁹. Вопрос этот для интересов Православной Церкви «как душа в новосозидаемом теле, и нельзя благовременно им не заняться; надобно вперед придумать все, что может быть необходимо для успешного устройства сего важного дела, от которого зависит все будущее развитие православных, но разнородных племен, и союз их гражданский между собою и с Россиею»⁴⁰.

Статус самого Константинополя при этом обозначен автором только в общих словах. «Мы должны стараться опять привлечь к Царьграду разрозненные, хотя и единоверные племена: но какими средствами, ибо оружие наше может только охранять столицу? — Одно лишь средство возможно, и самые обстоятельства на него указывают: это сосредоточение в Царьграде управления церковного, как оно и доселе было, всех православных племен Анатолии и Румелии»⁴¹. При этом в административном отношении Царьград не должен был подчиняться власти Патриарха, а служить «только духовною его столицею и местопребыванием его кафедры, как в прежние века, а вместе и соборным средоточием для всех Православных Церквей греческих и славянских»⁴². Упоминание Муравьевым «именитого наместника русского как представителя императорского», который «будет служить достаточною преградю для всех честолюбивых замыслов, не соответствующих понятиям нашего века»⁴³, косвенно указывает на сохранявшиеся еще в российском правительстве отголоски Греческого проекта Екатерины II. В данном случае речь, по-видимому, шла о втором

сыне Николая I великом князе Константине Николаевиче, которого автор проекта ставит во главе гражданского управления Константинополя. При этом авторитет и духовное первенство Константинопольского Патриарха признается Муравьевым безоговорочно. «Весьма важно, и теперь более, нежели когда-либо, старейшинство патриаршего престола Константинопольского, не только над подвластными ему епархиями, но и над тремя не подчиненными ему престолами апостольскими Александрии, Антиохи и Иерусалима; все три еще останутся под игом неверных или иноверных, потому что Египет и Сирия не избегнут англичан и французов»⁴⁴.

Не мог Муравьев не затронуть горячую в тот момент тему единства Русской и Восточной Православной Церкви. Константинопольская Церковь в этом единстве играла, по его убеждению, ключевую роль. Константинопольский престол представлял собой «священную и спасительную для единства славяно-греческого власть»⁴⁵. Поэтому при будущих изменениях не нужно умножать количество автокефалий в славянских землях⁴⁶. Вместо этого туда необходимо поставлять митрополитов той же национальности, рукополагая их именно в Царьграде «для бóльшего скрепления единства»⁴⁷.

Именуя таких митрополитов «первосвятителями» Поместных Церквей, Муравьев считает необходимым, чтобы они входили в Патриарший Синод в Константинополе наравне с греками, но не более. «Таким образом вполне сохранится благодетельное влияние Вселенской Церкви Константинопольской на все окружающие, и здесь надобно отложить в сторону самолюбие народное и домогательство, чтобы славяне избирались также на кафедру Патриаршую. Это может быть допущено впоследствии, но теперь одни только греки могут вполне удовлетворить всем разнообразным требованиям сей высокой степени, потому что Патриарх Константинопольский есть вместе с тем и глава всего иночества, как архиепископ ставропигиальный Св. Горы Афонской, и должен удерживать свое влияние на прочие три патриаршие престола, занимаемые греками, и на юную Церковь Королевства греческого, только что получившую свою самобытность»⁴⁸. В процессе возвышения Константинопольского престола в свою очередь будет восстановлено равновесие между Церковью Западной и Восточной, а затем, «быть может, благодатию Божиею последует и желанное сближение всех Церквей, о коем непрестанно молим»⁴⁹.

Внутри проектируемого устройства Константинопольской Церкви Андрей Николаевич помещает и особого представителя Русской Церкви в сане епископа. «Весьма полезно и даже необходимо, чтобы и с нашей стороны находился постоянно при Патриархе Константинопольском поверенный епископ, который наблюдал бы за ходом дел церковных Востока, старался бы примирять несогласие греков и славян и постепенно отстранять взаимные недоумения, которые возникли в течение последнего столетия

между нами и греками касательно некоторых вопросов догматических; так например возник обычай вторичного крещения латин и протестантов, около ста лет незаконно вкравшийся в Греческую Церковь, вопреки собственных ее постановлений, нам сообщенных; он угрожает опасными последствиями разъединения в будущем, если заблаговременно не согласить разноречие, равно как и разность в степенях родства, допускаемого у нас и у них при совершении браков»⁵⁰. Таким образом, необходимость церковного представителя России при Константинопольском Патриархе Муравьев связывал как раз с охранением единства в Православной Церкви.

ПРОЕКТ АРХИМАНДРИТА ПОРФИРИЯ

Другой проект, во многом аналогичный первому, принадлежал архимандриту Порфирию (Успенскому) — которого российское правительство считало своим официальным (пусть и не гласным) представителем на Православном Востоке. Сам же архимандрит Порфирий именовал себя в официальном отчете «посредником между двумя народами или Церквями»⁵¹.

Проект известен в пересказе самого архимандрита Порфирия. По его мнению, единая Православная Церковь должна стать совершенно свободною от светского влияния, для чего необходимо создать соответствующие политические условия. В этом-то и заключается историческая миссия России. «Вообразите, — говорил он, — радужную будущность Востока, как бы она уже существует. Ислам сокрушен. Весь Балканский полуостров свободен. В Малой Азии, Сирии и Месопотамии, Палестине и Египте существуют свободные государства христианские. Константинополь не отдан ни одной европейской державе во власть, напротив — он признан городом не таким как Краков, а городом Божиим. В нем хозяин и владыка Патриарх Вселенский, получающий доходы за стоянку кораблей в Золотом Роге и с Малой Фракии. У него нет ни войска, ни флота своего; при нем состоят не посланники от государей, а богомудрые епископы, как апокрисиарии всех Православных Церквей, апокрисиарии, т.е. отвечающие за целость Православия, как члены постоянного собора. В Константинополь обращаются все частные Церкви со своими вопросами и тут получают решение их. Здесь находят себе суд и оправдание, и защиту все лица духовные в случае несправедливых нападков на них от кого бы то ни было. Отсюда рассылаются всюду духовные миссии для евангельской проповеди народам, не исповедающим имя Христово. Там собирается Вселенский собор, когда он надобен, и он судит Вселенского Патриарха и низлагает его, если окажется он виновным в чем-либо; он же и избирает его из среды православных епископов, достойнейших и дарованиями и по житию, после грека избирает русского, после этого — румына, по-

сле сего — серба и проч. Сей-то Патриарх, имеющий свой кусок хлеба, и сей-то собор при нем, оба охраняемые защитой православных народов, в случае надобности они-то и независимы от государей и от всякого политического давления. Теперь, если бы кто сказал мне, что европейские державы помешают осуществлению этой великой идеи, тому я ответил бы, что Бог, ими же весть судьбами, устранил помеху их. У него есть для них и голод и мор и потоп. Он силен потрясти их так, что Россия беспрепятственно выполнит свое назначение. Она начала сокрушать Турцию, она и кончит это дело и на месте ислама упрочит Православие так, что весь протестантский мир, увидя это событие, призадумается и начнет склоняться на нашу сторону, а после сближения его с нами призадумается и римско-католический мир, и обновится, яко орля, юность его. И будет тогда едино стадо и един пастырь»⁵².

Тогда же, в Вене, в разговоре с будущим канцлером А.М. Горчаковым Порфирий вновь поднял вопрос об апокрисиариях, как стратегическом инструменте в отношениях между Православными Церквами и Всероссийским Синодом. Он укоризненно говорил о том, что в свободной и не бедной России нет специального церковного органа, который бы исполнял функции чисто церковного представительства. «Наше светское посольство в Константинополе ведает и церковными делами на Востоке, но его вмешательство в эти дела противно дипломатии церковной, по уложению которой апокрисиарий должен быть не превосходительство, а высокопреподобие или преосвященство»⁵³. Эта непродолжительная, но содержательная встреча оказалась судьбоносной и для самого Порфирия, и для истории русского церковного представительства на Востоке. Будущий глава российской дипломатии запомнил архимандрита Порфирия как человека, весьма критически относящегося к российскому государственному и церковному устройству.

Крымская война внесла существенные коррективы в оценку российскими властями прочности церковно-политического единства России и Православных Патриархатов на Востоке. «Это последнее для нас время, самое последнее, после которого нам уже не останется никакой возможности действовать, если мы не воспользуемся тем кратким сроком, который, не без особенного Промысла Божия, ещё был нам оставлен, при неблагоприятных, по-видимому обстоятельствах; оставлен и для нас, и для Востока, и для нашего взаимного вразумления и сближения, прежде нового порядка вещей, к которому мы не были готовы», — писал А.Н. Муравьев в своей новой записке для МИД⁵⁴.

«Неужели — продолжал вопрошать Андрей Николаевич своего воображаемого собеседника в дипломатическом ведомстве, — и теперь мы опять не поймём, что на Востоке вся политическая жизнь находится в Церкви? Если мы опять не разработаем сего элемента и будем его чуж-

даться, то впадём опять в ту же несостоятельность. Элемент сей силою, можно сказать, врывался в политику нашу, уже более двадцати лет, а мы старались от него, по возможности, отгребаться, входя в соприкосновение только там, где уже требовала крайность. <...> И хорошо, что трёхлетняя буря пробушевала между старым и новым порядком дел, ибо совершенно новая церковная жизнь должна начаться для нас в Царьграде»⁵⁵.

По словам автора записки, «политика стояла у нас во главе всего на Востоке, а Церковь только между прочим»⁵⁶. Недостаток прямых межцерковных контактов создал ситуацию, когда могло показаться, что Российская Церковь «как будто разъединилась» с Церковью Восточной, чем тут же воспользовались католики, протестанты и дипломаты европейских держав. Между тем в своей записке Муравьев ничего не говорит об апокрисиариях, считая, что функции церковного представителя могут выполнять и дипломаты, если им будет поставлена такая задача. «Мы не должны обманывать себя, касательно значения нашей миссии в Константинополе; оно столько же духовное, сколько и политическое, и теперь ещё более, нежели когда-нибудь»⁵⁷. Российский посланник в Царьграде должен быть по мысли Андрея Николаевича «как бы Обер-Прокурором Патриаршего Синода, и иметь сведения церковные, потому что у нас вскоре могут возникнуть вопросы, от которых будет зависеть взаимное наше согласие с Церковью Греческою»⁵⁸.

«Одним словом, — заключает Муравьев свои соображения в адрес МИД, — духовное сближение с Востоком, вот то, что должно быть положено в основание новой политической жизни нашей в Царьграде, и если, быть может, покажется странным, или односторонним такой необычайный взгляд на сношения наши с Востоком, то пусть беспристрастно взглянут на прошедшее и скажут: достигли ли мы желанной цели прежним уклончивым образом действий? Пусть говорит опыт; но мне кажется, что мы сделаемся гораздо сильнее на Востоке, если возвратимся к древним началам нашей политики, которые были основаны на естественном сочувствии с родным для нас Православием, и далеко от нас отстанут Западные, по тому самому, что не имеют там столь же прочного основания»⁵⁹.

Интересны в этом отношении мысли человека, которому в течение почти четверти века предстояло руководить российской внешней политикой. В подготовительных материалах, отложившихся в процессе работы А.М. Горчакова над инструкцией посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу есть следующие строки: «Итоги войны оказали нам двойную услугу, рассеяв иллюзию и напомнив о забытом. В делах изменчивого и своенравного Востока мы познали незыблемую истину: материальное равновесие неизбежно обернется против нас, если мы не достигнем духовного равновесия. Как можно достичь его? И в теории, и на практике — посредством христианства и поддержки христианских народов»⁶⁰.

Оценки, высказанные А.Н. Муравьевым и А.М. Горчаковым, указывают на ту отправную точку, от которой отталкивались российские дипломаты, вынужденные начинать выстраивать принципиально новые взаимоотношения России с Православным Востоком после завершения Крымской войны.

Возобновление русско-греческих церковно-дипломатических контактов должно было столкнуться с комплексом нерешенных довоенных проблем: одной из важнейших оставался вопрос о святых местах Палестины. «Не надобно себя обманывать: все вопросы о Святом Гробе подымутся опять в прежней силе, с водворением мира, потому что они вовсе не решены, и тут нельзя будет отделяться полумерами и полусловами, потому что это слишком жизненный вопрос для всего христианства, в чем может удостоверить минувшая война», — предупреждал дипломатов А.Н. Муравьев⁶¹. На сохранявшиеся вызовы необходимо было оперативно реагировать. В МИД вспомнили о проекте архимандрита Порфирия и уже в декабре 1856 г. заговорили о восстановлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

А.М. Горчаков вынес из своего венского разговора с архимандритом Порфирием, среди прочего, весьма своеобразное убеждение, что наблюдение епископа одной Церкви за тем, что делают иерархи в другой самостоятельной Церкви — дело возможное и даже канонически оправданное. Слова Порфирия о том, что в Православной Церкви есть только одно епископствование, и поэтому каждый епископ отвечает за целостность Православия не только в своей пастве, но и в паствах других епископов, накладывались на традиционное для России XIX в. самовосприятие ответственности за православные народы и Православную Церковь, находящуюся под игом иноверных.

Главным отличием восстановленной в марте 1857 г. Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стало изменение статуса ее начальника, повышенного до сана епископа. Деятельность нового начальника Духовной Миссии на канонической территории сразу нескольких Православных Церквей была закреплена визиральным письмом главы османского правительства.

Архимандрит Порфирий дает достаточно жесткую характеристику этому решению. «По началу православия, выраженному св. Киприаном и гласящему так: «везде одно епископство, и каждый епископ отвечает за паству другого», по этому началу Российская Церковь вправе послать не только в Иерусалим, но и в Александрию, Дамаск и Цареград, послать своих постоянных апокрисиариев, т. е. отвечающих за свои и чужие дела церковные. Но апокрисиарий должен быть не епископ, а священник (кто бы он ни был, иеромонах, архимандрит, пресвитер) или диакон, дабы постоянным посольством епископа не нарушались вышеупомянутые правила.

Такой порядок искони соблюдаем был в Кафолической Церкви. Почему же и для чего мы одни решились нарушить его к общему соблазну восточных иерархов, не терпящих никаких нововведений? Забвение прав и приличий церковной дипломатии послужит ли нам оправданием?»⁶²

Средоточие Православной Церкви, по словам Порфирия, находится не в Иерусалиме, а в Константинополе, поэтому и Русская Церковь должна иметь свое представительство не в Иерусалиме, а в Царьграде, и не в форме Духовной Миссии, а «в лице одного апокрисиария с нужным ему причтом, потому что и другие Православные Церкви имеют там каждая подобного посредника»⁶³. Позднее именно эту формулу, доработанную совместно с российским посланником Н.П. Игнатьевым, попытается реализовать другой начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме — архимандрит Антонин (Капустин), который в этом случае последовательно развивал идеи церковного представительства, высказанные архимандритом Порфирием.

«По приличию церковной дипломатии, писал архимандрит Порфирий», наш апокрисиарий (отвечающий) может быть диакон или пресвитер, но не епископ, разве сам Синод Цареградский согласится принять его в сане архиерея; но и тогда он не должен иметь епархии, довольно ему носить титул почетным образом *in partibus infidelium*. Дело нашего апокрисиария там весьма важно. Он отвечает Константинопольскому Синоду за целостность догмата, предания, богослужения и правил благочиния в нашей Церкви, а пред ним этот Синод за ту же целостность отвечает нашей Церкви. Он соутешается с ним единою верою и передает ему и выслушивает от него выработанные у нас и в Греческой Церкви мнения, например, о большом или малом числе спасающихся, о зачатии Пресвятой Девы в первородном грехе и проч. Он представляет ему лучшие духовные сочинения наши, дабы они, по общем одобрении, сделались общеправославными. Он рассуждает с ним о продолжении или прекращении действия разных начал православия в одной и той же Кафолической Церкви; например, продолжать ли у нас присягу, воссоединение католиков и протестантов без крещения, рукоположение молодых клириков и проч. по снисхождению (*κατ' οἰκονομίαν*), или прекратить это по строгости закона (*κατ' ἀκρίβειαν*) ради точного единства Церквей. Наш апокрисиарий просит Константинопольский Синод не изменять греческого текста богослужебных книг, дабы это изменение не производило раскола в России, где народ весьма привержен к старине и где даже духовенство боится той свободы, с какою древле, например, распространялись и сокращались литургии и вводимы были в церковь песнопения, сочиненные царями и женщинами.

Из Константинополя наш апокрисиарий отправляет: 1) тезоименитых ему деятелей духовных к Патриархам в Александрию, Дамаск и Иерусалим, на остров Кипр к тамошнему независимому архиепископу, и в Чер-

ногорию, Сербию, Болгарию, Валахию и Молдавию, и 2) церковный причт в больницы нашего Пароходного Общества и в домашние церкви наших консулов в Адрианополе, Смирне, Бейруте, отправляет же их после предварительных многосторонних наставлений.

Вот значение, сила и дело его! Само собою разумеется, что такой посредник между Российской и Восточною Церковию должен быть необыкновенно умен и иметь многостороннее образование. Хорошо бы если бы он был живая Пятидесятница! по крайней мере умел бы говорить языками мудрости, правды, любви приличия и проч.

Кипучая деятельность наших апокрисиариев под начальством главного вождя их и труды наших консулов, сестер милосердия и Пароходного Общества, при богатых денежных пособиях, вот что нужно для поддержания и возвеличения Православия на Востоке! Все прочее — полумера»⁶⁴.

Вопрос о возобновлении деятельности РДМ и тем более о повышении статуса ее начальника до епископа Горчаков не мог не согласовать с Синодом, экспертом со стороны которого, скорее всего, выступал митрополит Московский Филарет. Во всяком случае, именно митрополит Филарет выступил в защиту данного решения МИД, когда потребовалось прокомментировать его легитимность. В своем ответе на письмо архимандрита Порфирия из Константинополя он подтвердил, «что Мелитопольский не нарушил церковных правил, которые запрещают в чужой епархии рукополагать и учить, без согласия местного епископа; <...> что между посольством архимандрита и епископа разность не важна, и российская иерархия без затруднения принимала патриарших посланников, преосвященных — Иерофея Фаворского, Неофита Илиопольского и ныне Никанора Фиваидского»⁶⁵.

«Хорошо ли Патриарх Иерусалимский протестует против посольства русского епископа в Иерусалим, — писал далее митрополит Московский, — после того, как сам Иерусалимский Патриарх⁶⁶ послал архиепископа в Россию? Это ясно. Разница только та, что Мелитопольский привез в Иерусалим русские деньги, а архиепископ Фаворский не привез в Россию иерусалимских денег, а из России вывез около полумиллиона русских, по тогдашнему счету»⁶⁷.

Однако сам епископ Кирилл, как и прежде Порфирий, продолжал оставаться частью МИД, а весь проект возобновленной Духовной Миссии можно рассматривать как попытку со стороны А.М. Горчакова решить проблему взаимодействия с Патриархатами, ничего не меняя по сути. После отзыва епископа Кирилла из Иерусалима Синоду, при участии митрополита Филарета, удалось взять инициативу в свои руки. Третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме выбрал и назначил Синод по представлению митрополита Филарета. Им стал архимандрит Леонид (Кавелин), продержавшийся на своем посту менее года. Жесткое и недв-

пломатичное поведение его в Иерусалиме вызвало возмущение Патриарха, а последовавшая реакция со стороны митрополита Филарета и Синода и привело к фактическому прекращению общения между единоверными Церквями Иерусалимской и Русской.

В сентябре 1856 г., уже после коронационных торжеств в Москве, совершенно неожиданно для всех Обер-Прокурором Синода был назначен граф А.П. Толстой. С одной стороны он был известен своей религиозностью, безукоризненной жизнью и действительно глубоким знанием Священного Писания, Святоотеческого предания и обычаев Православной Церкви. С другой стороны граф был расположен к славянофилам, дружил с писателями, был в курсе общественных и литературных тенденций и еще в николаевскую эпоху отличался способностью думать и поступать самостоятельно. В какой-то существенной части своего мировоззрения граф Толстой был близок к великому князю Константину Николаевичу, который в свою очередь, вероятно, принимал участие в обсуждении его кандидатуры при назначении на должность обер-прокурора. Но, несмотря на то, что графа Толстого многое сближало с великим князем, константиновцем он не стал и занял в российской бюрократической системе свое собственное место. Это не могло не сузить его аппаратные возможности в век партий и групп влияния при дворе. Его опорой постепенно стали два митрополита: Санкт-Петербургский Григорий и Московский Филарет. Разнообразие задач, которые нужно было решать сразу по вступлении в должность, на время поглотили все внимание обер-прокурора.

С учреждением 17 июля 1856 г. в Петербурге Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ), устав которого предполагал перевозку православных паломников из России в Палестину и на Афон, возобновление деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стало вопросом времени. Прежние палестинские деятели архимандрит Порфирий и иеромонах Вениамин хорошо это понимали. 7 августа 1856 г. иеромонах Вениамин подал через великую княгиню Елену Павловну официальное прошение о назначении его в состав Русской Духовной Миссии новому министру иностранных дел князю А.М. Горчакову⁶⁸.

Великая княгиня Елена Павловна настойчиво приглашала с собой в Москву на коронационные торжества архимандрита Порфирия, но тот в последний момент не поехал. Вместо него в Москву с великой княгиней отправился о. Вениамин, который на следующий день после коронации был принят императором и императрицей и говорил с ними о Палестине⁶⁹. Вскоре после назначения Толстого А.А. Александрова, в доме которой жил о. Вениамин и которая ему покровительствовала, добилась распоряжения обер-прокурора А.П. Толстого о назначении Вениамина в состав Иерусалимской Миссии⁷⁰. Обер-прокурор даже подобрал нового началь-

ника Миссии, иеромонаха Оптиной пустыни Ювеналия (Половцева)⁷¹. Однако, когда пришло время всерьез говорить о назначениях в Миссию, Синод дезавуировал это решение, сославшись на то, что членами Миссии могут стать только лица, получившие высшее духовное образование «по важности возлагаемых на них особых поручений». Избранный обер-прокурором о. Ювеналий был зачислен в Миссию лишь в должности штатного иеромонаха.

Всю информацию и все контакты с Православными Церквями Синод осуществлял через МИД, которое, разумеется, делилось информацией и в рамках разграничения полномочий было обязано многие шаги согласовывать с духовным ведомством. Но отсутствие собственных инструментов для деятельности на Востоке, отсутствие собственных представителей при патриарших престолах Восточной Церкви ставило обер-прокурора в совершенно зависимое положение от мнения и взглядов дипломатов.

Православная Церковь на Востоке сталкивалась с увеличивавшимся количеством новых вызовов, а ее ослабление могло нанести серьезный удар по позициям России в регионе. В значительной мере поддержка Православной Восточной Церкви и сохранение авторитета Русской Церкви на Востоке оставалась для России стратегической задачей. Частично эта функция была передана в ведение МИД. Но была и другая задача, впервые обозначившаяся именно в этот период. Греческий мир и Россия в политическом отношении начали заметно отдаляться друг от друга. Необходимо было предпринять усилия, чтобы затормозить или ослабить этот процесс. Наиболее удобным и своевременным казалось в данных условиях продемонстрировать сближение Российской и Восточной Церквей. Кроме этого, контакты между главами Церквей для обсуждения чисто церковных, канонических вопросов должны были осуществляться напрямую между Синодом и Патриархами. Отсутствие чисто церковных каналов для такой коммуникации не способствовало развитию взаимоотношений⁷². Поэтому в конце 50-х и в начале 60-х гг. духовное ведомство предпринимает ряд попыток для налаживания прямых контактов между Восточной и Российской Православной Церковью. Следуя за всеобщим увлечением планами на Востоке, Российский Синод попытался создать необходимые инструменты для самостоятельного ведения указанной деятельности. Поскольку паломничество было занято Морским министерством, а церковно-дипломатическое представительство по традиции оставалось прерогативой МИД, в ведомстве А.П. Толстого обратили взор в сторону духовного образования, церковной статистики и сбора информации о положении Православных Церквей и вообще христиан на Востоке. Ключевым моментом в этой работе должно было стать появление прямых контактов с иерархами Восточной Церкви. Запустить какой бы то ни было новый проект в условиях сложившейся в России бюрократической системы было крайне

сложно. Решено было пойти по простому пути, не требующему дополнительных согласований: отправить на средства Синода специальную экспедицию на Восток. В короткий срок несколько ученых представителей Синода были подготовлены для решения поставленной задачи. Причем, если архимандриты и настоятели посольских церквей за границей числились, по сути, сотрудниками МИД, то в данном случае в командировку на Восток отправлялись именно чиновники-синодалы, не имевшие к МИД никакого отношения. П.И. Саломон управляющий Канцелярией Синода⁷³ совместно с чиновником по особым поручениям при Обер-Прокуроре К.К. Зедергольмом, крестником обер-прокурора⁷⁴. Представители Синода должны были посетить Константинополь, Афон, Грецию, Малую Азию и Палестину. Никакой иной цели кроме указанной выше эта экспедиция не имела, и точно так же они воспринимались греческими церковными властями. Бывший Константинопольский Патриарх Григорий в целом благожелательно отнесся к подобной форме контактов с Русской Церковью. Посланцам Синода Патриарх сказал, «что теперь, когда мы увидим вблизи положение дел, мы убедимся, что оно во многом не такое, каким представлялось нам издали»⁷⁵. Константинопольский престол в момент посещения османской столицы П. Саломоном и К. Зедергольмом оставался вакантным, но благодаря этому путешественники-синодалы нашли в Константинополе остальных восточных патриархов: Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Речь опять зашла о форме контактов между Патриархами и Русской Церковью, причем со стороны Патриархов было высказано мнение, что «польза Православия требует, чтобы между Церквями Русскою и Восточною существовало постоянное искреннее единение»⁷⁶. Дальнейшего развития инициатива обер-прокурора не получила, а в 1862 г. он сам и его ближайшие помощники К. Зедергольм и П. Саломон покинули духовное ведомство.

Казалось бы, что уроки Крымской войны давали достаточную мотивацию для стремления православных сил к большему единению. Однако, именно в этот период усиливается обратное стремление к разрыву. Единство веры перестает быть цементирующей основой православных народов. Процесс секуляризации имущества Православных Церквей и монастырей в княжествах, филетизация Православия по принципу национальной принадлежности, эллинизация системы управления восточными патриархатами, церковные реформы, намеченные османскими властями, деятельность католических и протестантских миссий в Турции и обозначившееся в период Крымской войны отчуждение греческой церковной иерархии, видевшей в русских своих прямых конкурентов за будущее наследие Османской Империи — вот то, что угрожало миру внутри Православной Церкви.

Эти обстоятельства не могли не вызывать тревогу у греческих церковных иерархов на Востоке, Российского Синода и императорского правительства в Петербурге. Среди многочисленных обстоятельств, побуждавших российскую и греческую стороны к взаимным контактам, все чаще звучит главный принципиальный вопрос: как сохранить единство Православной Церкви в условиях действия многочисленных разрушающих факторов. В решении всех перечисленных вопросов принимали участие два выдающихся человека: посол России в Константинополе (1864–1876) Н.П. Игнатьев и настоятель посольской церкви в Константинополе (1860–1865), позднее начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1865–1894) архимандрит Антонин (Капустин).

Враждебная России политика Константинопольского Патриарха, проявившаяся во время Крымской войны, формально освобождала российское правительство от его прежних обязательств. С другой стороны, прямой разрыв с Восточной Церковью, которого добивались европейские дипломаты, мог крайне неблагоприятно сказаться и на внешнеполитическом положении России на Востоке, и на положении Русской Церкви. Это прекрасно понимали в МИД. Поэтому, после подписания Парижского мира, со стороны России вновь было заявлено о необходимости поддержания Православия и Православной Церкви на Востоке. «Мы жертвуем особыми преимуществами, приобретенными в предшествующих соглашениях. Мы и в будущем не будем добиваться никаких особых преимуществ для России в отношениях с Османской Портой. Наша традиционная цель останется неизменной: поддерживать христианскую Церковь и христианское население этого государства...» — писал А.М. Горчаков в своей первой послевоенной инструкции российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу⁷⁷.

Однако форма этой поддержки должна была претерпеть изменения. Причем для греков, которые по определению оказывались официальными представителями Православной Восточной Церкви, важно было максимально сохранить прежнюю модель получения финансовой помощи со стороны России. В России же наоборот желали давать деньги и оказывать дипломатическую поддержку только в обмен на лояльность, которая будет тем или иным способом доказана⁷⁸. Ясно было, что в новых условиях и грекам, и русским необходимо выстраивать новые каналы церковно-дипломатического взаимодействия: русским — чтобы распределять финансовую помощь в соответствии со своими предпочтениями и иметь возможность влиять на деятельность греческой церковной власти, грекам — чтобы влиять на распределение финансовой помощи из России. «К несчастью, все вопросы, даже чисто духовные, на Востоке приводятся всегда к одному знаменателю — деньги, деньги», — сообщал свои впечатления

российский посланник Н.П. Игнатъев⁷⁹. Нужно заметить, что для греческой стороны российская финансовая помощь не имела принципиального значения ввиду не очень большого ее объема в общем годовом бюджете. Возможность использовать дипломатическую поддержку была, вероятно, более ценной для греческой иерархии.

В 1860 г. в Константинополь в средоточие церковно-дипломатической жизни из Афин был переведен архимандрит Антонин (Капустин). Он оказался в узловом центре Вселенского Православия в качестве неофициального⁸⁰ представителя Русской Церкви. Если масштабу личности для ее полного раскрытия должен соответствовать масштаб исторических явлений, то в случае с Антонином можно сказать, что цареградский размер пришелся ему как нельзя кстати. Когда Антонин направлялся с поляй Эллады к стенам седьмихолмной Византии, там набирал обороты греко-болгарский церковный конфликт, в котором Русская Церковь впервые предполагала играть роль арбитра и миротворца. Для этого предполагалось наладить более тесные связи между российским Синодом и Константинопольским престолом. Об этом в ноябре 1860 г. писал и митрополит Филарет: «С некоторого времени Российская Церковь более прежнего желает быть в ближайших сношениях с Вселенским Патриархом и так называемою Великою Церковию. Но в настоящее время положение Вселенского Патриархата и Великой Церкви так неясно, что трудно предвидеть, можно ли надеяться благоприятных последствий, если бы теперь открылись желаемые сношения, особенно по делам значительной важности. Имеющиеся донныне сведения предписывают правило: подождать и усмотреть, что откроется яснее».⁸¹

К этому времени Антонин считался уже старожилом на Востоке. Возможно, осознавая это, он невольно поддавался искушению высказываться более определенно, чем этого требовал церковно-дипломатический обычай. Он, как и Порфирий, был настроен на поиск причин возникавших на Востоке церковных проблем. Подобно Порфирию, корень зла Антонин видел в отсутствии прямых церковных контактов между Российским Синодом и греческими иерархами на Востоке. «Не пришло ли уже время сойтись в один живой, органический союз бытия и действия всем частям Православия? Что препятствует тому? Отчего мы отрицаемся принадлежащей нам, по нашему независимому положению, инициативы? Зачем до сих пор не восстановлен досточтимый, спасительный обычай древности иметь церквам одной при другой своих Апокрисиариев? <...> Присматривающемуся ко всем важным и неважным разностям в церковной практике всех частей Православия, явившимся большею частию вследствие прекращения живого союза между ними, становится очевидным, что «болгарские вопросы» вырастают на почве, засеянной множеством других подобных терний, выращаемых невниманием одной части Православия к другой»⁸².

Архимандрит Антонин привлек к себе внимание митрополита Филарета и обер-прокурора Синода довольно подробными и нестандартными донесениями. «По смиренному мнению моему, — сообщал он духовному начальству, — самый пригодный для греческого характера, соответственный нашему племенному типу, приличный нашему политическому положению, законный в деле веры и полезный Христовой Церкви образ сношений наших с греками, есть путь совершенной прямоты и откровенности с ними, — путь безбоязненного и бесцеремонного вступления с ними во всякое обследование всякого предмета, занимающего их и нас, путь называния предметов их собственными именами, по древнему и любимому присловью греческому: *σῦκα σῦκα καὶ σκάφην σκάφην*⁸³. Я почти не встречал грека, который бы на чистосердечный от имени истины и в строгой определенности предложенный ему вопрос не ответил признанием правды. Грек всегда и на все требует отчета. У него это не дерзость, а основной склад жизни. Зато, получив отчетливый ответ, он остается совершенно удовлетворен. С своей стороны, не видя себе возражения от других, он вправе считает себя думать, что и другие вполне остаются довольны его словом или делом. Не могу думать, чтобы византийский грек слишком далеко расходился с этим общим типом»⁸⁴.

Формально Антонин не получал от Синода специальных полномочий и как всегда должен был действовать исходя из возможностей собственного обаяния и влияния. «Настоятель посольской церкви, — писал Антонин Игнатьеву, вскоре после водворения последнего в посольском доме на Босфоре, — положением своим не выходит из ряда настоятелей прочих посольских церквей, т. е. должен ограничивать свою деятельность удовлетворением духовных нужд своего прихода. По мнению моему, если Святейшему Синоду угодно употреблять его как посредника в своих сношениях с Патриаршими престолами, то это лучше сделать прямым учреждением апокрисиариата. Если же Императорское Министерство находит более удобным и приличным чрез настоятеля своей церкви сношение с Великою Церковью и вообще с местным православным духовенством по своим делам, как бы чрез духовного драгомана, то великодушие и справедливость требуют, чтобы оклад жалования его в 2500 р. увеличен был на 4000 р.»⁸⁵

За год до назначения Игнатьева в Константинополь, в 1863 г. Антонин получил возможность единственный раз за все годы службы на Востоке приехать в Россию, чтобы, по его собственным словам, «принять последнее благословение престарелых родителей». На пути домой он заезжал в Петербург и в Москву. К его удивлению, митрополит Филарет настороженно отнесся к появлению Антонина в столицах, подозревая, что тот «приехал домогаться быть апокрисиарием Русской Церкви при Вселенском престоле!»

Действительно, Антонин в 1863 г. достаточно откровенно обсуждал с московским владыкой идею учреждения должности апокрисиария. Филарет так вспоминал об этом разговоре: «Он считает себя мудрым политиком и хотел быть, в сане архиерея, апокрисиарием при Константинопольском Патриархе. Я представил, что это некстати: отказ, сделанный светскому лицу — посланнику или полуофициальному архимандриту, снести Св. Синод может, а епископу апокрисиарию отказ или оскорбление падет на Синод. Антонин и уехал не солоно хлебав, а там теперь опять эта хмелина попала ему в голову»⁸⁶.

Для нас это может служить указанием на то, что вопрос об апокрисиариях, стоявший в тот момент на повестке дня духовных властей Российской империи, но встречал противодействие со стороны осторожного митрополита Филарета. Роль Антонина в Константинополе и его положение считалось, во всяком случае в глазах владыки, «полуофициальными».

Среди множества тем, которые Антонин поднял в своих донесениях и записках из Константинополя, а позднее и из Иерусалима, вопрос о русском церковном представителе на Востоке занимал отдельное место, но в конечном счете он соединился с вопросом о реформе Русской Духовной Миссии. Вполне разделяя мнение Порфирия о том, что повышение статуса начальника Миссии в Иерусалиме было ошибкой, Антонин поначалу предлагал устранить ее путем перемещения епископа из Иерусалима на место официального апокрисиария Синода в Константинополе. «У нас есть без прямой нужды украшенный степенью святительскою начальник русской церкви в Иерусалиме. Представляется весьма благоприятный случай воспользоваться его отличной пригодностью для Востока, назначив его Апокрисиарием Святейшего Синода при Вселенском Престоле и устранив вместе с тем несправедливое, конечно, нареkanie на нас в том, что мы только из чистого подражания другим послали своего архиерея в Иерусалим. Апокрисиарий, дружески поставленный в отношении к Вселенскому Патриарху, не затруднится, конечно, найти случай высказать Первосвятителю Православия то, что Святейшим Синодом будет признано полезным сказать. Есть основание думать, что Его Святейшество Патриарх Иоаким сам признает восстановление апокрисиариатства мерою желанною»⁸⁷.

В июле 1864 г. посланником России при Порте был назначен Н.П. Игнатьев⁸⁸. В Константинополе к этому моменту сложилась весьма непростая ситуация для представителя России. Попробуем описать ее с точки зрения темы нашего исследования.

Церковные проблемы, потрясавшие всю Православную Церковь, обогнавшиеся сразу после окончания Крымской войны, начинали управ-

лять действиями российских дипломатов и даже влияли на персональные назначения константинопольских посланников. А.П. Бутенев, осторожный, опытный, но уже пожилой в 1856 г. был брошен как спасательный круг почти исчезнувшему в волнах Босфора русскому дипломатическому представительству в Константинополе. Выполнив свою миссию блестяще, Бутенев навсегда покинул Турцию в 1858 г. Его сменил грекофил князь А.Б. Лобанов-Ростовский, исполнявший при Бутеневе должность советника посольства. В свою очередь, когда обострение греко-болгарского вопроса потребовало от российских представителей в Константинополе умеренной осторожности во взаимодействии с вселенским престолом, Министерство иностранных дел направило в Константинополь бейрутского генерального консула Е.П. Новикова, не обладавшего опытом Бутенева и независимым положением аристократа Лобанова. На примере Новикова министерство убедилось в необходимости иметь на Востоке не только опытного чиновника, но и человека, способного принимать самостоятельные решения, выражаясь военным языком, в условиях полного окружения.

При этом, если в политических вопросах чиновник вроде Новикова ориентировался достаточно быстро, то все, что касалось положения Греческой Православной Церкви и ее отношений с турецкими властями, местным населением, европейскими дипломатами, различными христианскими конфессиями и с Церковью Русской, требовало от российского посланника и дополнительной подготовки, и специфических способностей. Быстрая смена посланников до появления на Востоке Н.П. Игнатьева демонстрировала отсутствие у российского МИД понимания греческой церковной проблемы и какого бы то ни было представления о ее решении. Позиции Синода и МИД часто оказывались различными; системный подход в решении ежедневных вызовов отсутствовал.

Такое положение создавало дополнительные трудности для деятельности русских дипломатов в Константинополе. В случае с восточными Патриархами, особенно если дело касалось Вселенского или Иерусалимского престолов, авторитет Игнатьева не был столь же однозначен. В России существовал еще Св. Синод, с которым у Патриархов имелись собственные традиционные контакты. Возможность обращаться к российской власти в два разных ведомства создавала для греческих иерархов уникальную возможность лавирования при невыгодных для них обстоятельствах и затрудняла возможность воздействия на них со стороны российских представителей. Если на Вселенского Патриарха давил МИД — он обращался в Синод и через Русскую Церковь в свою очередь мог надавить на дипломатов. И наоборот, когда Синод потребовал извинений от Патриарха Иерусалимского за запрещение служить на святых местах

своему представителю архимандриту Леониду (Кавелину), тот обратился за помощью в МИД.

Нужно отметить, что случай с архимандритом Леонидом, когда в конфликт между ним и Патриархом Иерусалимским вмешались российские дипломаты, стал новым поводом для возбуждения от имени Русской Церкви вопроса о необходимости активного межцерковного общения. Подводя итог деятельности Духовного ведомства в уходящем 1865 г., обер-прокурор Синода Д.А. Толстой писал императору Александру II: «Общение всех Православных Церквей между собою должно составлять истинную силу Православия и самый надежный отпор пропаганде Латинской Церкви, хвальнойся своим административным единством. В этих видах, весьма желательно было бы установление прямых сношений между Православными Церквями по делам чисто духовным. Как ни деятельно поддерживает наша дипломатия интересы Православия на Востоке, но дипломатические чиновники, при всех их достоинствах, не могут иметь тех богословских познаний, которые необходимы для ведения переговоров по делам чисто духовным. От недостатка общения происходят некоторые разности в обрядовой части богослужения и другие неудобства, мешающие полному единству Церкви»⁸⁹. Напротив этих строк император оставил помету: «Сообразить, как это исполнить».

Человеком, лично заинтересованным в создании при константинопольском посольстве института апокрисиариев, был Н.П. Игнатъев. Единственным приемлемым для себя кандидатом на эту должность он видел настоятеля посольской церкви Антонина (Капустина), с которым у него сложились прекрасные взаимоотношения. Это позволило бы, может быть, как казалось Игнатъеву сосредоточить в своих руках оба канала, по которым осуществлялись контакты России с Православной Восточной Церковью. Соответственно это же лишало греческих церковных иерархов возможностей для привычного лавирования.

Определенные коррективы в планы Игнатъева внес разразившийся в Иерусалиме конфликт между начальником Русской Духовной Миссии о. Леонидом и Иерусалимским Патриархом. Дальнейшее пребывание о. Леонида в Святом Граде сделалось невозможным, и Синод принял решение о рокировке между архимандритом Леонидом и архимандритом Антонином. Антонин направлялся в Иерусалим для временного управления Духовной Миссией и сбора сведений о произошедших в Иерусалиме событиях. Игнатъев решил использовать сложившуюся ситуацию для реализации совместных с Антонином планов по созданию на Востоке института апокрисиариев.

Проект был подробно проработан в Константинополе, а затем сверен с местными условиями в Иерусалиме. 18 октября, спустя месяц и неделю после водворения в Иерусалиме, Антонин составил свое первое иеруса-

лимское донесение Синоду, в котором предлагал рецепт от возможного повторения тех затруднений, в которых оказалась Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Почему-то Антонин посчитал необходимым отправить свое донесение без предварительного обсуждения его с Игнатьевым, за что последний не преминул дружески пожурить его.

Суть проекта сводилась к тому, чтобы вместо Миссии учредить в Святом Граде ставропигиальный русский монастырь, не подведомственный юрисдикции Патриарха. Духовную Миссию в лице ее начальника переместить в Константинополь. Наместник русского иерусалимского монастыря при этом подчинялся бы начальнику Духовной Миссии в Константинополе. Человек, который по проекту Антонина будет управлять двумя Духовными Миссиями, в этом качестве автоматически становится официальным представителем Русской Церкви на Востоке, т.е. апокрисиарием.

По тому, что свои предложения Антонин называет «исповеданием веры»⁹⁰, нетрудно догадаться, что проект был написан им со всей искренностью, был выстрадан и опирался на опыт пятнадцатилетней службы на Востоке. Митрополит Филарет составил на проект критическую заметку. Среди прочего святитель указал, что «дело Иерусалимской Миссии такого рода, что им надобно управлять в Иерусалиме, а не в Константинополе»⁹¹.

Сегодня можно задать вопрос — какого рода было дело у Иерусалимской Миссии? Она официально не имела права церковного представительства. Ее полномочия ограничивались сослужением с греками на святых местах, духовным попечением о русских паломниках и противодействием инославной пропаганде, причем без указания на те средства, которые должны были быть использованы для такого противодействия. Россию в Иерусалиме представлял консул, а зримое русское присутствие на святых местах обеспечивал громадный по тем временам комплекс Русских построек у Яффских ворот Старого города. Антонин же считал необходимым поднять значение Русской Духовной Миссии на Востоке до статуса представительского. В этом и заключался смысл слов донесения: «Пусть Константинопольская миссия не напрасно носит свое имя!», — оставшихся непонятыми митрополитом Филаретом⁹².

И.Ю. Смирнова совершенно справедливо замечает, что проект имел в виду «в первую очередь тесное слияние духовной и дипломатической миссии под эгидой российского посланника»⁹³. Об этом у нас есть свидетельство самого Антонина. «Что же сказать мне о самом себе, — мне, который весь свой проект сочетания двух известных мест в одном — известном — лице привязывал и пристраивал собственно к Вашему лицу? — писал Антонин Игнатьеву. — Не спешу пока распространяться на тему эту, потому что еще не время для этого, а когда оно придет, то конечно многое

окажется нужным передумать и переговорить»⁹⁴. Но кроме этого, проект предполагал и слияние «Духовной Миссии» константинопольской, т.е. трансформацию неофициального положения самого Антонина в Константинополе в понятную для всего Востока должность апокрисиария.

Игнатьев и еще больше Антонин были, вероятно, уверены, что проект преобразования РДМ в Иерусалиме в церковно-дипломатическое представительство при посольстве в Константинополе будет поддержан Синодом. Но, натолкнувшись на критику митрополита Филарета, проект забуксовал, хотя и не был отвергнут. Владыка посчитал его следствием прежних идей Антонина и назвал «хмелиной», забродившей в голове архимандрита.⁹⁵ Интересно, что не более как через два года владыка пересмотрел свое отношение к идеи, которую продвигали Антонин и Игнатьев.

Игнатьев высказывал искреннее непонимание, почему в сложившихся обстоятельствах Синод противится объединению двух миссий, поскольку он лично видел в лице архимандрита Антонина полноценную Духовную Миссию в Константинополе. Весь 1866 г. прошел в ожиданиях утверждения Синодом проекта Антонина, хотя из Петербурга ему уже сообщили о гневной реакции митрополита Филарета, закончившейся словами: «соединить миссии невозможно»⁹⁶.

Ответ на проект Антонина в Синоде был составлен лишь в конце ноября 1866 г., а в Иерусалим пришел в январе 1867 г. Несмотря на повторение жесткой аргументации митрополита Филарета, из текста документа нельзя было заключить, что Синод отверг проект Антонина. Возможно, это не было сделано, так как вопрос вышел из компетенции Синода на межправительственный уровень, о чем косвенно говорит и сам Антонин в специальной заметке, приложенной к письму на имя константинопольского посла. «Если правительство найдет возможным и удобным совместить настоятельство Иерусалимской Миссии с таковым же здешней посольской церкви в одном лице, и изберет для сего мою худость, то я прежде всего желал бы следующего:

1. Чтобы в Иерусалиме был у меня наместник, управляющий всем, что подлежит ведению настоятеля, от моего имени, и кроме меня не имеющий официальных сношений ни с какою другою властью.

2. Чтобы наместником сим назначен был, лично и коротко мне известный и отлично благонадежный человек, игумен заштатного Матронинского (что в Киевской епархии) монастыря, Макарий.

3. Чтобы наместнику моему назначено было жалованье не менее двух тысяч рублей. То же, что за тем будет оставаться от нынешнего оклада настоятельского жалованья Иерусалимской Миссии, обращено было в увеличение моего содержания.

4. Чтобы, кроме наместника, при Иерусалимской Миссии состояло постоянно: 2 иеромонаха, 2 иеродиакона и 4 монаха или послушника.

5. Чтобы выбор сих лиц на первый раз предоставлен был мне, а равно и назначение им годового оклада, из определенной штатом суммы, зависело (до усмотрения) от меня же.

Все прочее, как дело второстепенной важности, без труда может определиться и устроиться впоследствии само собою»⁹⁷.

В 1867 г. статус Игнатъева в Константинополе был повышен до ранга посла. Правда совершилось это взамен ожидавшегося назначения его на место министра иностранных дел. Это был знак расположения к Игнатъеву со стороны императора в период, когда многие прежние государственные деятели либерального толка покидали свои посты. Знак монаршего благоволения повышал ранг Игнатъева и в аппаратном табели влияния в Петербурге. К тому же на Вселенскую кафедру вновь был избран Патриарх Григорий VI, сторонник усиления прямых контактов с Русской Церковью. Поэтому, одним из первых шагов Игнатъева в новом статусе была попытка возбудить вновь вопрос об учреждении должности апокрисиария в Константинополе. На это место он по-прежнему прочил Антонина.

«Скажу Вам по секрету, что мысль о духовном представительстве Русской Церкви в Константинополе и о более частом прочном общении всех автокефальных Церквей — я вдолбил не только Патриарху Григорию, — сему сочувствующему, но еще потрусивающему, — но и даже нашему Синоду, — сообщал Игнатъев Антонину в письме 25 июля 1867 г. — Дело разгорается. Заминка в том, что я требую категорического мнения наших пастырей по некоторым пунктам, а известный Вам кормчий отлынивает и дипломатизирует, желая оставить за собой лишь право критики, но не ответственность. А я в дураки и невежи лезть не хочу. Нашла коса на камень. Жаль, что Вас здесь нет, а то решительно не с кем советоваться в нынешние трудные времена. Приходится мне действовать ощупью в церковных делах лишь русским чутьем и теплым чувством. Не знаю, куда деваться с делами Александрийского престола, Синая, Антиохийского Патриарха и Вселенской Церкви. Только пока в Иерусалиме мирно. Авось продлится»⁹⁸.

На этот раз Митрополит Филарет высказал сочувствие предложениям посла, но предлагал не спешить с введением официальной должности апокрисиария. Не задолго до смерти святитель написал свой взгляд на этот предмет. Контакты между Церквями, по мнению Филарета, могли быть трех видов: официальные посредством грамот между Синодом и Вселенским Патриархом, полуофициальные посредством писем между Патриархом и первенствующими членами Синода, и неофициальные, «самые действенные и надежные»: «через архимандрита — настоятеля посольской в Константинополе церкви»⁹⁹. Владыка признавал, что такие сношения должны быть прямыми, без посредничества МИД, за исключением

отдельных случаев. К решению об отправке в Константинополь особого представителя Синода владыка предлагал приступать только когда станет понятно, что выбранное направление действительно полезно для развития межцерковного канонического общения.

Мнение митрополита Филарета поступило в Синод, но в конце 1867 г. святитель скончался. Отклик на это известие есть в дневнике архимандрита Антонина. Он важен, не только с точки зрения изучения взаимоотношений между начальником Миссии и московским святителем, но и как характеристика эпохи и тех условий, в которых приходилось действовать Антонину, Игнатьеву и самому Филарету.

Запись в дневнике сделана вечером, поэтому все детали текста представляют собой единое целое. Начинается она воспоминанием о прошедшей ночи: «Уже как бы сегодня не привидеться чему-нибудь чрезвычайному, вроде того, что или столп, возносившийся до облаков упал, или звезда, ярко сиявшая угасла... Нет, снилась какая-то самая обыденная дребедень».

Собственное свидетельство Антонина на известие о кончине митрополита Филарета выражено в следующих словах: «Итак... Что реку и что возглаголю? Пал сей великий оплот Православия и всего христианства! Закатилось то светлое созвездие, под которым мы родились, воспитались, возмужали и постарели! Исчез сильный, тонкий, блестящий, необыкновенный ум, неусыпный страж, неутомимый деятель, подавляющий авторитет! Множество людей будут тяжело вздыхать о нем, и несколько человек легко вздохнут от него... «Старое» время потеряло в нем самого видимого и могущественного представителя своего. Отживающая система тончайшего раболепства перед властью и холоднейшего господства над владеемыми так же не будет отсель иметь на кого ссылаться в свое оправдание. Натяжка в мысли, неестественность речи, раскосость взгляда, схоластицизм жизни, формализм службы... вот что ляжет в основание памятника усопшему. Но самый памятник должен быть выражением идеи чистоты, изящества, правильности, силы, величия, славы, неугасающего сияния и неперестающей жизни!»¹⁰⁰

Антонин дает две различные характеристики: личности митрополита Филарета и его времени. Эпитеты, которыми он описывает эпоху Филарета, Антонин складывает в подножие памятника, чтобы усилить впечатления несовместимого отличия святителя от тех условий жизни, в которых он находился;¹⁰¹ в тех же условиях приходилось работать и самому Антонину.

Между тем, Игнатьеву казалось, что перевод Антонина в Константинополь на должность апокрисиария почти решен в Петербурге. «Вопрос о представителе Русской Церкви при Вселенском престоле продвинулся значительно. Мысль наша об образовании в Иерусалиме русского монастыря взамен нынешнего нелепого и неопределенного устройства Миссии так же принимается. Чтобы облечь эту мысль в определенную форму и

дать ей официальный ход, необходимо чтобы вы мне доставили полное соображение ваше, не забыв и разностороннего обсуждения материальной части...» — писал Н.П. Игнатъев в Иерусалим.¹⁰² Действительно, 21 августа 1868г. Синод «признал полезным послать в Константинополь особое доверенное от Св. Синода лицо из архимандритов или заслуженных вдовых протоиереев, обладающих как церковным образованием, так и знанием местных языков и вообще способностью для таких сношений...»¹⁰³

И тут выяснилось, что почивший святитель сдерживал не только активность русских реформаторов на Востоке, но и собственное синодальное начальство. Без его «подавляющего авторитета» старая идея о закрытии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, высказанная в октябре 1866 г. обер-прокурором Синода и заблокированная митрополитом Филаретом¹⁰⁴, теперь вновь оказалась на повестке дня. Реагируя на инициативы посла, обер-прокурор Д.А. Толстой для начала раскритиковал старый проект Антонина, заявив, что архимандрит «кидает камешки в свой огород»¹⁰⁵. В Иерусалим было отправлено синодальное письмо, в котором начальнику Миссии ставили на вид неисполнение поручений Синода и своих прямых обязанностей.

Это так расстроило Антонина, что, по его словам, у него «отпала всякая охота инициативно действовать в каком бы то ни было смысле»¹⁰⁶. Письмо его к Н.П. Игнатъеву показывает, как искренне глубоко он воспринимал те несправедливые упреки, которые посыпались на него теперь от церковного начальства. «После того как из Синода мне прислан был выговор за мой проект обращения Миссии в синодальную ставропигию (в видах независимости ее от местной епархиальной власти т.е. Патриархии), я отрекаюсь всеторжественно от идеи о русском иерусалимском монастыре, равно и от всякой другой, какой бы то ни было идеи. Не хочу я более и не проектирую ничего, ни здесь, ни где бы то ни было на целом свете, ни сегодня, ни во веки веков. С людьми, пропитанными насковзь удивительною мыслию, что если кто-нибудь проектирует что-нибудь, то значит имеет в виду самого себя, — при этом и ничего более, я не желаю встречаться ни одним углом бумаги, ни одною каплею чернил. В 1863 г., когда я ездил в Россию принять последнее благословение престарелых родителей, Филарет (сам Филарет!) вообразил, что я приехал домогаться быть апокрисиарием Русской Церкви при Вселенском престоле! По поводу, вероятно, проекта нашего о совмещении в лице моем настоятельства константинопольского с начальством иерусалимским, граф Толстой (нынешний) выразился (где и как — не знаю), что я «бросаю камешки в свой огород»... Какие камешки? Что за свой огород? Не понимаю ничего, но чувствую, что укоряюсь в чем-то своекорыстном. Посему, никаким желанием я более не обуреваюсь, ни к чему не стремлюсь и ни на что не рассчитываю. Не ишу ни остаться в Иерусалиме, ни возвратиться в Константинополь, не думаю ни о прежнем

положении Миссии, ни о преобразовании ее, даже просто — ни о чем не думаю! существую, — довольно с меня и этого! «Заведываю делами Миссии». Чуть не три года уже, и готов заведывать еще 30 лет, — даже без надежды на утверждение в должности... Ибо кто же я такой, чтобы мечтать о подобном благополучии?»¹⁰⁷

Вскоре из Петербурга в Иерусалим стали доходить слухи о готовности Синода закрыть Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме. Подалось это как ответ на предложения константинопольского посольства о реформе Миссии. По каким-то причинам в Петербурге увидели в тексте очередного донесения Игнатьева намек на возможность отправить в Иерусалим вместо архимандрита Антонина простого священника с дьяконом, для служения в церкви на Русских постройках.

Воспользовавшись прежним письменным предложением Игнатьева подать в посольство свои соображения относительно переустройства Миссии в Иерусалиме, Антонин лично и, по-видимому, без разрешения Петербурга, отправляется в Константинополь для беседы с послом. На пароходе он переписывает для посла «набело» свой проект-апологию Миссии. Главное, чему было уделено внимание: доказательству несвоевременности, нелогичности и вредности закрытия Миссии или даже преобразования ее в монастырь.

В оправдание прежних своих слов он писал следующее: «Что главным образом может побуждать нас быть недовольными настоящим положением Иерусалимской Миссии и заставлять предпочесть ей монастырь? По моему мнению, следующее: Во 1-х, несовместимое существование ее под нынешней формой в одном и том же заведении с нашим Консульством. Скрыть нельзя и скрывать не для чего, что с тех пор, как учреждено в Иерусалиме наше Консульство, Миссия перестала считаться необходимостью там. Предполагается, что Консульство вседостаточно к тому, чтобы служить поклонническому делу во всех отношениях, исключая богослужения, для которого в видах соблюдения икономии и вместе субординации, считается опять достаточным одного простого сельского причта. Но есть ли основание Консульству вытеснить собою Миссию? Что присутствие в Иерусалиме Русского Консула, может, и полезно, отрицать этого нельзя. И другие державы, гораздо менее России заинтересованные в делах Палестины, имеют здесь своих Консулов. Но не проще ли вместо того, чтобы Миссию обращать в Монастырь, вошедшее в ряд Богоугодных заведений Иерусалимское Консульство наше обратить в действительное Консульство на общих Консульских положениях, водворивши его в Иерусалиме (а не в приюте), где имеют местопребывание и все Консула других держав? Форма такого рода еще естественнее и пригоднее для Консульства, чем монашеская для Миссии. Во 2-х, несоответствие деятельности Иерусалимской Миссии ее названию. Не спорю, что название «Поклонническая

Миссия» может не удовлетворять кого-нибудь, хотя, собственно говоря, Миссия (missio) есть вообще посланная кем-нибудь куда-нибудь для чего-нибудь корпорация, и ничего частнее, по своему первоначальному смыслу. От Миссии требуется известная миссионерская деятельность. «Что она за Миссия? Кого она обращает?» — спрашивал, помню, (в 1858 или 59 годах) г. Ж[емчужников] в своей заметке о нашей деятельности в Палестине, представленной Е.В. ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ. Такой тесный круг понятий о миссионерской деятельности уважаемого туриста, смею думать, не заслужил тогда всеобщего одобрения, и не признаваемое им за Миссию правительственное учреждение продолжало существовать и действовать. И теперь, я думаю, никто не будет отрицать, что препятствовать совращению православных и извращать дела неправославных пропаганд, есть дело не менее почтенное и достойное русского миссионера. Итак, если справедливы мои предположения относительно причин современного недовольства настоящим положением или значением Миссии, я смел бы их назвать неосновательными»¹⁰⁸.

Подлинный документ написан рукой Антонина, тщательным, ровным, хорошо читаемым почерком. На первом листе сохранилась помета: «Написано г. управляющему Министерством иностранных дел от 17 сентября № 302». Обращение зачеркнуто карандашом, сверху карандашная помета: «Оставить место для заглавия». На многих листах текст зачеркнут карандашом. Вероятно Игнатъев, поговорив с Антонином, составил на основании его записки свое донесение в МИД в духе тех аргументов, которые приводил начальник Миссии. Документ датирован в конце текста 19 августа 1868 г.

Два проекта Антонина: 1865 и 1868 гг., несмотря на отличия, сходились по сути. Антонин предлагал вернуться к той форме духовного представительства, которую когда проектировал Порфирий (Успенский) и которая была разделена в МИД между ним и архимандритом Софонией (Сокольским). Один апокрисиарий в Константинополе представляет Русскую Церковь на Православном Востоке и управляет различными церковными структурами Синода. Задачи же Русской Духовной Миссии в Иерусалиме отнюдь не сокращаются, и она в полном объеме реализовывает свой потенциал в общей борьбе за целостность и силу Православия в святой Земле.

Однако, вопрос о русском церковном представителе в Константинополе продолжал развиваться в Синоде. Проект Игнатъева-Антонина, и даже проект митрополита Филарета претерпели существенные изменения. На должность апокрисиария в Константинополе в Синоде предпочитали прислать священника из России. На Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме начинали смотреть как на структуру, обслуживающую потребности русских паломников. Отсутствие цементирующего воздействия московского владыки начинало сказываться все больше.

Составленная в 1869 г. в Синоде инструкция будущему русскому церковному представителю в Константинополе была послана на рассмотрение Игнатьева. Документ вызвал у посла чувство недоумения. «Вашиими молитвами споспешествуемый водворился я опять на Босфоре и возобновляю дружескую мою переписку с Вами, хотя и душевно предпочел бы заменить оную действительною беседою, с глаза на глаз, — писал Игнатьев архимандриту Антонину. — Ваши некоторые Петербургские деятели все вкривь и вкось делают и мне всякое дело таким образом портят. Рассматриваю я теперь, между прочим, инструкцию для будущего здешнего духовного представителя Русской Церкви (это величайший секрет), но убежден, что «не в коня корм». Спихнулись теперь о том, о чем я писал три года назад, а личность, имеющую для сего в виду, не дают и прячут свечу под стол. Поговаривают о присылке сюда о. Романова, из белого духовенства, знающего много излишних языков (до 16-ти)».¹⁰⁹

Позднее Антонин так описывал свои чувства: «В то время (наивных чайний), как я со дня на день ожидал из Петербурга утверждения себя в звании начальника Миссии с оставлением за мною и настоятельства посольской церкви, как было условлено в некотором смысле между нами при отъезде моем в Иерусалим, и как не раз в утешение мое говорилось в дорогих письмах Ваших, вдруг узнаю из верного источника, что в Петербурге громко заговорили об уничтожении Миссии, т.е. обращении ее в поклонническую церковь с одним иеромонахом и одним иеродиаконем, к чему подало повод сделанное в таком смысле константинопольским посольством, куда следует, представление...»¹¹⁰

По всей вероятности, архимандрит Антонин напрасно упрекал посла в забвении их общих интересов. Игнатьев как мог, способствовал реализации их совместного проекта, но в специфических условиях российской государственной системы управления, серьезно повлиять на ситуацию он не мог. В бюрократической среде Российской империи решение даже не значительных вопросов проходило по сложному пути взаимных уступок и согласований. Когда же достижение консенсуса не только между различными ведомствами, но и между пристрастиями во взглядах различных чиновников делалось невозможным — «дело» просто клали «под сукно» в одном из министерских кабинетов.

«Если бы все от меня зависело — как Вы, кажется, думаете, — то многое устроил бы я совершенно согласно Вашим желаниям. Но Вам — как опытному дельцу, следовало бы знать, что у нас вся сила сосредоточена в Петербургской бюрократии и что мы (представители Государя) лишь предлагаем, что решают и постановляют столоначальники, начальники отделений, директора департаментов и разные канцелярские деятели. В особенности же соблюдается это правило — в делах, относящихся к духовенству и к... Кажется, писал я Вам, что мне прислали на заключение

новую инструкцию для настоятеля посольской миссии в Константинополе, хотели поручить установление (по нашей мысли) прямых сношений между восточными иерархами и нашим Св. Синодом ученому священнику, который был сносился с обер-прокурором. Разобрал я по косточкам инструкцию, выставил несообразность круга деятельности духовного представителя (ему поручалось между прочим объезжать монастыри и церкви в Турции с заявлением, «что ему поручено Св. Синодом разведать о нуждах и потребностях Восточной Церкви, и отстаивая черное духовенство против белого и достоинство Св. Синода против вмешательства обер-прокурора»). Не знаю, скажут ли мне спасибо члены Св. Синода, но говорят, что обер-прокурор рассердился не на шутку данному уроку. Не люблю я вмешиваться в дела, до меня не относящиеся, но на беду запросили мое заключение» — писал в оправдание Игнатъев.¹¹¹

В результате весь вопрос об отправке в Константинополь русского апокрисиария оказался заблокирован «по случаю несогласия Министерства иностранных дел».¹¹²

Подведем некоторые итоги. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме была единственной Духовной Миссией на Православном Востоке в отличие от многочисленных посольских церквей и их причтов. Наименование выделяло ее из общего ряда, но на деле ее статус был еще менее определен, чем статус того же настоятеля посольской церкви в Константинополе. История возникновения Миссии в 1847 г. и затем возобновления ее в 1857 г. связана с участием различных часто разнонаправленных усилий государства и его ведомств совершалась на фоне сложных церковно-политических, конфессиональных и дипломатических процессов. Все это порождало различия в восприятии целей, ради которых она создавалась; к тому же эти цели всегда были обозначены слишком широко; на практике же начальникам Миссии приходилось решать вовсе не те высокие и благородные задачи, которые были прописаны в инструкциях, а бытовые вопросы, связанные с размежеванием Миссии с различными службами, использованием двора и подвала здания Миссии и т.п. Казалось, что в Петербурге никого не волновало, встречается ли начальник Миссии с Патриархом и архиереями, предпринимает ли он какие-нибудь шаги по противодействию инославной пропаганде среди православного арабского населения и т.д.

Как мы видели — те, кто непосредственно работали на Востоке: Порфирий (Успенский), Антонин (Капустин), Н.П. Игнатъев, говорили о необходимости для России иметь своего апокрисиария для выстраивания церковных контактов с Восточной Православной Церковью. Эта задача была продиктована опытом работы «на земле». В Петербурге наоборот видели в существующей Миссии необходимый инструмент для реализации

контактов с восточными иерархами и защиты интересов Православия: инструмент был создан однажды, и менять его российские власти не хотели. Так возникло главное противоречие между практической потребностью на местах и теоретической практикой в Петербурге.

Восприятие Миссии как инструмента правительства делало ее предметом межведомственной борьбы за право использовать этот инструмент. В борьбе были задействованы два ведомства: МИД и Синод. В современной историографии часто говорят о подобных же интересах, которые в отношении к Миссии выказывало Морское министерство во главе с великим князем Константином Николаевичем и Палестинская комиссия, возглавлявшаяся Б.П. Мансуровым. Это не совсем верно. Морское министерство не проявляло к Миссии никакого интереса до Крымской войны. Контакты возникли лишь в связи с появлением в том же 1857 г. Иерусалимского проекта великого князя Константина Николаевича. Но Иерусалимский проект и созданный на его основе Палестинский комитет имели своим ближайшим предметом строительство в Иерусалиме паломнической инфраструктуры. В самых ранних планах строить помещение для Русской Духовной Миссии на Русских постройках даже не планировалось. Она уже разместилась в так называемом Доме архимандрита Порфирия в саду Иерусалимской Патриархии. Ее помещение на проектируемых Русских постройках было чисто политическим решением, которое инициировал МИД. Немногом ранее, при отправке Миссии из России, епископ Кирилл (Наумов) получил от Горчакова секретную инструкцию, предписывавшую ему начать покупку в Иерусалиме подходящих земельных участков для устройства на них в будущем приютов для русских паломников в Иерусалиме. Т.е. начальнику Миссии предписывалось в упреждающем порядке заняться той самой деятельностью, для которой создавался в Петербурге (при непосредственном одобрении Александра II) специальный орган во главе с братом царя великим князем Константином Николаевичем. Именно эти обстоятельства и создали почву для столкновений Б.П. Мансурова (с 1859 г. секретаря вновь учрежденного императором Палестинского комитета) с епископом Кириллом (Наумовым). Сейчас нет необходимости подробно останавливаться на истории этих столкновений, хотя многие документы и письма сохранились. Укажем лишь на то, что и посланник в Константинополе А.Б. Лобанов-Ростовский, и начальник Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевский не раз письменно уговаривали епископа Кирилла не вмешиваться в дело, которое было поручено другим, что в свою очередь свидетельствует не в пользу начальника Миссии. Те же архивные документы свидетельствуют о том, что Константин Николаевич с большим недоверием и осторожностью относился к любым обвинениям, которые звучали в отношении епископа Кирилла. Во время посещения Иерусалима он лично распорядился передать госпиталь, который был устро-

ен начальником Миссии на средства императрицы Марии Александровны в Иерусалиме в полное управление епископа Кирилла, за что получил выговор царя; последовало личное распоряжение Александра II — передать госпиталь в ведение консула. В целом можно сказать, что конфликтное положение Миссии в Иерусалиме провоцировал ее неопределенный статус и ведомственная принадлежность. Трудно винить в таком положении Миссии Морское министерство или Палестинскую комиссию. Конфликты начальника Миссии с Иерусалимской Патриархией, российским консулом и Палестинской комиссией были следствием ошибок, которые были сделаны при ее возобновлении. Исправить их и предлагал архимандрит Антонин (Капустин), который составил два подробных проекта преобразования Миссии в Иерусалиме. Когда же он понял, что изменений в положении Миссии не произойдет, он создал собственный проект русского церковного присутствия на Святой Земле. На купленных им земельных участках он создает вакуф: неотчуждаемую форму собственности для религиозного использования. Где можно он строит церкви, где такого разрешения ему не дают — он строит паломнические приюты и служит литургии на открытом воздухе. Так на его участках, разбросанных от Яффы до Хеврона и от Иерусалима до Иерихона, постепенно зарождается литургическая жизнь, мало зависящая от местной духовной власти. Появилось обширное русское молитвенное пространство на Святой Земле. На большей части вакуфа Антонина после его смерти появились русские монашеские общины. На другой части монашеская жизнь несомненно появится со временем. Глядя из будущего на те аргументы, которые были высказаны против предложений Антонина по преобразованию Миссии можно, кажется, утверждать, что историческая правда была на его стороне. Именно его монастыри в Палестине стали опорными точками, позволившими в лихие годы XX в. сохранить не только Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, но и русское церковное представительство, и русскую литургическую жизнь в Святой Земле.

Позднее к вопросу о необходимости иметь официального церковного представителя Русской Церкви в Константинополе возвращались и греки, и российские дипломаты¹³. Антонин же, после завершения русско-турецкой войны (1877–1878) и удаления из Константинополя Игнатьева перестал поднимать тему апокрисиариев в официальной переписке.

¹ Соколов И.И. Константинополь, Палестина и Русская Церковь. На правах рукописи. Совершенно достоверно (1914) / Публ. и предисл. Н.Н. Лисового // Религии мира. История и современность. 2002. М., «Наука», 2002. С. 182–183.

² *Emereau A.* Apocrisiaires et apocrisariat: Notes de l'apocrisariat, ses varié t s travers l'histoire: Les apocrisiaires en Orient // EO. 1914. T. 17. P. 289–297, 542–548

- ³ *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 33.
- ⁴ *Муравьев А.Н.* Записка о нынешнем значении нашей Миссии в Царьграде. АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 469. Т. II. 1856. Д. 43. Л. 365–365об.
- ⁵ Цит. по: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 405.
- ⁶ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 429. Л. 200–200об.
- ⁷ *Муравьев А.Н.* Записка о нынешнем значении нашей Миссии в Царьграде. АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 469. Т. II. 1856. Д. 43. Л. 363.
- ⁸ Подробно об избрании Патриарха Кирилла II см: *Смирнова И.Ю.* Кирилл II, Патриарх Иерусалимский и его деятельность по новым архивным материалам // ППС. Вып. 107. С. 144–149. В данной статье собран материал, послуживший основой для анализа вопроса о церковном представительстве России на Востоке до начала Крымской войны.
- ⁹ Там же. С. 152.
- ¹⁰ Мы полагаем, что константинопольские события подтолкнули архимандрита Порфирия сформулировать в отдельной записке идею, которая ранее была зафиксирована в его дневнике: учредить Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме. Об этом см. ниже.
- ¹¹ Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского) / Под ред. *П.В. Безобразова*. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 146.
- ¹² Там же. С. 147.
- ¹³ Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. / Сост., подг. текста, вступ. ст. и комм. *Н.Н. Лисового*. М., 2000. Т. 2. С. 349.
- ¹⁴ Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского) / Под ред. *П.В. Безобразова*. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 747.
- ¹⁵ Там же. С. 748.
- ¹⁶ *Порфирий (Успенский), епископ.* Ответ на недавние известия с Сиона // Иерусалимский православный семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 246.
- ¹⁷ Записка архимандрита Порфирия посланнику в Константинополе В.П. Титову с проектом предложений по созданию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 2. С. 16.
- ¹⁸ *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Сост. и автор предисл. *Н.Н. Лисовой*. М.-СПб., 2009. С. 55.
- ¹⁹ *Порфирий (Успенский).* Книга бытия моего. Т. 1. С. 419–420.
- ²⁰ О деятельности яфского консула Г.Мостраса см: *Якушев М.М.* Из истории русского паломничества. Консульство в Яффе и русские паломники в 1820–1838 годах // Свободная мысль. 2011. № 1 (1620). С. 173–184.
- ²¹ Ср. информацию дневника Порфирия и его официальной записки от 6 января 1845 г.: Книга бытия моего. Т. 1. С. 359–360; Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского) / Под ред. *П.В. Безобразова*. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 146–160.
- ²² Донесение архимандрита Антонина ((Капустина) в Синод от 18 октября 1865 г. РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 100. Л. 155–182. Впервые введено в научный оборот: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014.

- ²³ *Смирнова И.Ю.* Петербург-Москва-Иерусалим: миссия архимандрита Порфирия ((Успенского)) // ППС. Вып. 109. С. 87.
- ²⁴ *Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского)* / Под ред. *П.В. Безобразова*. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 753.
- ²⁵ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего... Т. 3. С. 84–85.
- ²⁶ Слова митрополита Филарета. Там же. С. 65.
- ²⁷ Противоположную трактовку см: *Смирнова И.Ю.* Петербург-Москва-Иерусалим: миссия архимандрита Порфирия ((Успенского)) // ППС. Вып. 109. С. 91.
- ²⁸ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего... Т. 3. С. 141. Вероятно, при возобновлении Русской Духовной Миссии после Крымской войны, инструкция для нее, составленная с участием А.М. Горчакова, использовала положения записки Порфирия, исключенные в 1847 г. Позднее архимандрит Антонин (Капустин), при составлении своего проекта реформы РДМ в 1865 г. вновь вернулся к основным положениям, сформулированным Порфирием; особенно это относится к предложению учредить вместо Русской Духовной Миссии монастырь.
- ²⁹ «Архимандрит Порфирий, конечно, хорошо понимал свое фальшивое положение в качестве начальника секретной Духовной Миссии в Иерусалиме...». Цит. по: *Дмитриевский А.А.* Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения Христианского Востока. [Репринт издания 1906 г.] М., 2006. С. 52.
- ³⁰ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего... Т. 3 С. 158.
- ³¹ Там же. С. 160.
- ³² Там же. С. 449–450.
- ³³ См. ниже слова Вселенского Патриарха Константину Зедегольму о том, что переписка по дипломатическим каналам с первенствующим членом российского Синода не может считаться равной по уровню между обменом посланиями напрямую между Патриархом и Синодом за подписями всех его членов.
- ³⁴ Изложение спора о перекрещивании инославных христиан при их переходе в православие и его последствия для канонических отношений между Российской и Восточной Церковью см: *Смирнова И.Ю.* Кирилл II, Патриарх Иерусалимский и его деятельность по новым архивным материалам // ППС. Вып. 107. С. 157–158.
- ³⁵ *Тимощук В.В.* Дипломатические переговоры перед Восточной войною 1853–1856 гг. // *Русская старина*. СПб., 1902. Т. 111. №9. С. 577. Цит. по: *Смирнова И.Ю.* Кирилл II, Патриарх Иерусалимский и его деятельность по новым архивным материалам // ППС. Вып. 107. С. 160–161.
- ³⁶ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего... Т. 6. СПб., 1900. С. 335.
- ³⁷ *Епископ Порфирий (Успенский)*. Ответ на недавние известия с Сиона... С. 246.
- ³⁸ *Муравьев А.Н.* Записка о важности Патриаршей кафедры Царьграда для соборного единства Православной Церкви. АВП РИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1854. Д. 5297. Л. 6.
- ³⁹ Там же. Л. 12об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 12об-13.

- 41 Там же. Л. 13.
- 42 Там же. Л. 12.
- 43 Там же.
- 44 Там же. Л. 13.
- 45 Там же. Вспомним, что и Русская Церковь официально именовалась Греко-Российскою Православною Церковью.
- 46 В первую очередь Муравьев имеет в виду болгар, поднявших в начале 1850-х гг. вопрос о создании автономного церковного управления в болгарских землях.
- 47 *Муравьев А.Н.* Записка о важности Патриаршей кафедры Царьграда... Л. 9.
- 48 Там же. Л. 10.
- 49 Там же. Л. 11.
- 50 Там же. Л. 10–10об.
- 51 Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 38.
- 52 *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего... Т. 6. С. 333–334.
- 53 Там же. С. 316
- 54 *Муравьев А.Н.* Записка о нынешнем значении нашей Миссии в Царьграде. АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 469. Т. II. 1856. Д. 43. Л. 359–359об.
- 55 Там же. Л. 359об., 362об.
- 56 Там же. Л. 361.
- 57 Там же. Л. 368.
- 58 Там же. Л. 364.
- 59 Там же. Л. 370–370об.
- 60 АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 469. Т. II. 1856. Д. 43. Л. 343об.
- 61 *Муравьев А.Н.* Записка о нынешнем значении нашей Миссии в Царьграде. Л. 366.
- 62 *Епископ Порфирий (Успенский)*. Ответ на недавние известия с Сиона... С. 249.
- 63 Там же. С. 255.
- 64 Там же. С. 255–256.
- 65 Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1887. Т. Доп. С 455.
- 66 Имеется в виду Патриарх Иерусалимский Афанасий (1827–1845).
- 67 Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам... С. 457.
- 68 Игумен Вениамин (Лукьянов), Севастопольский и Иерусалимский, в документах и переписке / Подг. текста, пред. и комм. *Н.Н. Лисового* // Православный палестинский сборник. Вып. 109. М. 2013. С. 245–246.
- 69 *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. С. 190.
- 70 Игумен Вениамин (Лукьянов), Севастопольский и Иерусалимский, в документах и переписке... С. 247.
- 71 «30 ноября. А.Н. Муравьев шептал мне, что граф Толстой на место мое в Иерусалиме избрал диакона Оптиной пустыни Ювеналия (из дворян), и держит его здесь в доме матери его, дабы при первых переговорах и возобновлении нашей Миссии в Иеруса-

лиме, явить его миру яко великого постника и молитвенника о душах наших. А шептал он это, ударяя себя по челу и приговаривая, что только крайне ограниченный ум может думать, что в Иерусалиме нужен нам монах, служащий одни обедни, панихиды и молебны». *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего... Т. 7. СПб., 1901. С. 44–45.

- ⁷² Неудовольствие принятой в России практикой и отсутствием прямых контактов между Синодом и Восточными Церквями высказали П. Саломону и К. Зедегольму все находившиеся в тот момент (июль 1860 г.) в Константинополе Патриархи: Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. «При этом Их Блаженства дали заметить, что сношения с ними Святейшего Синода посредством первенствующего его члена или через посольство они не признают равнозначными грамотам за подписанием всего Святейшего Синода и полагают, что первый способ приличествует тем лишь случаям, когда настает надобность предварительно и частным образом согласиться во взгляде или решении вопроса, о котором должно последовать затем официальное сообщение от Патриарха Святейшему Синоду Всероссийскому или наоборот». См: *Герд Л.А.* «...Чтобы между Церквями Русскою и Восточною существовало постоянное, искреннее единение». Отчет о командировке по Православному Востоку управляющего канцелярией Св. Синода П.И. Саломона обер-прокурору Св. Синода графу А.П. Толстому // Исторический архив. 2012. № 2. С. 173–174.
- ⁷³ Оставил запись о своем трехнедельном пребывании на Афоне в Русском Пантелеимоновом монастыре с 23 июня по 16 июля 1860. См: Архив Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 10. Д. 11. Документ 4434. Л. 12об-13. Отчет о командировке опубликован. См: *Герд Л.А.* «...Чтобы между Церквями Русскою и Восточною существовало постоянное, искреннее единение»... Там же. С. 172–180.
- ⁷⁴ Архив Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 10. Д. 11. Документ 4434. Л. 13–13об.
- ⁷⁵ *Леонтьев К. Н.* Отец Климент Зедегольм, иеромонах Оптиной Пустыни // Православный немец. Иеромонах Климент (Зедегольм). Оптина Пустынь. 2002. С. 43.
- ⁷⁶ *Герд Л.А.* «...Чтобы между Церквями Русскою и Восточною существовало постоянное, искреннее единение»... Там же. С. 174.
- ⁷⁷ Проект общей инструкции г. Бутеневу в Константинополь. АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 469. Т. II. 1856. Д. 43. Л. 92.
- ⁷⁸ В этом контексте, например, А.Н. Муравьев писал в 1866 г. обер-прокурору Синода графу Д.А. Толстому о необходимости поддержать Александрийскую Церковь и вновь избранного Патриарха Никанора: «Достоинство России требует, чтобы ее поддержали для того, чтобы не пропадали наши деньги напрасно на церковных торжищах Царяграда». (Копия письма А.Н. Муравьева к Д.А. Толстому от 1 февраля 1866 г. АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 431. Л. 88) В начале Крымской войны тот же А.Н. Муравьев склонен был к более снисходительным оценкам: «Знаю, каким тяжким нареканиям корысти подвергались в последнее время первосвятители греческие; но если кто вникнет в их беспомощное положение, под ножом алчных требований Порты, тот снисходительнее будет судить о прошедшем и возымеет лучшие надежды в будущем».

(АВП РИ. Ф. 151. Политархив. 1854 г. Оп. 482. Д. 5297. Л. 10). Данный факт отражает не только изменение взглядов самого А.Н. Муравьева, но и трансформацию оценок деятельности восточных иерархов российскими властями.

- 79 Письмо Н.П. Игнатъева С.Н. Урусову // *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Донесения из Константинополя (1860–1865) / Подгот. текста, статья и коммент. Л.А. Герд. М., 2013. С. 189.
- 80 См. ниже характеристику видов церковного представительства, сделанную митрополитом Филаретом.
- 81 Мнение митрополита Филарета о новых подробностях избрания Вселенского Патриарха по сведениям 11 октября 1860 г. Москва, 9 ноября 1860 г. // *Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке*. СПб., 1886. С. 136. Цит. по: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 405.
- 82 Записка архимандрита Антонина в Святейший Синод от 12 мая 1861 г. // Там же. С. 108–109.
- 83 «Называй смоковницу смоковницей, а корыто — корытом» — (греч.).
- 84 Записка архимандрита Антонина в Святейший Синод от 12 мая 1861 г. // Там же. С. 105–106.
- 85 Письмо архимандрита Антонина Н. П. Игнатъеву от 12 сентября 1864 г. // Там же. С. 186.
- 86 Цит. по: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 399.
- 87 Записка архимандрита Антонина в Святейший Синод от 12 мая 1861 г. // Там же. С. 110.
- 88 Биографию Н.П. Игнатъева и исследование его дипломатической деятельности см.: *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М., 2009.
- 89 АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 429. Л. 200об-201.
- 90 Письмо архимандрита Антонина Н.П. Игнатъеву от 12 октября 1865 г. ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 28об.
- 91 Записка митрополита Филарета о донесении архимандрита Антонина 18 октября 1865 года по делу о неуроядках в Иерусалимской Духовной Миссии // *Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по делам Православной Церкви на Востоке*. СПб., 1886. С. 450. Цит. по: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 399.
- 92 *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток... С. 399.
- 93 Там же.
- 94 Письмо архимандрита Антонина Н.П. Игнатъеву от 15 сентября 1866 г. ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 55об.
- 95 *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 404.
- 96 Письмо архимандрита Антонина Н.П. Игнатъеву от 8 апреля 1866 г. Там же. Л. 49об.
- 97 Там же. Л. 65–65об.

- ⁹⁸ Письмо Н.П. Игнатьева архимандриту Антонину 25 июля 1867 г. РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 16. Л. 15об.
- ⁹⁹ Записка митрополита Филарета от 1 ноября 1867 г. Цит. по: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 405–406.
- ¹⁰⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1125. Л. 251.
- ¹⁰¹ В монографии И.Ю. Смирновой эта же запись о. Антонина о кончине митрополита Филарета цитируется с разбивкой на две части, что заставило ученого сожалеть о неадекватной оценке, данной митрополиту Филарету. «Горько признавать, что первое, и по-видимому, наиболее искреннее чувство Антонина, в ответ на московские известия, нашло свое выражение в таких словах, которые вряд ли выдержат объективную критику». Мы рады предложить на суд будущих исследователей иное понимание оценок, высказанных о. Антонином. См: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток... С. 418.
- ¹⁰² Письмо Н.П. Игнатьева архимандриту Антонину от 10/22 апреля 1868 г.
- ¹⁰³ Цит. по: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 406.
- ¹⁰⁴ См: *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.-СПб., 2009. С. 355–356.
- ¹⁰⁵ Письмо архимандрита Антонина Н.П. Игнатьеву от 27 апреля 1868 г. ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 83об.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1813. Л. 145об-146.
- ¹⁰⁹ Письмо Н.П. Игнатьева архимандриту Антонину от 12 сентября 1869 г.
- ¹¹⁰ Письмо архимандрита Антонина Н.П. Игнатьеву от 5 октября 1869 г. Там же. Л. 118–118об.
- ¹¹¹ Письмо Н.П. Игнатьева архимандриту Антонину от 7 января 1870 г.
- ¹¹² Цит. по: *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 406.
- ¹¹³ *Герд Л.А.* «Наша отечественная церковь занимает первое место между всеми православными церквями». Отчет профессора И.Е. Троицкого о командировке на Восток. 1886 г. / Вст. ст., публ., комм. Л.А. Герд. // Исторический архив. 2001. № 4. С. 135–174.

МАРКО ДЖУРИЧ И ДРУГИЕ ПРОВОДНИКИ-ЧЕРНОГОРЦЫ НА СЛУЖБЕ ИППО*

Л.Н. Блинова

В очерке секретаря Императорского Православного Палестинского Общества А.А. Дмитриевского «Праздник Св. Троицы на Сионской горе и у Дуба Мамврийского в Хевроне» есть такие строки: «Рано утром, по холодку, желающие участвовать в троическом караване паломники собираются близ перечного дерева у Елисаветинского подворья и затем, помолвившись Богу на собор, с пением тропаря праздника покидают Русские Постройки. Впереди каравана идут обычно пешие паломники и по преимуществу молодые, за ними плетутся старики и старушки, и в хвосте каравана на осликах и лошадях верхом едут состоятельные паломники. Кавас на коне замыкает это шествие»¹.

Непосвященному читателю, тем более, не бывавшему в Палестине, наверное, трудно сразу понять, о чем идет речь. Между тем, в этих трех кратких предложениях из далекого 1911 года спрессована точная картинка из жизни Русского Иерусалима, где во второй половине 19 в. были построены рядом друг с другом Троицкий собор, здание Русской Духовной Миссии, два подворья для паломников — мужское и женское, названные впоследствии Елисаветинским и Мариинским, консульство и Русская больница. Все это вместе и до сих пор называется Русские Постройки. В 1889 г. они были переданы в ведение Императорского Православного Палестинского Общества, которое в тот же год закончило строительство своего первого собственного подворья — Нового, позднее получившего название Сергиевского.

По святым местам Палестины богомольцы ходили обычно караванами. График и последовательность паломничеств планировались, в соответствии

---

* Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на Международной научно-практической конференции «Православная духовность как скрепа кириллической цивилизации», организованной с участием Ростовского отделения ИППО в рамках VIII межрегиональной выставки «Православная Русь» (Ростов-на-Дону, 23 мая 2014 г.). Пользуюсь случаем поблагодарить Н.Н. Лисового за предоставленные сведения и цитаты из архивных документов.

Молебен у переченого дерева около Елисаветинского подворья, на заднем плане — башня Сергиевского подворья ИППО

с церковным календарем, еще до начала паломнического сезона. В конторе подворий заранее вывешивались объявления, что такого-то числа собирается караван туда-то, записываться там-то. Такой «троицкий» караван, то есть, собранный для отправления паломников вскоре после праздника Святой Троицы в Хеврон, для богослужения и молитвы под дряхлеющим Мамврийским Дубом, и описан у Дмитриевского.

Фотографии из фототеки ИППО — так называемой «Палестинской коллекции», находящейся сейчас в Государственном музее истории религии в Петербурге — сохранили для нас и образ караванов, и лица паломников, и даже то самое переченое дерево, у которого служили молебны перед отправкой каравана (дерево давно срублено, и место, где оно росло, старательно заасфальтировано). Среди присутствующих на молебне мы видим слева двух мужчин в необычных костюмах с белыми платками на шее. Это и есть кавасы, о которых говорил Дмитриевский.

«Кавас» — слово восточное и имеет несколько смыслов, начиная от вооруженного охранника до почетной стражи при светском и духовном начальстве для торжественных случаев. Например, в храме Гроба Господня с давних пор традиционно служат кавасами мусульмане, одетые в турецкие костюмы. Проводников, служивших в Императорском Православном Палестинском Обществе, тоже по местной традиции называли нередко кавасами. Они охраняли паломников от набегов бедуинов, помогали в пути, рассказывали о местных обычаях и святых местах. Неискушенные, не знающие восточных традиций и языков, порой просто неграмотные, мужики и бабы из российской глубинки легко могли стать жертвой мошенников и грабителей, заблудиться или остаться без денег. Опытный сопровождающий был крайне необходим. Палестинское Общество обеспечивало такими сопровождающими русских паломников, начиная с пристани в Яффе, куда приходил пароход из Одессы, в течение всего периода пребывания в Святой Земле.

Самым знаменитым из них был старший проводник Марко Георгиевич Джурич (†08.08.1918). По сведениям Н.Н. Лисового, наиболее раннее

упоминание о нем в иерусалимских источниках — это запись в дневнике начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Антонина от 9 февраля 1866 г.: «черногорец de Djuli, т[о] е[сть] Журич». Первоначально он служил кавасом иерусалимского консульства, с 31 декабря 1889 г. — кавас ИППО. В отношении консула В.А. Максимова к уполномоченному ИППО Н.Г. Михайлову от 31.12.1889 кратко сообщается: «Кавас Марко Джурович (sic) объявил мне, что он поступает на службу в Приют (имеется в виду Сергиевское подворье. — Ред.) и посему отказывается от службы в консульстве»².

Многие из писателей-паломников оставили яркие свидетельства о Марко в своих заметках и воспоминаниях. Например, известный в свое время журналист И.П. Ювачев так пишет в своей книге «Паломничество в Святую Землю», опубликованной в 1904 г.: «Поезд в Иерусалим еще не отправляется. На площади и на платформе толпы паломников. Среди них выделяется высокая фигура каваса Марко Джурича в национальном черногорском костюме. Он прислан в Яффу нашим Палестинским Обществом для встречи и препровождения паломников в Святой Город. Оказывается, Общество позаботилось заранее нанять к приходу парохода несколько поездов специально для русских паломников. Билеты раздавал кавас Марко из походной сумки кассы, висевшей у него через плечо. Места в вагонах брались чуть ли не с бою. Давка ужаснейшая. Я решил поехать на последнем поезде».

Приведем несколько цитат, где упоминаются кавасы ИППО, из только что изданной в серии «Библиотека Русской Палестины» книги «В стране священных воспоминаний», содержащей подробное описание паломнической поездки в Святую Землю в 1900 г. группы профессоров и студентов Московской Духовной Академии под руководством ректора академии епископа, впоследствии митрополита, Арсения (Стадницкого).

Едва лишь корабль 23 июня прибыл в Яффу, встретить Преосвященного явился в числе прочих официальных лиц (начальника и драгомана РДМ, уполномоченного ИППО, яффского вице-консула) также и кавас Палестинского Общества — «известный, опытный проводник, имя которого встречается почти во всех описаниях путешествий по Востоку — Марко Джурич»³.

В тот же день паломники отправились поездом в Иерусалим. И, конечно, их сопровождал Марко, «ежеминутно отвечавший на наши вопросы относительно тех мест, мимо которых мы проезжали»⁴. Сам Марко, поясняет на следующей странице автор, «иерусалимский старожил; десятки лет тому назад он оставил свою родину Черногорию и живет в Иерусалиме, всюду сопутствуя паломникам; он говорит на шести языках, если и не свободно, то, по крайней мере, настолько, что может быть полезен паломникам всех национальностей»⁵.

Паломникам-академистам запомнился целый ряд сцен и эпизодов, действующим лицом которых непременно выступал знаменитый кавас. Вот,

при посещении известных «конюшен Соломона» на Храмовой горе, Марко «постукивает палкой по полу, отчего раздается глухой звук, доносящийся словно из самого центра земли. “Одни говорят, — повторяет он свою любимую фразу со своеобразным акцентом, — что здесь были конюшни царя Соломона; другие говорят — нет; где правда — Бог весть!”» .

Вот выразительная картина с кавалькадой паломников на лошадях и ослах, которую представляла группа при выезде из Иерусалима в Галилею. «Впереди в некотором отдалении от нас ехал на прекрасной арабской лошади турецкий жандарм с ружьем за плечами, готовый каждую минуту защищать нас от нападения кочующих бедуинов. За ним также на лошади ехал черноморец Марко, красиво сидящий на своем арабском скакуне чистой белой масти, гордо носящем на себе стройного всадника, издали казавшегося совершенно молодым благодаря выпрямленному, как у юноши, стану. Затем — преосвященный, восседавший на прекрасном ослике, а позади него проф. Мышцын, державший в руках карту Палестины и сосредоточенно рассматривавший ее, делая отметки в своей записной книжке» .

Еще воспоминание из той же поездки. «В 4 часа утра нас разбудили сильные звонки. Это был сигнал, данный Марко для пробуждения. Делать нечего — необходимо было вставать. Аккуратный кавас не церемонился. Войдя в нашу палатку, он настойчиво требовал, чтобы мы вставали, говоря, что преосвященный уже давно встал. Целью Марко было выехать как можно раньше, чтобы еще до наступления дневной жары проехать несколько верст. У него всё было предусмотрено заранее, рассчитана почти каждая минута. Благодаря точному выполнению его распоряжений мы не теряли даром ни минуты, успевая осмотреть за короткий промежуток несравнимо больше, чем за долгий срок при других условиях... Все наши остановки — по заранее предначертанному плану каваса Марко — не должны были продолжаться более получаса. “Ну что, Марко, пора?” — с добродушной улыбкой, шутя, спрашивает преосвященный. “Пора, Ваше Преосвященство”, — с сознанием своего достоинства отвечает кавас, и мы сейчас же садимся на ослов и в прежнем порядке продолжаем свой путь, с тоскливым вздохом покидая полюбившееся нам местечко» .

Порой проводнику доводилось служить для неопытных путешественников не только гидом, но и спасателем. В цитированной книге описано небольшое приключение, едва не окончившееся бедой для одного из паломников — преподавателя Петербургской духовной семинарии С.Н. Вишнякова, которому досталась молодая и не выезженная лошадь. «Едва он сел на нее, как она, почуяв на своей спине не особенно искусного всадника, быстро понеслась вперед, чтобы сбросить его. Мгновение, и они скрылись из наших глаз, направившись в сторону, противоположную нашему пути. Мы оцепенели от ужаса, боясь за жизнь молодого всадника. Не потерялся только Марко. Пришпорив своего коня, он погнался по ули-

цам Назарета за скрывшимся из виду молодым скакуном. Мы стояли в нетерпеливом ожидании, предчувствуя несчастье. Но вот через несколько минут показался наш храбрый кавас на своем белом коне, ведя впереди себя пойманную и укрощенную им лошадь, на которой сидел бледный, как полотно, Сергей Николаевич» .

За долгие годы службы черногорским кавасам случалось оказаться и в подлинно трагических ситуациях. По дороге в Галилею Марко часто рассказывал паломникам о гибели Назаретского «благовещенского» каравана, которым он тогда предводительствовал, холодной ранней весной 1893 г. Страшный ливень с пронизывающим ветром застиг внезапно караван на обратном пути в Иерусалим, и укрыться, переждать, обсушиться на пустынной и скользкой горной дороге было негде. 25 человек из числа шедших в этом караване русских паломников, в основном женщин, умерли в последующие два-три дня от измождения, переохлаждения и пневмонии. Было и так, что всегдашняя конкуренция различных конфессий на святых местах обострялась до рукоприкладства и крови. В вертепе Рождества в Вифлееме 11 мая 1891 г. произошло столкновение, когда кавасу русского консульства пришлось стрелять, вступившись за наших богомольцев, на которых с оружием в руках наступали францисканские монахи.

И всегда, во всех обстоятельствах, Марко Джурич «был и гидом, и стражем, и другом» русских паломников¹⁰.

Из приведенных свидетельств мы узнаем, что Марко Джурич был черногорцем, но в написании фамилии есть расхождения: Джурич, Джурович, Джулич.

Уточнить фамилию помогли архивы Императорского Православного Палестинского Общества, частично уцелевшие на Сергиевском подворье в Иерусалиме. Подворье было возвращено России в декабре 2008 г. Сейчас там идет масштабный ремонт, архив закрыт и еще не разобран, но кое-что удалось описать и сфотографировать весной 2009 г., когда архив упаковывали для хранения на время ремонта.

Например, трудовые книжки служащих Императорского Православного Палестинского Общества, среди которых сохранилась и трудовая книжка Марко Джурича.

В конторской книге подворья есть запись от 1 сентября 1894 г., в которой перечислены служащие Императорского Православного Палестинского Общества, приписанные к Новому (Сергиевскому) подворью в Иерусалиме, в том числе имена проводников: Марко Джурич, Никола Байкович, Никола Перанович, Лазарь Бан, Христов Даляница.

В списке должностных лиц Императорского Православного Палестинского Общества на 1 января 1900 г. Марко Джурич числится уже

Кавасы и паломники у входа в Сергиевское подворье ИППО

старшим проводником, начавшим работу в ИППО с 1 января 1890 г. Среди проводников упомянуты почти те же фамилии, с немного другой транскрипцией — Николай Радобайкович (20 марта 1890 г.), Николай Перанович (9 марта 1898 г.), Кристо Даляница (26 марта 1894 г.). Вместо Лазаря Бана числится с 1 декабря 1898 г. Перо Джурич. Видимо, это сын Марко Джурича, потому что его иногда называли Марко II.

По имеющимся данным, наниматься на работу черногорцы ходили и в английское консульство, и в австрийское. Но работа у русских единоверцев, конечно, была предпочтительнее. Императорское Православное Палестинское Общество было заметной организацией, притом православной, вот и устраивались туда к взаимному удовольствию.

Документы архива Сергиевского подворья поведали, что жалованье у Марко Джурича было 150 франков в месяц — больше, чем у всех других проводников, и на форму ему отпускалось по 150 франков ежегодно. В приве-

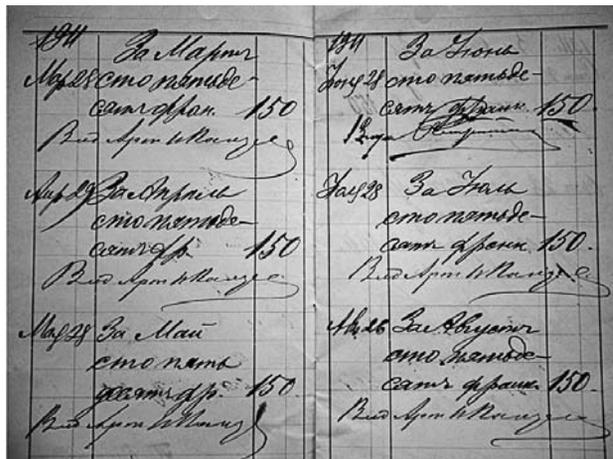
Назаретский караван.
В центре каравана кавасы на лошадях

денных описаниях не раз отмечалось, что форма была красивая, — очевидно, национальная одежда или украшенная по национальным мотивам.

Посмотрим внимательнее на фотографию Марко. Головной убор, по-черногорски «капа» или «завратка», украшен двуглавым царским орлом Российской империи. На белый кафтан надет верхний расшитый жилет «елек». На рубаху под кафтан надевался жилет «джамадан». Седельные пистолеты «леденицы» тоже были принадлежностью национального костюма, но у Марко оружие не украшение, а всегда готово к бою, по краям верхнего жилета устроены гнезда для патронов. Подпоясан Марко цветным широким поясом, называемым по-черногорски «силав». Вот такая колоритная фигура,

гарцуя на белом коне, зорко охраняла безопасность паломнических караванов Палестинского Общества. Кстати, фотография сделана в Иерусалиме в фотоателье Гарабеда Крикоряна, известного армянского фотографа, который в свое время обучался у самого Исаяи Гаребедьяна, Армянского патриарха в Иерусалиме, основавшего в 60-е гг. 19-го в. в Старом Городе первую фотошколу.

Трудовая книжка Марко Джурича. Обложка и разворот

Прервалась эта масштабная работа Палестинского Общества по организации русского православного паломничества с началом Первой мировой войны. Когда в нее вступила Османская империя на стороне Германии против России, служащие ИППО, не имевшие турецкого подданства, должны были покинуть Палестину, в противном случае были интернированы или арестованы. Доподлинно судьбу проводников-черногорцев ИППО мы не знаем. Есть короткое свидетельство управляющего подворьями ИППО Николая Романовича Селезнёва, который вернулся в Иерусалим в 1919 г. после окончания Первой мировой войны. В своем донесении директору Управления иностранных дел Вооруженных сил Юга России А.А. Нератову от 6 октября 1919 г. он писал: «Старший кавас Марко Джурич умер в 1918 г, Христо перешел на службу к англичанам, Марко II еще в 1914 г. вернулся в Сербию и ныне израненный проживает в Катаре, Георгий Буздаван уволен Петропуло¹¹ в 1915 г. от службы за пьянство и бедствует в Иерусалиме»¹².

Можно сказать, наше повествование на этом заканчивается. Все, казалось, уже забыли о страницах истории двух братских государств, пересекшихся на Святой Земле на подворьях ИППО. Тем не менее, это не совсем так. В 2010 г. в Иерусалимское отделение Императорского Православного Палестинского Общества обратился сотрудник паломнической службы «Одигитрия» (Сербская Православная Церковь) Славко Крстаич, который работал над докторской диссертацией на тему паломничества черногорцев в Святую Землю и заинтересовался сведениями о проводниках из Черногории, чьи потомки и по сей день живут на родине. Ставшие известными документы из архива Сергиевского подворья помогли ему узнать новые сведения.

К этому можно добавить, что князь (с 1910 г. король) Черногории Николай, две дочери которого были замужем за великими князьями из династии Романовых, и наследный принц Даниил были почетными членами Императорского Православного Палестинского Общества. Славко Крстаич сообщил, что Иерусалимским патриархом Герасимом (1891–1897) Николаю, а также его супруге княгине Милене и престолонаследнику Даниилу были пожалованы ордена с частицами Честного Креста Господня.

В настоящее время связи Императорского Православного Палестинского Общества с братским народом Черногории будут продолжаться в новом качестве. На Совете ИППО 13 мая 2014 г. принято решение о создании в Черногории зарубежного отделения Общества. Подготовка к открытию отделения свидетельствует о хороших перспективах сотрудничества с Сербской Православной Церковью, в частности в области паломничества. Митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий всемерно приветствует открытие отделения ИППО в Черногории и готов содействовать его проектам. Сейчас флаг со знаком Императорского Православного Па-

лестинского Общества развевается над храмом Св. Архангела Михаила на горе Беличи в пос. Кртолы в окрестностях Тивата, настоятелем которого является схиигумен Агапит, действительный член ИППО. По благословению митрополита Амфилохия здесь, в монастыре Чуда Архангела Михаила, теперь располагается резиденция Черногорского отделения Императорского Православного Палестинского Общества.

- ¹ Цит. по книге Дмитриевского «Праздники Святой Земли», вышедшей в продолжающейся серии «Библиотека Русской Палестины» и объединившей под одной обложкой весь цикл публикаций ученого об особенностях богослужения двенадцатых церковных праздников в храмах Иерусалимского Патриархата и об участии в них русских паломников: *Дмитриевский А.А.* Праздники Святой Земли / Отв. редактор Л.В. Мельникова / Сост., вступит. статья и подг. текста Н.Н. Лисового. М., СПб., 2013. С. 241.
- ² Архив внешней политики Российской Империи. Ф. РИППО. Оп. 873/1, Д. 227, Л.74.
- ³ *Арсений (Стадницкий), епископ.* В стране священных воспоминаний / Вступит. статья Н.Н. Лисового. М., СПб., 2014. С.182.
- ⁴ Там же. С. 187.
- ⁵ Там же. С. 188.
- ⁶ Там же. С. 221.
- ⁷ Там же. С. 330
- ⁸ Там же. С. 339, 341.
- ⁹ Там же. С. 379.
- ¹⁰ *Стрельникова Е. Р.* Житие новомучеников Кирилловских. М., 2004. Одна из глав книги посвящена епископу Кирилловскому Варсонофию и паломничеству в Святую Землю, которое он совершил еще иеромонахом, в составе паломнической группы епископа Арсения.
- ¹¹ Петропуло Корнилий Николаевич (1861–1924) — старший помощник бухгалтера Управления подворий ИППО в Иерусалиме. Член Совета управления подворий (1914). На него как турецкого подданного Советом ИППО было возложено «наблюдение за всеми зданиями и учреждениями Общества в Палестине до окончания войны» (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 259. Л. 163–163об).
- ¹² Госархив Израиля. Д. 837/2-D (2.11.1923—6.10.1919). Листы в деле не нумерованы.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ПАЛЕСТИНЕ КАК ФАКТОР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРАВЯЩИМИ ДИНАСТИЯМИ РОССИИ И ЕГИПТА (конец XIX — начало XX в.)

Г.В. Горячкин

Контакты между правящими династиями Романовых в России (1613–1917 гг.) и Мухаммеда Али в Египте (1805–1952 г.) имели большое значение для установления широких цивилизационно-культурных отношений между двумя странами, способствовали развитию культурно-политических связей, торгово-экономического сотрудничества, рост которых, в свою очередь, также сближал правящие фамилии.

Невмешательство России во внутренние дела Египта привлекало внимание его правителей, которые в связи с англо-французским давлением, а позднее только английским, часто опирались на помощь и содействие российских генконсулов. Русские дипломаты старались установить тесные связи с хедивом и принцами. Особенно показательна в этом отношении деятельность дипломатического агента и генерального консула в Египте А.И. Кояндера¹. Александр Иванович находился на своем посту пятнадцать лет (1887–1902) — дольше, чем кто-либо другой из российских представителей в Египте. Именно при нем получили особое развитие русско-египетские отношения в сфере политики и культуры. Недаром, заканчивая свою дипломатическую службу в Египте, он был удостоен высших почестей и пышного приема хедива Аббаса II Хельми (1892–1914), путешествие которого в Российскую империю, скажем, забегая вперед, Кояндер так тщательно готовил в далеком 1888 г.²

Первым визитом представителя российской царствующей фамилии в Страну пирамид был приезд великого князя Николая Николаевича Старшего³ осенью 1872 г. после паломничества в Святую Землю. «Августейшие паломничества» к святым местам начались вскоре после Крымской войны в связи с укреплением российского влияния в ареале православия на Ближнем Востоке. Именно это обстоятельство явилось решающим

фактором для последующего развития двусторонних контактов на высшем уровне между правящими династиями России и Египта.

Визит Николая Николаевича в Палестину был обставлен с большой pompой. Его сопровождали герцог Евгений Лейхтенбергский и принцы Александр и Константин Ольденбургские⁴. «Патриарх Иерусалимский Кирилл II (1845–1872), встречая у входа в храм Гроба Господня великого князя Николая Николаевича, брата императора Александра II, приветствовал его и сопровождавших лиц в октябре 1872 г. следующей речью: «Иерусалимская Церковь земного сего града Небесного царя, с пламенным желанием и материнской любовью ныне приемля Ваше Высочество и сочувствующих высоких принцев преславной отрасли Богохранимого Императорского дома благословенной России, облачается во славу превеликую и наслаждается веселием и радостью неизреченною». К пребыванию великого князя было приурочено освящение Троицкого собора в Иерусалиме.

Имя Николая Николаевича Старшего тесно связано и с созданием Палестинского Православного Общества. Цитируем Н.Н. Лисового: «8 мая 1882 г. устав Общества был высочайше утвержден, а 21 мая во дворце Великого Князя Николая Николаевича Старшего... в присутствии членов императорской фамилии, русского и греческого духовенства, ученых и дипломатов после молебна в домово́й церкви состоялось его торжественное открытие»⁵.

После путешествия по Сирии и Палестине великий князь в сопровождении других высоких лиц из семейства Романовых прибыл 1 ноября из Яффы в Порт-Саид на яхте «Гарбия», которую правитель Египта Исмаил-паша выслал в его распоряжение к берегам Палестины. Здесь среди встречавших были губернатор, капитан порта, главный инженер компании Суэцкого канала Лемассон и российский вице-консул Генрих Бронн. После посещения православной церкви города и приема в вице-консульстве Его Высочество на египетском пароходе «Тисенди» направился в Исмаилию, где, ознакомившись с городом, отдохнул в доме создателя и президента акционерной компании Суэцкого канала Фердинанда де Лессепса.

2 ноября он проследовал в Суэц, из которого выехал железной дорогой в Каир, на вокзале столицы его встретили два старших сына египетского паши, а также губернатор и префект Каира. По данным российских дипломатических источников, в столице великий князь остановился в приготовленном для него и свиты дворце Каср ан-Нил⁶.

На другой день в сопровождении генконсула и свиты высокий гость нанес визит правителю Египта Исмаилу-паше, который, в свою очередь, сделал ответный визит великому князю в здание российского вице-консульства. Во время шестидневного пребывания в Каире августейший путешественник осмотрел достопримечательности города и окрестностей, принимал дипломатических агентов дружественных стран, делегации греческого и армянского духовенства, учащихся школы Абет⁷ и проживав-

ших в столице русско-подданных. Исмаил-паша дал в честь Николая Николаевича обед во дворце Гезира, который сопровождался выступлением местных фольклорных ансамблей⁸.

Простившись с пашой 9 ноября, великий князь выехал поездом в Александрию, по приезде в которую посетил греческую православную церковь, а после завтрака в генеральном консульстве встретился с его работниками, русско-подданными города, командирами и шкиперами русских судов с александрийского рейда. Осмотрев одну из достопримечательностей Александрии — сад на канале Махмудийя, Его Императорское Высочество отбыл в Бриндизи⁹ в сопровождении генералиссимуса египетских войск Ратиба-паши, главного конюшего Артина-бея и церемониймейстера двора хедива Сулеймана-эфенди¹⁰.

Затем до конца 80-х гг. XIX в. августейших поездок на Ближний Восток не предпринималось. Это объяснялось нестабильностью обстановки в регионе, обострением борьбы за него между Англией и Францией, британской интервенцией и оккупацией Египта в 1882 г.

1888 год стал переломным в двухсторонних отношениях России с Египтом, когда на первый план вышли контакты между двумя правящими династиями. Произошло это, на наш взгляд, благодаря несомненному таланту и высокому патриотическому долгу дипломатического агента и генерального консула Российской империи в Египте Александра Ивановича Кояндера, приступившему к исполнению этой высокой должности в долине Нила в 1886 г. В это время в Россию совершают визит сыновья хедива Тауфика — 15-летний наследник престола Аббас-бей и его 13-летний брат Мухаммед Али. Их сопровождали церемониймейстер хедивского двора Тонино-паша, директор турецкого бюро хедива Махмуд Шукри-бей, воспитатель принцев, профессор арабского языка Нагиб-эфенди, а также многочисленная свита¹¹. Молодые принцы совершали путешествие по Германии и России «с разрешения отца и турецкого султана, которое испрашивалось согласно вассальному положению хедива и восточному этикету»¹². Дипломатические источники подчеркивают, что поездку в Россию братья Аббас и Мухаммед предприняли по настоянию своего отца хедива Тауфика. На этот факт указывает генконсул А.И. Кояндер, что еще раз говорит о стремлении правителей обеих стран всемерно укреплять межгосударственные отношения, используя личные связи и симпатии¹³.

Юный наследник египетского престола родился 14 июля 1874 г. в Александрии. В 1874–1882 гг. Аббас, бывший хедивом Египта в 1892–1914 гг., воспитывался в гареме своей матери Амины. Обучение языкам он начал с турецкого и английского. К арабскому стал приобщаться только в 1882 г. вместе с братом Мухаммедом Али и с 500 сверстниками из именитых семей в пансионате дворца Абдин. Затем по распоряжению отца, Тауфика-паши, он продолжил образование в Лозанне. В 1887 г. тринадцатилетним

был определен в академию Марии-Терезы в Вену, где к нему вскоре присоединился брат Мухаммед Али. В этом элитном учебном заведении они «постигали военную культуру, навыки командования и послушания закону». Отсюда братья и совершили поездку в Россию, проехав за август 1888 г. Варшаву, Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород, Казань, Самару и Киев¹⁴.

Еще до отъезда египетской делегации из Петербурга произошло знаменательное событие. Об этом сообщил в российскую миссию в Каире начальник Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев 10 сентября 1888 г.: «Государю Императору благоугодно было Всемилостивейшее соизволить в 11 день августа с.г. на пожалование сыновей Хедива Египетского: Аббаса-паши — кавалером ордена Св. Станислава I степени и Мегемета Али-паши — кавалером того же ордена II степени со звездой и лиц, сопровождавших сыновей Хедива — Тонино-паши — кавалером ордена Св. Анны II степени, Махмуда Шукри-бея — орденом Св. Анны III степени и Неджиба-эфенди — орденом Св. Станислава III степени»¹⁵.

Визит принцев заложил основу для практически постоянных взаимоотношений между династиями Романовых и Мухаммеда Али, которые они использовали в своих политических интересах, для сближения своих позиций. Очень теплый прием наследника и его брата в Петербурге и других российских городах, награждение их и сопровождающих лиц открыли превосходные перспективы для установления связей на высшем уровне. Кроме того, братья передали царю пожелание хедива Тауфика видеть в Египте высоких российских гостей, которые не преминули нанести ответные визиты, состоявшиеся буквально через считанные недели.

Речь идет о поездке в Египет великого князя Сергея Александровича, великой княгини Елизаветы Федоровны и великого князя Павла Александровича, которая состоялась в октябре-ноябре 1888 г.¹⁶ Кстати, имеющаяся в нашем распоряжении пресса, свидетельствует о том, что все трое познакомились с принцами в августе во время пребывания последних в Санкт-Петербурге. Скорее всего, Сергей и Павел Александровичи и Елизавета Федоровна уже тогда сообщили им о своей планируемой поездке в долину Нила.

Как принимали их в Каире, можно судить по словам самого хедива Мухаммеда Тауфика, заявившего российскому дипломатическому представителю о предстоящем визите, что «душевно сему рад и желает принять августейших путешественников как своих личных дорогих гостей». За достойное обслуживание трех особ царствующей фамилии российскими наградами были награждены 33 египтянина — от министра-президента до командира яхты «Фейз-Раббани», а награждены они были орденами от «Св. Анны», «Св. Станислава» первых степеней до «Св. Анны» и «Св. Станислава» третьих степеней¹⁷.

Через несколько дней в том же ноябре в Страну пирамид приезжают великий князь Петр Николаевич, брат Николая Николаевича Старшего, со своей супругой Милицею Николаевной. За их обслуживание были поощрены 17 человек от принца Хусейна-паши (большой крест «Св. Анны») до каваса российского генконсульства (серебряная медаль для ношения на груди на Станиславской ленте)¹⁸.

Во время кругосветного путешествия 1890 г. посетили долину Нила Великие князья Александр и Сергей Михайловичи. В декабре 1901 — январе 1902 гг. в стране побывали принц Константин Петрович Ольденбургский с супругой; их поселили на зиму в переделанную из загородного дворца хедива гостиницу «Гезира Палас-отель». Через неделю сюда пожаловал великий князь Борис Владимирович, остановившийся в «Шепарде». И вновь, принимая августейших особ, хедив Аббас II Хельми приложил, по словам А.И. Кояндера, «все старания, чтобы быть любезным относительно своих высоких гостей. Он до сих пор не может без восторга вспоминать о приеме, который был оказан ему при высочайшем дворе <в Петербурге> в 1888 г.»¹⁹.

В начале XX столетия в Российскую Империю вновь стали наведываться представители правящей верхушки Египта. В 1900 г. проездом в Бессарабию инкогнито побывал в Одессе сам Аббас II Хельми. Причем, визит хедива в Одессу в начале августа был настолько секретным, что посланник А.И. Кояндер узнал об этом случайно, прочитав газету «Санкт-Петербургские ведомости».

После частной аудиенции, в которой он был принят Аббасом II Хельми, дипломат писал министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу: «Аббас-паша долго распространялся о впечатлениях путешествия своего по Бессарабии и посещения Одессы, при чем высказал, что повсюду встретил со стороны Императорских властей такие предупредительность и внимание, что счел долгом своим телеграммой к Государю Императору, покидая пределы Империи, выразить чувства своей почтительнейшей признательности. Милостивый ответ Его Величества глубоко тронул его». Царь не ограничился лишь ответом на телеграмму египетского хедива и наградил его российским орденом. «Третьего дня, — писал в депеше от 1 июня 1902 г. А.И. Кояндер, — я имел честь вручить в торжественной аудиенции знаки ордена «Св. Александра Невского» с бриллиантами»²⁰.

В начале 1907 г. двухнедельный визит совершил в долину Нила инкогнито под именем *Compte de Brudes* великий князь Борис Владимирович. Несколько раз лечился и отдыхал в Хелуане и Асуане великий князь Константин Константинович, поэт К.Р., посвятивший Стране пирамид ряд своих прекрасных стихотворений²¹.

Дважды побывал в полюбившейся ему России младший сын хедива Мухаммед Али — тот самый, который приезжал со своим старшим бра-

том Аббасом в Российскую империю в 1888 г. Это о нем, предпринявшем поездку из Египта в Японию по только что построенному Транссибу в 1909 г.²², Алексей Александрович Смирнов писал министру иностранных дел А.П. Извольскому следующее: «Недавно меня посетил Его Высочество принц Магомед-Али, брат хедива, причем он проехал через всю Россию по Сибири. Принц высказал мне свою признательность за тот прием, который был оказан ему в России и за все удобства, доставленные ему во время проезда. Принц просил передать его благодарность Вашему Высокопревосходительству.

В заключение, вспомнив о приеме, которого он и нынешний хедив, его брат, удостоились, будучи мальчиками, у императора Александра III, принц Магомед-Али сказал, что и в нынешний свой приезд он все время чувствовал себя гостем Государя Императора и что он крайне желал бы, чтобы его сердечная признательность и оживляющие его чувства преданности сделались известны Его Императорскому Величеству»²³.

Обмен визитами представителей двух правящих династий прервался с Первой мировой войной и Октябрьской революцией. Однако, он не прошел бесследно и принес несомненную пользу для двухсторонних отношений, показав не только наличие определенного взаимного интереса на политической основе (общий противник — Османская Порта, например), но и общность ментальных особенностей в сфере культурно-цивилизационного взаимодействия.

¹ Кояндер Александр Иванович (1846–1910) — российский дипломат. Из финского дворянского рода, один из представителей которого, С.Б. Кояндер, в 1758 г. перешел на русскую службу. В 1865 г. Кояндер А. И. окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве и поступил на службу в МИД (1865). Студент при российском посольстве в Константинополе (1868). Секретарь и драгоман генерального консульства в Трапезунде (1869—1870). Студент, секретарь, затем первый секретарь в дипломатической миссии в Пекине (1871–1883). С 3 июня 1886 по 1902 г. дипломатический агент и генеральный консул в Египте. 3 октября 1902 г. назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Португалию (АВП РИ. Ф.ДЛСХД. Оп. 749/2. Д.70. Лл. 1,13). Умер и похоронен в Лозанне (Швейцария).

² См. *Горячкин Г.В.* Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь. Изд. 2, 2012. С.305–306.

³ Великий князь Николай Николаевич Старший (1831–1891) — третий сын императора Николая I. Получил специальное военно-инженерное образование. Участвовал в Крымской войне генерал-инспектором кавалерии и инженерных войск. В русско-турецкую войну 1877–78 гг. был главнокомандующим на европейском театре боевых действий.

- ⁴ Лисовой Н.Н. Русское Духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX-нач. XX в. М.:Индрик, 2006. С. 52, 121.
- ⁵ Там же. С. 169.
- ⁶ АВП РИ. Ф. 317. Дипломатическое агентство и генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1287. Лл. 12–13 об.
- ⁷ Школа Абет, или Абед — частное учебное заведение, основанное русско-подданными греками, купцами братьями Рафаилом и Анания Абед в 1861 г., которое они отдали под покровительство России. Согласно уставу, школа предназначалась для православных мальчиков и девочек, не исключая детей иного вероисповедания. Наряду с арабским и греческим, там изучали и русский язык. См. подробнее: *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...» М., 2003. С. 99, 103.
- ⁸ АВП РИ. Ф.317. Оп. 820/1. Д. 1287. Лл. 14об.-15.
- ⁹ Бриндизи — порт на берегу Адриатического моря, связывавший Европу со Средиземноморьем. Для продолжения пути в Россию здесь русские путешественники пересаживались на поезд и, наоборот, отсюда продолжали свой путь на Восток на морских судах.
- ¹⁰ АВП РИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 1287. Лл. 14об.-15.
- ¹¹ Правительственный вестник. СПб., 12 (24) августа 1888 г.
- ¹² Московские ведомости, 15 августа, 1888 г.
- ¹³ АВП РИ. Оп. 820/1. Д. 199. Лл. 111–111об.
- ¹⁴ См. подробно: *Горячкин Г.В.* Египетские принцы в России // Восточный архив, 1 (27), с.18–24.
- ¹⁵ АВП РИ. Ф.317. Оп. 820/1. Д. 199, 1888–1889. Лл. 111–11 об.
- ¹⁶ Там же. Д.1304. Лл.217–298.
- ¹⁷ Там же. Л. 219.
- ¹⁸ Там же. Лл. 136–137.
- ¹⁹ Там же. Лл. 196–196 об.
- ²⁰ Там же. Д. 135. Л. 93.
- ²¹ Там же. Ф. 820. Оп. 482. Д. 859. Л. 51; К.Р. Дневники. Воспоминания. Стихи, Письма. М., 1998.
- ²² См. *Горячкин Г.В.* Из Страны пирамид в Страну восходящего солнца // Восточная коллекция. М. Осень (№ 3). 2010.
- ²³ АВП РИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 154. Лл.154, 23–23 об.

СВОИ ВЕРТИКАЛИ. Из истории Русской Палестины в XX веке (К 50-летию «Апельсиновой сделки»)*

Н.Н. Лисовой

В этом году мы могли бы отметить четыре круглых годовщины, знаменующих целые эпохи в истории Русской Палестины и русско-палестинских связей, — каждая ровно по пятьдесят лет, то есть речь идет о настоящих библейских юбилеях, в собственном смысле слова.

1814 год. Не успел Александр I вернуться из Парижа в Петербург, как к нему обращается с первым посланием Патриарх Иерусалимский Поликарп. Этим документом можно датировать начало регулярного общения России и Русской Церкви с Иерусалимом. Сначала — обмены посланиями, создание Иерусалимских подворий в Таганроге (1814) и в Москве (1818), помощь Патриарху по долгам за ремонт храма Гроба Господня (1817), потом — таинственное поручение константинопольскому посланнику Строганову «подготовить с французским послом окончательное решение вопроса о Святом Гробе», первая специальная командировка русского дипломата в Иерусалим (Дашкова в 1820), учреждение первых консульских постов в Святой Земле... И первый сбой вертикали: отказ Благословенного в поддержке восставших греков, соответственно отставка и отъезд Каподистрии, переход всей дипломатии в руки неправославного Нессельроде и, как долгосрочный результат — потеря Греческого Востока. Затем — предыстория и история Русской Духовной Миссии... Крымская война за погранные права православных в Иерусалиме и Вифлееме... Начало успешного наступления и прорыва в Иерусалиме... А начиналось всё в 1814 г.

1864 год. Закончено строительство Русских построек — тех самых, о которых мы будем дальше говорить, которые будут сто лет спустя проданы правительством Хрущева.

---

* По материалам доклада на заседании Научной секции ИППО 14 октября 2014 г.

Период между 1864 и 1914 гг. — это и есть время укрепления и расцвета русского присутствия, деятельности Палестинской Комиссии (1864–1889) и Императорского Православного Палестинского Общества (с 1882), время работы в Святой Земле знаменитых начальников РДМ Антонина (Капустина) и Леонида (Сенцова), — словом, золотой век Русской Палестины. Напомню, что Русской Палестиной мы называем сложную и разветвленную инфраструктуру русских подворий, храмов, монастырей, школ, больниц, участков земли. К 1914 г. ИППО и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме обладали в Палестине семьдесятю земельными участками с суммарной территорией 1,5 млн кв. м, то есть около 150 га. На полную мощность работают в этот период русские подворья, принимающие по 10–11 тыс. паломников в год (до шести тысяч человек одновременно на Пасху). Это не так мало, учитывая время, о котором мы говорим, особенно если сравнить, что, например, паломничество в Палестину из стран Запада измерялось единичными наездами миссионеров, разведчиков и археологов (иногда в одном лице) да «покаянными караванами» раз в год в пару сотен верующих.

Были ли в этот период сбои интересующей нас палестинской вертикали? Не без того. Первый — по линии, на сей раз, противоречий между инстанциями светскими и духовными: спровоцированное собственными, российскими дипломатами поругание и изгнание из Иерусалима двух подряд начальников РДМ — неуместно «раскрученного» самим же МИДом епископа Кирилла (Наумова) и неудачно назначенного Св. Синодом архимандрита Леонида (Кавелина). Притом вторая, «леонидовская» стадия церковно-политического кризиса едва не довела до разрыва отношений с Иерусалимской Патриархией. Другой сбой — также на пересечении интересов и амбиций МИДа (точнее, его Палестинской Комиссии) и Синода. Я имею в виду подготовленный уже и вынесенный на Высочайшее воззрение в 1879 г. указ о закрытии Русской Духовной Миссии и «преобразовании» ее в консульскую приходскую церковь, когда лишь личное вмешательство императрицы Марии Александровны — еще одна, избыточная и не учитываемая ни чиновниками-современниками, ни историками вертикаль! — спасло и Миссию, и Антонина, и будущее Русской Палестины.

Но вернемся к годовщинам.

В 1914 г. весь этот просветительный и гуманитарный прорыв России на Ближнем Востоке обрывается на взлете. На взлете во всех отношениях — и с точки зрения нарастания потока русских паломников, и с точки зрения работы русских школ в Палестине (у нас в это время работает около ста школ и две учительские семинарии, мужская и женская). В октябре 1914 г. Турция вступает в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Соответственно, все русские учреждения закрываются, как, впрочем, и учре-

ждения других стран Антанты. Только они потом, после войны, откроются и продолжат работу, а наши учреждения закрываются уже навсегда.

Пятидесятилетие с 1914 г. по 1964 г., наиболее нас сегодня интересующее, мы могли бы обозначить как время угасания и выживания Русской Палестины. Первая Мировая война разорвала традиционную связь России со Святой Землей. Иссаяк вековой феномен русского паломничества, покинули страну служащие Палестинского Общества и руководство Духовной Миссии. Некоторые из них потом, после 1918 г., вернуться, но уже в другую страну и в другое время. Прекращается финансирование из России каких-либо русских заведений — паломнических, медицинских, учебных... И наконец, главное — обрываются церковные связи. Поскольку Московский Патриархат, во главе со Святейшим Патриархом Тихоном, не имеет возможности после 1917 г. даже просто поддерживать каноническую переписку ни с Иерусалимским Патриархатом, ни с РДМ, ни с теми русскими архиереями, которые оказались в силу обстоятельств за рубежом и сформировали там Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви.

Что же в это время происходит с Русской Палестиной? Даже при том, что турки, закрыв наши учреждения, выслали всех служащих из Святой Земли, а кого не выслали, тех интернировали, помимо этого очень много наших русских упрямых женщин осталось в октябре 1914 г. в Святой Земле (около 200 насельниц на Елеоне, в Вознесенском монастыре, и почти столько же в Айн-Кареме, в Горненском). Как относились в годы Первой мировой войны представители местного управления к русским подворьям и его обитателям и обитательницам? С 1914 по 1917 г. — это турецкие власти. Турки просто заняли все наши подворья, превратив их в казармы для солдат или вспомогательные военные учреждения. Мебель всю изломали или сожгли, имущество вынесли. В наших исторических подворьях в Святой Земле в настоящее время старой мебели и прежних предметов быта практически не осталось. Всё порушено, изведено, расхищено.

И.о. управляющего русскими учреждениями Общества в Палестине Н.Р. Селезнев, возвратившийся в Иерусалим осенью 1919 г., сообщал, что в городе «сохранились в целости Александровское подворье и Вениаминовское, остальные разграблены турками и заняты англичанами. Все наши кладовые очищены турками, все запасы разграблены, вся мебель из номеров и паломнических помещений увезена, испорчена, приведена в негодность. Сергиевское подворье занято военной полицией, Елизаветинское — инженерным управлением и складами, Николаевское войсками, Мариинское отведено под гражданскую тюрьму, в здании Миссии окружной суд, больница захвачена городским управлением, в доме консула приют, в доме секретаря консульства — военная команда. По Яффской дороге турки отрезали полосу земли длиной 255 метров и шириной до 10 метров»¹.

В Иерусалиме царил тяжелая послевоенная атмосфера безвластия и разрухи. Около Александровского подворья был устроен базар, где продавалось расхищенное русское имущество, причем склад свой торговцы устроили прямо в подвалах под Порогом Судных Врат. С большим трудом удалось освободить подворье от торговцев и их склада.

В 1917 г. приходят английские солдаты, — и ведут они себя точно также. Даже схема размещения воинских учреждений в Русских Постройках остается прежней — там, где находился штаб турецкий, там поместился штаб британский; где была резиденция турецкого губернатора, разместилась резиденция британского губернатора; где была казарма, там и осталась казарма. Что привнесли англичане, так это колючую проволоку и аренду. Даже на современных фотографиях можно видеть, что почти все наши подворья окутаны колючей проволокой. Это «наследие» англичан. Они устроили «кутузку» из Елизаветинского подворья, большую тюрьму в Мариинском подворье (там сейчас находится Музей еврейского сопротивления — имеется в виду еврейское сопротивление Британскому мандату).

Если говорить об экономической стороне дела, нововведением Британского мандата стала *аренда*. Аренду англичане платили. Они занимали без спроса все наши помещения, но аренду платили. Благодаря этому внешне поддерживались дореволюционные структуры управления — существовала Русская Духовная Миссия, подчиненная зарубежной Православной Церкви, существовало Правление Русских подворий, номинально подчиненное вполне призрачному, где-то во Франции виртуализованному Совету зарубежного Православного Палестинского Общества. Минимальную материальную поддержку населению Русской Палестины, отнюдь не виртуальному, обеспечивала в основном *добровольно-принудительная аренда* той части российской собственности, которая принадлежала ИППО. Общество владело более удобными для аренды участками: англичане не могли взять или сдать в аренду монастыри и храмы, а городские объекты прежних довоенных подворий ИППО они использовали сполна. Это и явилось основным источником финансирования для Православного Палестинского Общества в период мандата. Управленцы Палестинского Общества были относительно «богаче», чем РДМ, они давали займы денег на финансирование некоторых строительных проектов Русской Духовной Миссии в 1930-е гг. (например, надстройка — по требованию арендатора, Верховного суда Палестины — третьего этажа над западной частью здания Миссии). Как сформулировал принцип выживания иерусалимских подворий один из деятелей Русской Палестины, «мы поддерживаем подворья, а подворья поддерживают нас». Неслучайно зарубежное ППО активно сопротивлялось тому, чтобы когда-либо пале-

стинские недвижимости были возвращены Советской России. Для них это был очень важный, как сказал бы архимандрит Антонин, «не только моральный, но и карманальный» фактор. Кстати, не только для них. Для современной Русской Духовной Миссии (Московского Патриархата) аренда Мировым судом Израйля большей части здания РДМ по-прежнему является источником финансирования.

Все это можно считать цивилизационным следствием нововведений Британского мандата. Арендой жила Русская Духовная Миссия, арендой жило зарубежное Палестинское Общество.

В 1948 г. ситуация изменилась. После тридцати лет правления англичане решили, что больше они управлять Палестиной не могут — с одной стороны против них вели вооруженную борьбу сионистские отряды, изгоняя англичан и требуя усиления еврейской иммиграции, а с другой стороны, партизанские арабские отряды, требуя прекращения той же самой еврейской иммиграции. Вторая Мировая война кончилась, а британские войска в Палестине продолжали нести потери.

В соответствии с решением, принятым 29 ноября 1947 г. ООН, было решено создать в стране два государства: Еврейское государство и Арабское государство Палестины. Соответственно, были выверены и вычерчены на картах разграничительные линии одной и другой территорий. Однако раньше, чем закончился срок Британского мандата и в Тель-Авиве было провозглашено государство Израиль (15 мая 1948 г.), эти «линии» и «границы» оказались напрасной декларацией — на протяжении уже нескольких месяцев по всей стране велась упорная и постоянная борьба за вытеснение арабского населения. Это касалось и территорий, связанных с русскими участками. Например, арабский поселок Айн-Карем, где расположен знаменитый Русский Горненский монастырь, в одночасье стал поселком еврейским. Арабское население было изгнано полностью. Наши горненские матушки тоже все почти решили уйти: опасались повторения того, что случилось в Дейр-Ясине, где 9 апреля 1948 г. террористами Хаганы была вырезана вся арабская деревня (более 250 женщин, детей, стариков). Смысл террора состоял именно в том, чтобы *навести ужас*, чтобы люди бежали. И они начали бежать и до сих пор живут в лагерях беженцев в Ливане. Эти лагеря существуют до сих пор, но о них давно уже не вспоминает никто, никакие средства массовой информации. Между тем, в них живут до двух миллионов человек. Вот что такое 1948 г. и первая арабо-израильская война.

В силу того, что советские дипломаты в ООН много сделали для успешного голосования о создании еврейского государства и Советский Союз в числе первых признал государство Израиль, естественно, это открыло новую страницу в истории советско-израильской взаимности. Мы поддерживали Израиль, Израиль обещал вернуть нам нашу недвижимость. И

действительно, формально, начиная с 1948 г., большая часть недвижимостей, которые находились согласно демаркационной линии на территории Израиля, была возвращена Советскому Союзу. Что оказалось на территории Иордании, осталось за зарубежным Палестинским обществом и зарубежной Русской Духовной Миссией. Эта ситуация сохраняется и сегодня, несмотря на Акт о воссоединении 2007 г., который, как известно, принципиально не затрагивал вопросов собственности. Поэтому с имущественной точки зрения «красная» и «белая» Церковь номинально в Иерусалиме существуют и сейчас. Русской Православной Церкви (Московскому Патриархату) в лице ее Духовной Миссии в Иерусалиме на израильской территории было возвращено её имущество. Представители «Белой» Церкви до сих пор обижаются, что их «выселили» из некоторых храмов и монастырей с помощью израильской полиции, а передали это «Красной» Московской Патриархии.

По-разному определилась формальная юридическая принадлежность также и имущественных объектов Палестинского общества на израильской и на иорданской территории. Что значит формальная? Вспомним знаменитое Сергиевское подворье. Израиль никогда не подвергал сомнению юридический факт, что Сергиевское подворье принадлежит России, — но передавать не передавал. Разные придумывались причины: мол, должен суд решить, вдруг появятся какие-то наследники, а может ещё что-то, — вопрос не был решен в течение 60 лет после создания государства Израиль.

Сергиевское подворье представляет исключительный случай только в смысле бесконечного затягивания вопроса, но не в плане юридической практики. Точно так же в 1948-м, 1949-м, 1950-м гг. израильская сторона старалась сделать так, чтобы реально, на деле, нам не было возвращено *ничего*. Хотя на словах декларировалось, что вся российская собственность, находящаяся на территории Израиля, возвращается советскому правительству. «Возвращается» — но не передается.

Соответственно возникал вопрос, как разойтись в этой ситуации. Отношения с Израилем с самого начала складывались достаточно сложно. Да, мы поддержали Израиль. Но в идеологическом самообмане, что это будет чуть ли не «наш», «социалистический» форпост в окружении арабских «реакционных режимов». И он, Израиль, обещал, может быть, даже и был готов к взаимности (в т.ч. вернуть наши недвижимости) в столь же утопическом расчете, что мы разрешим советским евреям выезд в страну обетованную, на историческую родину. СССР никогда не обещал этого делать. Взаимный прокол произошел потому, что, как сказано было выше, и вертикали имеют свойство давать иногда сбой. Чиновники одной вертикали думают и оценивают факты и тренды в одной системе координат, чиновники другой и думают, и видят реальность совсем по-иному. И природа

сбоев различна: этнокультурное, классовое, религиозное несоответствие... Разные бывают сбои. Идеологические и моральные влекут за собой политические, экономические, организационные...

Итак, приходилось думать, что же делать с этими головоломными недвижимостями. Ну, не хотят евреи возвращать Советскому Союзу ни Мариинское подворье, ни Сергиевское, ни Елизаветинское, ни Николаевское; ничего не хотят возвращать. Они вообще, как пришли к власти, провозгласили закон о «защищенной аренде»: т.е. аренду евреям платить должны, но выселить их нельзя. Дипломатические отношения, повторим, складываются плохо. Первый посол Израиля в СССР Голда Меир в Москве не прижилась, пришлось ее отозвать — на повышение, сделать министром иностранных дел Израиля. В феврале 1953 г. еврейские террористы бросили гранату в наше посольство в Тель-Авиве. Мы порвали тогда отношения с Израилем. Умер И.В. Сталин. Начались изменения в сторону наступавшей «оттепели» в обществе и общественном сознании. Уже в сентябре–октябре того же года начинаются разговоры о восстановлении отношений. В декабре советский посол А.Н. Абрамов вручает в Тель-Авиве верительные грамоты.

На первых порах ни о каких торговых сделках, ни о какой продаже русской недвижимости речи быть не могло. Попробовали бы они Сталину такое сказать. Первоначальная концепция состояла в том, что наша недвижимость есть гарант нашего присутствия в Святой Земле и вообще на Ближнем Востоке. Не будет этой собственности, не будет и присутствия. (Вот сегодня его нет. Причем, не только в Иерусалиме, но и на Ближнем Востоке. Реально нет. Палестинские дети учатся не в русских школах, как когда-то учились, а в американских, английских, французских. И мы радуемся, что сохранилась одна, конфессиональной принадлежности, русская школа в Вифании, и, слава Богу, построена и открыта новая русская школа в Вифлееме). Поэтому собственность должна быть. Под эту установку восстанавливается в 1950 г. деятельность Палестинского Общества. Первое правительственное постановление — в мае 1950 г. — говорит сразу об учреждении в государстве Израиль представительства Российского Палестинского Общества при АН СССР². Но чтобы учредить представительство, надо иметь Общество, а оно, как выясняется, уже давно не функционирует. Его никто не закрывал, его просто... забыли. Им давно уже, с момента смерти его председателя ак. Н.Я. Марра в 1934 г., никто не занимался. Не до него было. Старый состав, за исключением, кажется, одного ак. И.Ю. Крачковского, мирно вымер. Совету министров приходится издать еще одно распоряжение — о восстановлении деятельности Палестинского Общества³.

Собираются заявления о вступлении в Общество новых членов, члены все очень серьезные: академики, профессора, доктора и кандидаты наук.

Первым заявление о вступлении в Общество подал 10 октября 1950 г. легендарный митрополит Николай Крутицкий⁴. В январе 1951 г. состоялось первое учредительное собрание нового состава Российского Палестинского Общества при АН СССР, Президиумом Академии наук утверждается новый устав Общества⁵. В апреле 1951 г. в Израиль приезжает официальный представитель РПО при АН СССР М.П. Калугин — приезжает и вселяется в Сергиевское подворье. Хотелось бы процитировать очень интересный документ, отражающий колорит эпохи, — ноту от 9 мая 1951 г.

«Миссия Союза Советских Социалистических Республик свидетельствует свое уважение Министерству иностранных дел Израиля и, ссылаясь на свою ноту №130 от 6 июня 1950 г., имеет честь сообщить, что представитель Российского Палестинского Общества при Академии Наук СССР в Израиле г-н Калугин М.П., уполномоченный должным образом Советом Общества, 19 апреля с.г. прибыл в Израиль.

Доводя об этом до сведения Министерства иностранных дел, Миссия СССР ожидает, что Правительство Израиля примет необходимые меры к тому, чтобы имущество Российского Палестинского Общества, а также денежные средства Общества в ближайшее время были надлежащим образом переданы в ведение представителя Общества»⁶.

И далее, как обыденная констатация: «По просьбе представителя РПО Миссия СССР доводит до сведения, что местопребывание Представительства РПО будет находиться в городе Иерусалиме в Сергиевском подворье»⁷. Наше посольство ставит в известность уважаемое министерство иностранных дел Израиля о том, что приехал М.П. Калугин и вселился в Сергиевское подворье. И только. Не то, чтобы просили разрешение или вели какие-то переговоры, где разместить нашего представителя. Нет, приехал, вселился — и об этом сообщили, чисто информационно.

Калугин был хороший специалист, он быстро разобрался, что к чему. И уже в 1952 г. сообщает в своем докладе, что израильяне, увы, не спешат передать нам обещанные недвижимости. Ставят вопрос о решении каждого конкретного дела через суд⁸. Наши — тогда еще, в 1952 г., — категорически от этого пути отказываются, в силу разных причин. Главная причина — чтобы не создавать прецедента, совершенно мудрая и легальная причина, потому что мы не можем судиться за то, чтобы вернуть нам *свое собственное* имущество. Это не достойно России, как великой державы, которой тем более по взаимным обязательствам должны и так все отдать. Были и другие причины. В международных судах не так просто доказать правовое преемство дореволюционного ИППО и ИППО нашего современного. Хотя концептуально преемство совершенно очевидно. Палестинское общество создавалось *русским народом* для того, чтобы обслуживать *паломничество из России*, чтобы открывать русские школы в Палестине для арабских детей. Общество опекалось, патронировалось и финансиро-

валось *российским правительством* и русской *правлящей династией*. Никакого Палестинского Общества вне границ России не существует и существовать не может, ни одна группа или корпорация вне России не может иметь права и претендовать на российскую национальную собственность в Палестине.

...Не может существовать и не может иметь, однако, есть и имеет. Потому что 1917 г. и Гражданская война породили реальности внеправовые. Не только внеправовую революционную, но и *внеправовую контрреволюционную*.

Напомним предысторию описываемых событий. Осенью 1918 г. князь А.А.Ширинский-Шихматов, последний из дооктябрьских председателей Общества (избран 9 апреля 1917 г.) эмигрировал в Германию. Там, никем в России на то не уполномоченный, он возглавил параллельный «Совет Православного Палестинского Общества» — своеобразный «Совет в изгнании», объединив некоторых из прежних членов ИППО, оказавшихся в эмиграции⁹. А Совет настоящий, оставшийся на родине, 5 (18) октября 1918 г., «ввиду продолжающегося доселе отсутствия из Петрограда председателя Общества А.А. Ширинского-Шихматова и невозможности в настоящее время установить с ним более или менее правильные сношения», просил вступить во временное исполнение обязанностей председателя старейшего члена Совета ИППО академика В.В. Латышева, который и занимал этот пост до своей кончины 2 мая 1921 г.

С 1918 г. Общество было вынуждено отказаться от именованья «Православное», как отказалось раньше, сразу после Февральской революции, от титула «Императорское». Оно называлось с тех пор Российским Палестинским Обществом, признавало за собой характер исключительно научный и надеялось в таком качестве не вызвать особых подозрений у новой власти. 24 октября 1918 г. на имя неперменного секретаря РАН академика С.Ф. Ольденбурга поступило предписание наркома просвещения, заместителя председателя Совета Коммун Северной области А.В. Луначарского. Нарком просил Академию наук «немедленно принять меры к ограждению научного имущества Палестинского Общества». Затем следовала немаловажная приписка: «Революционные власти благоволят оказывать содействие Академии наук при исполнении этого поручения»¹⁰. Непременный секретарь выдал охранную грамоту: «Сим удостоверяется, что дом № 10 по Мытнинской улице, принадлежащий Российскому Палестинскому Обществу (бывшему Православному Палестинскому Обществу), а равно библиотека и все имущество этого Общества, находятся в ведении Российской Академии наук, которой предписано заместителем председателя Сов<ета> Ком<мун> Сев<ерной> обл<асти> отношением от 24 октября с.г. № 1463/1 принять все меры к ограждению этого имущества, причем в том же отношении содержится просьба ко всем рево-

люционным властям оказывать содействие Академии при исполнении ею поручения Правительства»¹¹.

Согласно определению подотдела гражданских дел Отдела Управления Петроградского Совета от 29 августа 1919 г., Общество внесено в «Реестр обществ и союзов» под названием «Российское Палестинское Общество». 8 мая 1920 г. Объединенный Совет научных учреждений и высших учебных заведений «признал Палестинское Общество научным учреждением и включил в число членов Совета». Отделение исторических наук и филологии РАН со своей стороны постановило считать академика Б.А. Тураева своим постоянным представителем в Совете РПО.

Между тем связи России как с Палестиной, так и с международным научным сообществом были надолго прерваны. Довольно естественно, что в условиях враждебного окружения Советской России, конечно, никто не хотел признавать и думать, что на самом деле в голодном холодном Петрограде времен «военного коммунизма» ни на один день не прекращало своей деятельности все то же самое, настоящее Палестинское Общество, которое никуда не уехало и не эмигрировало. Вокруг него как никогда сплотились и активно работали лучшие представители научной национальной интеллигенции, в том числе выдающиеся ученые в области естествознания: академики В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, Н.И. Вавилов¹². Председателями Палестинского общества в советский период состояли последовательно академики В.В. Латышев (1918–1921), Ф.И. Успенский (1921–1928), Н.Я. Марр (1928–1934). Преемственность была полная. Но попробуйте, докажите это американцу, французу или англичанину. Мы сегодня не можем доказать очевидного. Когда говорят, что Советская Россия *отказалась* якобы от своей собственности в Палестине, это чистая ложь. Никогда не отказывалась. В 1923 г. британскому правительству была направлена так называемая «нота Красина». Мы даже ответа на неё не получили. 5 марта 1945 г., за два месяца до окончания войны, посол СССР в Лондоне вручил британскому правительству ноту с напоминанием о значительном числе недвижимостей в Палестине, принадлежавшем Российской империи, и требованием дать указание Британскому Верховному Комиссару Палестины «о передаче в возможно короткий срок всего имущества, равно как и доходов, полученных от его эксплуатации, в ведение Советской Дипломатической Миссии в Египте»¹³. К ноте был приложен «Список русского имущества в Палестине», включавший 35 объектов собственности — как консульской, государственной, так и принадлежавшей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Палестинскому Обществу. Но и на эту ноту ответа не было. Англичане, в преддверии «холодной войны», уже предвидели возможность ситуации, что можно будет не отдавать. До самого конца упомянутого выше Британского Мандата ноты нашего МИДа относительно собственности в Святой Земле так и не получили ответа.

Но вернемся в ситуацию 1952–1953 гг. Есть письмо, подписанное президентом АН СССР академиком А.Н. Несмеяновым, к министру иностранных дел В.М. Молотову, в котором, констатируя, на основании докладов М.П. Калугина, тупиковую ситуацию с возвратом российской собственности, президент академии выражал сомнения в целесообразности дальнейшего существования Палестинского Общества¹⁴. Поразительно, с какой легкостью и каким невежеством президент Академии наук предлагал ликвидировать одну из старейших научно-гуманитарных общественных организаций России. Вот реальное проявление возможного сбоя вертикали с «научным» и «логическим» обоснованием. Сбоя тогда не произошло. Мы не знаем, получил ли Несмеянов от Вячеслава Михайловича заслуженную отповедь, но в 1952 и даже 1953 г., при случившейся «смене караула», но еще не начавшегося размывания идеологии, отказаться от нашей собственности не могло быть и речи.

...А в январе 1958 г. в Тель-Авив приезжает новый посол М.Ф. Бодров. Сам по себе достаточно интересный человек, почти ровесник века, 1903 года рождения, он окончил еще в 1920-х гг. финансовую академию, профессионал в этой области, работал некоторое время в периферийных финансовых структурах. Потом был секретарем одного из московских райкомов. И тут попал на глаза руководству, а это было время, когда кадры решали все. Речь идет о 1938 г. В том году в народный комиссариат финансов приходит новый министр, тоже замечательный человек, из плеяды «железных» сталинских наркомов — Арсений Григорьевич Зверев, и его заместителем ставят Бодрова. Современному читателю эти имена ничего не говорят. Но если учесть, что это были годы подготовки к войне, что Зверев возглавлял Наркомфин с 1938 до 1960 г., до полёта Гагарина в космос, что Хрущев его убрал только из-за того, что тот мешал ему проводить денежную реформу 1961 года...

Словом, и Зверев, и его заместитель и соратник Бодров были замечательные и по-своему выдающиеся люди. Но это были люди *своего времени*. Когда я говорю о *сбоях вертикали*, последняя характеристика тоже является существенным параметром. Имперские реалии и структуры не знают *своего*, сиюминутного времени. Зверев так и остался в министерстве финансов, а Бодров был переведен в МИД. Сначала он был секретарем в посольстве в Чехословакии, потом послом в Болгарии. И наконец, как я сказал, в январе 1958 г. был назначен послом в Израиль. Приезжает новый посол, начинает знакомиться с ситуацией, с объектами недвижимости. Ему показывают колючие проволоки, заросшие, задичавшие сады. Он спрашивает, какова экономическая эффективность использования всего этого. Оказывается, использования почти нет, а эффективности вообще никакой. И тут звучит знаменитая фраза, которую долго потом передавали из уст в уста и в тель-авивском посольстве, и на Смоленской площади в МИДе: «Продать к чертовой матери!»

Так ли было дело, но в октябре 1959 г. между СССР и Израилем была достигнута договоренность начать переговоры о советском имуществе. Переговоры не затрагивали недвижимостей, принадлежавших Русской Православной Церкви. В ходе переговоров, начавшихся в июле 1960 г., израильская делегация заявила о готовности своего правительства купить почти все объекты советской собственности в Израиле, «подтвердив» столь экстравагантным, вполне *несудебным* способом *право собственности СССР* на все пререкаемые объекты.

Переговоры медленные, тягучие... Выразительную картину третьего года переговоров представляет донесение представителя Палестинского Общества в Иерусалиме А. Волкова ученому секретарю РПО В.Д. Бобкову от 18 февраля 1963 г.:

«Многоуважаемый Василий Дмитриевич, относительно переговоров могу сообщить следующее: после длительного перерыва (с июня 1962 г.) как раз сегодня утром состоялось заседание израильской и советской делегаций на переговорах о советском имуществе в Израиле. Глава израильской делегации от имени и по поручению правительства Израиля сделал заявление, в котором указывается, что:

а) цена, назначенная советской стороной в 6,5 млн. амер. долларов, по мнению правительства Израиля, является нереальной и не соответствует действительной стоимости имущества, а стало быть, не может служить основой для ведения дальнейших переговоров;

б) израильское правительство считает, что цена, прежде всего, должна устанавливаться в местной (т.е. в израильской) валюте;

в) считая, что цена, предложенная израильской стороной в заявлении от 16 апреля 1962 г. в 9 млн. израильских фунтов (3 млн. амер. долл.) является также завышенной, тем не менее, желая, как можно быстрее завершить затянувшиеся переговоры, предлагает теперь увеличить цену до 10,5 млн. изр. фунтов (т.е. до 3,5 млн. долл. — *Н.Л.*) в качестве окончательной цены.

Глава советской делегации, посол СССР в Израиле М.Ф. Бобров заявил, что данное заявление израильской стороны будет доведено до сведения Советского Правительства»¹⁵.

Вот с чего начинались переговоры. Мы хотели всего навсего 6,5 млн. долларов, а они предлагали 3,5 млн. долларов, считая при этом, что даже эта цена завышена.

Но продолжим цитату: «Пока трудно предположить, каков будет исход, но по доверительным беседам с послом тов. Бобровым у меня сложилось впечатление, что переговоры вряд ли будут завершены скоро, так как в МИДе вообще не склонны к продаже имущества. Во всяком случае, как мне кажется, предстоит еще длительная процедура сближения точек зрения сторон, так как в настоящее время (как видно из приведенных выше цифр), расхождение очень велико»¹⁶.

30 октября 1963 г., т.е. через полгода, происходит следующий раунд переговоров. Поскольку документы предварительных переговоров никогда не публиковались, позволим себе несколько цитат из протокола заседания, составленного израильской стороной, в переводе с иврита.

«Бодров прочитал на русском языке заявление, копия и перевод которого были приложены. Из этого заявления стала известна цена, которую русские требуют за собственность — 4,5 млн. долларов. Но вместе с тем, он вычеркнул из списков имущества, подлежащих продаже, Сергиевское подворье и участок на улице Короля Георга.

Кадмон (глава израильской делегации. — *Н.Л.*), после совещания с членами своей делегации ответил, что, несмотря на то, что русская делегация проявила готовность сделать определенные шаги в нашу сторону, касающиеся цены, вместе с тем, это никак не может компенсировать наше разочарование по поводу других шагов, предпринятых русской делегацией — а именно, исключение 2-х объектов из списка имущества, подлежащих продаже. И это отменяет предыдущие договоренности. Более того, подрывает весь процесс переговоров. Кадмон обещал передать советское заявление правительству Израиля и еще раз выразил сожаление и разочарование в связи с сюрпризом для израильской стороны: кардинальных изменений, предложенных русскими в отношении объектов продажи.

Бодров сказал, что он удивлен тем, что м-р Кадмон говорит о сюрпризе, тогда как на самом деле нет никакой причины для удивления, поскольку после начала переговоров несколько лет назад всем было ясно, что здания Церкви (Троицкого собора. — *Н.Л.*), Верховного Суда (Русской Духовной Миссии. — *Н.Л.*) не подлежат продаже, потому что не являются собственностью Русского Правительства. Было также понятно, что и Сергиевское подворье вместе с участком на улице Короля Георга не подлежат продаже.

Кадмон отвечал, что он согласен с указанием Бодрова относительно церкви и имущества Русской Духовной Миссии, но отвергает сказанное относительно двух других объектов, так как эти объекты (Сергиевское подворье и участок на улице Короля Георга) с самого начала переговоров были внесены в русские списки и в наши списки.

Бодров отвечает, что это весьма возможно. Если так утверждает м-р Кадмон, он не станет отрицать, что в русских и израильских списках эти объекты первоначально присутствовали, но одни только списки еще ни к чему не обязывают, так как они показывают только реестр имущества, которые принадлежат русскому правительству в Израиле. Но нельзя это интерпретировать так, будто что-либо из этих объектов не могло быть не включено в сделку о продаже по русскому предложению, которое было положено в основу переговоров. Сказано ясно и четко, что нельзя продавать эти объекты и что он сам, чтобы освежить в памяти весь процесс,

просмотрел все папки и дела и установил, что уже в самом начале переговоров м-р Зимин (возглавлявший русскую делегацию), сообщил, что эти два объекта не подлежат продаже. Израильское правительство действительно требовало включить их в список, возможно, из-за этого возникло некоторое недоразумение, поскольку каждая из сторон имела в виду свою интерпретацию.

<...> Кадмон напомнил м-р Бодрову, что правительство Израиля предложило в свое время в ответ на советское заявление о невозможности продажи здания Суда (РДМ) обменять это здание на Сергиевское подворье (т.е. переселить РДМ в здание подворья. — *Н.Л.*), но русские сказали, что будут об этом думать после завершения переговоров.

На что Дорон (юрисконсульт МИД Израиля И. Дорон. — *Н.Л.*) добавляет: Из этого следует, что Сергиевское подворье было-таки внесено в списки объектов для продажи. Иначе как бы могла бы идти речь об обмене здания РДМ на здание Сергиевского — не иначе как после того как Израиль уже приобрел бы Сергиевское подворье.

Переводчик зачитывает фрагмент из протокола беседы между Кадмоном и Бодровым в гостинице «Кинг Дэвид», в которой снова говорилось об обмене Сергиевского подворья на здание Суда (РДМ).

Реакция г-на Бодрова на эту цитату из протокола: Это ни о чем не говорит.

Бодров повторяет и подчеркивает, что согласен на проверку протоколов, но одновременно вновь подтверждает, что его позиция не изменилась. Решающим аргументом является первоначальное заявление советского правительства об объектах, подлежащих продаже. Он также добавил, что советское правительство во многом пошло навстречу израильской стороне, снизив цену до 4,5 млн. долларов. Он попросил м-ра Кадмона, не записывая в официальный протокол, передать г-ну Эшколю (Леви Эшколь — премьер-министр Израиля в 1963–1969 гг. — *Н.Л.*) его заявление, а также надежду, что после этого у нас будет только еще одно заседание — уже последнее, для успешного завершения переговоров. После этого делом займутся экономисты с обеих сторон для подтверждения окончательной главной выгоды израильской стороны в этом деле»¹⁷.

Иными словами, незадолго до заключения сделки из списка объектов, предлагаемых к продаже, советской стороной исключено Сергиевское подворье, хотя, по утверждению израильской стороны, предполагалось, что оно тоже будет продано. Посол СССР М.Ф. Бодров почти прямым текстом говорит в ответ на израильские возражения, что ведь и цена сделки предполагалась в 6,5 млн. долларов, а не в 10,5 млн. израильских фунтов, как предложили израильтяне. Иными словами, сохранением Сергиевского подворья в нашей, российской, собственности мы во многом обязаны тогдашней жесткой позиции нашей делегации и лично посла Бодрова.

7 октября 1964 г., ровно за неделю до смещения Н.С.Хрущева, в Израиле, в Тель-Авиве, была заключена одна из самых позорных, предательских сделок в истории русской внешней политики. Министр иностранных дел Израиля Голда Меир и Министр финансов П. Сапир, с одной стороны, и Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Израиле М. Бодров, с другой, подписали «Соглашение о продаже правительством Союза Советских Социалистических Республик имущества, принадлежащего СССР, правительству государства Израиль».

Этот документ был впервые опубликован автором данных строк в монографии 2006 г. В настоящее время его можно найти даже на нескольких сайтах «паутины», в том числе связанных с ИППО. Но, к сожалению, как и для многих других материалов, подхваченных водоворотами интернета, никто не возьмется гарантировать надежность текста и даже элементарную правильность датировок. Думаю, в статье, посвященной печальной годовщине «апельсиновой сделки» процитировать статьи лежащего в ее основе дипломатического соглашения не только позволительно, но и необходимо. Итак:

«Правительство Государства Израиль и Правительство Союза Советских Социалистических Республик договорились о нижеследующем.

Статья 1. Правительство СССР объявляет, что оно является единственным собственником имущества, перечисленного в списке и плане, приложенных к настоящему Соглашению. Правительство СССР согласно продать это имущество Правительству Государства Израиль на условиях, изложенных в настоящем Соглашении. (Приложение: список и план).

Статья 2. В возмещение стоимости имущества, указанного в статье 1 настоящего Соглашения, Правительство Государства Израиль уплатит Правительству СССР 4.500.000 (четыре миллиона пятьсот тысяч) долларов США.

Статья 3. Выплата указанной в статье 2 настоящего Соглашения суммы будет произведена в течение двух лет со дня подписания Соглашения тремя равными долями, каждая в сумме 1.500.000 долларов США. Первый платеж будет сделан в день подписания настоящего Соглашения. Второй платеж — не позже одного года, а третий платеж — в течение двух лет со дня подписания Соглашения.

При этом одна треть каждого платежа суммой в 500.000 долларов США будет переводиться путем перевода на счет Государственного Банка СССР по его указанию, а другие две трети каждого платежа суммой в один миллион долларов США — путем зачисления на новый счет, который будет открыт по поручению Государственного Банка СССР в Банке Израиля на имя Банка для внешней торговли СССР.

Суммы, поступающие на этот счет, будут использованы Союзом ССР на закупку в Государстве Израиль товаров, представляющих интерес для

советских организаций, или оплаты услуг, по соглашению сторон, включая оплату расходов советских организаций в Государстве Израиль.

По указанному отдельному счету будут начисляться на сальдо 3–5% годовых. Поставки израильских товаров будут производиться на базе цен мирового рынка.

Правительство Государства Израиль обеспечит по мере надобности подачу лицензий на вывоз в СССР, а Правительство СССР обеспечит по мере надобности лицензии на ввоз этих товаров в СССР. Причем эти товары будут пользоваться с обеих сторон таким же режимом, который предоставлен или может быть предоставлен в будущем при вывозе таких товаров в любую другую страну и при ввозе из любой другой страны.

Подробные условия поставки товаров будут предусмотрены в контрактах, которые будут заключаться между советскими внешнеторговыми организациями и соответствующими израильскими организациями или фирмами. Обе стороны договорятся о товарах, которые будут поставлены вышеуказанным образом, а Правительство Израиля окажет необходимое содействие в заключении этих контрактов, а также будет гарантировать их точное выполнение израильскими поставщиками. Доставленные по этим контрактам товары не подлежат реэкспорту из СССР.

Статья 4. В обеспечение своевременной уплаты суммы, указанной в статье 2 настоящего Соглашения, Министерство финансов от имени и по поручению Правительства Государства Израиль выдаст Государственному Банку СССР в день подписания настоящего Соглашения не подлежащие переуступлению векселя со сроками платежей по каждому векселю, предусмотренными в статье 3 настоящего Соглашения. (Приложение).

Статья 5. Все перечисленное в приложенном к настоящему Соглашению Списке имущество перейдет в собственность Правительства Государства Израиль со дня выдачи векселей, указанных в статье 4 настоящего Соглашения, и Правительство СССР подпишет документы, необходимые для перевода имущества. Имущество перейдет в том виде, в каком оно будет находиться в день подписания Соглашения.

Предъявление каких-либо претензий и требований со стороны Правительства Государства Израиль, или любых других юридических и физических лиц как израильских, так и иностранных к Правительству СССР по имуществу, передаваемому Правительству Государства Израиль, согласно статье 1 настоящего Соглашения, исключается, а в случае предъявления претензий третьих лиц к Правительству Государства Израиль, Правительство СССР окажет ему необходимое содействие.

Правительство СССР не несет никаких расходов, связанных с продажей указанного имущества, а также оформлением права собственности Правительства Государства Израиль на имущество (налоги, сборы за регистрацию имущества и кадастрах и др.).

Статья 6. Настоящее соглашение вступает в силу со дня его подписания. В случае разногласий при толковании за основу будет принят русский текст. Составлено в Иерусалиме 7 октября 1964 года в двух экземплярах, каждый на русском языке и языке иврит, причем оба текста имеют одинаковую силу»¹⁸.

К статье 1 был приложен «Список советского имущества в Израиле, предлагаемого для продажи Правительству Государства Израиль». Приведем и его.

«Список советского имущества в Израиле,
предлагаемого для продажи Правительству Государства Израиль»

№№ п/п	Наименование имущества	Местонахождение	Площадь	Примечание
1	Земельный участок с находящимися на нем зданиями и постройками, известными под названием «Русские постройки» (обозначены на карте синей чертой), в том числе:	Иерусалим		Блок30091
	а) дом Российского генконсульства и примыкающий к нему одно-этажный каменный домик;	Иерусалим	6785 кв.м	
	б) Мариинское подворье (одноэтажное каменное здание и несколько баракков);	Иерусалим	3706 кв.м	
	в) Елизаветинское подворье (одноэтажное каменное здание);	Иерусалим	4612 кв.м	
	г) здание больницы и две сторожки;	Иерусалим	1396 кв.м	
	д) Николаевское подворье (каменное здание и бараки);	Иерусалим	1170 кв.м	
	е) старый трехэтажный каменный дом	угол Яффской и Мелисанды улиц	763кв.м.	
	ж) каменное здание с пристройкой;	Яффская ул.	ок. 1700 кв.м	
	з) участок земли с двумя каменными складами и небольшим деревянным баракком.	Иерусалим	47414 кв.м	
	Итого:		около 68000 кв.м	
2	Земельный участок на ул. короля Георга, где разбит городской сад.	Иерусалим	14113 кв.м	Блок 30037
3	Вениаминовское подворье (три небольших каменных дома площадью в 339 кв.м., цистерны).	Иерусалим	1388 кв.м	Блок 30050. н. 18
4	Здание на ул. Сулеймана	Иерусалим	3436 кв.м	

5	Земельный участок в деревне Эйн-Карем.	Эйн-Карем в 7 км от Иерусалима	5718 кв.м Стр.-145	Книга-31
6	Земельный участок в Хайфе (приморский участок).	г. Хайфа	938 кв.м	Б.10810-13
7	Участок земли в Хайфе (дом разрушен во время войны).	г. Хайфа	146 кв.м	Б.10840-28
8	Подворье Сперанского (каменное двухэтажное здание с двумя пристройками и садом).	г. Хайфа	3595 кв.м	Б. 10841. н. 10–11
9	Участок земли у Таборской дороги (т.н. «Семинарский участок»).	Близ Назарета	48135 кв.м	Б. 16539. н.1.
10	Участок земли со сторожкой (т.н. «Семинарский сад»).	Назарет	3437 кв.м	Б. 16508 н. 27–28
11	Участок земли с домом (Магли), примыкающий к Назаретскому подворью.	Назарет	1389 кв.м	Б.16504 н.92
12	Подворье б. князя Сергея Александровича (трехэтажное каменное здание).	Назарет	2064 кв.м	Б.16504 н.94
13	Участок земли в Аффуле.	Селение Аффула	8266 кв.м	Б.16661 н.38–15
14	Участок земли с двухэтажным каменным домом (площадь строения 229 кв.м)	Селение Эр-Рама	689 кв.м	Б.4, н.7
15	Участок земли с каменной оградой.	Селение Кафр-Канна	6433 кв.м	Б.17391 н.35» ¹⁹ .

Итак, список включал 15 названий — лучшие участки и здания, принадлежавшие императорской России в Святой Земле. Под номером первым шли Русские Постройки (общей площадью ок. 68 тыс.кв.м), включающие дом Российского генконсульства, Мариинское подворье (ныне «Музей еврейского Сопротивления»), Елизаветинское подворье (ныне СИЗО), Николаевское подворье и др. здания. Далее следовали: участок Мамилла (более 14 тыс.кв.м — ныне городской сад Короля Георга), Вениаминовское подворье (снесено в 2010 г.), упоминавшийся выше земельный участок в Айн-Кареме, три участка в Хайфе, четыре участка в Назарете (в том числе трехэтажное здание Подворья им. Великого Князя Сергея Александровича) и др.²⁰ В общей сложности Израилю было продано 22 объекта площадью около 168 тыс.кв.м.

Согласно статье 3-ей, если пересказать ее более внятным языком, израильская сторона обязывалась выплатить 1,5 млн. долларов в свободно конвертируемой валюте, а 3 млн. зачислить, несколькими траншами, на особый счет Банка для внешней торговли СССР. В октябре 1964 г. был начислен первый взнос — полмиллиона долларов в свободной валюте и один миллион — в местной валюте, подлежащей использованию для закупки

израильских товаров. Последующие взносы предполагалось начислить в октябре 1965 г. и в октябре 1966 г., но они сделаны не были, т.к. Банк Израиля обусловил перевод сумм дополнительным «соглашением сторон» о платежах за услуги с этого счета, а также о списках товаров, которые Советский Союз закупит в Израиле. В конце концов Минвнешторгом были даны указания закупить в Израиле в счет Соглашения верхний трикотаж на сумму 800 тыс. американских долларов и шерстяную пряжу на сумму 500 тыс. амер. долларов. 16 марта 1965 г. Совмин СССР разрешил Министерству иностранных дел использовать средства, поступающие на счет Банка для внешней торговли, на строительство в Тель-Авиве здания и служебных помещений для советского посольства. На строительство предусматривалось потратить около 1,2 млн. долларов. Использование этой суммы должно было производиться в течение трех лет. Однако, до Шестидневной войны и разрыва дипломатических отношений с Израилем в 1967 г. строительство даже не было начато²¹.

Таким образом, позорную сделку 1964 г. журналисты напрасно называют «апельсиновой». Ее можно назвать разве что «трикотажной», но от этого ни России, ни русскому присутствию на Ближнем Востоке не легче. 22 объекта Русской Палестины, причем лучших и важнейших (см. выше), «ушли» за 4,5 млн. долларов. Даже при том, что доллар тогда раз в десять дороже стоил, чем сегодня, это всё равно символическая сумма. Ущерб состоял не только в финансовом просчете. Люди, принимавшие решение, вовсе не понимали, не осознавали историко-культурного, духовного, религиозно-цивилизационного значения Иерусалима вообще и Русского Иерусалима для России, не видели будущего за русским православным паломничеством и даже светским туризмом на земную родину Спасителя, не понимали даже архитектурного и градообразующего значения Русских Построек для исторического облика Иерусалима. Не видели, не могли, не понимали... Как будто соответствующего «мозгечка» чисто биологически не имели... Где гарантия, что имеют его те, кто принимает решения сегодня?

Похоже, мы имеем здесь дело с *самым тяжким клиническим сбоем* МИДовской вертикали во всей истории нашего присутствия в регионе. Да и вообще в истории России сделку 1964 г. можно сопоставить только с продажей Русской Аляски правительством Александра II в 1867 г.

...7 октября 1964 г. подписали сделку, 14 октября 1964 г., в праздник Покрова Богородицы, сняли Н.С. Хрущева, чуть ли не на следующий день отозвали М.Ф. Бодрова из Израиля. Казалось бы, можно ставить точку. Но в 1972 г. в Святую Землю приезжает из Америки вновь назначенный начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (юрисдикции РПЦЗ) архимандрит Антоний (Граббе). Первое, что он делает, подает в иерусалимский суд иск к правительству государства Израиль. Он хочет судиться

с правительством государства Израиль за то, что оно в 1964 г. незаконно якобы продало Советам собственность, которая должна принадлежать зарубежной Русской Православной Церкви. И он выиграл процесс: отсудил у государства Израиль 7 млн. долларов отступного²². При этом обратим внимание, что никаких прав на проданную в 1964 г. собственность ни Антоний (Габбе), ни Зарубежная Русская Церковь не имели вообще. Потому что, ни один крупный церковный объект в список торгов не входил. Продано было имущество (подворья и участки), принадлежавшие Российскому Императорскому правительству и Императорскому Православному Палестинскому обществу, но не Церкви и не Русской Духовной Миссии. Вот то, что я называю сбоем вертикали. Никому это не пришло в голову. Израильтяне, в конце концов, рады были отдать ему даже 7 млн. долларов, что в полтора раза превосходит сумму самой сделки, чтобы этот судебный фарс прекратить. Такой, можно сказать, был эпилог у «апельсиновой сделки».

Но... сбить так сбить. Злоключения с русской собственностью в Иерусалиме не кончились и на этом. Слава Богу, М.Ф. Бодров вычеркнул тогда из списка проданных объектов Сергиевское подворье, которое в результате теперь вновь принадлежит России. Но он вычеркнул, как явствует из цитированной выше записи переговоров 1963 г., еще как минимум один объект — автостоянку машин на улице Короля Георга, т.е. так называемый «второй мансуровский участок». История с ним тоже имела продолжение.

25 мая 1992 г. Президиум Верховного Совета, за подписью председателя Совета Р.И. Хасбулатова принял постановление о возвращении Российскому Палестинскому Обществу, брошенному при распаде страны на произвол судьбы Академией наук, которая, как мы видели, и раньше не знала, что с ним делать, его исторического названия «Императорское Православное Палестинское Общество» и о принятии Общества «под юрисдикцию Российской Федерации в качестве международной общественной организации». В постановлении был еще один пункт: «Рекомендовать Правительству РФ принять необходимые меры по практическому восстановлению и возвращению ИППО его имущества по имеющимся документам и другим официальным свидетельствам»²³. Год спустя, 14 мая 1993 г., В.С. Черномырдин подписал распоряжение Совета Министров «поручить МИДу России провести с участием Госкомимущества России переговоры с израильской стороной о восстановлении права собственности Российской Федерации на здание Сергиевского подворья (г. Иерусалим) и соответствующий земельный участок»²⁴. По достижении результата предписывалось передать квартиру РПО, которая существовала с 1951 г., «в бессрочное пользование ИППО». Распоряжение поступает в МИД, МИД дает поручение послу в Израиле. Это был, как он сам себя называл «ненастоящий посол» — А.Е. Бовин. Далее обращаемся к его воспоминаниям.

«Распоряжением от 30 апреля 1993 г. Совет Министров РФ поручил МИДу провести переговоры относительно здания РДМ и Троицкого собора и при достижении согласия оформить эти объекты как собственность Московской Патриархии. 14 мая последовало распоряжение о восстановлении прав собственности на здание и участок Сергиевского Подворья. 22 июня посольство направило ноту в МИД Израиля, где предложило определить время начала переговоров и состав участников с израильской стороны. <...> У израильтян не было сомнений в том, что Советский Союз имел права на здание РДМ и Троицкий собор. С Сергиевским Подворьем все было гораздо сложнее. Поэтому *мы решили* снять Подворье с повестки дня и сосредоточиться на Миссии и соборе. Вместе с тем *мы предложили* израильтянам обсудить *более простой и быстро решаемый вопрос* об участке на улице Кинг-Джордж (курсив наш. — Н.Л.)»²⁵.

Почему же вдруг вместо огромного и великолепного Сергиевского Подворья, являющегося для всех знакомых с проблемой символом русского присутствия в Иерусалиме, возникает, без ведома МИД (потом, конечно, все было согласовано) сюжет о небольшой автостоянке? Причины проясняет последующий текст Бовина. «Параллельно возник другой вопрос: что будем делать с участком на Кинг-Джордж? Место великолепное, центр Иерусалима. Я предложил построить здание для русского культурного центра. В МИДе эта идея не встретила поддержки. Было принято другое решение: построить на участке комплекс служебно-жилых зданий. Выбор был остановлен на фирме «Давар Пашут Лтд.», пользующейся солидной репутацией в Израиле. Фирма обязалась за свой счет получить соответствующие разрешения, спроектировать и построить комплекс зданий. Часть помещений предполагалось передать фирме в долгосрочную аренду для возмещения затрат на строительство, другую часть предполагалось сдавать с целью внебюджетного финансирования МИД России»²⁶.

Достаточно представлять себе инвестиционную ситуацию не то что в Иерусалиме, а и в современной Москве, чтобы понять, где зарыта собака. «Внебюджетное финансирование» чиновников МИД в Израиле и в Москве определило «цену вопроса». Большой сбой повлек за собой серию малых. Они нашли какую-то израильскую фирму, которая прописала фиктивный контракт на строительство и прочее, а через пару лет, не приступив к строительству, фирма исчезла, её вообще больше нет. А права на собственность мы практически, по оценке знающих людей, потеряли.

Вот что такое *сбои вертикали* — говорим ли мы о казусе Хрущева-Бодрова или о казусе Ельцина-Козырева-Бовина.

- ¹ Цит. по: *Лисовой Н.Н.* Подворья Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме. М., 2012. С. 109.
- ² Постановление Совета Министров СССР № 2392–930сс от 31 мая 1950 г. — об учреждении в государстве Израиль представительства Российского Палестинского Общества при АН СССР.
- ³ Распоряжение Совета Министров СССР № 15175-РС от 25 сентября 1950 г. — о возобновлении деятельности Палестинского Общества и утверждении штатов его представительства в государстве Израиль.
- ⁴ Архив ИППО. Документы РПО. Папка «Заявления, списки членов РПО. 1950–1961 гг.». Опубликовано нами: Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2014. С. 310^н сл.
- ⁵ Подробнее, с архивными ссылками на документы, см.: *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. С. 434–436.
- ⁶ Нота №181 от 9 мая 1951 года // АВП РФ. Ф. 89. Оп. 4. Папка 3. Д. 1. Нота не вошла в сборник документов «Советско-израильские отношения. Т. 1. 1941–1953. Кн.2. Май 1949–1953» (М., «Международные отношения», 2000). Публикуется впервые.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Нота МИД Израиля от 29 апреля 1952 г. // Советско-израильские отношения. Т. 1. 1941–1953. Кн.2. Май 1949–1953. С. 350–352. См. также: *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке. С. 406–408.
- ⁹ 6 декабря 1922 г. Н.Н. Глубоковский писал из Белграда в Астрахань А.А. Дмитриевскому: «А.А. Ширинский-Шихматов в Баварии (Мюнхен), Н.Д. Жевахов в Берне и что-то изучает по Палестинскому Обществу, а начальником Русской Духовной Миссии <в Иерусалиме> недавно назначен курский архим<андрит> Иероним» (Сосуд избранный. [Т. 1]. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах и письмах деятелей Русской Православной Церкви. СПб., 1994. С. 320).
- ¹⁰ Копия, заверенная Конференцией РАН 27 июля 1921 г.//АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/6. Д. 10. Л. 9.
- ¹¹ Документ подписан замещавшим С.Ф. Ольденбурга академиком А.А. Шахматовым.
- ¹² АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/7. Д. 122. Л. 50.
- ¹³ Нота Посольства СССР в Великобритании от 5 марта 1945 г. Приложение: Список русского имущества в Палестине//АВП РФ. Оп.36. П.117. Д.10. Л. 1–5.
- ¹⁴ Письмо Президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова Министру иностранных дел В.М. Молотову № Ио-2/ 001097 от 4 апреля 1953 г. См. также: Письмо академика А.В. Топчиева в МИД СССР № Ио-2/0233 от 24 декабря 1952 г. и письмо Президиума АН СССР в МИД СССР № Ио-2/0467 от 16 февраля 1953 г.
- ¹⁵ Письмо представителя Российского Палестинского Общества в Израиле А. Волкова к ученому секретарю Общества В.Д. Бобкову. Иерусалим, 18 февраля 1963 г. // Архив ИППО. Копия. С. 1. Публикуется впервые.
- ¹⁶ Там же. С. 2.

- ¹⁷ Протокол заседания по делу переговоров с правительством России о продаже русской собственности в Иерусалиме. Иерусалим, канцелярия Генерального Опекуна, 30 октября 1963 г. Публикуется впервые. Пер. с иврита Р. Гультьева, которому автор выражает сердечную благодарность.
- ¹⁸ Соглашение о продаже правительством Союза Советских Социалистических Республик имущества, принадлежащего СССР, правительству государства Израиль от 7 октября 1964 г. — Цит. по копии, находящейся в Архиве ИППО. См. также: *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке. С. 409–411.
- ¹⁹ Соглашение о продаже... Приложение к ст. 1. Цит. по копии, находящейся в Архиве ИППО.
- ²⁰ Подробнее: Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле // Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. 1. М., 2000. С. 691–719. История подворий: *Лисовой Н.Н.* Подворья Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме. М., 2012. В книгу не вошла по техническим причинам глава о Николаевском подворье ИППО, напечатанная в Палестинском сборнике: *Лисовой Н.Н.* Николаевское подворье ИППО в Иерусалиме // Православный Палестинский Сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 85–98. Иллюстрированное описание подворий см.: *Лисовой Н.Н.* Откровение Святой Земли. Опыт исторического путеводителя. М., 2012. С. 46–53 и др.
- ²¹ О советском имуществе в Израиле. (Справка Управления стран Ближнего Востока и Северной Африки МИД СССР). 4 ноября 1986 г. — Цит. по копии, находящейся в Архиве ИППО.
- ²² *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке. С. 412–413.
- ²³ Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации «Об Императорском Православном палестинском Обществе», № 2835-1, от 25 мая 1992 г. // Архив ИППО (Москва).
- ²⁴ Совет Министров — Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 14 мая 1993 г. № 832-р. г. Москва // Архив ИППО (Москва).
- ²⁵ Бовин А.Е. Записки ненастоящего посла. Из дневника. М., 2001. С. 241–242. Под «участком на улице Кинг-Джордж» автор имеет в виду тот самый участок, который еще Бодровым был изъят из «списка продаж» в 1963 г. (см. выше).
- ²⁶ Там же. С. 242.

К ПРЕДЫСТОРИИ
РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ:
ДОКУМЕНТЫ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
АНАЛИТИКИ 1850-Х ГГ.

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ НА ВОСТОКЕ

А.Г. Влангали

Публикуемая ниже записка, составленная в январе 1858 г., сохранилась в фонде великого князя Константина Николаевича (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 1–27об.) и относится ко времени создания концепции русского политического, церковного и гуманитарного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке после Крымской войны. Автор записки, Александр Георгиевич Влангали (1824–1908), был известен не только как выдающийся географ и геологоразведчик, но также как историк-экономист и дипломат, занимавший важные дипломатические посты. Он родился в семье востоковеда Георгия Михайловича Влангали (1781–1834), константинопольского грека, в июле 1820 г. принятого на русскую службу. Назначенный первоначально переводчиком восточных языков при главноуправляющем в Грузии А. П. Ермолове, Георгий Михайлович как знаток турецкого и персидского языков в мае 1823 г. получил должность начальника и профессора созданного при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Учебного отделения восточных языков. Новое Отделение сразу приобрело международную известность, так как далеко не во всех европейских странах можно было изучать греческий, персидский и турецкий языки (известно, что к Георгию Михайловичу приезжали учиться студенты из Франции). Во время Русско-персидской войны 1826–1828 гг. Г.М. Влангали был откомандирован в штаб главнокомандующего на Кавказ, с 1827 г. состоял при И.Ф. Паскевиче; в 1828–1829 гг. он принимал участие в Русско-турецкой войне, участвовал в переговорах о заключении Туркманчайского (10/22 февраля 1828 г.) и Адрианопольского (2/14 сентября 1829 г.) мирных договоров.

Александр Георгиевич Влангали получил образование в Институте корпуса горных инженеров в С.-Петербурге и первые пятнадцать лет служебной деятельности блестяще проявил себя на геолого-разведочном и

географическом поприщах. По окончании Горного корпуса в мае 1843 г. он в течение двух лет занимался горно-инженерной деятельностью, одновременно продолжая обучение в Горном институте (1843–1845), затем в чине поручика получил назначение на Алтайские заводы. После командировки на Алтай, где с апреля 1846 г. работал в партии сереброискателей между реками Бия и Катунь, Влангали был определен преподавателем горного отделения Барнаульского окружного училища.

В 1849 и 1851 гг. Александр Георгиевич участвовал в экспедиции под руководством инженера-полковника корпуса горных инженеров Егора Петровича Ковалевского через Семипалатинск и Киргизскую степь к Кульдже, где 25 июля / 6 августа 1851 г. был заключен Кульджинский трактат, положивший начало регулярной торговле России с Западным Китаем и способствовавший приобретениям России в Туркестане. В Киргизской степи Влангали занимался изысканием руд и золотоносных россыпей. По результатам экспедиции им был составлен физико-географический очерк региона Семиречья (термин, впервые введенный им в научный оборот) и Джунгарского Алатау, где приведены подробные сведения о характере долин семи рек. С тех пор Влангали стал известен как крупнейший географ и первый геолог региона между путешествиями Я. В. Ханькова и Пржевальского. В 1850 г. он был назначен приставом Петровского и Карамышевского рудников; в том же году им был доставлен в Петербург первый караван серебра.

В дальнейшем продвижении Влангали по служебной лестнице немало важную роль сыграл Е.П. Ковалевский — в 1851 г. Александр Георгиевич причислен к главному управлению Корпуса горных инженеров, с 1852 г. он становится смотрителем главной физической обсерватории в Петербурге, а затем старшим адъютантом штаба Корпуса горных инженеров. В 1855 г. Влангали был прикомандирован к штабу главнокомандующего Южной армией и военно-сухопутными и морскими силами в Крыму князя М.Д. Горчакова, где в 1853–1855 гг. находился и Ковалевский.

В июне-августе 1855 г. Влангали находился на позициях при Инкермане, состоял при управлении генерал-квартирмейстера в должности старшего адъютанта для занятий по инженерной и артиллерийской частям. В августе 1856 г., после сражения на Черной речке, Влангали был направлен в Севастополь в распоряжение Э. И. Тотлебена и в должности старшего инженерного офицера руководил оборонными работами на Малаховом кургане. За храбрость, проявленную при отражении штурма Севастополя, Александр Георгиевич был награжден орденом Святого Станислава второй степени с мечами.

После войны в 1856 г. Влангали был командирован в разведочную партию в Олонецкий край, где были открыты месторождения железных руд, а затем направлен в распоряжение Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. После Крымской войны последовала смена руководства

Министерства иностранных дел — в 1856 г. управляющим министерством был назначен князь А.М. Горчаков, а директором Азиатского департамента — Е.П. Ковалевский, зарекомендовавший себя как «энергичный и инициативный деятель, выступавший за проведение национальной внешней политики, за ее активизацию, особенно на Среднем Востоке и Балканах»¹. Возможно, с этим назначением связано и вступление на дипломатическую службу А.Г. Влангали, командированного 13 июня 1858 г. с особым поручением в Черногорию, где он пробыл до 14 января 1859 г. (Кстати, именно в Черногории Ковалевский впервые проявил себя в качестве дипломата).

По возвращении из Черногории Александр Георгиевич с 28 марта 1859 г. по 1 июля 1860 г. находился в командировке по поручению Русского общества пароходства и торговли, а затем 26 сентября 1860 г. был назначен генеральным консулом в Сербию. 27 июля 1863 г., в чине полковника, присвоенном в 1862 г., он получил назначение чрезвычайного посланника и полномочного министра в Китае, где провел (с перерывом в полтора года) десять лет. Помимо выполнения непосредственных обязанностей, он содействовал Н.М. Пржевальскому во время его экспедиций по Китаю, а также совместно с младшим коллегой Е.К. Бюцовым собрал большую китайскую коллекцию, находящуюся в Эрмитаже. 11 мая 1873 г. Влангали по прошению вышел в отставку, которая продолжалась без малого десять лет.

Характеризуя продвижение Влангали по службе, А.А. Половцов, статсекретарь Александра III (Влангали сменил его на этом посту в 1889 г.), писал в марте 1891 г.: «Влангали я знаю скоро 40 лет. Это добрый, честный человек, не способный ни на какой двусмысленный поступок. По происхождению он грек, отец его был морским офицером, кажется в Черном море, он состоял, не знаю почему, в близких сношениях с семейством гр. Строгановых. Эта протекция и была исходною точкою карьеры нынешнего Александра Георгиевича. Небольшой ростом, ни в каком отношении не блестящий, воспитанник Горного корпуса, вероятно, и загдох бы на горной службе, если бы не попал, благодаря представительству сильных мира, сначала в комиссию об определении границ Сербии, потом, если не ошибаюсь, генеральным консулом в Сербию, а затем посланником в Пекин, где пробыл 10 лет... После 10-летнего пребывания в Пекине Влангали предъявил притязание на получение посланнического места в Европе, но кн. Горчаков расхохотался, уволил его от службы и дал 5 тыс. руб. пенсии. Несколько лет Влангали скитался по главным центрам, везде сводя знакомство с более знатными жителями и в особенности русскими, за границую проживающими»².

После того как в марте 1882 г. министром иностранных дел стал Н.К. Гирс, с которым Александр Георгиевич близко сошелся, когда тот был еще генеральным консулом в Александрии, Влангали был назначен товарищем министра иностранных дел (2 июня 1882 г.). Поясняя выбор Гирса, Половцов писал, что когда «на место Горчакова был назначен... Гирс, ему, конеч-

но, захотелось назначить товарищем такого человека, который, благодаря нравственным качествам, никогда не мог бы затмить его, Гирса... На этом посту он не замедлил сделаться любимцем всего петербургского и в особенности дамского общества. Он был приглашаем во всех углах, где горели две свечи, начиная с вел. княгинь. В делах он выказывал чрезвычайную любезность, предупредительность и полную безличность. Гирсу все менее и менее нравилась, с одной стороны, его популярность, а с другой — то, что он избегал всякой ответственности и все сваливал на самого Гирса. Он спустил Влангали с почетом на место посла в Риме. Когда он впервые предложил государю эту кандидатуру, то государь отвечал: “Помилуйте, Николай Карлович, какой это посол”, а вслед за тем уступил настояниям...»³.

Как бы то ни было, с 12 марта 1891 г. по 8 июня 1897 г. Влангали, занимавший перед тем пост статс-секретаря Его Императорского Величества, находился в качестве чрезвычайного и полномочного посла в Риме. По освобождении от должности он был назначен членом Государственного Совета, а с 1906 г. входил в состав неприсутствующих членов Гос. Совета, проживая в Сан-Ремо (Италия), где и скончался в возрасте 84-х лет⁴.

Публикуемая записка написана в январе 1858 г., когда Влангали состоял в Русском обществе пароходства и торговли (РОПИТ), учрежденном 3 августа 1856 г. в Петербурге. В январе 1857 г. по поручению великого князя Константина Николаевича в Святую Землю был командирован сотрудник РОПИТ и Морского министерства Б.П. Мансуров, целью которого было не столько объявленное во всеуслышание «собрание нужных практических материалов и приготовление на основании оных путеводителя к святым местам», сколько ознакомление с политической ситуацией на Востоке и поиском такой стратегии России, которая могла бы «привести наше вмешательство на Востоке в такую *неполитическую форму*, которая обезоружила бы наших противников»⁵. Другими словами, предстояло выработать новую концепцию отношения России к турецкому правительству, к западной дипломатии, греческому высшему духовенству Константинопольского и Иерусалимского Патриархатов, к их многонациональной пастве (в первую очередь арабам и славянам).

По возвращении из Палестины Б. П. Мансуров представил великому князю Константину Николаевичу отчет, который 24 декабря 1857 г. был напечатан в нескольких экземплярах и разослан для обсуждения разным лицам, как светским, так и церковным⁶. Отзывы на отчет Мансурова представили сотрудник РОПИТ В.М. Жемчужников, секретарь российского посольства в Афинах В.С. Неклюдов, министр народного просвещения А.С. Норов, архимандрит Порфирий (Успенский). В обсуждении приоритетов и способов русского присутствия на Ближнем Востоке принял участие и А.Г. Влангали. Автор записки, представленной великому князю в январе 1858 г., проявил себя как специалист по внешнеполитическим и

церковным делам Востока, прекрасно осведомленный как об успехах европейской дипломатии, так и о слабых местах российского дипломатического представительства, явно недостаточного, по его мнению, для престижа России, уступавшей в этом отношении другим европейским державам.

Несмотря на скептические отзывы некоторых современников о Влангали как дипломате (по мнению того же Половцова, Влангали «ни говорить, ни писать не умеет»⁷), представленный им аналитический обзор экономических, политических и дипломатических отношений между великими державами, в том числе Россией и Османской империей, а также его предложения по расширению и укреплению межцерковных контактов с Греческими Патриархатами отмечены ясным пониманием проблем, связанных с российским присутствием в ближневосточном регионе, глубоким проникновением в предмет обсуждения и чувством искреннего патриотизма.

Соображения Б. П. Мансурова, дополненные предложениями привлеченных экспертов, легли в основу доклада великого князя Константина Николаевича императору Александру II об «усилении влияния России в Средиземном море и в Палестине», представленного императору 27 февраля 1858 г.⁸ и положившего начало первому этапу строительства Русской Палестины.

И.Ю. Смирнова

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ НА ВОСТОКЕ

Несмотря на большое количество единоверцев, населяющих Восток, Россия по сношениям своим с ним казалась более удаленною от него, чем другие европейские государства. Отсутствие прямых сношений России с различными частями Оттоманской империи, при неимении в оных политических и торговых агентов, давали часто перевес влиянию западных держав. Боясь как бы* излишних расходов и полагая, что влияние в Сирии и Египте только зависит от такового в Константинополе, правительство не озабочивалось хорошим выбором агентов при их назначении и не готовляло на то людей.

Между тем как Франция и в особенности Англия поняли, что без людей, хорошо знающих страну, обычаи ее жителей и отношения ее к Царьграду, на Востоке достигнуть никаких прочных результатов не возможно. Все удачи в Сирии и других местах, которыми бы могла похвалиться наша восточная дипломатия, ничто пред теми, которые достигают другие державы, потому что некому наблюдать за приведением их в исполнение.

---

* Здесь и далее — подчеркивание в оригинале документа.

Россия, столь великая держава, защитница Православия, имела до настоящего времени на Востоке, где узел наших религиозных интересов, почти такое же число агентов, как малые европейские государства. Действия же ее были робки, как бы боясь, чтобы не подавать повод к неудовольствию другим первоклассным державам.

Начиная с Константинополя <и> до пределов Египта, Россия имела только двух представителей: в Смирне и Бейруте, и к этому последнему относились все дела Св. Земли. В других же восточных городах были консульские агенты или вице-консулы различных наций, различных вероисповеданий, не исключая даже и евреев. Агенты эти, без сомнения, ничего не стоили Правительству, потому что их политическое уже значение в городе доставляло зачительные выгоды их коммерческим оборотом. Может быть некоторые из этих лиц и доставляли кое-когда сведения о той местности, в которой они проживали, но могло ли православное население видеть в них покровителей и защитников от магометан? Могли ли они служить поддержкою и даже часто наставлять греческое и арабское духовенство?

Россия на Востоке сильна Православием; а Православие сильно только единством. Имя России произносится во всех углах, где живут ее одноверцы потому, что они считают ее защитницею своей религии и потому что с этим именем они соединяют надежду на освобождение свое от ига неверных.

Лет тридцать тому назад представительство прочих первоклассных государств Европы было сосредоточено в некоторых богатых торговых домах, первенствовавших в каждом городе; но с увеличением сношений своих с Востоком, они убедились, что такая система не только бесполезна, но даже вредна, ибо бывает причиною многих злоупотреблений. Одна только Австрия и Россия поддерживают еще эту систему и за то смело можно сказать про первую, что кредит ее агентов незначительный. Не говоря уже об Англии, которая умеет везде поставить полезных и национальных агентов, Франция подвергла своих строгому выбору, начала готовить к тому людей, обращать внимание на их вероисповедание и убедилась, что тогда только она действительно покровительница католицизма на Востоке, когда назначения агентов не падали на лица другого вероисповедания. Обставив дело таким образом, она не смотрит, признает ли официально Турецкое Правительство ее религиозный протекторат или нет, она им орудует, и все народонаселение, все агенты прочих держав признают его таковым. Следствия этого то, что всякий православный завидует положению католика, который может искать покровительства, даже если он турецкий подданный.

Для того, чтобы более убедить в своих покровительственных правах, Франция имеет эскадру в водах Леванта, и в продолжение лета военные суда этой эскадры крейсируют поочередно вдоль берегов Сирии. Вероятно, крейсерство это не будет прекращаться и зимою, несмотря на трудное плавание вдоль этих берегов в зимнее время года.

Находя большую и теплую поддержку в представителях Франции, католическая пропаганда всё более и более распространяет свои действия: лазаристы учреждают училища, где их нет и расширяют их там, где они существуют, а сестры пекутся о воспитании девушек и сирот. Вследствие этого французский язык беспрестанно раздается на улицах, а католицизм утверждается.

Англия на этом поприще не мешает Франции. У ней также есть пропагандисты, но они большею частию миссионеры от разных обществ и покровительствуются только потому, что английские подданные. При том число их невелико. Англия ведет пропаганду совсем с другою целью: ей нужно, чтобы цифра как тех, которым она покровительствует, так и англикан была большая, для того, чтобы иметь более прав и поводов вмешиваться в дела Востока.

Протестанты, в последнее время, заметно расширили круг своих действий, и это едва ли не должно приписать религиозному направлению идей царствующего ныне короля Прусского⁹, который сделал для сей цели немалые денежные пожертвования. Впрочем, они действуют с большим успехом на евреев, которым более доступны простота обрядов протестантских и незначительные требования от последователей этой религии. К приобретению в паству свою магометан или арабов других исповеданий протестанты были бы весьма рады; но на этом поле плоды их ничтожны, несмотря на большие издержки, потому что самый характер проповедников так противоположен характеру жителей Востока.

Действия англикан и пуританов, к сожалению, вселяют разврат между жителями и особенно между христианами. Предлагая большие деньги за обращение, уплату на несколько лет податей, что другие вероисповедания по значительным уже паствам делать не могут, они отторгают арабов от другой Церкви к своей и эти переходы нередко повторяются несколько раз с одним и тем же лицом. Утомительно то, что во втором христианском поколении подобных переходов уже не бывает, и они утверждаются или в православии, или в католицизме.

Протестанты имеют также во многих местах свои училища. В особенности замечательно училище диаконисс в Смирне, в которое помещают своих детей и православные. Последние предпочитают это заведение католическим. Мало-помалу подобные заведения будут учреждаемы в других городах Востока.

Действия греческого духовенства осуждаются всеми русскими, посещавшими святыя места. Они упрекают его в корыстолюбии, в небрежности к пастве и в недостаточном благочестии. Без сомнения, пороки эти велики для лиц духовных, но должно смотреть на все это с большею снисходительностию и соболезновать об обстоятельствах, в которых поставлено восточное духовенство.

Это последнее вообще может быть разделено на два разряда: на окружающее патриаршие троны и на пребывающее в малых городах и селах.

К второму разряду относится также арабское духовенство; оно бедно, скромно, простодушно, благочестиво, но необразованно.

Борьба вечная с магометанами и еще более с другими вероисповеданиями, интриги, которым первый разряд духовенства должен противодействовать, денежные средства, на то потребные, не могут не развращать его. К тому же присоединяется честолюбие и желание достигнуть высших иерархических мест. Не встречая такой политической поддержки, как католики, оно смотрит на деньги и на хитрость как на единственные доводы к достижению своих целей; очевидно, что при таких обстоятельствах религиозные правила часто заглушаются. Средства, которые приобретает духовенство на Востоке, не идут на одно поддержание духовенства, церквей и удовлетворение незаконных требований местных властей; но также на облегчение участи бедных жителей христиан-арабов, которые при увеличении старых налогов, при установлении новых, при требовании выкупа от поставления рекрут, обращаются часто за помощью к духовенству, и Патриаршие троны отказывают только при невозможности исполнить эти требования. Отказы эти часто охлаждают отношение паствы к Патриархам и потому последние стараются по возможности им удовлетворять.

Действительно, где найти такие средства, чтобы противустать подобным расходам — расходам бесконечным, потому что местные высшие турецкие власти ненасытны. Турки очень хорошо понимают, что где есть архиерей, там есть большие средства, и они теснят народ, который приступает и требует помощи от своего епископа. Где же последнему взять столько денег? Он, разумеется, потерпев немного и видя безвыходность своего положения, оставляет свою епархию без надзора ее собственному управлению и возвращается к месту, где пребывает Патриарх.

Нужно иметь гибкий и бойкий ум греков, отличное знание Востока, его обычаев, нравов; нужно, так сказать, родиться в нем, чтобы удержаться в таком положении, в каком доселе удержалось греческое православное духовенство на Востоке, и чтобы оно не было сознано другими исповеданиями.

При этом непрерывном напряжении способностей к отысканию средств удержать свое положение, защитить восточных православных христиан, умерить гонения на них, не могло быть обращено должное внимание ни на училища, ни на храмы. Греческое духовенство боится украсить какую-либо церковь, чтобы не привлечь внимания турок, не раз грабивших храмы; оно не поддерживает училища, потому что за ним нет присмотра, нет посторонних побуждений к тому. Патриархи большею частию уже в летах и слабые, или не жили в своем городе, или же, если и жили там, то подпали под влияние своих помощников, которые не столько думали о принципах, как о том, чтобы забрать бльшую власть. Некому было их удерживать на прямом пути и влиять на них. Русский консул, которого действия должны были обнимать огромное пространство, не смог везде находиться, и дело

обходилось одною бесконечною перепискою. Впрочем, куда он поспевал и действовал с твердостью и благоразумием, дело поправлялось, что служит еще бльшим доказательством, что недостаток представительности нашей на Востоке много способствовал настоящему положению дел.

В пример этому последнему можно привести Александрийский Патриархат, который, несмотря на то, что получал довольно большие субсидии из России, благодаря беспечности и малому сочувствию наших представителей в Египте, приходит в совершенный упадок. Вступив в права генерального консула и несмотря на то, что он был другого исповедания, г. Гирс¹⁰ убедился, что существовавшее состояние Александрийского Патриархата было вредно для Православия. Патриарх Иерофей II¹¹, человек почтенный, удрученный годами и болезнью, был окружен многими лицами, которые не столько смотрели на пользу дела, как на собственные выгоды. Г. Гирс начал свои действия тем, что убедил Патриарха удалить окружающих его ненадежных лиц и избрать новых, которые совокупили бы старания свои на поддержание и упрочение Патриаршего трона и православия в Египте. Начали строиться во многих местах новые церкви, училище улучшено и частные богатые лица, видя полезное употребление денежных средств, охотнее стали жертвовать на Церковь.

Говоря про Александрийский Патриархат, не мешает упомянуть о весьма странном обстоятельстве, что со времени основания в Александрии российского генерального консульства не было назначено туда, до 1858 года, ни одного православного генерального консула, между тем как главные дела в этом пункте религиозные. Нередко даже и подчиненные их были других вероисповеданий.

Пример Александрийского Патриархата разителен и в отношении к другим, и можно смело сказать, что если бы греческое духовенство в Сирии и Палестине знало бы, что оно имеет сильную политическую опору и что за действиями его наблюдают, то и действия и поступки его были бы совершенно другие.

Здесь является другой вопрос: прилично ли России открыть с греческим духовенством явную борьбу и стараться ограничить его круг действий, упираясь на то, что проявляются часто его злоупотребления и что иго его тяготеет на другие разноплеменные, но одноверные с ним народы?

На это можно отвечать положительно что: едва ли, в особенности если действия будут быстры и недостаточно обдуманы, т. е. следствием одного воображения. Результатом будет несомненно ослабление Православия, и это будет новое ужасное оружие в руках наших религиозных врагов.

Перелистывая историю последних четырех столетий на Востоке, мы видим везде, что, несмотря на бесконечные вековые гонения, греческое духовенство сумело сохранить веру свою во всей чистоте и что если бы оно сколько-нибудь ослабело, то может быть почти все христианские племена, подчиненные туркам, давно забыли бы Православие.

Много ли восточных греков оставили религию своих предков, несмотря на потоки крови, которыми обливались их семейства?

И в других православных племенах когда проявлялось ослабление к вере? Тогда, когда влияние на них греческого духовенства было ослаблено какими-нибудь политическими обстоятельствами.

Греческое восстание в 1821 году ослабило влияние духовенства, и тогда-то более сто тысяч болгар обратились к Римской Церкви.

Успехи католицизма между славянами, подпавшими под владычество Австрии и отпавшими, так сказать, от влияния восточного духовенства, слишком известны; и наконец, между славянами турецкими действие католицизма тогда успешнее, когда австрийское правительство сильнее влияет на Порту.

Греческое духовенство обвинялось в последнее время в том, что все духовные должности отдаются фанариотам. Но обвинители, к сожалению, говорили понаслышке, не зная даже, что такое фанариоты, какое число их, и, если бы они потрудились перебрать духовенство, то увидели бы, что в нем находятся и славяне, и архипелагские греки и арабы. Если число греков больше, то потому, что эти последние, по своей образованности, по своей любви к учению, стоят выше других племен. Стоит только бросить взгляд на статистические таблицы Греческого Королевства, чтобы убедиться в любознательности этого народа. Во всем Греческом Королевстве считают около 1 миллиона жителей, а в школах до 200 тыс. учащихся.

Духовенство обвиняют в том, что оно грабит паствы, но кто потрудился сосчитать, какие у духовенства расходы, какие подати оно должно платить туркам, какие лежат долги на Константинопольской Церкви, какие расходы им предстоят при испрашивании чего-нибудь у турков и, наконец, что им стоят такие споры, как, например, Восточная война, где против западных врагов у них одно может быть средство — деньги?

При настоящей степени образованности прочих христианских племен, кроме греков, в Турецкой империи, спрашивается: если разрушить совершенно связь народа с духовенством и изгнать его, может ли оно замениться национальным православным, может ли Россия заместить его своим? Очевидно, нет, и, следовательно, поддерживая спор, мы только отворяем ворота западному духовенству, которое при своей бдительности и энергичности не упустит воспользоваться случаем.

Россия должна являться на Востоке примирительницею различных племен, тогда только влияние ее будет действительное и преобладающее. Франция это очень хорошо поняла, и потому влияние ее везде усилилось с тех пор, как она начала указывать всем восточным христианским племенам, что успех их зависит от единства действий и что в противном случае они будут всегда задушены Турцией и Австриею. Впоследствии, когда главный переворот совершится и различные национальности восстановят

свою независимость, пойдут, может быть, между ними распри, но теперь они имеют одну общую цель — свергнуть иго турок. Национальности стали это теперь уже понимать и, следовательно, верить в искренность этих советов, а также подумывать о том, почему советы эти никогда не были даваемы им Россиею; они забывают, что при прежнем ее могущественном влиянии на дела Востока, держава эта была защитницею их у Порты.

Со времени окончания Восточной войны Россия утратила свое прежнее влияние на восточные христианские племена и стала поддерживать спор, гибельный для православия и, следовательно, в пользу одного Запада.

Несмотря на все исчисленное выше относительно греческого духовенства, далеко я от той несовременной мысли, чтобы не стараться поднять нравственно различные национальные элементы в Турции и мало-помалу дать им и свое духовенство и распространить в них просвещение. Первое, что скажут против этого, это то, что Патриархат будет воспротивляться принимать это [нрзб]. Но что препятствует склонить какими-либо путями на свою сторону Патриарха или другое какое влиятельное в Патриаршеском совете лицо? Что препятствует содержать несколько лишних болгар-пенсионеров в Халкинской духовной академии в Константинополе? Может быть, скажут, что нет вакансий; — можно будет заплатить вдвое, и тогда без всякого сомнения ученик будет принят? Что препятствует иметь большое число таковых пенсионеров и в России в различных духовных академиях или семинариях?

Таким образом, мало-помалу национальное духовенство будет увеличиваться. И как мало потребовалось бы на то издержек, если бы только они были благоразумно произведены.

Жалко, что никто не потрудился изучить действия в этом отношении Австрии и Франции. Первая из этих держав, например, в Албании и в смежных с нею славянах, часто содержит приходских католических священников, поддерживает монастыри, школы, невзирая на потребные на то издержки. Франции очень не нравится это влияние Австрии, и она начинает действовать на народ помощью лазаристов, но осторожно, и сильно остерегается восстановить против себя высшее духовенство.

Не входя в большие подробности по этому предмету, обращаюсь теперь к средствам, которые можно России употребить для того, чтобы сохранить свое вмешательство в Палестине, приняв посылку <Русской Духовной> Миссии в Иерусалим как уже дело решенное, и как бы удобнее было бы изменить его форму.

Нравственное улучшение греко-восточного духовенства, возбуждение в нем соревнования к распространению Православия, может быть достигнуто именем большого числа православных представителей, учреждением хотя в некоторых местах небольших монастырей или подворий с избранным малым числом монахов различных наций, чтобы был сохранен

общеправославный характер, и которые своим благочестием, своею ревностью к вере, своим попечением к православному народонаселению и к богомольцам служили бы примером местному духовенству. Дипломатические же агенты или представители влиянием своим на местные турецкие власти служили бы ему угрозою, ибо, зная влияние, которое представители России могут иметь на турок, зная защиту, которую греческое духовенство может найти в них, это последнее старалось бы всегда казаться достойным в глазах нашего агента. Излишним было бы здесь упоминать, что личные достоинства последнего играли бы немаловажную роль.

Не выходя из подчинения местной высшей церковной власти, русские подворья приобретут более влияние на народонаселение, ибо борьбы с другими исповеданиями не будет: духовенство русское еще не вмешано в религиозных интригах и спорах, существующих на Востоке.

Поддержание училищ и наблюдение за оными, старание ввести в них хороших наставников, что очень легко, стоит только им добавлять незначительное содержание и тогда (*нрзб*) их в Греции и на островах Архипелага, наконец, помощь, подаваемая больным — вот орудия, которыми может Россия согреть на Востоке сердца к Православию и расположить к себе все одноверные с нею народонаселения.

Учреждение же сестер милосердия, кажется, едва ли может приняться у нас в России. Мы еще не стоим на той степени образованности. Малые опыты могут быть удачны, но в большом виде успех сомнителен.

Давая кров в разных местах русским богомольцам, Россия явит заботливость свою к ним, и тысячи сих последних, посетив страны, прославленные чудесами Спасителя, и найдя везде призрение отечества, возвратится в Россию не с одною новою верою, но и с убеждением, что правительство горячо печется о распространении Православия и являет покровительство, заботливость свою, даже в странах столь отдаленных и владеемых неверными, бедным своим пилигримам, предпринявшим часто многомесечное странствование для поклонения Гробу Господню. А эта уверенность как возвышает дух народа, как тесно связывает его с правительством!

Богомолец отправляется из каких-нибудь дальних мест России, запасшись небольшою суммою денег, следствие его долгих сбережений. Ему неизвестны ни расходы, которые ему предстоят для приезда до Св. Града, ни того, что нужно для прожития там. Прибыв в Константинополь, он должен прожить там некоторое время до отхода парохода в Смирну, и хотя при посольстве и есть странноприимный дом, но все требуются некоторые расходы. Далее, он отправляется в Смирну, где то же положение, как и в Константинополе; и это повторяется в Бейруте, так что уже в Яффе кошелек пилигрима делается значительно легче. Проезд в Иерусалим и пребывание там не без расходов, а потому нередко случается, что на обратный путь денег не достает. В распоряжении яффского вице-консула хотя и есть неболь-

шая сумма для подобных экстраординарных расходов, но если узнают об этом пилигримы, то будут все требовать возвращения на казенный счет, а излишние свои деньги будут из усердия оставлять в Св. Граде.

Для уменьшения таковых претензий установлено, чтобы при вступлении в Яффу богомольцы вносили бы в консульство сумму, необходимую для их обратного проезда. Не быв предварены в этом при оставлении России, они принуждены вносить часто последние деньги и уже в Иерусалиме или других городах, терпя недостаток, прибегают к подаяниям. Не говоря уже о неприличии таких поступков, в особенности в стране, нуждающейся самой в денежных пожертвованиях, обстоятельства эти рождают неудовольствия между богомольцами и яффским консульством, и первые возвращаются в Россию с убеждением, что представители правительства не оказали им денежного покровительства. Покровительство это требует расходов, а где на то взять деньги?

Организация этих поклоннических караванов дело немаловажное, и здесь Русское общество пароходства и торговли может оказать большие услуги, имея в некоторых местах странноприимные дома, назначив попечительных агентов, словом, расположив все так, чтобы пилигрим, при отправлении из России, внес бы в контору Общества известную, всем доступную сумму денег и уже был бы совершенно обеспечен на все время странствования своего по святым местам. Поклонник будет знать, что в случае болезни его призреют, и во все время своего поклонничества будет везде слышать родной язык и видеть попечение о себе.

В настоящее время богомольцы наши, по прибытии в Яффу и по окончании различных приготовлений, сопровождаются консульским кавасом в Рамле, где проводят ночь в греческом монастыре. На другой день приходят в Иерусалим, где отводится для русских Архангело-Михайловский монастырь¹². При пребывании в сем последнем Российской Церковной Миссии, места для богомольцев остается мало, вследствие чего их распределяют по другим монастырям или нанимаемым домам. Нет сомнения, что при этом не обращается внимания на тесноту и неопрятность помещений. Пробыв некоторое время в Иерусалиме, поклонники отправляются в Назарет. Здесь, к крайнему сожалению, и негде им остановиться. Несмотря на множество православных, Назарет кажется как бы совершенно принадлежащий католикам. Церковь греческая находится в конце селения, над колодезем, из которого по преданиям Божия Матерь черпала воду.

По вышеобъясненным причинам отсутствия епископов от их епархиальных кафедр, назаретский греческий епископ живет в Иерусалиме, а в самом Назарете находятся два священника, из коих один араб и два служителя этой же нации. Бедность жителей и непонимание никаких нравственных религиозных принципов <служат> причиною тому, что сами служители готовы утаить для собственного употребления принадлеж-

ности Церкви, как то: деревянное масло, свечи и проч. Странно сказать, но тем не менее справедливо, что в настоящее время церковь в Назарете находится в руках и под призреванием одной старушки (Марии Чупиной), прибывшей из России на богомолье. Она тут же и проводит ночи, запирая на замок наружные двери; масло, свечи и проч. она держит под замком, охраняя их как от неправославных, так и от православных арабов, чистит и моет храм, словом, все лежит на ее попечении.

Любопытно, что в начале ее прибытия сюда стекла в окнах храма были разбиты, так что внутренность оного не была защищаема от непогоды; христиане ходили туда с трубками, и грязь в церкви была как на дворе; в колодезь всякий черпал чем ему было угодно, опускали туда ноги и т. п. Как все это противоположно с тем, что соблюдается в католических храмах.

Очевидно, что если в Назарете была бы какая-нибудь нравственно-политическая опора, то и христиане были бы совсем другие, и святыни сохранились бы в должном виде.

В Назарете есть небольшое училище, но кому за ним присматривать! Учитель делает что хочет.

Далее, богомолец идет к Галилейскому морю, окрестности которого столь ознаменованы чудесами Спасителя. Город Тибериада населен весь евреями, и хотя католиков почти нет, но они выстроили небольшой странноприимный дом, в котором живут три монаха. Это сделано ими в видах будущего, и нужно отдать справедливость их действиям, что они не оставляют без внимания ни малейшего пункта, где только могут водрузить свое знамя.

Возвратившись из Галилеи чрез гору Фавор в Назарет, поклонники отправляются часто в Кайфу, окрестности которой ознаменованы подвижничеством св. пророка Илии и где находится известный Кармельский монастырь, одно из лучших, может быть, строений во всей Палестине¹³. Если бы в Кайфе был бы странноприимный дом, то богомольцы могли бы здесь дожидаться парохода и возвратиться в свое отечество. Это значительно сократило бы их расходы.

Впрочем, вступление в караван не есть дело обязательное для пилигрима, ибо настоящий русский дух поклонничества требует, чтобы во время поклонничества пользоваться только подаянием, считая заготовление на это денег делом небогоугодным.

При учреждении различных заведений в Палестине не должно упускать из виду и то, чтобы, по возможности, оказывать помощь и даровать временный кров как странникам, так и жителям других, даже не христианских, вероисповеданий.

Несправедливо было бы думать, что все католическое духовенство в Палестине учено и обходительно. Высшие лица действительно отличаются этими качествами, в низших же встречаются часто еще более необразованности и грубости, чем в греческом духовенстве. Но они имеют одно важное

преимущество — это то, что деятельность их непрерывна, и иерархи, будучи многочисленны, могут легче наблюдать за низшим духовенством.

Фанатизм, который так много осуждают более образованные богомольцы, посетившие Святую Землю, распространен одинаково во всех вероисповеданиях. И может ли оно быть иначе при несогласиях в догматах веры? Без сомнения, фанатизм этот мог бы обнаруживаться в монахах иначе, с большим благочестием ко св. местам, которых они охраняют, но страсти человека не обнаруживаются одинаково и не у всякого достает характера, чтобы скрыть негодование, возбужденное действиями против его верований и стремлением к первенству в обладании мест, освященных жизнью и смертью Спасителя. Зависть, столь обыкновенная в общественной жизни, не может не появляться в религиозных делах, с тою только разницею, что в последнем случае она истекает от слишком большого усердия к вере, а потому, как ни больно смотреть на неприличные к святости места споры монахов различных исповеданий между собою, нельзя не иметь к ним снисхождение.

Торговля Палестины с Европою почти ничтожна, а потому провоз богомольцев составляет главный предмет занятий Общества пароходства и торговли, и, следовательно, действия последнего должны соглас[овываться] с духом нашего правительства и помогать действиям его в тех странах, чрез что влияние наше значительно усилится.

Сирия — страна, имеющая уже значительное христианское народонаселение, где католики почти царствуют, благодаря их деятельности и покровительству, которое они находили во французских политических агентах. В Сирии они имеют много епископов, много училищ, в которых воспитывают и учат французскому и итальянскому языку детей арабов-христиан, несколько женских школ и приютных домов, содержимых французскими сестрами милосердия. Даже православное народонаселение часто, по неимению собственных школ и желая дать какое-нибудь образование своим детям, отдает их в католические учебные заведения, скрепя сердце и с боязнью, чтобы они не заимствовали правил других вероисповеданий и вера бы их не ослабела.

Католики* в особенности развили свои действия внутри Сирии со времени управления этою страной Ибрагимом Пашою, сыном Мегмета Али, который будучи сам приверженец французов и имея на службе многих лиц той нации, уничтожил преследования и унижения, которым подвергались христиане фанатизмом магометан.

С этого времени католики начали действовать открыто, и в Сирии распространилась не одна римская, но и французская пропаганда. К тому же

---

* Здесь я не говорю о маронитах, которые уже давно подчинены Римской Церкви. — *Примеч. А.Г. Влангали.*

много содействовала торговля этой страны с Францией, торговля, не ограничивающаяся одною Сириею, но и странами позади ее лежащими.

В верхней Сирии было местопребывания Антиохийского Патриарха, к которому относились все православные арабы, населяющие Сирию. Беспрестаннные обиды, которым Патриархат был подвержен, а также частые сношения его с высшею гражданскою местною властью, вынудили перенести патриарший трон из Антиохии в Дамаск. И в этом последнем городе православие также нуждается в большей представительности русского правительства.

В Сирии, можно сказать, в настоящее время одно представительное лицо — это генеральный консул в Бейруте. В некоторых других же городах, хотя и существуют консульские агенты, но они не соответствуют понятию, которое должны бы иметь о столь великой православной державе, какова Россия.

Бейрутский генеральный консул завален делами церковными и спорами различных племен между собою, где вмешательство его часто необходимо, потому что прочие европейские консула в них вмешаны. Если бы в различных городах, где много православного народонаселения, где находятся епископские кафедры, были бы приличные консула, то работа генерального консула была бы облегчена, и много дел получили бы немедленное решение. Таким образом, консул в Дамаске мог бы импозировать* высшему греческому духовенству в этом городе, влиять на его действия и защищать пред пашою окрестное православное население от злоупотреблений, являющихся при проведении в исполнение различных сектантских постановлений.

Дамаск, сверх того, есть центр магометанского фанатизма, и в этом отношении есть важный обсервационный пункт, особенно с тех пор как в Константинополе идут реформы за реформами и в главе фанатиков стал здесь Або-эль-Кадр. К тому же Дамаск окружен племенами, не совсем покорными Турции и готовыми призвать часто покровительство европейских держав; по крайней мере, представители последних нередко своим вмешательством и влиянием примиряли поднимавшиеся несогласия. Во всех вопросах, касающихся Востока, кажется, России нельзя отставать от других, а потому хороший православный агент в Дамаске был бы нелишний.

Город этот, кроме своих произведений, отправляет через Бейрут в Европу значительные произведения Афганистана, Багдада и других мест. Вошедши в сношения с дамасскими купцами, агент Общества мог бы грузы эти препровождать на русские пароходы, равно как и пилигримов, возвращающихся из Мекки.

В портах верхней Сирии, лежащих к северу от Бейрута, больших выгод от торговли ожидать нельзя, но прилично ли будет правительству не

---

* Импозировать (фр. imposer) — предписывать, вменять в обязанность, обязывать.

требовать от русской компании, чтобы пароходы ее туда заглядывали бы*. Предполагаемые действия правительства на Востоке были бы тогда неполны, и многочисленные православные христиане, здесь находящиеся, остались бы совершенно уединенными и завидовали бы попечению западных держав о католиках. Появление русского флага если и не принесет им материальной пользы, то укрепит их нравственно, и они будут знать, что вера их всегда будет защищена. Поэтому православные консульские агенты, которые были бы вместе с тем агентами Русского пароходного общества, необходимы в Триполи и Латакии.

Алеп, один из первых городов Сирии; пункт, чрез который происходили все сношения стран, лежащих по Евфрату и за ним, со Средиземным морем, не обращал почти никакого внимания правительства. Из Алепа можно было наблюдать за всеми действиями, за всеми исследованиями англичан в Малой Азии и в Евфратской стране. Министерство смотрело на все предположения англичан в тех местах как на басни и бессмысленные проекты, исполнение которых никогда не может осуществиться. Оно основывало это не на словах людей, живших на месте и изучивших те страны, но на показаниях путешественников, повествования коих хотя на первый взгляд кажутся верными, но, по строгом рассмотрении, оказываются преувеличенными.

Мысль провести железную дорогу по берегу Евфрата и потом соединить ее в Эрзрумом и чрез Алеп со Средиземным морем имеет слишком важное значение, чтобы быть выраженной необдуманно. Англия видит, что если ей возможно с кем столкнуться на Востоке, то это с Россией, и стремления ее будут: оградить себя от могущей когда-либо угрожать ей опасности. Даже Персия, на политику которой влияние ей так важно — не для действия на Россию, но для безопасности владычества своего в Индии, — даже Персия ускользает теперь часто от влияния Англии, и дипломатия русская нередко преимуществует. Какими же способами оторвать ее от России? Как ей доказать, что она может противоречить этой последней, и если собственных сил на то у нее мало, то она может ожидать поддержку от некоторых других европейских держав! Потом, в самой Малой Азии: как противодействовать влиянию и непобедимости России? Вот задачи, которые стоят во главе действий Англии на Востоке, а потом уже идут коммерческие интересы; и едва ли провод железной дороги, которая будет с одной стороны примыкать к Персидскому заливу, с другой — к Эрзруму или почти, у пределов России с Персиею, с третьей — Средиземному морю и впоследствии пожалуй, к Трeбизонду или по какому-нибудь другому порту на Черном море, — не представляется им идеей, наиболее

---

* Правительство оказывает слишком большую помощь Русскому пароходному обществу, чтобы не требовать и от него каких-нибудь жертвований.

удовлетворяющей решению. Персия будет у них тогда как бы в клещах и будет более слушаться Англии, которая вместе с тем будет стремиться ей доказать, что интересы Англии не противны существованию Персии, лишь бы только последняя находилась бы под влиянием первой.

Относительно же Турции, упорного препятствия к устройству дороги ожидать нельзя, как бы не была в том уверена наша дипломатия, потому что Англия успела уверить эту распадающуюся империю, что она имеет менее, чем какая-либо другая держава, интереса к разрушению Оттоманской империи и, следовательно, действительная, более искренняя поддержка может исходить от нее.

Англия не имеет в Турции миллионов одноверцев, которые только и дышат тем, чтобы свергнуть с себя магометанское иго и находят отголоски во всех прочих православных и католических державах.

Турция это очень хорошо знает, равно как и то, что ее финансы в ужасном положении и что если она может ожидать помощи, то скорее всего от Англии, в которой сосредоточены наибольшие богатства в мире. И Турция также, если не совсем понимает, то скоро постигнет, что со своею предприимчивостью, своими капиталами, своими политическими интересами Англия гораздо скорее прочих разовьет и ее торговлю, и ее источники богатств, и доставит ей чрез то большие доходы и возможность удержать баланс в бюджете. Вот почему, какие бы победы не одерживала бы наша дипломатия в Константинополе, торжество ее будет временное, непрочное, и на нем совершенно покоиться нельзя.

Франция, сомнительно, чтобы не пошла в этом деле вровень с Англиею, и хотя будут появляться по временам стычки, но до серьезного едва ли дойдет.

Англия не будет мешать религиозному протекторату Франции; она не будет мешать ее торговле. Напротив того, эта последняя расширится и, наконец, в некоторых вопросах если и будет настойчиво и чуть не до ссоры препятствовать Франции, то для того, чтобы достигнуть уступок в других более существенных для нее вопросах. Доказательство тому мы увидим скоро, в прорытии Суэцкого перешейка, против которого так жестко восстает Англия.

Последняя война доказала, что пути сообщения играют в войне главнейшую роль, не только для быстрого перевоза войск, но и для перевоза бесконечного количества военных припасов; и этого хотят достигнуть в Оттоманской империи.

Возможно ли устройство железной дороги по этим пустынным и диким местам? Действительно, нужно будет одолеть много трудов, много препятствий, но результат едва ли не будет достигнут. Устройство железной дороги из Каира в Суэц, чрез безводную песчаную степь, не встретило никаких затруднений, между тем как вначале устрашало всех. Степные ветры — самум или хамсин, столь губительно действующие на животных, — существу-

ют также и в Египте. Что же касается до кочующих в тех степях арабских племен, то с ними всегда есть возможность сладить, лишь были бы деньги, и эти же самые племена будут стеречь железную дорогу лучше самих англичан. Племена эти неодинаково сильны; те из них, которые сильнее, будут получать за охранение дороги плату, а другие не посмеют идти против них. Не видим ли подобное тому в караванах, отправляющихся ежегодно из Дамаска в Мекку, причем начальник каравана делает сделку с каким-нибудь сильным племенем, который его охраняет до самого места. К тому же железная дорога разовьет торговлю с ними, а это также будет немаловажная причина тому, что они не будут смотреть на нее неприязненно. Наконец, путь будет лежать все по берегу Евфрата, и это соседство реки уменьшит, без сомнения, много затруднений в работах.

Вероятно, при начатии устройства Евфратской железной дороги, ветвь ее, которая будет соединять Алеп со Средиземным морем, опередит прочие линии, как по легкости работ, так и по тому, что торговля Алепа весьма значительная. Таким образом, город этот представляет весьма важный пункт для наблюдения за происшествиями в Сирии, Анатолии и Месопотамии.

Сверх сего, на границе Малой Азии и Сирии турецкое правительство предполагает усилить существующие крепости и даже воздвигнуть новые для защиты этой страны от курдов.

По свидетельству новейших путешественников, Алеп имеет более 80 тыс. жителей, из коих 1/6 христиане. В числе последних католики многочисленнее, но есть православные и армяне. Евреев также порядочное количество. Католическая пропаганда делает здесь большие успехи, благодаря многим ее заведениям в Алепе.

Так как финансовую аристократию в этом городе составляют евреи, то первоначально все консульские места были в руках одной европейской фамилии — Nurgiotти. Но впоследствии европейские державы начали посылать исподволь своих представителей, и семейство Nurgiotти сохранило только представительство Австрии и России. Сказывают, что г. Nurgiotти — человек воспитанный и умный, но, тем не менее, странно видеть на Востоке представителя Православной России еврея.

Александретта есть в настоящее время порт Алепа и, вероятно, даже при устройстве железного пути тем же останется, несмотря на все предположения об устройстве порта при устье р. Оронта, а посему пункт этот будет довольно важен для пароходных обществ. Агент, который будет туда назначен, должен будет, для большей представительности, носить звание вице-консула и быть в сношениях с торговыми домами в Алепе. Дурной климат Александретты не привлекает туда жителей и даже с трудом можно будет найти для этого порта порядочного агента.

На Востоке вообще есть три элемента, из которых Россия может извлечь пользу, как по расположению их к нашему отечеству, так и пото-

му, что вся торговля находится почти в их руках. Первый элемент — это греки, первенствующие здесь в торговле; потом славяне и армяне. Симпатия славян и греков к русским слишком известна, так что о ней не стоит распространяться. Армяне же потому привержены к России, что им негде преткнуться, что в ней находится значительная часть бывшего их древнего царства и центр их религиозности Эчмиадзин и что в России вероисповедание их не только не терпит преследований, но, напротив, покровительствуемо. Вне России армяне-грегорианцы имеют страшного врага — армяно-католиков, которые их преследуют и, имея более образованное духовенство, даже более обширную литературу, увлекают на свою сторону немалое число первых.

Армяне менее занимаются внешнею торговлею; большею частию они занимаются внутреннею; а в Константинополе с давних времен банкиры султана принадлежат к этой нации.

Из этого ясно понять, что с помянутыми тремя народами мы должны быть очень обходительны и показывать им сочувствие, ибо с их содействием только может развиваться торговля с Востоком.

Что сказано здесь о греках и славянах в Леванте, то же можно сказать и относительно их в Триесте, где греки первенствуют в торговле этого города с Левантом. А потому и в Триесте Общество русское будет находить большое сочувствие, если агент его будет православный.

Египет, как можно видеть из вышесказанного, связан с Россией только религиозными делами; торговых же сношений последняя с ним не имеет, несмотря на то, что многие произведения как этой страны, так и стран, за ним лежащих, привозятся в Россию и находят здесь большое употребление. Поэтому, с начатием действий наших пароходов на Востоке, необходимы некоторые усилия, некоторые поощрения, чтобы возбудить прямые торговые сношения России с Египтом. К несчастью обстоятельства так сложились, что более благоприятной обстановки для сего быть не может. В Александрии наш генеральный консул¹⁴ — человек умный, усердный, любознательный, вполне понимающий пользу этого дела; а в Каире вице-консул — г. Лавизон, человек предприимчивый, торговый, искренне преданный России и готовый не только содействовать этому делу, но и принять в нем первое участие. Обстоятельства эти делают в настоящее время из Египта лучшую школу для агента, который будет послан в Александрию, лишь бы только это был бы человек не самонадеянный и готовый принять советы опытных людей.

Привитие непосредственной торговли России с Египтом имеет еще важность для будущего потому что, если Суэцкий канал будет прорыт, то нам не нужно будет искать тогда торговых связей и терять таким образом время, которым будут пользоваться другие; а связи эти будут уже готовы, и мы наряду с прочими государствами тотчас же извлечем выгоды от приведения в исполнение этого большого предприятия.

Греция, несмотря на единоверие с Россией и попечительство, ей оказываемое, обвинялась часто в неблагодарности и в нерасположенности к сей последней. Это фальшивая идея, распространенная вследствие нашей дипломатии, вмешавшейся в ссоры различных партий, существовавших в Афинах. После столь долгого ига турок Греция получила самостоятельность, и эта самостоятельность дана ей была содействием первоклассных европейских держав. Будучи во время войны за независимость разделены на партии, с особым начальником в каждой, греки, по прекращении боевой деятельности, не могли слиться в одно целое, и военным соображениям наследовало брожение умов, поджигаемое покровительственными державами, завидовавшими друг у друга первенство влияния. К тому же, страна, и без того бедная, была окончательно разорена войною. От Турции ее выделили в таком объеме, что собственными средствами она не могла существовать и к довершению всего попалась в руки баварцам, совершенно чуждым нравам ее жителей, и королю неправославного вероисповедания¹⁵.

Таким образом, видя ничтожность своего положения, не имея главы, около которой сзывало бы их сердце, многие греки дали волю своему воображению, не умерили себя благоразумием, и вследствие этого явились партии, которые дрались на бумаге и, волнуя умы жителей, возбуждая неудовольствие держав, покровительствующих различным партиям, еще более останавливали введение общественного порядка и благосостояния.

Россия часто выказывала свои симпатии и покровительство к Греции, и действия ее были бы еще ошутительнее, если бы она с самого начала явилась бы снисходительною ко всем прениям и временным оттенкам различных партий: показала бы, что она покровительствует не личностям, а православною с нею стране, и что она ищет в Греции согласия, но не первенства своей партии пред другими. Этими поступками последнее обстоятельство явилось бы само собою. Нет сомнения, что не ласкать приверженцев к России было бы со стороны последней неблагодарно, но не следовало бы пренебрегать другими и, вмешиваясь в интриги, завязывать борьбу, столь чувствительную для неустроенного, слабого государства, какова Греция. Поддерживание одной партии вызывает непременно на сцену противоположную партию, и это обстоятельство, столь естественное природе человека, повторилось также и здесь.

Как бы то ни было, масса греческого народа имеет больше сочувствия к России, чем к другим государствам, и сочувствие это мы можем усилить, сделать более общим покровительственными мерами, которым Греция вполне достойна. Покровительство это и для России бесполезно, потому что оно будет способствовать к развитию как торговли России в Средиземном море, так и усилению ее возрождающегося коммерческого флота.

Жители Архипелагских островов издревле считаются отличными мореходцами, и они по многочисленности своей давно косят глаза некоторой

западной державе, не терпящей идеи соперничества с нею на морях. Она знает, что с улучшением и усилением их средств, Россия, по питаемой к ней симпатии, будет иметь их всегда на своей стороне; а сверх того, по торговым сношениям греков, одноплеменные с ними островитяне, будучи забрасываемы повсюду, поддерживают некоторым образом непрременную связь со всеми своими единоверцами, живущими под игом турок. Ясно, что поддержка должна им идти из России, прямые интересы которой оказывать возможное покровительство греческой торговле и следовательно, их коммерческому флоту.

Ознакомление Греции с произведениями России, покровительственные конвенции с пароходными национальными компаниями, уступка нескольких процентов греческим судам, которые будут доставлять другие грузы на русские пароходы, вот помощь, не без собственных выгод, которую может доставить Греции Общество пароходства и торговли. Таким образом, греческие суда и пароходы будут рыскать между островами, будут производить каботаж по берегам Греции и Фессалии, будут заходить в другие отдаленные европейские порты и все забранное будут вливать в наши главные склады или агентства, откуда наши пароходы будут развозить их повсюду. Это будет бесчисленное множество коммерческих агентов, которых Россия будет иметь во всех местах.

В заключение не мешает сказать несколько слов о содержании, которое должны получать агенты наши на Востоке.

Звание политического агента на Востоке стоит гораздо выше того же звания на Западе. Они сносятся прямо с высшими только местными властями и даже в некоторых местах, как например, в Египте, генеральные консулы сносятся непосредственно с вице-королем, предоставляя своим подчиненным сношаться с местными министрами. При таком положении естественно, что консула должны жить прилично, а не так, как они могли бы жить на Западе, где публика не обращает на них никакого внимания. В Западной Европе консул может не иметь прислуги, между тем как на Востоке она должна быть многочисленна. Консул не может выезжать без кавасов, а содержание последних стоит недешево.

Мнение, что жизнь на Востоке дешевле, чем на Западе, также устарело. Со времени Восточной войны цены на все удвоились, если не утроились, а однажды поднявшиеся цены уже не упадают.

При всех этих обстоятельствах ... при чрезвычайной экономической скупости едва ли можно надеяться иметь хороших агентов на Востоке и должно ограничиться иметь их таковыми, какие имеет Австрия, т. е. агентами, которые для приобретения денег продают свой протекторат и уже пользующихся им страшат часто лишением одного, если последние не удовлетворяют бесстыдным денежным их требованиям.

Пруссия в этом отношении действует гораздо благоразумнее. Она увеличивает число своих политических агентов исподволь и по мере увеличения средств. Так, например, с того времени, как агенты этой державы представляют на Востоке и Цольферейн, содержание их значительно увеличилось, и число агентов умножилось. Выбор падает обыкновенно на людей ученых, которые стараются изучить страну, создают связи с более влиятельными лицами, научаются употребительнейшему в той местности языку и представляются уже пред своим правительством специалистами того края, в котором они проживали.

Плоды этой благоразумной методы ежедневно обнаруживаются, и можно смело сказать, что уважение к прусским агентам непрестанно увеличивается. Протекторат свой они дают неохотно и весьма разборчиво, а потому не бывают вмешиваемы в неприличные истории.

- ¹ Густерин П.В. Е. П. Ковалевский — дипломат и востоковед // Вопросы истории. 2008. № 8. с. 148–150.
- ² Цит. по: Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 375–376.
- ³ Там же. С. 376.
- ⁴ См. подробнее: Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906. СПб., 2007. С. 138–140.
- ⁵ Ямилинец Б. Ф. Россия и Палестина. М., 2003. С. 110.
- ⁶ Позже с большими сокращениями отчет Б.Н. Мансурова был издан в книге «Православные поклонники в Иерусалиме» (СПб., 1858).
- ⁷ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 375–376.
- ⁸ Ямилинец Б. Ф. Россия и Палестина. М., 2003. С. 132.
- ⁹ Речь идет о короле Пруссии Фридрихе Вильгельме IV (1795–1861), старшем сыне Фридриха Вильгельма III и Луизы Мекленбург-Стрелицкой. В 1841 г. при его участии в Иерусалиме была учреждена протестантская англо-прусская епископия. В 1857 г. в связи с психическим расстройством Фридрих Вильгельм IV отошел от государственных дел, и регентом был назначен его младший брат Вильгельм (1797—1888), в 1861 ставший королем Пруссии; а в 1871 г. — императором объединенной Германии.
- ¹⁰ Гирс Николай Карлович (1820–1895) — дипломат, действительный тайный советник (1878), статс-секретарь (1879), почетный член Петербургской Академии наук (1876), министр иностранных дел России (1882–1895), член Гос. Совета. По окончании Царскосельского лицея принят на службу в Азиатский департамент МИДа (1838); с 1848 г. состоял дипломатическим чиновником при командовавшем отрядом войск в Трансильвании генерале Лидерсе; с 1850 г. — первый секретарь дипломатической миссии в Константинополе; в 1851 г. назначен управляющим консульством в Молдавии; с 1856 г. — генеральный консул в Египте; с 1858 г. — генеральный консул в Валахии и Молдавии. По словам А.Г. Влангали, «в течение 1858 г. г. Гирс был переведен в

Придунайские княжества, к общему сожалению всех и в особенности вице-короля». В дальнейшем занимал посты чрезвычайного посланника в Тегеране (с 1863 г.), Берне (с 1867 г.) и Стокгольме (с 1872 г.). С 1875 г. — управляющий Азиатским департаментом и товарищ министра иностранных дел князя А.М. Горчакова.

- ¹¹ Патриарх Александрийский Иерофей II Сифнийот (20 апреля 1847 г. — 1 января 1858 г.). Был известен высокой образованностью и активностью. Материальная помощь для нужд Патриархата поступала главным образом из России. В 1851 г. Иерофей II получил высочайшее разрешение на отправку в Россию для сбора пожертвований епископа Фиваидского Никанора. В 1858 г. в Москве было открыто Александрийское подворье. Иерофей принимал участие в Синодах Восточной Церкви для решения важных церковных вопросов, в том числе в Константинопольском Синоде 1850 г., когда была предоставлена автокефалия Элладской Церкви.
- ¹² Архангельский (Михайловский) монастырь — греческий монастырь в Иерусалиме; в 1848 г. в его тесных и сырых помещениях был временно, на правах гостей, размещен первый состав Русской Духовной Миссии, прибывшей в Иерусалим во главе с архимандритом Порфирием (Успенским). В том же году архимандрит Порфирий добился от Патриарха Кирилла II разрешения размещать в Архангельском монастыре русских паломников (Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 39).
- ¹³ Монастырь на горе Кармил был полностью разрушен во время греческого восстания акрским наместником султана Абдаллахом-пашей. Его восстановление совершилось «главным образом усилиями и энергиею единственного оставшегося в живых после погрома кармелитского монаха фра Джиованни Баптиста из Фраскати, который в течение шести лет исходил почти всю Европу и Америку и на собранные 1 200 000 фр. (пожертвования присылались ему даже из России), соорудил одно из величественнейших зданий, приветствующее подъезжающего морем к Святой Земле» (*Хитрово В. Н. Православие в Святой Земле // Хитрово В. Н. Православие в Святой Земле. М.; СПб., 2011. Т. 1. С. 152.*) Монастырская церковь была освящена 12 июня 1836 г.; к 1840 г. число монахов в общине выросло до 20 человек. Впоследствии при монастыре была открыта католическая школа для местных арабов, ставшая со временем ведущим образовательным центром в Палестине (*Carmel in the Holy Land from its beginnings to the present day (edited by Silvano Giordano, ocd). Arenzano, 1995. P. 114–116.*)
- ¹⁴ По словам А.Г. Влангали, «в течение 1858 г. г. Гирс был переведен в Придунайские княжества, к общему сожалению всех и в особенности вице-короля».
- ¹⁵ Оттон I (1815–1867) — второй сын короля Людвиг I Баварского; король Греции, избранный в 1832 г. после признания великими державами (Англии, России, Франции) независимости Греции. После свержения с престола во время революции 1862 г. вернулся в Баварию.

**ЗАПИСКА СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА В АФИНАХ
В.С. НЕКЛЮДОВА
В ОТВЕТ НА ЗАПИСКУ Б.П. МАНСУРОВА.
Афины — С.-ПЕТЕРБУРГ, 1858 г.**

Автор публикуемой записки, сохранившейся в фонде А.Н. Муравьева (ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 92–103 об.) — Василий Сергеевич Неклюдов (1818–1880), известный дипломат и публицист. В 1850-х гг. он состоял советником российской дипломатической миссии в Афинах (отозван в 1858 г.). В 1860–1870 гг. печатал политические статьи в изданиях М.Н. Каткова: газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник». Так, известна его статья об Иерусалиме 1863 г.¹ В 1874 г. в доме «милых Неклюдовых» в Москве бывал К.Н. Леонтьев². Статья Неклюдова о К.Н. Леонтьеве была напечатана в 1876 г. в газете «Московские Ведомости»³.

В 1858 г. с эллинофильских позиций, близких к взглядам его афинских коллег — посланника А.П. Озерова и настоятеля посольской церкви архимандрита Антонина (Капустина), Неклюдов выступил с критикой отчетного доклада Б.П. Мансурова, представленного великому князю Константину Николаевичу и намечавшего основные направления развития русского присутствия в Святой Земле. Одну из главных мыслей своей Записки автор формулировал следующим образом: «Не Русскою Церковию мы должны явиться на Востоке, но членами единой Восточной Православной Церкви. Мы владыки у себя, но на Востоке должны быть братьями тамошних владык, помогать им и возвышать их в своих собственных глазах, а особенно в глазах тамошних народонаселений». Он отрицал не только «необходимость для нашей Духовной Миссии быть в Иерусалиме у себя, а не в гостях у греческой иерархии», но и нужду «в существовании Русской Духовной Миссии в Палестине», и утверждал, что «учреждение при <иерусалимском> консульстве благолепной домашней церкви с русским причтом и под настоянием умного, ученого и набожного архимандрита, знакомого с Востоком и по возможности знающего греческий язык, с успехом

заменило бы и епископа, и всякую Духовную с нашей стороны Миссию»⁴. Эта идея будет позже взята на вооружение Палестинской Комиссией в ее борьбе с РДМ и архимандритом Антонином.

Обобщая, Неклюдов подвергал сомнению всю стратегию русского присутствия на Востоке: «Поднятием русского флага над предполагаемою нами в Палестине деятельностью мы возбудим опасение и недоверчивость туземных, единоверных нам хозяев — греческого духовенства, подозрения турецкого правительства и противудействие западных держав, располагающих в тех странах материальными средствами и силами, которых мы не имеем и иметь не можем ни для защиты, ни для поддержания своих учреждений».

Оставшаяся неопубликованной записка Неклюдова читалась и обсуждалась как в МИДовских, так и в церковных кругах. Митрополит Филарет (Дроздов) в письме от 13 ноября 1858 г. писал своему духовнику архимандриту Антонию (Медведеву): «Главная мысль статьи справедлива, и жаль, что наше правительство не размышляло так ранее»⁵.

Но правительство не думало так и в конце 1858 г., и история оправдала ставку, сделанную тогда на проект Мансурова — с русским флагом, Русскими Постройками, Русской Палестиной.

Н.Н. Лисовой, И.Ю. Смирнова

Я прочел с величайшим вниманием Вашу записку⁶ и по строгой справедливости должен сознаться в жалкой истине всех фактов, коими Вы обнаруживаете наше положение на Востоке, всё, что нами там утрачено, всё, что мы сызнова должны там стяжать, с той минуты, когда мы наконец пойдем настоящее призвание России, — самим Промыслом ей предназначенное в всемирной политике.

Вопрос в том: как помочь горю и как вернуться нам на ту стезю, которую указывают нам и размышления об истинных выгодах наших, и славные предания, от коих мы, к несчастью, слишком равнодушно отстали.

Вопрос этот, особенно в настоящих обстоятельствах, сопряжен с такими трудностями, что безрассудно бы было и думать о приискании положительных мер к немедленному разрешению одного. Сколько я понимаю его, — здесь дело идет не о каких-либо односторонних мерах, но о целой системе действия, о твердо-предназначенной цели, к коей все это действие должно нас вести и коей, посредством непоколебимого постоянства и разумных трудов, мы можем, Божиею волею, достигнуть.

Начнем с той непреложной истины (и кто лишь несколько знает Восток, тот нам ее оспаривать не станет) — что все влияние наше на Востоке основано единственно на религиозном чувстве единоверия.

Связь наша с Востоком есть связь духовная и, тем самым, сильная и неразрывная. От Востока мы получили духовную жизнь, — подпав под иго

иноверцев, он в свою очередь ожидает от нас защиты и поддержания своей духовной жизни. Мы одни его единоверцы, в нас одних он видит независимость, силу и крепость, на нас одних он лишь и надеется. Но при всем том, Восточная Церковь не забывает своих преданий, мы — ее духовные чада, она в нас рада видеть благодарных птенцов, готова даже признать, что мы опередили свою наставницу, и не отказывается следовать нашим примерам, лишь бы <они> не принимали видов владычества; утратив свою политическую независимость, она тем тверже держится своего духовного первенствующего сана среди единоверных ей Церквей и признает наше старшинство лишь в ряду дочерей своих.

От этой двухсторонности отношений наших к Восточной Церкви протекает естественно и необходимость для нас двухстороннего поведения в сношениях с нею.

Много было говорено, и много, к несчастью, есть справедливого в упреках, коими клеймят греко-восточное духовенство. Невежество воспитания, корыстолюбие, алчность его к деньгам обратились в пословицу и тяжко сокрушают все религиозные чувства истинного христианина. Наконец, стремление его к поглощению единоверных ему национальностей, славянской и арабской, в центре эллинизма составляет издавна главную цель нашего противуборства. Но обратимся к источнику всех сих бед — и мы скоро убедимся, что во всех этих фактах есть более предметов к сожалению, нежели к порицанию.

В течение 4-х столетий единственным попечением восточного духовенства должно быть сохранение священного залога, оставленного ей св. отцами, — божественной своей религии. Чем оно постоянно отстаивало, чем поныне оно сохраняет его — как не беспрестанными выкупам и пожертвованиями, коими должно оно усыплять ненависть и пресыщать алчность своих ненавистных властителей? За всякий свой шаг оно должно платить. И Патриархат Константинопольский, и Иерусалимский, как Вы справедливо замечаете, имеют сильные и достаточные доходы, но сколько из этих доходов могут они обращать на нужды Церкви и сколько из числа оных переходит в виде всякого рода налогов, сборов и бакчишей в руки турецкого правительства? — Наконец, видно ли где-либо на Востоке, чтобы духовенство православное жило пышно, роскошно, даже с должным благолепием? Напротив того, и везде, оно живет скромно, большею частью бедно и недостаточно; и не служит ли это явным доказательством, что то, что оно, может, иной раз и незаконным образом приобретает — берется им не из личных корыстолюбивых видов, а переходит, ради жизни и покоя Церкви, в хищные руки властителей неверных.

Другой и значительный упрек наш заключается, как я сказал, в стремлении греческого духовенства поработить славянский элемент. И в этом упреке есть своя преувеличенная сторона.

Православная Церковь удержалась и может держаться среди гнетущего ее ига лишь плотным своим единством. Между всеми элементами Православия на Востоке должна быть неразрывная духовная связь, единство духовного начала, в сем условии заключается неперемный залог его существования — сила и опора против турецкого правительства, с одной стороны, а с другой — против прельщений западных пропаганд. Не говоря уже о той степени развития, на которой стоят славянский и в особенности арабский элементы, устройство самобытных Национальных Церквей — славянских или арабских — было бы учреждение в области Церкви *des Etats dans l'Etat**, было бы со стороны греческой иерархии ослабление и себя, и своих — и в той же мере усиление противников, как туземных, так и иноземных. Конечно, в этом стремлении к сохранению и утверждению единства Православной Церкви на Востоке греческое духовенство зашло, быть может, и слишком далеко, особенно в отношении к славянским племенам, но противудействовать сему русскою религиозною деятельностью (подчеркнуто автором письма. — *Н.Л.*), основанною на устройстве в Назарете или в каких-либо других местностях Палестины русских независимых обителей, церквей и духовных властей, вряд ли поведет нас к цели. Греческое духовенство считает этот край своим достоянием, оно там у себя, и при первом подозрении нашего независимого там учреждения оно вооружится против братьев-соперников еще сильнее, нежели против врагов, и мы скоро явим пред иноверными столь жадно ими желаемый соблазн распрей и разногласия меж сынами одной и той же ненавистной им Церкви. Все действие западных пропаганд в сии последние времена обращено было к этой цели.

Разности не догматические, а наружные, не имеющие для образованного ума и малейшего значения, тем не менее существуют между обрядами и поверьями Русской и Греко-Восточной Церкви и являют некоторое сходство между сею последнею и нашим старообрядческим расколом. Греческое духовенство считает наше пение, нашу иконопись и даже наше облачение, если и не противными, но отстающими несколько от преданий православия; в обряде погребения оно также сходствует с нашими старообрядцами. Наконец, и чуть ли не догматическое разногласие разъединяет нас в обряде принятия в Православную Церковь могущих переходить в оную иноверцев — католиков или протестантов. Гласность, данная в сие последнее время сему разногласию англиканским диаконом Пальмером⁷, принявшим окончательно римско-католическое вероисповедание, не дозволяет оставить сей важный вопрос без особенного внимания, тем более, что во время последней войны (Крымской. — *Н.Л.*) великобританский представитель в Константинополе основывал на сем факте, сколько нам

---

* *Фр.* 'государство в государстве'.

известно, свои настоятельные убеждения — Вселенскому Патриарху — к разъединению Греко-Восточной Церкви с Российской, оказавшеюся будто неверною преданиям православия.

Противудействовать сим замыслам Запада, устранить все существующие разности, ввести по возможности единство — в действиях и наружном виде — Православной Церкви на Востоке, примирить с греческим духовенством славянские и болгарские племена и внушить оному к ним более терпимости и снисхождения, суть столько же задачи, к разрешению коих мы можем и должны приступить, но одною лишь силою примера и со всевозможною осторожностью в своих действиях. Назидания и наставления от сильного к слабому слишком легко могут переступить в область действия принудительного. А от этого опасения греческого духовенства, мы, для успеха своего дела, более чем от чего-либо другого должны оберегаться. Осуществится ли надежда Востока или нет, но, несмотря на всё и на все наши последние неудачи, она неизменно господствует там среди наших единоверцев, что мы рано или поздно призваны освободить от ига Магомета. Освободить, но не поработить: они готовы нам быть благодарными братьями и друзьями, но не подданными, а это-то и есть страшилище, коим западная политика старается отклонять от нас и подрывает сочувствие единоверных нам племен Востока.

Дух независимости есть господствующее стремление всех сих племен в духовном и гражданском их быту. Греки, молдовлахи, сербы, болгары, арабы — хотят быть и остаться тем, чем они есть, а отнюдь не перейти из подданства Турции в подданство гражданское, ниж духовное России.

Все это я говорю к тому, что учреждение епархиальное русского независимого и самобытного начала где-либо в Палестине не только не достигнет предполагаемой нами цели, но лишь повредит оной. Вопрос здесь очень прост: какие бы ни были недостатки грековосточного духовенства, тем не менее оно существует; можем ли мы его вековое управление в тех краях заменить нашим и заступить его место на Востоке? Недолго думая, можно решительно сказать: нет. Ни теперь, ни когда-либо! А следовательно, мы должны ограничить наш круг действия старанием исправлять и искоренять все, что мы признаем вредным, дурным и неправильным, и возвести нашу веру в лице ее представителей на Востоке на ту степень величия и первенства, которую принадлежит ей занимать в виду соперных ей западных вероисповеданий.

Но для сего первым и непременно нашим сотрудником должно быть оно же, греческое духовенство; от его доброго расположения зависит весь успех дела. Вы ясно доказали цифрами, что мера производимых ему Россиею пособий не дает нам права ничего требовать. Независимо же от него устраивать образцовую епархию и выказывать превосходство своего служения противу греческого в виду грубых и невеличественных населений

того края, значит, стать с греческим духовенством в соперничество, действовать в отношении к нему как действуют католики, унижать достоинство греческих иерархов в глазах их паств и вести к расторжению навсегда и без того уже слишком слабых уз, которыми держится православие на Востоке, при враждебном духе элементов, составляющих оно.

Заседание же русского епископа в Иерусалимском Синоде, буде оно и могло бы осуществиться, было бы, по моим понятиям, мерою решительною, но не к возвышению православия, а к совершенному подрыву всякой возможной с нашей стороны деятельности — как ныне, так и впредь. И этого результата мы достигнем одним лишь предложением этой меры — ибо можно утвердительно сказать, что ни Патриархи, ни турецкое правительство, ни в особенности западная политика того никогда не допустят. Впрочем, и предполагая даже сию меру возможною, следовало бы прежде всего иметь опору в предыдущих данных условиях ее успешности, а именно, — в тесных и частых духовных сношениях между Российским и Восточными Синодами, таковые же сношения столь мало существуют, что доселе Восточной Церкви неизвестны даже имена русских святых угодников.

С другой стороны, и по существу своему, хотя Восточные Синоды и независимы от прямого начальства — турецкого правительства, но в действительности круг действия их обнимает не только духовный, но и гражданский быт и политические интересы их паств, духовенство признается Портою законным ходатаем и ручателем за ее подданных-христиан, и Синоды состоят в тесной зависимости и под строгим надзором турецкого правительства. Присутствия среди Синода, составленного из своих подданных, представителя России оно ни в каком случае не допустит, да и сообразно ли нашему достоинству, буде оно и было бы дозволено, подчинить нашего иерарха постыдному надзору, узаконять его присутствием часто такие меры, которым мы должны бы были противодействовать и которые извиняются и терпятя нами со стороны греческого духовенства единственно лишь в уважение гнетущего его ига. Но одного лишь предложения о том, говорю я, достаточно было бы, чтоб вооружить и возбудить против нас сызнова все подозрения и все противодействия как Турции, так и западных держав.

Для поддержания и возвеличения православной веры на Востоке мы должны, сколько мне кажется, основать нашу деятельность на чистосердечном братстве с греческим духовенством, а не на обнаружении нашего превосходства. Противуборствовать злым замыслам иноверных пропаганд, козням западной политики и подозрительности турецкого правительства мы можем не частною самобытною деятельностью, не поднятием в церкви национального флага, но тесным единством со всеми нашими единоверцами под крестным знаменем Православия. Не Русскою Церковью мы должны явиться на Востоке, но членами единой Восточной Право-

славной Церкви. Мы владыки у себя, но на Востоке должны быть братьями тамошних владык, помогать им и возвышать их в своих собственных глазах, а особенно в глазах тамошних народонаселений.

При этом лишь условия мы заставим себя и слушать и любить, мы будем иметь успех в действиях и должную крепость в защите.

В таком убеждении я не могу разделять Вашего мнения ни о необходимости для нашей Духовной Миссии быть в Иерусалиме у себя, а не в гостях у греческой иерархии, ни даже о существовании Русской Духовной Миссии в Палестине. Мы видели на опыте, и Вы весьма рассудительно указываете на неудачу первой нашей Миссии Духовной, посланной в лице а<рхимандрита> Порфирия. Конечно, денежные средства, выделенные ему, могли быть недостаточны, но и при больших и достаточных средствах положение его было бы тем не менее трудное и фальшивое. Значения Духовной Миссии ни турецкое, ни западные правительства не могут с нашей стороны понимать иначе как покушение на политическую пропаганду. От того самого и вменено ему было в обязанность не принимать иного характера, кроме поклоннического. При этом же характере приобретать недвижимые собственности в Иерусалиме, строить дома и заводить целое оседлое учреждение было несвойственно и необъяснимо. Из-за Порфирия выглядывало русское правительство, и духовенство католическое смутилось, и Патриарх Валерга поднял знамя борьбы.

Патриархия Иерусалимская немедленно предложила нам свои услуги и разрешила задачу. Она взялась устроить дом для нашей Миссии будто от себя; правительство же наше обязалось уплатить ей расходы, какие означенная постройка должна была стоить. «Два года тянулось это дело, — говорите Вы, — и греческое духовенство, которому оно не нравилось и которому не хотелось видеть Россию в Иерусалиме хозяином чего-либо, успело возбудить разные затруднения к утверждению в Палестине русской собственности и проч.»

Здесь можно бы упомянуть пословицу, которую мы слишком хорошо понимаем в России, чтоб не допустить и других понимать ее у себя: «в чужой монастырь с своим уставом не ходят». С другой стороны, факт сей нас должен бы был и в том убедить, что против воли греческого духовенства нам действовать не только трудно, но даже невозможно, и что мы ни личною поклонничества а<рхимандрита> Порфирия, ни коммерческим предлогом торговой компании не обманем его прозорливой недоверчивости.

«Таким образом, — продолжаете Вы, — Россия убоялась обеспокоить Порту построением монашеской скромной обители, когда ни Франция, ни Англия, ни Австрия не боялись в то же время строить в Иерусалиме обширные заведения».

Христианское народонаселение сего края принадлежит в 9/10 к православной вере, иными словами, в сущности, как и в убеждении турец-

кого правительства, оно привержено к единой России и с ненавистью смотрит на своих властителей. Можно ли было и требовать от сих последних, чтоб они, среди враждебного им элемента, хладнокровно видели какое-либо русское учреждение — и когда же? до последней войны! когда никакие торговые или пароходные сношения не оправдывали оно и когда, с другой стороны, Севастополь с своим мощным флотом стоял как привидение у врат Босфора? При отсутствии всякого светского представительства, представительство духовное, под каким бы скромным именем оно ни укрывалось, не могло иметь в глазах турецкого правительства другого значения, кроме политической пропаганды. Независимо от денежных средств, вот, следовательно, обстоятельства, в коих должно искать и видеть неуспех первой нашей Духовной Миссии, как и всякой другой, какую мы ни пошлем в Палестину.

Но Франция, Англия и Австрия строят и устраиваются, «не боясь турецкого правительства». — Не они не боятся турецкого правительства, а турецкое правительство, боясь их силы, не боится их деятельности, и вот почему они и успевают. Незначительность народонаселения католического, отсутствие народонаселения протестантского не угрожает туркам в опасности политической пропаганды со стороны духовных учреждений Франции, Англии или Австрии; напротив того, <поскольку> и круг действия католических держав постоянно направлен на прозелитизм не среди неверных, а среди православных, на борьбу с православным духовенством, турецкое правительство с явным удовольствием смотрит на сии состязания, в коих оно видит залог своего спокойного владычества среди враждующих партий.

Скажем и то, что морские силы, коими располагают Франция и Англия в Средиземном море и в Архипелаге, весьма упрощают им задачу — своих действий на Востоке. Скажем, наконец, что пример предпринимаемого и учреждаемого иноверными Церквями в стране, где они почитаются чужими и лишь терпимым элементом, не может служить образцом для нас, ибо мы суть и должны быть там свои, но не яко партия отдельная и независимая, а яко тесно связанная с целым частью оно, как твердо держащаяся корня ветвь Восточно-Православной Церкви.

А потому и все то, что хотим предпринять ныне, чтоб оно было успешно, должно носить печать не какой-либо частной Церкви, ни Русской, ни Греческой, но единой Восточно-Православной Церкви; а для сего наружное исполнение всего предполагаемого нами мы должны видимо оставлять хозяевам места, помогать им своим надзором, своим заступничеством, своими средствами, убеждать их своими советами, заставляя их тем признавать нас истинными покровителями и друзьями, одним словом, вселять в них полное к нам доверие, — вот истинный наш долг и тем лишь одним мы успеем в начатом деле.

Учреждение в Иерусалиме консульства, сделавшееся ныне возможным при существовании и наших пароходных сношений с тем краем, много упрощает нам задачу нашей деятельности, а учреждение при сем консульстве благолепной домашней церкви с русским причтом и под настоянием умного, ученого и набожного архимандрита, знакомого с Востоком и по возможности знающего греческий язык, с успехом заменило бы и епископа, и всякую Духовную с нашей стороны Миссию. В архимандрите одном, мы это уже знаем по опыту, Иерусалимский Синод видит лишь по сану подчиненное себе лицо, которому он может, смотря по обстоятельствам, помогать и покровительствовать или препятствовать, по своему усмотрению. На епископа он будет смотреть как на соперника, а потому и всякое действие его он будет стараться подрывать; в лице лишь консула, прилично и благолепно устроенного и располагающего достаточными средствами, греческое духовенство будет видеть покровителя и заступника. Не опасаясь от светского лица вмешательства в чисто духовные свои интересы, оно охотно будет слушаться его советов, следовать его направлениям и под его надзором, особенно если от него же будут к тому исходить и средства, оно охотно примет и приведет в действие все предполагаемые нами улучшения; не надобно думать, чтоб греческое духовенство не понимало всей пользы и всего превосходства учреждений, воздвигаемых и католиками и протестантами, но какими средствами и под чьим покровительством соперничать им? Каждый расход делать вдвойне — половину на дело, а другую на разрешение, чтоб приступить к оному, таков был до сих пор единственный возможный для него образ действий, а на такой размер расходов не станет Патриаршего бюджета, хотя б он был и вдвое противу того, что он есть.

Мы говорим здесь не *a priori*, не по одним умозаключениям, а по опыту виденного нами на деле, и именно в Афинах. Духовенство Греции стояло, быть может, на низшей степени грубости и нетерпимости в своих поверьях, неприличия и невежества в своем наружном виде, в сравнении с тем, что мы видим ныне на Востоке. Устройство при Императорской миссии посольской церкви, постоянно разумные и удачные выборы настоятелей оной, произвели, единственно одним примером и частыми дружественными и братскими увещаниями наших пастырей, действие разительное во всех отношениях к улучшению и усовершенствованию тамошнего духовенства.

Пример, и удачный пример, есть каким образом мы можем достигать нашей благой цели. Вернее ему следовать, чем искать новых неведомых и трудных путей.

И не в одном Иерусалиме, но, как Вы справедливо замечаете, во всех центрах Восточного Православия, в Смирне, Бейруте, в Александрии и в Агине, следовало бы нам приступить к устройству домовых консульских церквей.

Наконец, и у себя мы должны направить нашу деятельность к приспособлению орудий, имеющих действовать по предположенной цели, к облегчению средств для достижения оной.

Да будет дозволено нашему Синоду войти в постоянные и регулярные духовные сношения с Патриаршими престолами Востока, с Синодами Константинопольским и Иерусалимским. Для единства Восточно-Православной Церкви связь сия необходима, восточные пастыри, среди вечной борьбы своей с тяготеющею над ними властью, не имеют ни свободы времени, ни спокойствия духа, чтобы рассуждать о вопросах отвлеченных, о внутреннем или внешнем образовании и возвеличении Церкви, но от принятия клонящихся к тому и постоянными трудами нашею духовною, как и гражданскою властью достигаемых мер они никогда не откажутся и примут их даже с благодарностью, лишь бы оные были им сообщаемы и должным образом предлагаемы.

В семинариях наших основательное изучение греческого языка, не яко мертвого языка и в литературном классическом стиле, но как языка разговорного и общежитейского, каковым он есть для всего духовенства на Востоке, таковое же изучение и арабского языка, — вот первые и главные условия успеха, как способа к легкому и личному сообщению с туземцами наших духовных среди них представителей.

Вместе с тем поощрение нашего духовенства во всех чинах оного к частному посещению и поклонению святым местам есть также необходимость нового принимаемого нами направления.

Наконец, и чтобы в немногих словах выразить мое мнение, я скажу: поднятием русского флага над предполагаемою нами в Палестине деятельностью мы возбудим опасение и недоверчивость туземных, единоверных нам хозяев, греческого духовенства, подозрения турецкого правительства и противудействие западных держав, располагающих в тех странах материальными средствами и силами, которых мы не имеем и иметь не можем ни для защиты, ни для поддержания своих учреждений. Коммерческий предлог не обманет никого, ни друга, ни недруга, и борьба начнется прежде даже, нежели мы успеем воздвигнуть и предмет оной.

Природный наш сотрудник для успеха в начинаемом деле есть греческое духовенство; мы должны его сделать исполнителем наших намерений, ибо сами и без него, а тем паче при его сопротивлении, мы ничего начать и ничего совершить не успеем. Привести и заставить его принять это звание исполнителя под разумным руководством нашим — вот задача новой политической роли, которую мы принимаемся разыгрывать на Востоке.

Цель и намерение наши чисты пред Богом. Бог нам поможет и увенчает успехом наши благие начинания.

- ¹ Неклюдов В.С. О монастырях: по поводу водворения Русской Церкви в Иерусалиме // Московские Ведомости. 1863. № 235.
- ² Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. М., 2002. С. 74.
- ³ Неклюдов В.С. Литературная заметка // Московские Ведомости. 1876. 24 апреля. № 100.
- ⁴ ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 92–103 об.
- ⁵ Филарет (Дроздов), митрополит. Письма к преп. Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Ч. 3. СТСЛ. 2007. С. 79–80.
- ⁶ Имеется в виду отчетный доклад статс-секретаря Б.П. Мансурова великому князю Константину Николаевичу об иерусалимской командировке 1857 г. Мансуров был направлен от Морского министерства на Ближний Восток с целью изучения положения русских паломников и подготовки строительства Русских странноприимных заведений.
- ⁷ Вопрос о различиях в практике принятия в Церковь инославных в России и на Православном Востоке был поднят диаконом Англиканской Церкви Уильямом Пальмером (1811–1879), предшественником современного экуменизма, — в связи с его попытками в 1840-е гг. перейти в православие без совершения чина отречения от ересей (чего требовала Русская Церковь) и тем более без перекрещивания, как положено у греков. Не добившись результата ни в Москве, ни в Константинополе, Пальмер в 1855 г. принял католичество. Поднятый им вопрос о «перекрещивании» долго не сходил с повестки дня — и не только сугубо богословской. «Меня опечалило письмо честнейшего диакона Палмера, — писал 13 ноября 1851 г. митрополит Филарет (Дроздов) А.Н. Муравьеву. — В суждениях восточных о крещении сеются семена раскола. Это на небольшой грядке домашних разговоров и частных сношений: но журналы Греческого Королевства уже выносят оное на широкое поле общей известности и, может быть, постараются, чтобы оные росли» (Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. М^уравьеву>. Киев, 1869. С. 368). Вопреки попыткам британской дипломатии «поднять волну» и спровоцировать в контексте идейно-информационной поддержки Крымской войны межправославный кризис, о чем пишет в своей Записке В.С. Неклюдов, русским и греческим богословам удалось удержать дискуссию «на грядке домашних разговоров». Впрочем, и в последующие десятилетия на основании этого и других церковных расхождений греки пытались иногда пугать русских дипломатов фантомом «объявления схизмы».

НЕИЗВЕСТНАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА) И ПОСЛАННИКА А.П. ОЗЕРОВА (1858)

Воздух первых лет по окончании Крымской войны (а отчасти даже и военного времени) был наэлектризован, среди прочих общественных веяний, заостренным вниманием к Иерусалиму и Палестине, к древним проблемам Православного Востока, так больно и современно вдруг срезонировавшим на павших твердых Севастополя. Императив перемен во внутренней и внешней политике, в том числе на ближневосточном направлении, интерес и вкус к пробуждению целых, вчера еще «безглагольных и недвижимых» стран и регионов, способствовал активизации различных партий, кружков, разделений в сановной элите Петербурга, не исключая и Высочайшего Двора. В 1856–1857 гг. мы становимся свидетелями одновременного запуска нескольких разноплановых и разнонаправленных проектов возобновления русского присутствия на Востоке — Министерство иностранных дел выступает инициатором не только восстановления, но и статусного «разогрева» Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, Военно-Морское ведомство торопится (и торопит) с созданием Русского Общества Пароходства и Торговли — между прочим, с Иерусалимом в качестве ближайшей цели приложения усилий, императрица Мария Александровна с «морганатическим» кружком друзей и фрейлин прожектирует Благотворительный Комитет со своей личной Иерусалимской кассой... Каждая из названных инициатив сопровождается шлейфом программных и сопроводительных текстов: аналитических записок, докладов, отчетов; отзывов и рецензий на эти записки и отчеты; ответов и возражений на эти рецензии и отзывы... Профессионалы и дилетанты, более или менее тайком друг от друга, напряженно работают над *концепцией и идеологией русского дела на Востоке*.

К числу подобных, несбывшихся и неосуществимых, но от этого не менее интересных для историка интеллектуальных вариаций относится

записка В.М Жемчужникова «Православный Восток и Россия». Ее автор, Владимир Михайлович Жемчужников (1830–1884), представитель памятного в истории отечественной культуры семейства¹, поэт, публицист, брат поэта Алексея и художника Льва Жемчужниковых (всего в семье было 6 братьев и сестра), двоюродный брат А. К. Толстого, — широкому читателю известен в основном как один из авторов стихов и прозы (да и самой биографии) Козьмы Пруткова².

Не окончив историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, служил чиновником особых поручений при тобольском губернаторе В.А. Арцимовиче (женатом на его сестре). Во время Крымской войны поступил на военную службу, хотя по болезни в боевых действиях не участвовал. С 1868 — чиновник особых поручений при министре путей сообщения, с 1879 — директор канцелярии министра, с 1882 в отставке.

В 1857 г. Владимир Михайлович активно участвовал в организации Русского Общества Пароходства и Торговли. Весной 1858 г., в компании с братом Львом (на первом этапе еще и с основателем РОПИТа, его директором-распорядителем Н.А. Новосельским) совершил из Парижа большую рабочую поездку по Греции, Египту, Сирии и Палестине³. Обобщением наблюдений и впечатлений, полученных в этой командировке, и стала пространная докладная записка «Православный Восток и Россия»⁴. Трудно предполагать использование кем-либо, в какой-либо деятельности написанной Жемчужниковым записки или заключенных в ней мыслей. В смысле практического приложения ей суждено было, как и многим другим образчикам жанра, оставаться вещью сугубо *существительной*. А жаль, в записке было высказано множество дельных и достаточно смелых суждений...

Но источником некоего движения и *веянья* она была. Начнем с того, что предназначался документ для императрицы Марии Александровны. Мы не знаем, читала ли она сама адресованную ей, довольно объемную записку. Но государыня, как известно, близко к сердцу принимала проблемы рождавшейся Русской Палестины, сама несколько раз порывалась — в 1861 и затем в 1870–1871 гг. — отправиться в Иерусалим в паломничество⁵. Сразу после Крымской войны в ее окружении, как сказано выше, вызревает идея автономного от светских и церковных инстанций Благотворительного Комитета под ее личным покровительством для сбора средств на нужды Русской Духовной Миссии. Проект положения о таком комитете, по желанию государыни, было доверено составить духовно опытнейшему и знающему митрополиту Московскому Филарету (Дроздову)⁶.

Так или иначе, по поручению ли самой Марии Александровны или близких к ней лиц, Записка Жемчужникова была разослана на отзыв ряду

деятелей, авторитетных в данном вопросе. Известен отзыв обер-прокурора Св. Синода графа А.П. Толстого, который он сообщил митрополиту Филарету⁷. В сопроводительном письме Александр Петрович писал: «Представляю Вам, пользуясь настоящею оказиею, записку г. Жемчужникова о Востоке. Записка эта самая секретная и дошла до меня необыкновенным путем: поднесенная составителем Государыне Императрице, она вручена мне Ее Величеством собственно для прочтения мне одному. Возвращая оную, я почел обязанностью, с августейшего соизволения императрицы, повергнуть на ее воззрение некоторые против мыслей г. Жемчужникова возражения и замечания. Все это, изложенное частью на полях самого текста, частью на отдельных листках, сообщаю теперь Вашему Высокопреосвященству. Записки мои составлялись с возможною поспешностью, а потому не будьте строгим судьей»⁸.

Аналогичным критическим отзывом, тоже «секретным» и «поспешным», является публикуемый нами ниже текст. Начальная история документа не вполне понятна, неясен и исходный заказ. Подлинник-автограф Антонина сохранился в архиве Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и был оцифрован мною и Р.Б. Бутовой, когда нам довелось несколько лет назад поработать в архиве. Он озаглавлен: «Ответ на Записку г. Жемчужникова о наших делах в Палестине, поданную Ее Величеству государыне императрице». В конце текста указаны время и место написания: «Афины, 22 ноября 1858 г.»⁹, но отсутствует имя автора. Это могло настораживать, поскольку Антонин нередко собственноручно переписывал для своего архива и чужие, важные для него лично или могущие понадобиться в последующей работе бумаги.

Между тем, в Архиве внешней политики Российской Империи, в фонде Палестинского Общества, находится еще один документ, озаглавленный «Замечания на статью В.М. Жемчужникова “Православный Восток и Россия”» и как две капли воды похожий на иерусалимский «Ответ»¹⁰. Этот текст не датирован, но зато официально подписан. Не Антонином — русским посланником в Афинах А. П. Озеровым¹¹. Правда, подпись посланника на последней странице его докладной записки странно контрастирует с записями, разных рук, сохранившимися на первом листе рукописи. Вверху листа карандашные пометы: «Еп<ископ> Кирилл. <18>57 или <18>58»; «И<ерусалимская> Дух<овная> М<иссия>». Ниже, под заголовком, — не оставляющее сомнений уточнение, также карандашом: «Замечания написаны арх<имандритом> Антонином, тогда настоятелем Афинской посольской церкви»¹².

Очевидно, кто-то из петербургских читателей предполагал первоначально соавторство (или авторство?) епископа Кирилла (Наумова), состоявшего в указанные годы начальником РДМ в Иерусалиме. Архимандрит Киприан (Керн), цитируя позже в своей известной книге об Антонине фрагмент из

«Замечаний», ошибочно приписывает его, а с ним и всю записку, архимандриту Петру (Троицкому), сменившему Антонина на должности настоятеля посольской церкви в Афинах в 1860 г.¹³ Киприан ссылается при этом на монографию Ф.И.Титова¹⁴, но в его книге, написанной после двухлетнего настоятельства в РДМ и неплохого знакомства с архивом Миссии, подобная аберрация представляется тем более странной, что, в отличие от автора старого киевского издания, ему был известен упомянутый выше автограф Антонина, процитированный на той же странице, абзацем ниже, и названный почему-то, без пояснений, «письмом от 22 ноября»¹⁵.

Как показывает предварительное сравнение, проведенное автором настоящих строк, документ из АВП РИ является второй редакцией антоновского текста из архива РДМ, с которым вполне совпадает и по объему, и по текстологии — с точностью до густой, но чисто стилистической правки, принадлежащей, похоже, отчасти самому Антонину, отчасти А.П. Озерову, и личных дополнений, преимущественно в разделе выводов, явно внесенных посланником.

Было ли это результатом сознательного совместного творчества или посланник, как часто делалось и делается, использовал с молчаливого согласия труд подчиненного ему настоятеля посольской церкви? Озерова, назначенного в Афины в 1857 г., и архимандрита, служившего там в 1850–1860 гг., связывали, как известно, дружеские отношения, сохранившиеся и позже, после перевода Антонина в Константинополь (1860) и Иерусалим (1865). В Иерусалиме они встретятся почти четверть века спустя, когда Александр Петрович, человек глубоко и искренне верующий, в мае 1884 г. приедет в Святую Землю паломником — с дочерьми Ольгой и Еленой¹⁶, которых Антонин тоже знал еще по афинским воспоминаниям.

Очевидно, архимандрит Антонин надеялся, что подпись посланника придаст его отзыву необходимую солидность и скорее заставит задуматься тех высоких особ, на внимание которых рассчитывали как В.М. Жемчужников, так и его рецензенты.

Следует при этом иметь в виду, что Антонин в период планов и прикидок 1856–1857 гг. упоминается в «четверке первачей», негласно привлеченных МИДовским и синодальным начальством к состязанию за пост начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. По рекомендации А.Н. Муравьева в Петербург вызвали было (на «смотрины») и даже скоропостижно назначили синодским указом епископа Поликарпа (Радкевича)¹⁷. Но он не приглянулся князю А.М. Горчакову, МИД остановил свой выбор на епископе Кирилле (Наумове)¹⁸. Обер-прокурор Св. Синода граф А.П. Толстой прочил на это место то молодого оптинского «старца» Ювеналия (Половцева)¹⁹, то архимандрита Антонина (Капустина). О последнем предположении узнаем из дневника архимандрита Порфирия (Успенского): «В 1857 г. 13 января бывший посланник Титов²⁰ и знаменитая госпожа Потемки-

на²¹ в доме министра Норова²² объявили мне, что архимандрита Антонина хотят послать в Иерусалим на место мое, а меня в Афины на его место»²³. Похоже, речь шла не просто о салонной сплетне, вариант продолжал прорабатываться, о чем свидетельствует и вполне неожиданное предложение архимандриту Антонину в конце лета 1857 г. посетить Святую Землю, да еще на военном судне — находившемся в распоряжении русского посла в Греции винтовом фрегате «Палкан». Официальный повод и ознакомительный характер поездки, видимо, тоже оставались «секретными», опубликовать книгу с описанием своего паломничества Антонин сумел только в 1866 г., когда был уже начальником Русской Духовной Миссии²⁴, а в дневнике (!) указанного времени нет ни намека на подоплеку событий²⁵. Тогда, в 1857, его назначение не состоялось — и, может быть, промыслительно. Ему нужно было до конца пройти свою церковно-дипломатическую школу в Афинах и Константинополе, чтобы позже, и уже до конца жизни, быть на своем, ему одному предуказанном месте в Иерусалиме.

... Так бывает, что отклики представляют подчас больший интерес для историка и источниковеда, чем вызвавший их первоначальный документ. Думаю, это вполне относится к публикуемому отзыву, официально подписанному посланником А.П. Озеровым, но принадлежащему в основной своей части перу знаменитого создателя Русской Палестины архимандрита Антонина (Капустина).

Н.Н. Лисовой

ЗАМЕЧАНИЯ НА СТАТЬЮ ЖЕМЧУЖНИКОВА «ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК И РОССИЯ»

Важность предмета, рассматриваемого запискою г-на Жемчужникова, усугубляемая данным ей назначением служить источником сведений для лица, столь высокопоставленного²⁶, побуждает меня обратить на нее самое близкое внимание. Если, соглашаясь в некоторых пунктах с автором, я на другие делаю замечания, то этим нисколько не думаю ни защищать его, ни нападать на него, а излагаю только свое мнение, не на впечатлениях поспешного путешествия, а на многолетних наблюдениях основанное.

I.

Автор критически рассматривает состояние Православной Церкви вообще, и в частности — сравнительно с западными пропагандами на Востоке. Буду по порядку записывать мысли и замечания, порожденные чтением его статьи.

В начале автор исчисляет народы, составляющие Православную Церковь, и, можно сказать, на первой строке своего сочинения, позволяет читателю упрекнуть его в неполноте сведений. Он говорит, что Православную Церковь составляют: русские, греки, южные славяне и арабы. А где же румыны, или молдо-влахи — элемент совершенно отдельный от исчисленных выше и довольно значительный, как своею численностью, так и тем обстоятельством, что он есть единственный латинского происхождения в Православной Церкви? Отчего не упомянул о них сочинитель? Это, конечно, недосмотр, но потому самому и мне следовало сказать о нем. Недостаток внимания в одном случае, или пропуск иногда умышленный часто свидетельствуют об излишней напряженности внимания в других случаях, когда автор обстоятельства толкует в свою пользу. Тому находим несколько примеров в записке г-на Жемчужникова.

Затем автор делает взгляд на догматическое различие от нас армян и коптов. По моему разумению, взгляд этот не совсем верен, ибо на основании одного о тех и других утверждалось бы то, что с некоторым правдоподобием можно сказать только о первых, потому что последние, по общему признанию богословов, суть прямые еретики (монофизиты) и, следовательно, от нас отстоят гораздо далее, чем первые, и ни в каком случае не «отличаются от нас только другим выражением того же догмата», как полагает г-н Жемчужников.

Исторический взгляд автора на древнее и современное греческое духовенство, вообще говоря, не лишен верности. Желательно бы только, чтобы нарекание на это духовенство в намеренном, как надобно понимать, угождении с его стороны «плотским страстям» турецких вельмож, было снято с него. Кроме того, владение, или, по автору, завладение греками сооружений византийских императоров естественно — не потому, что императоры были греки, а потому, что сооружения эти суть собственность местной Церкви. Мысль автора, что целью сооружений императорских была Православная Церковь, отзывается софизмом и никак не может вести к заключению о всеобщей их принадлежности православным народам. В противном случае и наши подобные сооружения в России (древние и новейшие) все, без исключения, надобно бы признавать также собственностью и греков, и арабов, и проч. Греки вовсе не завладевали ничем чужим в пределах бывшей Греческой Империи*.

В изложении своем автор, пользуясь легкостью своего пера, часто, говоря о предметах первостепенной важности, увлекается искушением сказать остроумное, а подчас даже резко-колкое слово. К таким выходя-

---

* В одной из следующих статей автор говорит, что появление в Иерусалиме Русской Духовной Миссии раздражило греков и обрадовало католиков. Мне кажется, что достаточно обнародовать на Востоке его идеи, чтобы тот же результат был достигнут в гораздо больших размерах. — Примеч. архим. Антонина.

кам принадлежит, конечно, утверждение, что современно с тем, как греки захватывали в свою власть церковное управление на Востоке, в России произошло подчинение церковного управления мирскому, ибо история не подтверждает подобного положения. На первую часть мысли отвечу кратко, что греки, задолго до падения Восточной Империи, имели всю ту же, как и впоследствии, власть в своих руках, и даже еще большую, потому что владели и Египтом, и Иллириком, и даже простирали духовную власть и на Россию; следовательно, не имели ни нужды, ни повода что-либо «захватывать». На вторую часть невольно обратись к автору с вопросом: ужели он в самом деле убежден, что церковное управление в России подчинено мирской власти? Я знаю, что это вообще, и в особенности на Западе, почитается фактом неоспоримым, но нам с автором подлечит не осуждать, а судить, и потому, рассматривая предмет пристально и сознательно, нельзя не решить, что у нас скорее подчинено духовенство, чем церковное управление, и духовенство скорее подчиняет себя, чем подчинено. Церковь управляется на основании апостольских и соборных постановлений. Мирская власть довольствуется при этом внесением в церковное делопроизводство своих форм, признаваемых ею полезными и нужными и допускаемых церковною властью в видах общего спокойствия государства и Церкви.

Но допустим даже на время, что церковное управление у нас подчинено мирской власти. Подчинение это было ли, однако же, причиною разрушения связей нашего церковного управления с подобным же на Востоке? Этого, конечно, нельзя утверждать голословно. Причиною сего было скорее трудное положение Церкви Греческой при наших неприязненных отношениях к Турции — особенно в последние два столетия, вследствие коего прерваны были почти всякие сношения двух Церквей: от подозрительности турок, страха греков и благоразумия нас самих. Что же касается до мысли, что это разрушение связи доставило греческому духовенству «возможность действовать наперекор соборным постановлениям», не опасаясь сопротивления других членов Церкви, то, чтобы не заставить каждого грека усмехнуться и упрекнуть нас, что мы, выросши физически, слишком зазнались духовно, следовало бы, по крайней мере, присовокупить, что и нашему духовенству это смутное время и безотчетность дали повод также действовать наперекор церковным постановлениям.

Вслед за тем автор взносит на греческое духовенство несколько обвинений, которые сводит к трем пунктам. Первый из них — незаботливость греческого духовенства о просвещении своей паствы и даже противодействие тому — есть не только строгое, но даже несправедливое осуждение. (Автор обнаруживает тут, что он исключительно находится под влиянием Болгарского вопроса, ибо как этот обвинительный пункт,

так и остальные два приложимы только к европейской Турции; но не взялся ли автор за предмет гораздо обширнейший?). По мере сил духовенство греческое постоянно старалось заводить у себя училища и преподавало в них науки не только духовные, но и светские (даже еще более светские). Естественно, что оно при этом заботилось о распространении прежде всего греческого образования, как более ему самому подручного, как более ценимого другими и как действительно более всего нужного и полезного на Востоке, а что школы всегда были в зависимости от него, это иначе и быть не могло, по той причине, что оно было единственный христианский элемент в Турции с значением, влиянием и образованием, столько нужным для общественного заведения, поставленного среди враждебного и преобладающего населения. Если оно не улучшает школ, то или потому, что не имеет средств к тому, или потому что не в состоянии сознать потребности того.

Вообще же вопреки этому обвинению надобно сказать, что нигде духовенство не старалось столько просветить народ, как в Греции во времена ее порабощения. Если с половины прошлого столетия у нас архиереи стали заводить духовные училища, то все ли имели в виду просвещение непосредственно одного духовенства, следовательно, к достохвальному делу могла примешиваться и небольшая доля эгоизма. Греков даже и в этом нельзя упрекнуть. Духовенство их с высоким патриотизмом и совершенным бескорытием старалось делиться со всею, безразлично, паствою, чем была богата сама со стороны умственной.

Второй пункт, если автор может подтвердить не частным каким-нибудь фактом, а общим ходом церковных дел в пределах Турции, то все же не удержусь я от желания посоветовать ему, чтобы он поставил себя на место Вселенского Патриарха, на которого все султаны, от Магомета Второго до нынешнего, смотрели как на ответственное за всех православных лицо, и который, вследствие того, необходимо должен был и сам сознавать себя таким. Автор увидит тогда, заслуживает ли обвинения это спасительное для Церкви поведение греческого духовенства. Каждый самый малый урон власти Патриарха в те бедственные времена был бы всеобщим несчастьем Православия. Если и теперь греческое духовенство продолжает еще иногда действовать по-прежнему, то это, как явный анахронизм, остается без последствий. Желательно, чтобы автор более высказал сочувствия к несчастному политическому положению Великой Церкви. Оно стоит слез, а не холодных, бессердечных укоров.

То, что придется мне далее высказывать противу нареканий сочинителя Записки, заставляет меня упомянуть в нескольких словах о моей личности. Автор, зная меня, конечно, не припишет меня к числу западных порицателей наших, у которых вошло в обыкновение пугать всех и всякого политикою нашею на Востоке, приписывая вековой деятельности ее

честолюбивые и завоевательные замыслы, прикрытые личиною усердия к вере. Я бы не желал также, чтобы он меня смешал с теми людьми, по большей части соотечественниками нашими, которые, напротив того, обвиняют правительство наше и агентов его в излишней робости, в унижительной прикровенности всех действий наших на Востоке, в постоянной уступчивости и враждебному сопротивлению Порты, и завистливому соперничеству европейских держав. Противу первого навета нетрудно найти самые поразительные оправдания в истории войн наших, в трактатах наших с Турциею, а, наконец, и в самых обвинениях соотечественников наших, о которых я сейчас упомянул. Но если бы, к этому, ряд представителей наших в Константинополе мог предстать на суд общего мнения, если бы раскрылись перед обвинителями архивы посольства нашего в Константинополе, то смело могу сказать, что неутомимое труженичество, непрерывная, горячая борьба <дипломатической> Миссии нашей в Турции, справедливо названной опаснейшим аванпостом политики, торжественно смыли бы с нее и второе тяжкое обвинение в преступной виновности перед славою и честью Отечества. Если допустим, что призвание наше на Востоке двоякое: религиозное и политическое, то можно утвердительно сказать, что мы не употребляли первое как рычаг для достижения перевеса в последнем — напротив, мы как бы с боязнию уклонялись от этого. Я всегда готов был брать хорошую сторону этой работы, ибо, может быть, в ней именно и выразились резко и в оттенок противникам нашим набожность и добросовестность России, ибо основательно или нет, но в силе нашей мы никогда не сомневались. Можно сказать, что нередко в благочестии нашем, в избрании прямых, открытых путей лежала разгадка политических поражений наших на Востоке. Я не могу истребить в себе твердое упование, что в этом отношении почти ребяческая простота наша, почти наивное прямотушие найдут себе милостивый приговор у Вышнего Правосудия, и что ошибки наши не зачтутся нам в ущерб любезному Отечеству.

Но перед судом общественным не всегда так же снисходительно судились и будут судиться наши действия.

Перейдем к третьему пункту обвинений автора Записки противу греческого духовенства. Он так близко нас затрагивает, так важен для нас, что почти приходится желать, чтобы он как можно менее нашел себе отзвука в России. Обвинение это, конечно, тяжело, но можно спросить автора: вселили ль мы своим многолетним поведением на Востоке в кого-нибудь доверие к себе? Объяснили ли мы всем и каждому искренно, решительно и безвозвратно наши виды на Востоке? Да уяснили ли мы их самим себе? Всякий раз, как мы воевали с Турциею, мы провозглашали, что стоим за веру и Церковь. Греки, естественно, воспалялись при этом и возлагали на нас надежды, может быть, дозволяли себе некоторую вольность пе-

ред угнетателями. Но война оканчивалась. Мы приобретали себе земли и иастры, а христиане в Турции с их надеждами оставались на произвол судьбы. Был даже один эпизод, в котором греки могли подумать, что мы забыли веру и Церковь, именно, когда мы соединились с их угнетателями и грозили задушить Ибрагима Пашу, который освободил Гроб Господень от позорной дани и обещал свободу всей Святой Земле. Далее будем еще иметь случай упомянуть об этой эпохе.

Вместо самообольстительного сознания своей высоты и праздности, автору полезно было бы спросить себя: эта упорная любовь и привязанность к нам столько раз обманутых в своих чаяниях наций не заслуживает ли с нашей стороны хотя милостивого слова, если уже не сострадания плодотворного?

Нас не желают греки, скажет мне автор Записки, а еще более — автор другой Записки, г-н Мансуров²⁷. Такое нежелание довольно резко высказывается на Св<ятой> Горе и в Иерусалиме. Это правда, но почему? Потому что мы своею самомнительностью, своим желанием делать все по-своему и своею настойчивостью в желаниях — чертами, в той же степени свойственными и грекам — вселяем в них страх, усугубляемый убеждением их в нашем могуществе и собственном бессилии, последствием коего и могла быть когда-нибудь та неразумная мера их, которую справедливо порицает автор. Греки, как и турки, как румыны, как сербы, как самые болгаре естественным образом не желают нас как завоевателей, как разрушителей их национальности, как стеснителей их прав, их обычаев, их языка и, наконец, той доли исторического значения, какую каждый из них имеет и бережет как святыню неприкосновенную. Не случилось ли нам быть австрийцами в Сербии, турками в Молдавии и Валахии, то англичанами, то французами в Константинополе, ревнителями славянизма в греческих и поборниками эллинизма в славянских храмах, немymi зрителями неистовств турецкой полиции у самого Гроба Господня и в патриарших церквях, ревностными усмирителями народных порывов на Ионических островах, противниками конституционного начала в свободной Греции и проч., и проч.? Как все это склеить и объяснить? Покажем себя грекам искренно, с полным христианским самоотречением и самопожертвованием, и споспешниками в их видах, и мы увидим в них себе друзей преданнейших. (Тут, конечно, возникает вопрос особенный: как согласить их виды с видами других православных национальностей Востока? Но еще, по-видимому, не настало время решить этот вопрос, в котором — мимоходом буде сказано — славяне, конечно, возмогут силою, но греки не потеряют веса, который дают им трудолюбие и изворотливость). Утверждение автора, что греки «опасаются вмешательства нашего, как могущего освободить восточные православные народы от лежащего на них церковного гнета», поставляет их в положение больного, который бы

в виду смерти страшился бы получить ушиб. Совсем не того опасается от вмешательства нашего греческое духовенство — оно боится собственного порабощения.

Таковы три обвинительные пункта автора противу греческого духовенства.

Далее: в проводимой им параллели между этим духовенством и русским прежде всего бросается в глаза смешанность воззрения. Духовенство греческое он разумеет только как высший разряд его, тогда как в русском большей частью видит только один низший. Потом, считая первое виновным в своем падении, он повторяет свое мнение о присвоении им себе власти над всеми восточными православными, которую называет при этом незаконною, чем и дает мне повод заключать, что он или недостаточно знаком с историею Церкви, или о законности имеет свои понятия. Второму, не ставя в вину его невольного падения, он, однако же, приписывает качества и действия, которые, если справедливы, не позволяют даже и параллели провести между ним и греческим. Ибо наше духовенство, по словам его, не печется о себе, тогда как о греческом некому иметь попечение, кроме его самого; наше предалось, по его же словам, одним вещественным выгодам, а греческое увлеклось мыслию о распространении своего влияния и своей власти. Где же сходство их между собой? Если в одном преобладание той или другой черты свидетельствует падение, то в другом отсутствие ее должно означать возвышение, или, по крайней мере, стояние. Общий же вывод автора о единственном различии обоих — степени их виновности: в одном сознательной, в другом бессознательной — в отношении первого преувеличен, в отношении второго уменьшен.

Но оставляю способ изложения автора и обращаюсь к сущности дела. Справедливо ли то, что он утверждает о том и другом духовенстве? Он уверяет, что на Востоке духовное звание, кроме низших степеней, сообщается одним грекам-фанариотам. Это им сказано по насмешке. Оно несправедливо до того, что я не считаю нужным опровергать его. Далее он говорит, что духовенство греческое сознательно препятствует усовершенствованию своей паствы. Это снова несправедливо и в недавнее еще время опровергнуто фактами в брошюре «Отчет “Русскому Вестнику”». Доколе оно сознает паству свою, оно сознательно заботится об усовершенствовании ее. Говоря о пастве, автор ясно имеет в виду известную часть православного населения Турции, как кажется, преимущественно славян. Но на Востоке первая по своему значению паства есть паства греческая, о которой, конечно, духовенство заботится с ревностью, достойною подражания. Оно заботилось и о греческом населении, и об арабском, и об албанском. Зачем же быть к нему несправедливым потому только, что оно не благоприятствует развитию славянского начала, желая преобладания греческого?

Здесь, может быть, было бы место привести несколько фактов в доказательство заботливости Патриархий о их паствах. Я выберу один, который будет служить ответом и на обвинение в беспечности, и на приписываемое греческому духовенству недоброжелательство к нам. В 1852 г. Иерусалимский Патриарх Кирилл, отечески заботясь о приличном помещении для Духовной Миссии нашей в Иерусалиме, изъявлял желание на счет патриаршей казны построить особый дом для нашего настоятеля с причтом и вступил с посольством нашим в переговоры по сему предмету. Тогдашний поверенный в делах, управлявший посольством нашим <А.П. Озеров>, имел точно такое же предубеждение против Константинопольского Синода, как и автор разбираемой нами Записки. Он с недоверчивостью объяснялся с Блаженнейшим Кириллом о делах иерусалимских, о нашей <Духовной> Миссии там и в этих разговорах с умыслом несколько раз затрагивал дела арабской паствы в Палестине, к которой, как ему казалось, Патриарх питал не только равнодушие, но даже некоторую нелюбовь. Представитель русский решился, пользуясь частыми беседами с Блаженнейшим Кириллом, употребить все влияние свое, чтобы победить в нем это нерасположение к достойным всякого соучастия православным арабам. Дело о постройке дома для Духовной Миссии нашей шло вперед, и если бы в Петербурге не оказано было тогда холодности и нерешимости к намерениям Патриарха, то в настоящее время наша Миссия имела бы уже красивое, удобное и приличное помещение, или Русское подворье²⁸.

У Блаженнейшего Кирилла, несомненно, было при этом желание сохранить наш клир как бы под покровом своим, но в предложениях его выражалось столько любви, столько усердия, столько признательности за все, делаемое для паствы его правительством нашим, что в представителе нашем мало-помалу должна была исчезнуть малейшая тень недоверия, и беседы его с Его Блаженством становились постепенно все искреннее. Дошло до объяснений по делам паствы арабской. Поверенный в делах решился на несколько почтительно выраженных упреков и, когда Патриарх с невыразимою доброю уверял его в том, что не признает в себе холодности к детям духовным своим — арабам, а что, напротив того, отеческое сердце его открыто им безразлично от греков, то представитель наш с живостью просил немедленного доказательства этой попечительности.

Палестинские арабы имели тогда самую вопиющую нужду в церковных книгах. В Бейруте была арабская типография, но столь скудная, столь заброшенная, что без поддержки значительной она должна была быть закрыта. Вот случай, говорил поверенный в делах, Вашему Блаженству доказать любовь к арабам. Приобретите Бейрутскую типографию на счет казны Святогробской, выпишите еще один или два станка из Парижа или Вены и печатайте церковные арабские книги под надзором арабского

духовенства. Тут указано было ему на трех духовных лиц: архимандрита Афанасия, о. Спиридона, учителя древней арабской словесности, и о. Илью, священника Вифлеемского, при участии которых рукописи могли бы быть тщательно рассмотрены и сличены с греческим текстом не только в Св<ятом> Граде, но и в Дамаске, где есть знатоки арабского книжного языка, именно: протонотарий Антиохийского престола Иоанн Попадопуло и священноучитель о. Иосиф.

Знание этих подробностей несколько удивило Патриарха — может быть, оно показалось ему и вмешательством, но он с кротостью вступил с ним в обстоятельное обсуждение предмета. «Я давно хочу, — говорил он, — завести большую арабскую типографию; но желательно мне было бы иметь ее в Константинополе, под непосредственным моим надзором и ведением находящегося при мне игумена Хаматурской обители на Ливане, о. Исаии. Начальник посольства позволил себе тут с удвоенной живостью заметить, что такой оборот дела еще более убедил бы его в пристрастии Патриарха к грекам на счет арабов. Ему было известно, что игумен Исайя, любимец Бл<аженнейшего> Кирилла, хотя говорил и писал на арабском наречии, но только на сиро-ливанском, не выхваляемом сирийскими писателями. Исполнение же достохвального и полезного предприятия, о коем шла беседа, обуславливалось выбором как людей, знающих арабский язык, так и правильных рукописей. «При Вас, — продолжал поверенный в делах, — нет человека, который бы соединил в себе знание богословских наук с основательными сведениями в древнем языке арабов. Что же касается до священных рукописей арабских, то в них встречаются мнения монофизитской ереси, долго гнездившейся в арабо-сирском племени. Посему они должны быть пересмотрены учеными арабами. Иначе со временем может возникнуть раскол в Сирии и Палестине. Прежние Иерусалимские и Антиохийские Патриархи печатали некоторые из вышеупомянутых книг, но не иначе как с текстом греческим и тем представляли ручательство в надлежащем пересмотре рукописей, успокаивая в то же время прочие Православные Церкви. Но так как Ваше Блаженство сами не сведущи в арабском языке, а окружающие Вас только весьма поверхностно занимались арабскою филологией, то какое же ручательство и успокоение даст Ваш Патриарший престол?»

Бл<аженнейший> Кирилл несколько минут остался погруженным в задумчивость, как бы ожидая, чтобы утихла бойкая речь его собеседника. Потом встал, с нежностью облобызал его и с кроткою простотою сказал: «Вот так-то юноши учат иногда стариков — так-то и юная Россия во многом может помочь и подействовать своей матери Греческой Церкви — только всегда с основательным сознанием предмета и с благодушием, а не с упорством и понуждением сильнейшей!» Благословляя начальника посольства

перед уходом, Патриарх прибавил: «Будет, будет сделано по-твоему», — и, действительно, два месяца спустя приобретена была, с весьма значительным пожертвованием от Патриаршей казны, бейрутская арабская типография, выписаны новые станки, и указанные выше лица облечены властью и доверием для печатания церковных книг на древнем арабском языке²⁹. Разговор этот записан со слов бывшего тогда поверенным в делах нашим в Константинополе. Отдаю его на размышление автору Записки.

II.

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД АВТОРА НА ДВУКРАТНУЮ ПОПЫТКУ НАШУ ИМЕТЬ В ИЕРУСАЛИМЕ ДУХОВНУЮ МИССИЮ.

Автор предпосылает статье несколько общих рассуждений.

Прежде чем войти в разбор их, мне кажется полезным изложить в весьма кратком и беглом очерке историю Православной Церкви в Сирии и Палестине. Это послужит подкреплением замечания нашего автору, что, рассуждая о предметах, из коих сложилась его статья, необходимо обращаться к истории и советоваться с нею. Изложение это тоже понадобится нам и при заключении разбора нашего, когда дело коснется до средств к успешнейшему подвижничеству нашему на Востоке.

Православная Церковь обрела в последние годы ощутительные преимущества от политических преобразований Турции. Вместо тех преследований, коим она была подвержена под управлением старинных пашей, она находит ныне покровительство и правосудие у наместников Порты, насильственные наборы, народные гонения прекратились, духовенство вполне пользуется, можно сказать, теми льготами, какие ему были искони дарованы мусульманскими завоевателями, арабами или турками, и которые в эпоху раздробления власти и феодального бесчинства Империи, когда каждый вассал так безнаказанно выходил из пределов законной зависимости, оставались только мертвою буквою в фирманах султанских. Самый фанатизм мусульманского народонаселения <в Сирии и Палестине> значительно смягчился после памятного периода египетского правления³⁰; а если затем политические ошибки наместников Порты и всего чаще их слабость допускают или даже побуждают, от времени до времени, фанатические порывы мусульманской черни противу христиан, то нельзя, однако же, не заметить утешительного для человечества успеха веротерпимости, которая, в наше время, вошла в систему внутренней политики Турции; если бы правительство Оттоманское не слабело и не чахло с каждым днем все более и более, то эта веротерпимость скоро проникла бы в самые понятия и в чувства народных масс.

Главнейшая и роковая препона к упрочению домогательств Порты есть порочное образование мусульманских судилищ и безнравственность местных властей, которые чем более удаляются от центральности власти, тем скорее стремятся возвратиться к старинным своим навыкам. Отсюда проистекает постоянное вмешательство европейских правительств в турецкие внутренние дела. Бдительный надзор агентов великих держав и их ходатайство у пашей в пользу христианского народонаселения часто служат единственною надежною порукою к достижению желаемого самою Портою искоренения тех зол, кои тяготеют над народонаселением областей. Но в то же время надзор иностранных агентов сопряжен с важными политическими неудобствами, и дальнейшие результаты оного нередко клонятся к внутреннему моральному вреду самих христианских племен.

Сирия, по политическому своему устройству, по географическому положению и по разнородности своих племен, более чем всякая другая область Турецкой Империи претерпела от анархии и от феодальных неистовств прежней эпохи; но по тому самому она способнее созреть к развитию новых правил и начал, заимствованных Портою у Европы. Кратковременная и бурная эпоха египетского правления подтверждает замечание это, основанное на тщательном историческом исследовании судеб сирийских народонаселений со времени покорения их Оттоманскою Империею; ибо нынешние действия правительственной власти в Сирии, в сравнении с влиянием Порты на эту далекую область в эпоху прежних пашей, очевидно, доказывают, что теперь только, по истечении почти трех веков после завоевания и среди кризисов, ознаменовавших последнее пятидесятилетие Оттоманской Империи, Империя эта довершает долгий и тяжкий подвиг покорения Сирии и подчинения анархических элементов этого края правительственному единству.

Эти соображения не чужды предмета нашего. В обществе восточном политическое устройство края, столько же, как в Европе, если не более, имеет влияние на судьбы Церкви.

Судьбы Православной Церкви в Сирии были неразлучно связаны доселе со степенью политического влияния Константинополя на эту область. В блестящий век Феодосиев и Юстинианов православие процветало в Сирии, и ереси, которые успели еще в первые века христианства укорениться в сей области, были опрокинуты за Евфрат или в пустыню. Затем, со времени Ираклия, когда политические судьбы Сирии разлучились от судеб восточной столицы, и до самой эпохи завоевания этой области Селимом, православие постепенно ослабевало в неравной борьбе то с мусульманским потоком, то с ураганами крестовых походов. В этот тяжкий тысячелетний период Церковь Сирийская лишилась своей паствы, за исключением небольшого числа верных. Между тем как престолы Антиохийский и

Иерусалимский не находили никакой опоры во Вселенском престоле, от коего их разлучали политические бури Востока, и были предоставлены необразованному, убогому и робкому арабскому духовенству, Римская Церковь, лишившись на Флорентийском Соборе всякой надежды подчинить греческое Православие своему владычеству верховному и политическому, устремила вновь свои взоры на Сирию, уже не с оружием крестовым противу неверных, но с прозелитическими попытками противу других христианских Церквей. В это время успела она окончательно соединить с Западом Маронитскую Церковь и положить начало обращения сириан и несториан. Судя по тогдашнему состоянию Сирии, утвердительно можно сказать, что завоевание этой области оттоманами в начале XVI века спасло в ней Православие от конечного разрушения. Присоединение Сирии к Оттоманской Империи возобновило политические узы, коими издревле связывались Восточные Престолы, и вскоре затем греческое духовенство заняло Антиохийский и Иерусалимский престолы и оградило их гораздо прочнее, чем могло то сделать слабое арабское духовенство, противу нападений западных миссионеров.

Впрочем, Рим успел уже заблаговременно стать твердою стопою в Сирии, и с высот Ливана изливать свою проповедь по всему Востоку. Если, с оной стороны, Православие обрело в Сирии новые силы в политическом союзе с Константинополем, зато и католицизм обрел новые средства деятельности в дипломатических связях Франции с Портою и в праве, предоставленном договорами французскому королю быть заступником и ходоцем западного духовенства в Турции. При сих новых элементах крепости и силы, почерпнутых обоими влияниями в политических переворотах Сирии, борьба становилась упорнее между Православием и латинством. Первое искало защиты у султанов то прямо, то через русское влияние, весьма прикровенное и скромное, ибо не основывалось на договорах, а второе прибегало к мощному и скрепленному договорами заступничеству Франции.

Если в конце XVII века латинское духовенство при содействии французского посольства <в Константинополе> отнимало святыни палестинские у греков, если затем, в начале следующего столетия, Уния вторглась в Православную Церковь Сирии хитрыми действиями иезуитов, Православие, в то же время, с своей стороны, делалось не менее того осторожным в сношениях с западными законоучителями, принимало деятельные меры к отстранению прозелитизма и впоследствии, при возрастающем влиянии князей Дунайских, вновь вступало торжественно в заветное наследие святынь Иерусалимских.

Вся вторая половина прошедшего столетия проведена Сириею в хаотическом обуревании, законное влияние Порты на эту область было потрясено до основания. Успехи оружия нашего за Дунаем отозвались

здесь роковыми потрясениями султанской власти, а появление Чесменского флота у берегов Сирийских, при волнениях пустыни от фанатизма Абдул Вехаба, при смелых предприятиях Дагер-Эль-Омара, при вторжениях мамлюков Египетских, при междоусобиях племен Сирийских, едва ли не довершено отторжение Сирии от Оттоманской Империи. Этим же временем Уния преуспевала в Сирии при деятельном содействии Римского Двора. Поход французов и тиранство Джебззаров возымели счастливые для Порты последствия относительно влияния ее на сирийские племена, и, несмотря на беспутное правление Абдаллаха и на потрясение, произведенное по всей Империи восстанием греков, несмотря на гонения, коим подвергалась тогда Церковь, первая четверть текущего века ознаменована успехом для Православной Церкви в Сирии.

Пред самую эпоху восстания Греции православное духовенство Антиохийского престола при влиянии Константинопольского Патриарха и фанариотов едва не успело окончательно восторжествовать над унией и отняло от оной храмы, коими она завладела в эпоху анархии. Если успех не был решительным, вернее можно приписать это ошибкам греков, которые переступили за грань благоразумной умеренности, чем недостатку средств и сил. Затем, однако, наступила критическая для Православия эпоха с египетским владычеством в Сирии. Правда, что и духовенство, и народ православные единодушно благословляют эпоху египетскую, ознаменованную равной терпимостью всех христианских исповеданий и доставившую всем Церквам Сирийским великие преимущества. Но если мы вникнем в нынешнее состояние Православной Церкви в Сирии и в причины ее расслабления, то вполне убедимся в том, что начало оных восходит до эпохи египетского владычества, к которой должно отнести крайнее усиление западного влияния политического и духовного в сем краю. Римское духовенство приобрело в эту эпоху преизбыток средств нравственных и материальных, и влиянием своим на месте, при возрастающем участии, которое Франция и Двор Римский стали принимать в судьбах сирийских христиан, и при таком залоге грядущего своего торжества, оно и в Иерусалиме, и на Ливане, и по всем городам Сирии заменило оборонительную систему, в которой пребывало дотоле, смелыми наступательными действиями. Для всякого христианского общества в Турции грубые гонения турецкой черни и властей прежней эпохи были чувствительнее, чем потаенное и коварное преследование от духовенства других исповеданий. Но гонения, терпимые от мусульман, имели, по крайней мере, то спасительное для Церкви влияние, что ими более и более воспламенялось чувство религиозное, которое во все продолжение мусульманского владычества на Востоке стяжало мученические венцы; напротив того, преследования иноверных законоучителей, облакаясь личиною ложной терпимости, сочувствия и покровительства, ведет только

к ослаблению в массах основного чувства религиозного, к разрушению всякой дисциплины церковной.

Разительным примером этого может служить нам юная, свободная Греция.

Итак, неудивительно, что православные и поныне воздыхают о времени египетского владычества, которое в существе, по своим последствиям, было роковою эпохою для Церкви в сей стране.

Политический переворот 1840 г., воссоединив Сирию со столицею Империи, мог бы излечить раны, нанесенные Православной Церкви под египетским правлением. Антиохийский и Иерусалимский престолы могли ожидать спасительной опоры и заступничества при влиянии Греческой Церкви в столице и при непосредственном действии столичных властей на сию область. Но в каком состоянии находилась в эту эпоху Церковь Вселенская?

Впечатление, произведенное в Западной Европе делами 1840 г., чрезмерно усугубило участие народов и правительств в судьбах сирийских христиан, и с этой эпохи религиозное влияние очевидно сделалось орудием политики. Английские, протестантские общества стали соревновать французам в прозелитических их помыслах; епископство англиканское было основано в Иерусалиме; миссионеры, врачи, учителя, проповедники были отправлены в этот край. Первоначальною их целью было обращение в христианство евреев, друзов и других нехристианских племен; но естественное стремление этой пропаганды, по самой силе обстоятельств, клонилось к прозелитизму между христианами, ибо, с одной стороны, вековое действие посланцев Римской Пропаганды успело, как мы выше заметили, расслабить религиозное чувство в племенах сирийских; племена эти получили навык пагубного непостоянства в одном исповедании, а с другой стороны, самые миссионеры, по мере того, как они убеждались в неудаче своего предприятия относительно евреев и друзов, стали обращать свои взоры к христианским исповеданиями, чтобы только выказать какую-нибудь заслугу обществам, их содержащим, и чтобы не подвергнуться упреку в бесполезности предприятия. Благовидный силлогизм миссионеров в сем их стремлении состоял в том, «что для привлечения неверных в Христианскую Церковь надо всего прежде иметь в Сирии благоустроенную Церковь Христианскую: здешние Церкви, — говорили они, — лишены основной мысли христианства и преисполнены языческих обрядов; следовательно, необходимо сперва охристианить самих христиан сирийских, а потом уже язычников».

И римское духовенство, и французское правительство, и католические общества Запада с беспокойством видели прозелитические попытки протестантов в Сирии, а для противоборства оных усилили собственные средства. Так, на сем поприще одно зло вело за собою всегда множества других. Провидение здесь как бы указывало человечеству, что там, где

дела служения Богу суть только личина для покрытия расчетов и страстей житейских, там нельзя ждать успеха.

По естественному ходу дел Православная Церковь сделалась предметом обоюдного политического соревнования католических и протестантских миссионеров. Она не была приготовлена к этой борьбе, она была убога и материальными, и умственными пособиями. Обратив умоляющие взоры к столице <Османской> Империи, она ожидала оттуда опоры и содействия, но, по несчастию, вторая четверть текущего столетия открылась под бедственными знаменами для Константинопольской Церкви. Между тем как восстание Греции и современные политические перевороты придавали всему на Востоке новую жизнь, новую деятельность, одно духовенство впало в бедственное для Церкви усыпление, отрекаясь мало-помалу от двоякого наследия науки и политического своего влияния, утрачивая свою деятельность в корыстных происках, торгуя епископствами Вселенского Престола и жертвуя духовными пользами паствы ради презренных выгод.

Не будем входить здесь в исследование причин сего нравственного упадка, который с каждым годом стал чувствительнее проявляться в современном духовенстве Вселенской Церкви и который имеет самое пагубное влияние на судьбы других Восточных Престолов, не обретающих уже ни надежной подпоры политической, ни духовного светильника в Церкви Константинопольской. Чем более мы умеем ценить прежние блистательные заслуги Константинопольского духовенства и его апостольские подвиги по всему Восточному миру, и его твердость в бурные времена предсмертного борения Греческой Империи и в страдальческий период мусульманского ига, тем прискорбнее для нас нынешнее направление сего духовенства, особенно при усердных предприятиях западного прозелитизма, грозящих самому существованию Православной Церкви в древней ее колыбели.

Это беспристрастное изложение, основанное на исторических и на современных фактах, мы не можем безошибочно продолжать до сего дня. Последняя Восточная война — такое громадное событие, что последствия оно, так сказать, еще не улеглись. Отзвучие оной на Православном Востоке еще недостаточно созрело, чтобы предстать на суд истории. Мы заплатили дорого за добросовестную борьбу нашу за многострадальную Церковь Восточную. Еще не сложились хорошенько выводы из уроков прошедшего; еще деятельность наша и политическая, и религиозная по необходимости ходит ошупью. Притом же составитель этих замечаний отдален от центра действий наших на Востоке, ему мало известны и настоящие внушения политики нашей в Стамбуле, и ход событий, на которые она влияет. Наблюдая издали, он только по значительным и публичным фактам может делать заключения. Посему, ограничиваясь только беглым об-

суждением записки г-на Жемчужникова, мы почерпаем свои убеждения более в прошедшем, чем в настоящем, и только по какому-то инстинкту — осадку долговременной опытности и нечуждости минувшим событиям, позволим себе выразить скромное мнение наше о том, что, по крайнему разумению нашему, кажется нам возможным и полезным для религиозной влиятельности пламенно любимого нами Отечества на Востоке.

В уме нашем краткий исторический очерк, приведенный выше, идет к тому неоспоримому заключению, что без нравственного, политического и материального содействия правительства нашего, Православной Церкви предостоят в нынешнем направлении дел в Сирии великие опасности.

Если замечаниям нашим достанется честь попасться на глаза деятелям и руководителям русской политики, то мы желали <бы>, чтобы в этих замечаниях только признано было старание показать предмет, обсужденный так бойко г-м Жемчужниковым, с другой стороны, с точки зрения более спокойной но, смеем сказать, не менее патриотической. Если мы в чем ошиблись, или если по незнанию ближайших, современных особенностей, не договорили всего, то, как часто бывает, самые ошибки и промахи наши могут послужить к открытию истины. Обратимся к предмету.

Конечно, всякий согласится, что без того деятельного участия, которое было принято правительством нашим в судьбе Православной Сирийской Церкви после переворота 1840 г., вместо тех выгод, каких Церковь сия была вправе ожидать от политического воссоединения Сирии с Константинополем, нет сомнения в том, что она в немногие годы сделалась бы игралищем и добычею прозелитической борьбы католических миссионеров с протестантскими. В подкрепление того, что мы сейчас только сказали о продолжительном и медленном процессе, который порождают великие исторические события, в особенности на сонном Востоке, мы укажем на то, что нравственные перевороты 1840 г. еще до сих пор не истощились для Сирии. Спутанные ливанские дела выказали, до какой степени укоренилась здесь борьба двух элементов, которые проявляются под знаменами то французского, то английского влияний. Правительство Турецкое, с своей стороны, дает с каждым годом новые доказательства своей неспособности к управлению сим краем и не умеет воспользоваться самыми благоприятными обстоятельствами для упрочения законного своего влияния, которое подрывается все более и более влиянием иностранных агентов. Турецкое правительство довольствуется, как кажется, тем, что оно успело с грехом пополам укротить анархию в Сирии и подрвать местное влияние аристократии и горских племен; но мало заботится о том, чтобы стройным зданием заменить разрушаемые им или распадающиеся от ветхости феодальные башни. Но, скажут нам защитники Турции, она довершает ныне в Сирии посильным гражданским трудом военные подвиги.

ги Селима I. Но если со времени завоевания Сирии оттоманами местные анархические элементы края продлили более двух веков его бунт противу потоков завоевателя, то ныне последовательные ошибки и неудачи наместников Порты ведут лишь к тому, чтобы заменить внутренние причины беспорядков влиянием внешним, и в сем отношении вряд ли можно назвать успехом нынешний подвиг Порты.

Надобно сказать, что, по крайней мере, в такой же степени, сугубые опасности предстоят Православной Церкви в Сирии от усиливающихся внешних влияний при роковом ослаблении собственных ее средств. Только извне, и то исключительно лишь в дружелюбном для нее мире, следовательно, только от России может она ожидать помощи и поддержки.

Для сего не предстояло ли нам прежде всего усилить как средства местного действия нашего в Сирии наравне, по крайней мере, с другими двумя державами, так равномерно и способы ходатайства нашего в пользу законных прав двух Патриарших Престолов Сирии и Палестины, и в то же время самый образ попечительства нашего над сими двумя престолами — попечительства, которое, несомненно, не следует, однако же, выказывать высокомерными действиями. Напротив того, и в этом нельзя не согласиться с автором разбираемой нами Записки, надобно влиять с любовью братскою, не давая чувствовать бедствующей Сестре-Церкви, что мы в силе и благоденствии, а она дряхла и унижена. Изложим здесь вкратце те меры, которых принятие казалось нам полезным, даже необходимым для блага Православной Церкви в Сирии до последней войны; дальнейший разбор мыслей г-на Жемчужникова укажет нам, до какой степени в настоящее время должен был измениться дух этих мер, и что к оным можно было бы прибавить в видах той же, как и прежде, благой цели.

Тогда, по разумению нашему, действия правительства нашего в этих странах должны были систематически разделяться на три пункта.

1. ДЕЙСТВИЕ МЕСТНОЕ

В сем отношении мы могли бы ограничиться надлежащим развитием консульской системы и некими денежными пособиями на воспитание духовенства и на благолюбие храмов. Учреждение консульств в Алеппо, в Дамаске и в Иерусалиме наравне с консульствами Англии и Франции должны иметь самые благоприятные последствия для Православной Церкви, лишь бы на эти места не были избираемы воспитанные в подострастии к туркам туземцы, или мелкие торгоши, не стыдящиеся менять достоинство и честность агента могущественной державы на выгоды ростовщика или на какие-нибудь милости местного паши. На эти посты должны быть посылаемы люди из самого центра правительства, основа-

тельно приготовленные и посвященные в тайны наших целей, люди с чистым патриотическим чувством и с твердостью в вере.

Имя русское, несмотря на самую изысканную осторожность нашу, так громко отзывается даже в этой далекой области, что наши консулы не замедлят приобрести подобающее их званию влияние даже вне круга официального их действия. Местные обстоятельства дополнят им руководство, полученные свыше, и послужат им указателем для упрочения благого их влияния к той двоякой цели, к которой должна быть преимущественно направлена их деятельность. Цель эта: а) внушить более и более доверенности к видам правительства нашего духовенству и народу православному и заставить их ценить советы наши; б) приобрести дружбу и уважение местных властей и феодального дворянства, порою и тех, и других заставить себя бояться — на Востоке это дело не последнее — дабы в подобающих случаях успешнее действовать в пользу Церкви и народа.

Во всяком случае, лучшим залогом личного влияния консулов наших есть твердость характера в делах, собственно подлежащих официальному их действию, т.е. в делах, до российских подданных относящихся, которые, в случае неуспеха местного ходатайства, могут быть решены действием Императорской Миссии в Константинополе. Чем гласнее, чем решительнее и поспешнее удовлетворение по справедливой жалобе консула на местное начальство, тем вернее упрочивается его влияние и на умы народные, и на местные власти. Одной ласкою, одним убеждением невозможно всегда успешно действовать на умы азиатцев, и принужденная уступчивость в одном деле, особенно среди арабских племен, одаренных более пылким воображением, чем здравым смыслом, может мгновенно разрушить влияние, долговременным трудом приобретенное.

И французы, и англичане хорошо постигли эту истину, и потому во всех своих действиях они очевидно домогаются эффекта, коим более и более упрочивается местное действие их агентов.

Нам кажется, что все, сказанное нами в доказательство необходимости усилить нашу деятельность на Востоке местным влиянием, не только не должно уступить место безмолвию и прикровенности вследствие положения, сделанного Россиею последнею войною, но даже приобретает еще более смысла практического, как от того, что борьба наша не уронила, но, напротив того, возвысила нас в уме восточных христиан, так и потому, что, вступив в общий европейский совет по делу преобразований в мусульманском мире, мы приобрели неотъемлемое право держать голову так же высоко и подымать голос так же громко в защиту хатти-гумаюна, как французы и англичане.

Само собою разумеется, что относительно христиан других вероисповеданий действие консулов и агентов наших должно быть тем ласковее,

тем беспристрастнее, чем более есть надежда на сближение их с православными. При удобном случае можно оказывать им всякое покровительство, всякое содействие, дабы более и более укреплять общее сочувствие христианских племен к России. Прозелитические помыслы, по нашему убеждению, должны быть совершенно чужды образу действия нашего. Достаточно оградить Православную Церковь от прозелитизма западного и в то же время доставить ей существенную защиту, придать ей, по мере материальных средств, наружный блеск и усилить духовные ее средства благим просвещением арабского духовенства; наконец, попечительно, но с мягкостью и без самохвальства, вводить мало-помалу порядок и устройство в церквях и в училищах. Это, конечно, будет лучшим залогом грядущего прочного успеха.

Скажем здесь о воспитании юношества, что оно есть само по себе дело второстепенное и, может быть, не принадлежащее нашему прямому участию, ибо желать воспитать греков по-русски было бы суетною и даже предосудительною нам мечтою, но влиять благотворно на училища необходимо более для того, чтобы не завлекалось юношество в иноверные училища, чем для обучения оно по нашей системе и по нашим порядкам. В самом деле прозорливому наблюдателю становится ясно, что воспитание, которое католические и протестантские миссионеры так усердно и без разбора дают арабскому юношеству, есть только орудие для прозелитизма, а нисколько не приурочено к существенным нуждам сословий и их общественному благосостоянию.

2. Ходатайство по делам Патриарших Престолов

По внутреннему устройству Оттоманской Империи относительно подвластных народов, ходатайство по делам Патриарших Престолов представлено Вселенскому Патриарху. Впрочем, каждый Патриарх имеет в столице своего поверенного, а Патриарх Иерусалимский большей частью лично проживает в Константинополе и заправляет оттуда делами своего престола. У каждого из поверенных не отъемлется право представлять непосредственно в Порту свои докладные записки (такриры), и от ловкости докладчика, так же как и от умения задобрить Диван, зависит часто устройство дел помимо официального пути.

При нынешнем направлении дел Вселенского Престола, которое чуть ли не стало еще хуже прежнего, было бы несомненным благодеянием усилить прямые отношения каждого из престолов к Порте и по возможности обеспечить их самостоятельность. Право политической опеки, коим Вселенский Престол облечен ныне в отношении к другим Восточным Престолам, есть право мишурное, обманывающее и нас, и чуже-

земцев; оно не основано ни на канонических постановлениях Церкви, ни на духовных ее пользах, а проистекает единственно из тех правил, кои первоначально были приняты Портою для сосредоточения управления подвластными народами, а наиболее утвердилось на честолюбивом стремлении самих Вселенских Патриархов к тому, чтобы под турецким владычеством ввести на Востоке систему западного единодержавия Церкви. Личные виды Патриархов Константинопольских в сем домогательстве согласовались с видами Синода Вселенского, а равно и светских лиц, которые лет за 150 перед сим возымели столь значительное влияние на дела Церкви.

Правда, все Патриаршие Престолы извлекали великую пользу от сей опеки, и, судя по тем опасностям, которым подвержена была и еще подвергается и теперь Церковь Антиохийская, можно полагать, что Божий Промысел избрал в трудные времена орудием спасения оной от конечного разрушения то политическое заступничество, которое Церковь Константинопольская была в состоянии ей оказывать. Ныне же, при политических переворотах Оттоманской Империи, при перерождении под новым видом, но, по нашему мнению, в новую и прочную силу влияния России на Востоке, при нравственном упадке греческого духовенства в Константинополе, при заглушении немощного и подавленного иноверною властью голоса, независимого только по имени Греческого Синода, при укоренившейся безнравственности тех светских лиц, кои злоупотребительно ворочают делами Церкви в Турции, поразительные примеры непристойных происков и исполненных соблазна беспорядков, происходивших всякий раз после кончины или смены Патриархов Иерусалимского, Александрийского и Антиохийского³¹, — все это достаточно доказывает, что корыстное домогательство Константинопольского Престола крайне предосудительно для других Церквей. Если России указано Провидением законное попечительство над Православною Церковью, лучшим залогом законных прав Антиохийского и Иерусалимского престолов и даже обеспечением нравственных канонических их соотношений с Вселенскою Церковью было бы постепенное введение непосредственного ходатайства у Порты Оттоманской чрез докладчиков по делам двух престолов мимо Патриарха Вселенского, при проверке на месте через агентов и блюстителей наших основательности притязаний и при заступничестве Императорского Посольства.

Следует примерить наше мнение, почерпнутое в опыте времени прошедшего, к настоящему положению дел в Константинополе, ныне нам недостаточно известному; и если взять в соображение застарелость выставленных нами несообразностей и вялые шаги, делаемые в Турции к желаемой реформе, то, может быть, тогда порожденные в них мысли и теперь не совсем неудобоприменимы.

3. Попечительство России над Патриаршими Престолами

Под этот пункт должны стать надзор за употреблением значительных материальных пособий, которые стекаются из России в пользу Палестинской и Сирийской Церквей, а в особенности же казны Святогробской, и преподание благих советов, подкрепляемых собственным примером. В прежнее время и то, и другое влияние не нравилось греческому духовенству и возбуждало подозрительность западных соревнителей наших. Полагаю, что те же затруднения существуют и теперь; но можем ли отступить совершенно от такой высоконравственной деятельности и предоставить все произволу испорченного и несамостоятельного церковного управления в Турции? Нет! Только пути к этой деятельности должны быть глубоко обдуманы, и действия наши более чем когда-либо облечены в благодушие и братскую любовь. Вот здесь, может быть, именно и находит, в некоторой степени, место то религиозное общение, то духовно-союзное действие, о котором распространился автор разбираемой нами Записки, к сожалению, не выяснивший себе хорошенько предположенную высокую цель и проливший в свои рассуждения излишне много той горечи, той склонности к хуле всего отечественного, которые нам, русским, вообще свойственны. Его мысли о Всеобщем Синоде, конечно, не лишены проницательности, но готово ли, очищено ли место седалища этого братского Синода? И до того, пока наступит это вожделенное время, ужели Государю нашему следует сложить с себя доспехи Крестоносца за ненарушенность веры нашей на обширном Востоке и остановить набожные порывы Отечества нашего?

Общение, о котором говорит г-н Жемчужников, необходимо, но оно должно делаться исподволь, с умеренностью, с христианским снисхождением к немощам и от немощей происходящим слабостям Восточной Церкви, наконец, с крайнею осмотрительностью. По нашему глубокому убеждению, этот союз не время еще начинать в Константинополе; ибо там цензорство наше примется теперь еще недружелюбнее, чем когда-либо; единоверцы наши станут искать защиты у самых соперников и врагов наших, и мы можем навлечь новую бурю на Восток, в которой придется опять нам платить своею кровью. Переворот такой, какого желает автор Записки, несбыточен еще теперь или требует новых кровавых потрясений. Но пути к общению открыты нам на попроще более скромном, более убогом, и потому только, может быть, нами пренебрегаемом. Я говорю о свободной Греции, в которой Церкви Православной, может быть, угрожает еще большая опасность, чем в Турции. Этот предмет требует особого развития, и мы не уклонимся в свое время и на своем месте высказать чистосердечно наши убеждения, извлеченные из доброжелательных наблюдений в Греции.

Здесь же находим только нелишним заметить г-ну Жемчужникову, что от внимания его вовсе ускользнула важная сторона искони укоренившегося вмешательства нашего в церковные дела Сирии и Палестины: это долго и многотрудно отстаиваемая нами тяжба за имения, преклоненные Восточным Престолам в Дунайских княжествах. Нам неизвестно, в каком положении находится теперь этот вопрос, но он так тесно связан с материальным существованием Восточной Церкви, что, конечно, и в настоящее время Патриархи, не находя правосудия у местной власти, не перестают ходатайствовать у посольства нашего в Константинополе о заступничестве в сем деле. Можем ли мы и тут, какие бы ни были политические обстоятельства, отстраниться от всякого посредничества?

Под вышеизложенными тремя пунктами заключаются, как нам кажется, основные условия и средства к упрочению и к благоденствию двух древнейших Престолов христианского мира, сообразно с современными политическими судьбами края, среди проявляющегося в племенах восточных нравственного и духовного тревожнения, грозящего нанести гибельные удары Церкви, колеблющейся под влиянием накопившихся над святым ее сводом внешних и внутренних напастей. Невежество и пороки духовенства представляют ныне на Востоке роковую препону к быстрому и благому преображению. Но мы не станем винить людей, горько испытанных судьбою и не ведающих собственного недуга. Источник оплакиваемого нами зла не в людях, но в тех вековых обстоятельствах, которые над ними тяготеют. Вспомним, что из всех областей древнего христианского мира, потопленных исламом в пору первого рокового его порыва, в одной Сирии чудесно устояла до нашего времени в некотором устройстве и порядке Православная Церковь. На ее служителях еще видны святые доспехи, изъязвленные двенадцативековой борьбою. Буря исламизма стихла, жизненные его силы, видимо, истощаются; уже не страшны для Церкви лихорадочные порывы его фанатизма. Новая туча, накопившаяся над Православием в сей страдальческой стороне, натекла сюда с запада и настигла Церковь посреди ее изнурения от тех долгих бедствий, которыми испытывали оную неисповедимые судьбы Всевышнего; но вечный свет Православия, восходящий днесь от Севера, как выразился один из Патриархов (Бл<аженнейший> Мефодий) в письме своем к государственному канцлеру <К.В. Нессельроде>, имеет силу рассеять тучу сию и озарить новым блеском Церковь Восточную в заветной ее колыбели.

Просветившись историею, возвратимся к оставленному нами разбору. Автор записки, приступая к описанию попыток наших иметь в Иеруса-

лиме Духовную Миссию, записывает несколько общих рассуждений «о связи выгод России с выгодами Православной Церкви», по-нашему, почти излишних, ибо принадлежат аксиомическим истинам. Для автора они были даже невыгодны, ибо они обличают его в противоречии самому себе. Он отождествляет выгоды России с ее влиянием, так что, по его мнению, чем более умножается на Востоке Православие, тем сильнее становится влияние наше там. Указав раз эту столь естественную связь, он, казалось бы, должен был находить также естественным и участие в делах Духовной Миссии правительства. Автор, по-видимому, даже ведет к тому, ставя в параллель успехи Православия с успехами Римской Пропаганды и влияние наше с влиянием Франции, отчего читателю кажется уже не только законною, но как бы и неизбежно неразрывною судьбу веры с политическим положением ее проповедников. И вдруг, после всего этого, объявляет крестовый поход против вмешательства правительства в дело, которое ему так близко! Он требует, чтобы борьба с западною пропагандою предоставлена была исключительно Церкви по примеру Запада и, в частности, Франции.

Но самого простого соображения достаточно к тому, чтобы показать неосновательность такого требования.

Во-первых, западная пропаганда есть ли в частности французская, или итальянская, или австрийская, или испанская и т.д.? Нет! Оттого ни Франция, ни Австрия, ни другая какая держава не могут, хотя бы и хотели того, или, по крайней мере, не должны были бы действовать на пропаганду ни управительно, ни даже направительно. Опыт показывает нам, что это несообразное, по-видимому, вмешательство и тут не только избыточно, но даже почти непрерывно. Одни государи действуют через сильных агентов и командиров военных судов непосредственно, другие подвигают Папу на такое действие и становятся сами в первые ряды сподвижников, припоминая обветшалые права и звания, наследованные ими со времени Крестовых походов. Что же касается до России, то здесь обстоятельства представляются совершенно в другом виде. То, что на Западе есть несообразность, однако же, избегаемая, то у нас может быть названо необходимостью, ибо иначе мы бы сделали жертвою совокупного противодействия Европы. Недавние события доказывают несомненно, что золотой век мира далеко не настал, и успех, как было в продолжение прежних веков, и теперь еще принадлежит тому, кто сильнее и решительнее.

Во-вторых, поприще действий как Римской Пропаганды, так и нашей Миссии, есть Турция, в которой уже шесть веков идет борьба народов, вер и вероисповеданий. Борьба эта, как мы выше изложили, советуясь с историей, развилась и созрела под самыми живыми и сильными влияниями политическими, каковой характер историческим ходом событий

она удержала и до нашего времени, так что на Востоке сделалось почти законом известное у нас присловие: «Кто сильнее, тот и правее». Итак, чего же хочет автор? Того ли, чтобы один безоружный вступил в борьбу с десятью, только по виду, невооруженными, но в самом деле всегда готовыми к бою, и прежде чем решиться померить свои силы, уже не имел надежды одолеть, и чтобы этот безоружный, побежденный без битвы, были мы? Не лучше ли доброму сыну Церкви, истинному сыну Отечества желать, чтобы один крепко вооруженный ратовал с теми, которые хотя многочисленны и совокупны верою, но слабы покровенностью своих действий и соперничеством политическим, готовым во всякую минуту обнаружиться.

Наконец, в-третьих, по мнению автора, духовенство наше еще не способно к миссионерству. Допустим это, дополнивши, однако же, замечанием, что неспособно не по неведению своего долга, а по неумению выполнить его. Будучи сильно, оно должно выступить против ловкого. Сила же и ловкость, как говорится в математике, несоизмеримы. Итак, почему недостатка ловкости не дозволить дополнить правительству? Но вмешательство правительства не стеснит ли деятельности Духовной Миссии? Может стеснить, а может и расширить. Если оно, по автору, мешало действовать архимандриту Порфирию в пользу православия, то другому кому-нибудь может таким же образом помешать действовать во вред ему, частности и случайности не имеют веса при обсуждении «начала». В этом мы постараемся убедить автора примером того же самого о. Порфирия, который ему знаком, как кажется, только с одной стороны, тогда как мы знаем его и с другой. Но, спросят еще: вмешательство повредит нашему успеху, возбуждая в других недоверие к духовности цели Миссии? А мне кажется, и в архивах константинопольского посольства найдутся тому многие примеры, что вмешательство поможет исполнению духовной цели, вселяя в православных твердую надежду на наше заступничество, а затем и стойкость перед совратителями, в совратителей же — не только страх ничего <не> приобрести, но даже и потерять то, что имеют.

Другое дело, когда, говорит автор, что правительство при снаряжении Духовной Миссии в Иерусалим «не сообразило сил России с своими намерениями», иначе говоря, не обсудило дела хорошо. Это уже совершенно отдельный факт, на который только с этой точки зрения не следует смотреть. На основании прежде сказанного автором можно полагать, что, по нему, дело было бы обсуждено лучше самую Церковь, т.е. духовенством; но кому бы ни было предоставлено обсуждение его, мы не могли, по автору, решиться на борьбу с пропагандами потому, что у нас «нет еще духовного развития народа», которое одно может породить миссионерство. Теперь можно спросить его: если в народе нет еще достаточных ручательств

ревности, силы, ума и умения противодействовать западному на Востоке прозелитизму, а противодействовать нужно, то не справедливо ли было предоставить правительству самому (если действительно так и было) попытаться повести дело? Но оно взялось, не умеючи? Посмотрим.

1. Миссия архимандрита Порфирия

Данное Миссии «поручение» заключалось в трех пунктах: а) преобразовать греческое духовенство, управляющее Восточными православными; б) привлечь в Православие и утвердить в оном местных жителей, колеблемых в вере иноверческими агентами, и в) сохранить при этом характер чисто поклоннический и содержать всю свою деятельность совершенно в тайне. Автор осуждает последний пункт по его духу, а еще более, по его приложению к делу. Первых двух пунктов он не касается, хотя цель правительства в них обнаружена деятелем с полной откровенностью. Автор обвиняет правительство только в том, что оно не дало Миссии средств действовать согласно с поручением, чрез что поставило ее в положение чисто поклонническое. Исход же этой Миссии называет несчастным. Причисляемый автором последний пункт между тем объясняется легко великой важностью двух первых и неизвестностью, как пойдет приложение их на деле. Это было делом благоразумия, достойного похвалы, а не порицания. Два первые пункта заключали в себе задачу Миссии. Они предписывали преобразование греческого духовенства и распространение Православия в ущерб пропагандам. Спросим только автора, можно ли было прокричать во всеуслышание миру такие цели? Он о них только говорит: «поручение нешуточное!». Нет сомнения! — Но от кого, кто принимает на себя труд проникать в предмет глубже даже совокупленных соображений о нем властей духовной и светской, желательно было бы услышать суждение менее неопределенное, и не насмешливо выраженное. Вопрос, нам кажется, не в том, шуточно или нет, а хорошо ли или худо придуманы главные наставления Миссии? Какой бы из сторон они не принадлежали по преимуществу, их нельзя не одобрить. Если их придумала сторона духовная, она доказала тем, что нужды Православной Церкви она сознает и носит на сердце. Если они внушены стороною светскою, они могут служить свидетельством того, что участие правительства в деле Православия не только позволительно, но и желаемо. Но дело в том: верно сознанный потребность участия русской народности в общем деле православных народностей удобоприложима ли к Иерусалимской Миссии? Резкие и утвердительные суждения автора дают нам, по крайней мере, право выражать ему, не обинюясь, наше мнение; посему на заданный вопрос мы ответим, не задумываясь: нет!

Во-1-х, что касается до преобразования греческого духовенства, то оно не может быть начато: а) с Иерусалима, б) нами, в) с нашими средствами и г) при наших понятиях о нем. Если когда-нибудь оно будет, то начнется или с Константинополя, или с Афин, в этом можно не сомневаться. Далее: преобразование только тогда возможно, прочно и благоплодно, когда выйдет от самих греков, которые, по мере большего своего сближения с Европою и большего образования, сами будут стремиться исправить недостатки своего частного и общественного, церковного и политического быта и, несомненно, даже скоро возьмутся за исправление клира; к этому у них все подготовлено, и будь в Константинополе просвещенная православная власть политическая, а в Афинах монарх сочувствующий, а не враждебный Православию, то это дело бы уже началось и быстро подвинулось в наши времена. Нам опасаться при этом нечего. Если мы не будем выказывать себя перед ними в качестве учителей и исправителей, нам, вероятно, будут подражать смело, как доселе подражают с робостью в Греческом Королевстве. Заботиться же о том, как бы внушаемая европейской цивилизацией мысль исправления не внесла с собою и чего-нибудь западного в Православную Церковь, всего менее имеем права мы, столько привнесшие в оную из Европы! На нас лежит долг ко времени пробуждения от летаргии, в которой находится Восточная Церковь, преобразовать самих себя, чтобы, подражая нам, греки не переняли наших недостатков, как это раз уже случилось при составлении в Греции нового Церковного Уложения в 1852 г. Средств к исправлению греческого духовенства как у Миссии в частности, так и вообще у России не было, нет и, полагаю, быть не может. Мы не имеем в руках своего самого и существенного — влияния на них, ни канонического, ни исторического, ни политического. Мы от первых времен христианства у нас подчинены были греческому духовенству, мы и после освобождения от подчиненности всегда занимали второе по нем место, и не можем занять иного по самым церковным постановлениям. Нам кажется это несовместным с пышностью и наружной устроенностью нашего богослужения, по сравнению с нищетою и неуладицею греческих церковных служб, но в духовных делах решает не превосходство материальных благ, а суд отцов Церкви, превосходство смирения и верности к древним уставам. История не представляет нас никогда в положении учительном к Востоку; мы к этому не готовились. Единственный влиятельный факт — милостынное пособие Церкви Греческой и призрение нескольких архиереев (стоивших или не стоивших того) — приучил греков, напротив того, смотреть на нас, как на материальную поддержку их, устранившую совершенно мысль о духовном превосходстве нашем над ними. Потворствовать слишком этому расчету не следует, но и прерывать эту связь опасно, лишь бы пособия обращались в пользу, т.е. сопровождалась некоторым присмотром за употреблением

их и благодушными советами, и мы тогда позаимствуем у греков то, что забылось или изменилось у нас, и они не будут иметь противу нас горечи, испытуемой голодным к сытому. Впрочем при собственных потребностях, весьма обширных по обширности Русского Царства, материальных средств, которые нам можно будет обратить для поддержания восточного духовенства, далеко недостаточно будет, чтобы исправить его, пресечь повод к его злоупотреблениям. Искать же средств в мерах побудительных значило бы разрушать то, что созидаем.

Пора бы, наконец, возыметь нам благородное мужество, дабы сознаться, что мы, с своими заносчивыми понятиями о преобразовании греческого духовенства, можем истребить в нем и то, что осталось у них досточтимого и достоподражаемого от времен древних. Мы, поправшие самое существенное начало Православно-Церковного управления, ведение Церкви Церковью, обратившие в исторический памятник соборные и отеческие уставы и предания, заменившие живой и искренний дух всенародной молитвы сухо-формальным, натянутым представлением, в котором поминутно видится мирское зрелище и поминутно слышится то, что Св<ятые> Отцы называли чесанием слуха, мы, наложившие руку на высокой исторической и психологической важности церковное иконописание, исказившие чин денно-нощного богослужения, изгнавшие апостольскую простоту жизни и обращения представителей Церкви, сделавшие их доступными приманкам светского честолюбия и пр., и пр., и пр., — мы возьмемся за преобразование греческого духовенства? Да не допустят нас до этого древние добродетели русских: честность и прямоту. Я полагаю, что скорее нам надобно отыскать у греческого духовенства черты, прославившие стольких святителей, ему единоплеменных, и суметь приложить их к себе. Не подтверждает ли самый политический ход истории нашего отечества, что мы призваны не учить других, а разве только учиться у других, и только в крайнем случае, поверяя критически уроки учителей наших, скромно замечать им, что нам показалось бы несогласным с тем, что ими самими преподано было нам в другое, более досточтимое время. Однако же несправедливо было бы отнять у нас всякую возможность действовать на греческое духовенство в видах улучшения его. Мы можем далее надеяться на успех несомненный в этом деле. Но для этого нужно, чтобы клир наш, если не весь, то по крайней мере тот, который представляет собою нашу Церковь перед греками, был примером пастырских добродетелей: самоотвержения, любви ко всем, нестяжательности, непорочности, простоты, неутомимости, благоразумия, учености и пр. Тогда он, несомненно, будет действовать исправительно на греческий клир, весьма восприимчивый ко всему, что он признает за достойное подражанию.

Во 2-х, привлечение в Православие и утверждение в оном местных жителей Палестины, более легкое, по-видимому, чем первое поручение,

потому что не имеет дело с застарелю, уже систематически образовавшеюся порчею, встречает, однако же, неодолимую преграду в недостатке сношений Миссии с населением, прямых и косвенных, но во всяком случае благовидных, и затруднится в высшей степени при первой попытке нашей действовать отдельно от греческого духовенства, при усилии же действовать вопреки его видам, кончится вредом положительным. Подобно латинской пропаганде, и мы могли бы прибегнуть к средству, не совсем честному и не совсем верному, но временно полезному: — платежу местному населению за его, если не православие, то православные демонстрации. Такими демонстрациями деятели обыкновенно пускают пыль в глаза и от правительств своих вытягивают значительные денежные пособия. Но едва ли нравственное чувство и христианская совесть позволяет нам решиться на это, а если решились бы, то немедленно стали бы ниже тех самых греков, которых собрались исправлять. Кроме того, когда дело идет о плате и еще такой значительной, так легко могущей укрыться от контроля, то вопрос становится уже экономическим и не входит в круг моих соображений.

О третьем пункте следует мне еще повторить автору то, что сказано мною только мимоходом, при начале разбора отдела о Миссии о. Порфирия. Мне думается, что автор записал свои замечания со слов самого миссионера. Но и мы имели случай близко познакомиться с ним, и, уважая в нем просвещенность, добросовестный труд и проницательный ум, не признаем его довольно совершенным для безграничного к нему доверия духовной и светских властей. Если о. Порфирий сетовал автору за облечение в тайну его поручения и за скромный вид, ему приданный, то как согласить с этими сетованиями содержание письма его к тогдашнему начальнику Константинопольского посольства, которое решаюсь выписать здесь, ибо как оно ни доверительно, но лучше всяких рассуждений докажет, что личность человека может быть так многостороння и часто так сбивчива, что осмотрительность начальства, возлагающего доверие на лицо в таком отдалении, может быть названа наиполезнейшею.

Итак, вот как выразилась душевная мысль о. Порфирия о вверенной ему Духовной Миссии. Письмо его красноречиво и умно, но спрошу у автора: не сквозит ли в нем личный расчет, самонадеянность, стремление к независимости и нечто сомнительное, похожее на интригу? Такие люди, вместо принесения пользы в деле нравственного прогресса, к которому правительство наше очевидно и искренно стремится, внушают лишь сомнения и боязнь, останавливающие стремление вперед. Читайте и судите³².

«Внутренний голос, это эхо разумной души, побуждает меня, наперекор робкой воле, поведать вам мою сокровенную думу о духовном лице,

долженствующем действовать в Иерусалиме во славу Божию и для блага православия под руководством одних тайников мыслей и воли Покровителя христиан на многострадательном Востоке. Повинуюсь этому голосу и высказываю вам эту душу, но не в Приказной Палате, а у вашего очага домашнего. Два последние письма ваши открыли мне глаза. Я заметил, что Посольский Приказ наш, в добрый час, начал обеспечивать нас половиною окладов наших, независимо от Духовного Ведомства. Начало, поистине, благое, утешительное и возбуждающее многие мысли! Теперь мы чувствуем, что по крайней мере одною ногою мы стали на скалу, тогда как под другою еще зыблется трясина, угрожающая провалами и неповинным страданием.

Доброму началу приличествует и конец добрый. По моему мнению, нужно бы упрочить навсегда благодетельное влияние Посольского Приказа нашего на дела в Иерусалиме посредством одного духовного орудия, так чтобы сие орудие не было крушимо ничьею постороннею недальновидностью, медлительностью, щепетильною взыскательностью и торопливою нетерпеливостью, которой подай весною то, что должно созреть летом, и которая забывает, что не удобрено поле.

Высказываюсь яснее.

Моя опытность и мое знание дел и потребностей Церкви Палестинской внушают мне, что Миссия наша в Св<ятом> Граде, составляемая из людей молодых, неопытных, наудачу приисканных в темных бурсах, вечно учащихся и никогда не доучивающихся, по свойственной каждой касте вялости и нерасположенности к самопреобразованию, есть орудие многосложное, слабое, почти бесполезное и требующее обильного умощения, и что для благотворного влияния на помянутую Церковь достаточно одно духовное лицо даровитое, образованное и деятельное. В Иерусалиме надобно не учиться, а учить других мудрости, надобно писать не ученические рассуждения и проповедки, а Деяния Апостольские; надобно беседовать не с книгами, а с людьми, надобно не домоседствовать, а обходить города и веси с словом веры, уставом и милостынею, по примеру апостола языков Павла, который отсюду, где только насаждал христианство, приносил или посылал подаяния иерусалимским братьям. При Павле не было ни бакалавров, ни семинаристов, а находился только письмоводитель Терций, при Петре же переводчик Марк. А сколько добра людям сделали эти апостолы! Так и при нашем посланном в Иерусалиме довольно бы содержать одного письмоводителя и одного переводчика....

(Здесь следует расчет денежный, который пропускается).

Упразднение нашей Духовной Миссии в Иерусалиме и оставление там одного архимандрита, по-прежнему в полной зависимости от посольства и на службе в его ведомстве, есть дело незатруднительное. В самых первых строках данного мне наставления заключается возможность и право пе-

реиначить способ нашего действованиа во Св<ятом> Граде. Стоит только сообщить, чрез кого следует, Синоду, в общих выражениях, что по обстоятельствам признается нужным и удобным иметь одного архимандрита в Иерусалиме (предполагается с письмоводителем и переводчиком) и что средства к существованию его придуманы, а от Духовного Ведомства пристойно ожидается по-прежнему содержание церкви и дома, пособие бедным и обеспечение миссионерских путешествий.

(Следуют опять денежные соображения).

По каким же побуждениям Министерство Иностранных Дел может решиться на сказанное видоизменение своего способа действий в Иерусалиме? Побуждений к тому много.

<1> Оно может решиться на это дело в видах упрощенной единичности (unit) действия всяких сил наших на Востоке, благоразумной и необходимой прикровенности оногo и прекращения подозрений в иерусалимском духовенстве касательно приписываемого нам намерения дать перевес арабам пред греками у Гроба Господня, после обучения нескольких питомцев наших туземному языку для живого сношения нашего с арабскими святыми.

<2> Оно может решиться на это дело во избежание всякой посторонней недалновидности, медлительности в делах, щепетильности в суждениях и неосторожности, могущей бросить в глубь Востока камень, которого семеро умных не вытащат. (Напр<имер>, что сказал бы Восток о России, если бы мы, не получающие вот уже год окладов своих, начали жить нищенски, закладами наших вещей у евреев? Он, зная нашу скромную и ровную жизнь, подумал бы, что нищенство не от нас и сказал бы: «Из Назарета может ли что добро быти?»).

<3> Министерство может решиться на это дело в полном чаянии блистательных успехов от духовного лица в Иерусалиме, не стесняемого в первых потребностях жизни, а снабждаемого скромно, но довольно, не попираемого, а ободряемого, не унывающего, а приснорадующегося при взгляде на будущность (где видны и старость, и немощи, и щедроты сердоблюбия), не поставляемого в затруднительную необходимость служить двум господам, из которых один возлюбит, а другой возненавидит его, а действующего на безопасном просторе, под умным и любвеобильным влиянием одной дипломатической силы.

Хорошо, если такое лицо стоит на той духовной высоте, на которой добро делается потому что оно — добро, с полным самоотвержением. Но много ли в мире находится подобных возвышенных существ? И не должно ли во всех предприятиях человеческих брать в расчет *ce petit grain de sable, dont parle Pascal et qui plac quelque part dans le corps de l'homme le plus clair, le plus lev et le plus vertueux, peut le changer tout coup en monstre?*³³ Не должно ли бояться этой песчинки и держать ее в глуби на-

шего поврежденного естества, под гнетом ласки, любви, обрадований, умных замечаний и мудрых поощрений?

На сем свете есть духи-крохотки и есть духи-исполины. Не лучше ли действовать через последних? И не лучше ли уповать, что они явятся одни после других, коль скоро указано им будет поприще для действий, не стесняемое мальчиками с пальчик, с умом в ноготок и с бороною в локоток, коль скоро даны им будут все нужные средства и орудия и коль скоро они будут знать заповедь единой и единственной силы, правящей делами Востока: Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе божи инии разве мене! Бог сотворил видимую природу так, что для непрерывного и стройного развития ее в бесконечность пред лицом Его вечным заготовил запас нужных к тому сил. Такому действию Божию должна подражать всякая власть и иметь в запасе много и премного добра, дабы находить и удержать при себе духов умных, светлых, добрых, быстрых и деятельных.

Оканчиваю письмо мое просьбою: будьте уверены в моей готовности служить долго у Гроба Господня под руководством тайников мыслей и воли Краснейшего мудростью и добротою паче всех сынов человеческих; но пожалуйте, тихонько пропойте со мною первые слова церковной песни: *Иже херувимы тайно образующе*³⁴.

Корреспондент послушался просьбы писавшего это послание³⁵. Оно пролежало под спудом, ибо если б по молодости и пылкости тогдашний начальник посольства увлекся лестными предложениями, то кроме запутанности, разладицы между двумя ведомствами, доселе действующими союзно, а, может быть, и существенного вреда на месте от парения превыше практической пользы, коими отзывается письмо, ничего бы не произошло. Следовало его также скрыть, чтобы не вовлечь в совершенную опалу высказавшегося о архимандрита. Ныне и без того он, кажется, разгадан и найден несовместным с постом начальника Духовной Миссии³⁶. Полагаю, что и автор Записки с этим согласится или, по крайней мере, несколько изменит свои суждения. Я же выписал поверенную мне тайну потому, что записка эта будет читаться только теми, перед которыми долг наш не скрывать истины.

2. Миссия епископа Мелитопольского Кирилла

Вступая в разбор этой статьи, сознаемся прежде всего, что выскажем суждение, основанное только на прежнем опыте и на каком-то инстинктивном сознании в неопытности и поспешности взгляда у сочинителя Записки. Чтобы твердо стать на своем мнении, необходимо было бы посетить

Палестину, пожить там несколько времени, взвесить и местные особенности, и цели предположенные, познакомиться с личностями и увидеть на практике, что доселе придумано и приведено в действие.

Под написанным заглавием автор прежде всего решает, что в новой <Духовной> Миссии видно только продолжение прежней — только с характером более резким. Остается же при прежнем убеждении, что учреждение и отправление ее было опять исключительным делом правительства, которому по поводу этого приписывает повторение прежней ошибки, т.е. поставление Миссии под свое непосредственное ведение. Имел ли он к составлению своего заключения какие-нибудь положительные данные? По-видимому, не имел; потому что счел за нужное отвечать на возражение, которое сам же счел уместным сделать. Возражение, конечно, не сильное, но ответ на него поразительно слабый. Управление Миссии может быть сделано и правительством; это еще не влечет за собою непосредственного заключения, что оно непременно сделано к тому же в видах политических. Естественно, впрочем, думать, что духовное лицо посылается духовной властью. Что же говорит на это автор? «Но кому в мире не известно, что наши духовные действуют не сами по себе, а по указанию светской власти?» Провозгласив такое начало, автор ставит читателя в затруднение угадать, кого он имел в виду при слове кому? Себя ли, или следующую за нами западную политику? Если себя, то, к сожалению, надобно сознаться, что он не был уверен в слепо-подчиненных отношениях Миссии к правительству и в то же время говорил о них, как о чем-то положительно известном, и на таком зыбком основании составлял свой приговор нашим действиям на Востоке. Если же разумел Запад, то легко предположить, что для Запада, привыкшего все, касающееся до России, толковать по-своему, что мы бы ни делали, даже самое то, что исключительно принадлежит вероучению и церковной практике, даже самое противное видам правительства, будет приписано ему, и оставлено делом политики. Подобного рода заключение не должно вселять в нас боязнь, а еще менее может быть приводимо в доказательство того, что утверждается автором.

Однако же, он стоит непреклонно в своем убеждении, что и вторая Миссия имеет тот же политический характер. Последуем за ним. Он приводит «данное (кем?) новой Миссии наставление», заключающееся, по его изложению, в пяти пунктах, именно: а) не смотреть более на Церковь в Сирии и Палестине сквозь греческую призму; б) действовать преимущественно на арабский элемент, притесняемый греческим; в) заботиться всеми средствами о проявлении русского богослужения в Иерусалиме, дабы возвысить оное на Востоке; г) следовать примеру Западной Церкви в отношении благодетельствования местной паствы богоугодными учреждениями, милостынею и другими просветительными мерами; д) распространить подобные действия даже на всю Палестину, Сирию, Ливан, Дамаск,

Горную Хазбею, Сидонское приморье, Синай и Египет³⁷. Перечислив эти пункты, автор восклицает: «кто не признает, что характер этого наставления чисто политический?»

Мне же опять и тут кажется, что в этой программе, по крайней мере, столько же религиозного, сколько и политического. Я не знаю, почему бы Синод наш сам собою не мог посоветовать Миссии, напр<имер>, не смотреть на Церковь в Сирии и Палестине сквозь греческую призму, если у него есть убеждение, что греческое воззрение неправильно. Почему бы самому Синоду не пожелать усиления арабского элемента, если он думает, что греки, ко вреду Православия, притесняют его. Почему не пожелать самому Синоду действовать против западной пропаганды ее собственным оружием и пр. И между тем автор в сем последнем приведенном нами пункте видит один холодный политический расчет, именно, чтобы Россия в своих благодеяниях не отстала на Востоке от прочих европейских держав. Скажем мимоходом, что нам близко известен дух бережливости, совестливости и почти скупости, коими отличается ведомство, управляющее внешнею политикою, когда дело коснется до иждивения казны, которую всем нам поручено, в кругу наших действий, разбременять от издержек. И так в таком соревновании щедрости Запада нельзя упрекать нашу внешнюю политику. Но сверх того, как не удивиться странному и поверхностному суждению автора? Можно сказать утвердительно, что так не будет судить ни один даже из противников наших на Востоке; потому что всякий из них поймет, что мера эта есть собственная его мера, и что отселе начинается серьезная война пропаганды с пропагандою, а не шахматная игра политики. Итак, я полагаю, что автор, на этот раз увлекшись предзанятыми им мыслями, сделался невольною их жертвою. Иначе он не мог бы к политическим видам отнести раздачу милостыни, учреждение богоугодных заведений и пр. Дело чистого христианского милосердия и дальнозоркого расчета пастырской ревности прилично, конечно, более духовной, чем мирской власти.

Автор удовольствовался приведенным выше отзывом о задаче новой Миссии и не пошел в более обстоятельное исследование ее. Между тем, дело стоило того, и даже, может быть, именно это и требовалось от него; потому что для успеха Миссии не так важно: имеет ли она политический или чисто духовный характер, а чрезвычайно важно: уместны ли, приложимы ли, полезны ли те наставления, которые ей даны? Чтобы обсудить этот предмет с достоподобным вниманием и вникнуть поближе в действия нынешнего начальника нашей Миссии, за которого говорит, впрочем, общая молва, нам весьма желательно было лично посетить св<ятые> места, но начальство доселе не находит этого удобным³⁸, и потому мы здесь запишем только несколько общих мыслей, почерпнутых в нашем долговременном опыте на Востоке.

Попробую коснуться того, о чем намеренно или не намеренно умолчал автор. Первое наставление Миссии: «не смотреть греческим взглядом на Церковь в Сирии и Палестине», своею видимою неопределенностью и невыразительностью заставляет думать, что Миссии дано устно подробнейшее развитие оногo. Мы в нем находим одно несомненное и достойное замечания недоверие к грекам. В третьем пункте даже сквозит намеренное унижение греков, ибо что другое значит забота всеми средствами «о проявлении русского богослужения в Иерусалиме», как не прямое отрицание достоинства греческого?

Сличая наставление одной Миссии с наставлением другой, видишь уже значительную разницу между ними. По-видимому, существенная задача первой Миссии — преобразование греческого духовенства — не удалась, как и надобно было ожидать. Вследствие этой неудачи мы как будто озлобились на греков и решились действовать так, как бы хотели заменить их, или, по крайней мере, так, как бы греков вовсе и не было на Востоке. Ближе чем многим удалось мне познакомиться с этой нацией, и, конечно, не я буду адвокатом многочисленных недостатков, коими греки сами обязаны своим темным и неподвижным, если не попятным состоянием. Об этом в другое время и в другом месте надеюсь распространиться более. Но здесь место сказать, что желание стереть греков с лица земли есть, по-моему, большая ошибка и политическая, и нравственная, и религиозная. На Востоке мы ни шагу не можем сделать, чтобы не встретиться с греками. Следует ли нам, подобно Западу, уничтожать, совращать их народность? Следует ли нам слепо, как мы, впрочем, доселе делали, быть лишь придворными льстецами у Греческого трона и вместе с королевской властью трудиться над слиянием Греции с Западом и над уничтожением в оной всякого живого элемента, могущего дать ей не последнее место в истории грядущего? У нас на этот счет свои неизменные мысли, которые каждый день укрепляются опытом. Но здесь нас занимает только религиозная сторона предмета. Можно быть уверенным, что на сем поприще, куда бы мы ни пошли, везде должны будем идти их дорогою; но ручаемся ли мы, что дойдем и с их успехом? — Мы, в первый раз становясь лицом к лицу с Востоком, в первый раз выступая на скользкое и усеянное трудностями поле религиозной борьбы там с Европою, даже в первый раз знакомясь надлежащим образом с местною Церковью, — хотим пройти по головам их, чтобы занять первенство церковное?

Горько сказать, а мне кажется, что во многих и многих делах церковных перед греками мы дети, и как дети подвергаемся опасности какую-нибудь досужную мечту свою принять или за вывод опытности или за внушение свыше и в увлечении ею приступить к делу величайшей важности с легкостью, грекам, конечно, несвойственною. Горькие слова наши подтверждает самое постановление, данное Миссии: «проявлять всеми средствами в

Иерусалиме русское богослужение». Пусть позволено мне будет спросить: к чему эта усиленная работа? Какую цель она имеет в виду, и какой предполагается конец ее? Затрудняясь угадать первую, легко могу предсказать последний. У нас намерение действовать на арабов и другие христианские народы Востока. Для них потому мы будем «проявлять» наше богослужение со всем множеством малых несходств его с греческим, и при этом, без сомнения, сочтем долгом дать заметить, что оно-то — наше — и есть вполне достойное святой веры православной. Бедное и невежественное население, равнодушное к догматической стороне своей веры и поражающееся всякою (и даже одною только) внешностью, с изумлением увидит таким образом новую веру — тоже православную, к которой будет призываться «всякими средствами», и, несмотря на то, не пристанет к сей новой, а между тем потеряет уважение к своей старой.

Но это еще не все. Изобретшие этот пункт наставлений не подумали, что греки, заметив наше усилие высказать себя и закрыть их, не будут с своей стороны дремать, и представится таким образом миру печальное зрелище новой вражды у Гроба Божия, горшей всех прежних! Венец же зла, новое торжество западной пропаганды! Повторяю свое убеждение: нам еще не время выступать отдельно на поприще законной деятельности. В этом случае я не могу не согласиться с автором Записки, утверждающим, что поприще действий Миссии «не свойственно ей»; но, к прискорбию своему, и как мне видится издали, я должен сказать нечто большее. Нам не только не свойственно действовать сообразно с своим назначением, но еще свойственно, как оказывается, действовать вопреки ему!

Нельзя не признать силы того, что всегда затем говорит автор в 8-ми пунктах об устройстве Миссии, и о том, как ведутся дела ее; хотя нечто из того, что ставится им в вину правительству, можно бы счесть естественным следствием географического и политического положения России. Так, например, обстоятельство, что «в то время, как Миссия действует в Иерусалиме, в Петербурге изучают, как ей следует действовать», — кажется мне весьма естественным и, может быть, единственно возможным нам теперь, как опыт, поправляемый опытом. Равно как и требование, чтобы сразу определился штат Миссии, сообразный кругу деятельности ее, кажется незаконным, прежде чем определится во всех подробностях сей самый круг.

Нельзя также решительно осуждать приглашение Общества Пароходства и Торговли к содействию Миссии: «от него требуют, — говорит автор, — на непонятно каких основаниях, того и того», — и отсылает за опытом на то к акционерам Общества. Не имею достаточного основания, дабы судить о таких или других расположениях Общества. Но не могу не считать его делом в широком смысле патриотическим, а потому в моем уме его усилия к достижению всякой цели, к которой стремится Отечество, нельзя иначе назвать, как полезным участием, лишь бы Общество не сходило с своей тор-

говой дороги, не путалось в административный круг правительства, и то, что может отделить от своих выгод в пользу общепольного дела, отдавало безотчетно в распоряжение тех властей и начальств, от которых прямо зависит подлежащая деятельность. Притом же, разве автор забыл ту огромную долю участия, какую принимает в составе и делах Общества правительство, почему же выражает он такое несправедливое мнение об успехе Общества, указывая на предмет, относительно которого оно может быть недовольно правительством или, точнее сказать, всюю Россию, возлагающею на него самую светлую из надежд своих — свободу Святой Земли.

Относительно же двух последних (7 и 8) пунктов требовалось бы обширное исследование заключающихся в них предметов, всех первостепенной важности. Мне они представляются с какою-то официальной подлинностью, и потому не могу удержаться от строгого приговора над ними.

Итак, во-первых, относительно 7-го пункта я замечу, что: а) надобно счесть достойным сожаления не убеждение России в симпатии к ней греческого духовенства, а признание таковым сего справедливого и спасительного для всего Православия убеждения в симпатии — разумею — настолько, насколько мы ее стоим, насколько нам могут и насколько умеют ее выказать; б) неизбежность вражды между иерархиями русской и греческой относительно обеих Миссий одинакова, т.е. одинаково сомнительна; в) «о радостном явлении» вражды восточной православной паствы с греческим духовенством невозможно слушать равнодушно даже и тогда, когда бы предположить, что на свете существуют одни только православные христиане, но радоваться этому в то время, как весь политический мир и весь Восток наполнены враждебными Православию деятелями, поистине значит не быть призванным ни к каким религиозным соображениям. Насчет же возвышения нашей собственной Церкви на Востоке, мною уже говорено выше; г) без томительного чувства безнадежности нельзя читать уверение, что для учреждения нашего влияния на Востоке у нас нет другого пути кроме торгового и промышленного?! Ужели наше Отечество, еще так недавно стоявшее во главе народов, сошло на степень какой-нибудь Бельгии и Баварии, или возвратилось ко временам Грозного? Этого быть не может! Достаточно постоянного пребывания в Средиземном море содержимой в порядке и командуемой умными и сведущими офицерами русской эскадры и умножения на Востоке дельных русских консулов, чтобы мы стали на высоту 30-х годов и еще выше³⁹; д) относительно русских сестер милосердия, общая польза наша и нашей Церкви, думаю, требует, чтобы о них не слышно было на Востоке, по крайней мере, под этим именем, столько зловещим для Востока и бесславным для нас, как выражающим одно только (порицаемое самим автором) желание наше «не отстать» от других. Учреждение их нелегко в самом деле, только в другом смысле, нежели как понимает автор Записки⁴⁰.

Во-вторых, относительно второго пункта, точно так же почти ничего нельзя сказать в защиту того, что порицает автор. Разве извинить себя трудностью всякого начинаемого дела, и утешить себя надеждою, что со временем подробности взаимного отношения разных лиц и начальств, их права и обязанности и их круг действий выяснятся сами собой. Не сомневаюсь, что и западные миссии имели в свое время также затруднения, но потом, конечно, самый ход дел указал, кому, где, как и что делать. Нам легче, чем им, повести дело с успехом. В нашем предприятии участвует одна народность, поддерживаемая и отчасти направляемая одною волею.

Впрочем, нельзя не заметить автору, что затруднение его найти отношение Морского министерства к делам Востока или, по его выражению, к Православию обнаруживает собою более способность к остроумным выходкам, чем заботливую думу о предмете, видимо сложном и касающемся всех сил России. Конечно, при сем предполагается согласие в действии различных ведомств, к единому для всех благу Отечества. При таком условии не должны бы случаться столкновения и замешательства между частями, хотя отдельными, но связанными целью. Следует только решить, кто несет ответственность перед Государем и Государством в делах заграничных: тут и сомнения быть не может, посему и деятельность или участие Морского ведомства в делах Востока должны проявляться с веденя и после предварительного обсуждения со стороны Министерства иностранных дел. Я уже намекнул выше, какое важное значение может получить Морское ведомство в предмете, нас занимающем. Участие это, как сила, исходящая прямо из Императорского Дома идвигаемая мощной и высокоблагодетельною рукою, служит для нас залогом утешительных надежд, в противность безотрадному, по-видимому, взгляду г-на Мансурова на наше влияние на Востоке⁴¹. Наконец, автор, упрекая правительство в «непростительной преждевременной гласности», конечно, не пожелает, чтобы «отношение Морского министерства к Православию было ясно для всех и каждого», посему не лучше ли удержать наше любопытство в допытывании видов правительства.

III.

НЕСООБРАЗНОСТЬ НИ С ЧЕМ УЧРЕЖДЕНИЯ Русской Духовной Миссии в Иерусалиме

Отделение это автор начинает, по принятому им обычаю, изложением содержания того, что он имеет сказать, как бы перечневым оглавлением его, переданном нами вкратце в вышеприведенной форме. Прочитав это оглавление, невольно задумываешься. Не верится, чтобы столько объявлений

могло падать на факт, по-видимому, столько приличный и времени, и положению, и признанию, и убеждению нашему, и столько нужный и полезный, как нам самим, так и всему Православию! Между тем, автор находит его несообразным: 1) с уставами Православной Церкви; 2) с пользой ее; 3) с целями правительства, и 4) с состоянием нашего духовенства. Говоря иными словами, он считает его делом незаконным, вредным, неестественным и безрассудным. Возможно ли это? Возможно ли при том понятии, которое составил себе автор о Миссии?

По мысли его, Миссия не иначе может быть понимаема, как только учреждение для распространения христианской веры между неверными или иноверными. Но ни логика, ни словозначение, ни словоупотребление не уполномочивают его на эту исключительность. Миссия есть посольство, или собрание лиц посланных, и более ничего. Духовная Миссия есть духовное посольство или собрание духовных лиц посланных. Какая цель, задача, деятельность сего посольства, этого ничем определить нельзя. Это определит она сама сообразно с своими видами⁴².

Рассуждения (несколько отзывающиеся софизмом) автора о происхождении миссионерства вследствие «развития духовных сил, избытка духовной жизни», и успехи его, при нравственном превосходстве действующих и приемлющих действие, по нашему мнению, не идут к делу. Но и соглашаясь, по-видимому, на более широкое значение слова «Миссия», он все же находит уместным недоумевать там, где не представляется никакой трудности. Так, н<a>пр<имер>, он спрашивает: по какому праву и на каком основании наше духовенство может требовать от греческого уничтожения таких злоупотреблений, которые существуют и в России? Но, во-первых, кто же согласится, что мы являемся в Иерусалиме с требованиями? Нет сомнения, что мы идем только советовать, склонять, просить, увещевать и т.д. А во-вторых, право действий наших основывается на общей пользе с греческим духовенством, на христианском братолюбии, на общечеловеческом законе нравственном. И не странно ли заключение, что подверженный слабостям человек не может другому указывать на его слабости, особенно же когда слабости эти не одни и те же у обоих. И справедливо ли успех в действии ставить в непосредственную зависимость от таких или других нравственных качеств деятеля?

Но и каких бы то ни было деятелей автор у нас не находит: он говорит, что при самых благоприятных обстоятельствах у нас наберется всего два-три порядочных человека, годных к тому. Мне кажется, это сказано уже слишком скромно, если не прямо обидно для России. Полезно, по моему мнению, иногда и не преувеличивать своих недостатков — будь то из основательного страха, будь только из желания наибольшего совершенства. Миссии западные, гораздо труднейшую имеющие задачу, чем мы, не

всегда также отличаются выбором лиц, и, конечно, не всегда действовали с блестящим успехом. Доказательством тому их тщетная, вековая борьба с горстью беззащитных греков. В делах веры прилично давать место и Промыслу Божию, благословляющему дело, право, искренно и честно ведомое. Но на это автор возразит прежним своим утверждением, что «побуждений чисто религиозных и бескорыстных никто не предполагает относительно Русской Миссии, зная, что духовенство русское находится в безграничной зависимости от мирской власти». Но никто также, думаю, не предположит, что мирская власть менее имеет причин не желать вреда своей Церкви, чем духовная власть ей пользы.

Что вслед за тем автор говорит о смысле Миссии, то опять выходит только из его понятия о ней, как должествующей действовать во вред местному православному духовенству, и потому я прохожу его молчанием, хотя мысль его, что мы послали в Иерусалим «своего архиерея», потому что и все другие исповедания имеют там своих епископов», кажется мне правдоподобною — но вместе и понятною; ибо в отношении к чужой державе всякое нововведение должно быть основано или на прямом праве, или на праве наиболее благоприятствуемых, которое присвоится общою статьею в трактатах.

Сознаюсь, что не вдруг можно усмотреть прямую надобность и существенную пользу сего важного по виду, но незначительного в сущности шага России на Востоке. А между тем повод к нареканиям за это на нас является со всех сторон и даже со стороны самих русских, как показал автор Записки и выражали нам часто и другие. Это, конечно, достойно сожаления. Я понимаю только в таком смысле благопотребность сего шага и верю ей, если мы вместо унижения греческого богослужения имели в виду примером своего богослужения и сближением его с греческим содействовать возвышению его. До нас не раз доходило, что Преосвященный Кирилл действует именно в таком умирительном духе.

По поводу сего автор делает, впрочем, следующее замечание: «Правительство наше, — говорит он, — увлеклось примером других исповеданий в Православной Церкви». Может быть, увлеклось, но соображать по сравнению не имело нужды, потому что учреждало Миссию не одинаковую с миссиями других вероисповеданий. «По той же причине, вероятно, — говорит автор, — и духовные интересы России в Константинополе и Болгарии отодвинуты на второй план, хотя потеря Болгарии для Православия и России (!?), конечно, важнее потери арабов». Уступаю автору в знании, какие интересы нас теперь занимают и на каком плане стоят те или другие. Мне кажется, однако же, что вековая набожность России, которую да сохранит Господь ко благу Отечества, служит достаточным объяснением того, что рвение около Св<ятого> Гроба предшествует всякому другому. Если же вопрос о Болгарии действительно поставлен на время на слиш-

ком отдаленный план, то это, конечно, дело благоразумия, требующего не доводить взаимного раздражения православных народностей Востока до крайности, даже предупредить раздражение.

Нельзя, однако же, не заметить автору, что потеря Болгарии есть опасение напрасное. Если бы политические требования (*n c ssit s politiques*) позволяли нам более заботиться о ее политическом, чем Иерусалимском освобождении, мы бы вернее исполняли свое высокое назначение в мире. Болгария и без нас идет к церковной свободе путем собственного гражданского развития и разных преобразований в Турции. Православие не потеряет ее; в этом можно быть уверенным. Каким образом и Россия *может* или *не может* потерять ее, это остается для меня загадкой, и если б эта мысль автора открылась болгарам, как усвоенная правительством нашим, то она отдалила бы от нас болгар еще гораздо более, чем оставление оной временно на заднем плане.

Но что мне кажется явною несправедливостью, так это уверение автора, что потеря Болгарии важнее потери арабов. Ясно, что он в суждении своем имеет какие-то другие, а не религиозные интересы; потому что в противном случае он, конечно, не мог бы не признать обширного исторического и географического значения народа деятельного, обещающего обильную жатву на ниве христианства. В этом случае, хотя и не прямо, автор осуждает меру самую утешительную, самую желанную для всего православного мира. Вслед за тем, желая показать, что учреждение Русской Миссии в Иерусалиме противно уставам Православной Церкви, автор странным образом порицает то, что находит общепринятым в ней, законным и спасительным для нее, поддерживающим связь и взаимную братскую поверку всех частей Православной Церкви и благоустройства ее, т.е. сношение между собою духовенства. Учреждение нами Миссии не есть ли начало вступления нашего в это самое сношение, до сих пор, к сожалению, оставшееся пренебреженным? Но автор видит в нем противозаконное вмешательство одной части Церкви в права другой. Видит потому, что видит в нашей Миссии своего рода пропаганду, враждебную местной Церкви. Отказавшись же от такого взгляда на Миссию, он, конечно, согласится с нами, что признанная им самой законною братская поверка одной части Православной Церкви другою не может обойтись совершенно без вмешательства одной в дела другой, которое для успокоения его пусть также будет названо братским. Плодом вмешательства он считает «раздоры, распри козни и разъединение». А я прошу позволить мне заметить ему, что плодом невмешательства будет то, что он же сказал несколькими строками выше, т.е. отсутствие связи в Церкви, братской поверки и благоустройства. Раздоры, распри и козни проходят со временем, когда вмешательство обоюдное выяснит во всех подробностях общее положение Церкви, а связь, поверка и благоустройство не придут оттого,

что мы будем продолжать избегать вмешательства из страха нарушить собранные постановления и из преувеличенного почитания независимости каждой из Сестер-Церквей — говорю преувеличенного, потому что оно может дойти до того, что сколько народностей, столько будет и Церквей Православных, и одна из них всегда захочет быть первенствующею, так что излишняя придержанность приведет именно к результату, которого хотим избежать.

Это согласно с мнением автора, что для возвышения Православной Церкви необходимо уравнивание прав всех членов ее. Впрочем, и здесь я не могу разделить предположения его, что мы имели когда-нибудь в виду заменить преобладание греческое на Востоке преобладанием русским. По крайней мере, это прямым образом не выходит ни из равнодушия нашего к делам Вселенского Патриаршего Престола, в котором сам автор обличает наше правительство, ни из наставлений, данных нашим Духовным Миссиям, ни, думаю, из действий их, сколько они мне известны по доходящим о них слухам и рассказам от благомыслящих и набожных соотечественников, совершающих путешествие в Палестину.

IV.

О РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПОКЛОННИКАХ

Статья эта не дает мне повода высказать какие-нибудь замечания, ни даже соображения, особенные от тех, какие делает автор ее. Только выражения, подобные следующим: «общее расстройство Православной Церкви», «наибольшую безнравственность между русскими поклонниками отличаются и пр.», «поклоннические странствования по святым русским местам суть настоящие школы разврата народного», — может <быть> позволено почесть через меру резкими и, конечно, преувеличенными — в отношении же к автору, как бы страстными, исполненными горечи. Равно как и иронический тон отзыва о всеобщем участии в России к палестинским поклонникам приличен более писателю-туристу, пресыщенному впечатлениями, а пожалуй, в сих местах и лишениями долговременного пути, нежели смиренному паломнику, ищущему впечатлений в назидание собственной души своей и в просвещение соотечественников.

Заключительная же мысль автора об ограничении числа русских поклонников, по-видимому, могла бы быть дополнена мыслию об их выборе. В приложении это, конечно, менее удобно чем первое, но попытки к возможному достижению этой цели, если будут деланы согласно, в России и на месте поклонения, то, конечно, мало-помалу искоренится бесчинство и безнравственность между поклонниками.

Здесь не могу еще раз не выразить сожаления, что, несмотря на часто повторенное предстательство, мне никогда не удавалось совершить путешествие в Палестину. На месте, весьма вероятно, почерпнуто было бы мною несколько практических замечаний. Они в особенности понадобились бы мне при разборе заключительного отделения записки г-на Жемчужникова, тогда как теперь, придерживаясь его плана, я только мог развить несколько из его мыслей, чтобы дополнить выше выведенные мною из опыта и долговременной деятельности на Востоке заключения о способах сделать участие России благотворительным для Восточной Православной Церкви.

<V.>

СПОСОБ ВОССТАНОВИТЬ ЗНАЧЕНИЕ И СИЛУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ВОСТОКЕ

В сей последней статье автор повторяет вкратце свои прежние положения, сводимые им к четырем пунктам. Относительно каждого из них я уже высказал свое мнение.

Затем предлагаемые автором к возвышению Православной Церкви на Востоке меры я вполне считаю достойными внимания и уважения, удивляясь, как он дошел до них рассуждением, исполненным горькой иронии, несправедливых обвинений и не всегда точных сведений, тогда как мы, долго трудившись на Востоке, изучив близко греческий элемент и внушаясь миролюбием, а также доверием к правительству, пришли легко почти к тем же выводам. Мы только сделаем попытку изложить их с большей подробностью, дополнив их и своими соображениями⁴³. Итак, нам кажется:

1. Учреждение Духовной Миссии в Иерусалиме надобно считать не только полезным, но необходимо нужным, в настоящем положении Православной Церкви, Востока и России, как самый легкий и действительный способ непрерывного общения двух значительнейших отраслей Православия, как благовидный предлог политического вмешательства нашего в дела Турции (что нам полезно на всякий случай), и как верный залог распространения влияния нашего на Востоке, значительно уменьшившегося после недавних событий.

2. Штат Миссии, круг и образ действия ее не должны быть определяемы каким бы то ни было предварительным соображением — чьим бы то ни было. Надобно ждать, чтобы она сама себе выяснила все это вследствие приобретаемой ею, мало-помалу, опытности.

3. Надобно, чтобы Миссия зависела от Святейшего Синода, а Св. Синод от своего значения и положения в общей целостности христианского мира. Правительство, вопреки желанию автора видеть его по примеру Франции в отношении Покровителя к Покровительствуемому, должно быть к Св. Синоду в сыновних отношениях, всегда искренних, почтительных и доброжелательных, но настолько властных, чтобы высокое положение Синода заставило его понимать всегда не как преобладание, но как апостольское служение миру.

4. Нужды Миссии надобно, чтобы удовлетворялись правительством с готовностью, предупредительностью и великодушною щедростью, без проволочки и отлагательства. Правительству предлежит найти источники этих даров, которые должны быть обильны, ибо мы действуем перед лицом противников, издерживающих ежегодно на восточное дело около 4-х миллионов франков. За то правительство вправе принять все меры контроля в правильном употреблении назначаемых в Палестину сумм. Местное посольство с подчиненными ему консульствами в своих отношениях с Миссиею постарается удержать себя в отношениях правительства к Синоду. Общество Пароходства и Торговли сохранит при этом свой торговый характер, с потребной долей христианского самоотвержения и терпения, там в особенности, где его палестинские учреждения окажутся менее выгодными, чем можно было рассчитывать. Мы видим, что даже общества, основанные на стремлении к удовольствиям, нередко участвуют в благодеяниях человечеству. Здесь Общество Пароходства и Торговли, действующее с гораздо возвышеннейшею целью, имеет и поприще для набожной щедрости, стократ важнейшее и высшее.

5. Избирая раз в начальники Миссии лицо, вполне доверенное, правительство может не следовать обыкновенной системе предварительных смет и расчетов, представлений и разрешений, а всего менее усмотрений, по крайней мере, в предметах незначительных, и, во всяком случае, снять с Миссии тот все парализирующий страх неуверенности, который на все дела ее будет класть печать пагубной нерешительности, нетвердости, непостоянства и непоследовательности. Для правительства должно быть все равно, будут ли представления Миссии идти через Св. Синод, или ради скорости через местное посольство, так, чтобы не было повода к ревнованию одной власти относительно другой. Разумеется, Миссия, обращаясь с представлениями к одной стороне, позаботится современно извещать о том другую.

6. Миссия должна быть в наилучших отношениях к местному православному духовенству. Имея задачу свою усиление и возвышение Православной Церкви там, где греческое духовенство стремится к той же цели, путем, если и не тем самым, каким она, но тем не менее верным, она должна помогать ему всем, чем может; там же, где последнее, по невеже-

ству или упрямству, идет во вред Православию, должна отводить его от того советами, увещаниями, просьбами и даже средствами не столько общими и гласными, сколько внушаемыми благоразумием и указываемыми опытом. Вообще же к греческому духовенству Миссия должна быть братски и дружески расположена, услужлива и внимательна, всеми средствами споспешествуя возвышению его, развивая в нем чувство собственного достоинства, приличия, порядка, вкуса, увлекая его к тому своим примером, но ни в каком случае не навязывая ему ничего своего и не смеивая в нем ничего его, так, чтобы оно начало невольно подражать нам. Можно не сомневаться, что оно увлечется нами при нашей умеренности, скромности и искренности. Начало этому положит Крестный монастырь, на который мы и должны действовать преимущественно в этом отношении⁴⁴. За греками, несомненно, пойдут вслед нам и арабы. Это самый естественный ход дела. Действовать же нам прямо на арабов, помимо греков, значит, по нашему глубокому убеждению, *не входить дверьми, а прелазить иуды*, согласно с словом Евангелия⁴⁵.

7. Для успешного же достижения сказанного в предыдущем пункте желательно, чтобы Миссия, по крайней <мере>, в большинстве, а паче всего в своем предстоятеле, состояла из людей, предварительно уже знакомых с Востоком и, в частности, с Греческой Церковью, знающих по-гречески говорить и писать, и хотя по одному лицу имела бы сведущему в арабском, армянском, итальянском и французском языках. Это необходимость. На обширном пространстве Отечества нашего, думаю, таких лиц нетрудно отыскать. Условиями звания, возраста и образования стесняться не надобно при этом.

8. Кроме того, признавая главным недостатком греческого духовенства корыстолюбие, нельзя не пожелать, чтобы Миссия представила собою образец совершенной нестяжательности и высокого самоотвержения. Преимущественно этот долг падает опять на предстоятеля ее*. При том же в видах достижения наиболее прочных результатов Миссия должна вначале остерегаться действовать открыто и строго против исправляемой слабости и не подрывать материальных выгод Патриархии ни в каком случае, а только заботиться, чтобы материальное служило в пользу духовного.

9. Для той же цели возвышения Православной Церкви полезно было бы иметь при Миссии полный хор певчих, устроивши его по образцу певческого хора посольской церкви в Афинах, но в улучшенном виде. Несмотря на некоторые трудности вначале, учреждение сего хора принесло бы вскоре весьма добрые плоды. Набирая малых певчих из местного населения греческого и арабского, мы через это сблизимся бы с ним, развива-

* В оригинале описка: «на представителя ее».

ли бы в молодом поколении изящный вкус церковный и, мало-помалу, невольно бы заставляли и греческое, и арабское богослужение перенимать у нас то, что достойно подражания. Католической же Церкви показали бы у себя живой оргн, с которым невозможно соперничество механического. Но при этом надобно держаться строго этого правила, чтобы отнюдь не навязывать, ни прямо, ни косвенно, своих напевов грекам или арабам, ни петь их священных гимнов своими напевами. Задача хора может быть испытана в Придворной капелле, конечно, первой в мире. Она должна состоять в том, чтобы уметь петь по-гречески или арабски собственными церковными напевами греков или арабов. Пусть бы малый, таким образом настроенный хор попытал совершить путешествие в Иерусалим и пропел бы на Св<ятом> Гробе Господнем Божественную литургию. Могу смело предсказать, что и единоверные глубоко поразились бы таким пением. Надобно иметь в виду одну и единственную цель сделать приятным греко-арабское пение, большей частью нестерпимое теперь для образованного слуха и, конечно, для них самих много теряющее перед звуками оргна. Говоря здесь о задаче и цели хора, я разумею только второстепенное его назначение — приспособиться к местному богослужению. Главное значение, как русского хора при русском богослужении, не входит в мое соображение.

10. Бесплезно для нас заводить школы в Бейруте, Кайфе, и даже самом Иерусалиме, разве в сем последнем только при Миссии, образцовый класс для мальчиков, обучаемых пению. Можно наперед быть уверенным, что мы не сумеем ни учредить их, ни, еще менее, управить ими⁴⁶. Наше внимание должно быть устремлено на поддержку Иерусалимского духовного греко-арабского училища, сего истинного рассадника просветителей края. Мы должны содействовать ему всеми средствами (держась, разумеется, начал, изложенных в 6-м пункте). С начальством его Миссия должна войти в самые близкие сношения, обяывая его всем, чем можно, но не позволяя себе никогда заметить ему этого и не вмешиваясь прямо в организацию училища учебную и административную. Одною из полезнейших для всего Православия и для России, и следовательно, и для успехов Миссии мерою можно считать: постоянную присылку способных учеников из наших духовных училищ, преимущественно же круглых сирот, в это училище, для изучения современно<го> греческого и арабского языков, и для воспитания, таким образом, наших собственных проповедников Евангелия в отдаленнейших пределах арабской населенности.

11. Весьма полезно усилить политический пост наш в Египте и открыть в Александрии, при ген<еральном> консульстве, русскую церковь, подведомую Иерусалимской Миссии по делам духовным, — на общем, впрочем, положении посольских церквей, и через нее содействовать к устройству в Александрии отдельной арабской православной церкви, а также мало-по-

малу, к сближению нашему с Коптскою Церковью Египта и Абиссинию, посредствуя между нею и Александрийскою Патриархией.

12. Независимо от учреждения Миссии, надобно желать, чтобы все отдельные части Православной Церкви находились в живом союзе между собою; а для сего одна из самых удобных и полезных мер есть: постоянные письменные сношения всех высших правительственных мест Православной Иерархии в виде сообщений, уведомлений, запросов и просто писем поздравительных, соболезновательных и проч. При развившемся же и утвердившемся круге сношений сами дела покажут, уместно ли и полезно ли иметь каждой отдельной Церкви своего представителя при каждой другой отдельной. Если это признается за нужное, в таком случае характер Иерусалимской Миссии изменится, и начальник ее будет вместе и представителем Российского Синода при Великой Церкви, проживая, если нужно, по временам, в Константинополе⁴⁷.

13. Не надобно оставлять давнего нашего благочестивого обычая снабжать Православные Церкви Востока всеми нужными для их поддержания, благосостояния и благолепия предметами, как то: священными сосудами, одеждами, иконами и пр. Но всякий раз это должно быть делаемо с большою разборчивостью. Так, напр<имер>, прислать в какую-нибудь важную городскую церковь или куда бы то ни было на Востоке ризы нашей мишурной парчи значит уронить только себя в мнении Востока, прислать наши иконы новомодные значит причинить положительный вред и Востоку, и себе. Наибольшая забота наша должна быть о благолепии храмов на Востоке и снабжении их всего чаще колоколами, т.е. тем, что более всего действует на зрение и слух населения, и, действуя, призывает его крепко к его богослужению.

14. Русских сестер милосердия полезно не заводить, по крайней мере, не ставить их в ведение Духовной Миссии.

15. Для действительной силы всего, что мы говорим и делаем на Востоке и для Востока, чрезвычайно выгодно, полезно и прилично иметь постоянную, образцовую русскую эскадру в Средиземном море.

Посланник при Греческом дворе /подп./ А. Озеров.

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 694. Л. 21–73.

¹ Достаточно сказать, что отец автора, М.Н. Жемчужников (1788–1865), начинал военную карьеру адъютантом Аракчеева, воевал на Кавказе, был участником Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1812–1814 гг., затем польской кампании 1831 г. В 1832 г состоял губернатором в Костроме, в 1835–1840 — петербургским гражданским губернатором. С 1841 г. сенатор. Мать, Ольга Алексеевна, урожд. Перов-

ская, была незаконной дочерью графа А.К. Разумовского. Родственные связи по матери обеспечили семье видное положение среди высшей бюрократии. Брат Владимира, А.М. Жемчужников был вице-губернатором в Пскове, потом губернатором в Вильне.

² *Лотман Ю.М.* Жемчужников Владимир Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. М., 1992. С. 267–268.

³ Описание поездки: *Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. М., 2009. С. 319–419.

⁴ *Жемчужников В.М.* Православный Восток и Россия // РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 113.

⁵ «Слухи о готовящемся путешествии Государыни Императрицы в Иерусалим» в 1861 г. обсуждает митрополит Филарет (Дроздов) в переписке со своим духовником, архимандритом Антонием Медведевым (Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма к преп. Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Т. 3. 1857–1867 / СТСЛ, 2007. С. 191. Письмо от 13 октября 1861 г.). В последующие годы о паломнических намерениях, или, во всяком случае, пожеланиях императрицы свидетельствуют письма близкого ко двору бывшего министра путей сообщения П.П. Мельникова к архимандриту Антонину (ОР РНБ. Ф. 253 (А.А. Дмитриевский). Оп. 1. Д. 174. Л.342-Л.342об., Л. 349об.).

⁶ *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток. М., 2014. С. 262–263. Как писал митрополит Антонию (Медведеву), «устраивается нечто вспомогательное, под покровительством высоких особ, но план устройства еще не в ясных чертах. Требовалось бы добровольное Общество: это мы не довольно умеем вести... Я предложил нечто похожее на Общество. Не знаю, как примут» (Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма... СТСЛ, 2007. Т. 3. С. 38–39).

⁷ Письмо А.П. Толстого к митрополиту Филарету, датированное ноябрем 1858 г., с приложением самой записки Жемчужникова и отзыва о ней Толстого, содержится в указанном деле из фонда митрополита (РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 113).

⁸ Там же. Л. 2–2об.

⁹ Архив РДМ. П. 66. Д. 1419, на 10 лл.

¹⁰ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 694. Л. 21–73.

¹¹ Озеров Александр Петрович (1817–1900) — дипломат, действительный тайный советник, обер-гофмейстер (1880). Брат товарища министра иностранных дел И.П. Озерова. Окончил Царскосельский лицей (1835). Старший секретарь миссии в Тегеране (1840-е гг.). Советник миссии в Константинополе, поверенный в делах при Порте Оттоманской (март 1852 — февраль 1853). Посланник в Греции (1857–1861) и позже в Швейцарии (1861–1869). Шталмейстер императрицы Марии Александровны (с 1869).

¹² АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 694. Л. 21.

¹³ *Киприан (Керн), архимандрит.* Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград, 1934; изд. 2: М., 1997. С. 106.

¹⁴ *Титов Феодор, священник.* Преосвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Очерк из истории сношений России с Православным Востоком. Киев, 1902. С. 242.

- ¹⁵ Киприан (Керн), архимандрит. Отец Антонин (Капустин). С. 106.
- ¹⁶ Озерова Елена Александровна (1855–1938), паломница в Иерусалиме (1884). Дочь А.П. Озерова. Родилась в Афинах. Фрейлина императрицы Марии Федоровны (духовником ее был духовник царской семьи протопресвитер Иоанн Янышев). Супруга (с 1906) церковного писателя и публициста С.А. Нилуса (1862–1929). Совершила паломничество в Святую Землю в мае 1884 г., с отцом, А.П. Озеровым, и сестрой Ольгой. После 1917 г. оставалась с мужем в России (жили, скрываясь, у знакомых в разных городах и губерниях). Умерла на 83-м году жизни в с. Кола Мурманской области. Перед смертью, в бреду, ей представлялось, что она плывет на пароходе с императрицей в Иерусалим (*Половинкин С.М.* Сергей Александрович Нилус. Жизнеописание. М., 1995. С. 253–254).
- ¹⁷ «На преосв. Поликарпа, викария Херсонского, я указал, — вспоминал Муравьев, комментируя одно из писем митрополита Филарета, — когда мне было поручено написать инструкцию <для РДМ> и назвать членов для состава новой Миссии, потому что он долго жил на Востоке при посольстве и знал язык греческий; но он не понравился в Петербурге» (*Филарет (Дроздов), митрополит.* Письма к А.Н.М<уравьеву>. 1832–1867 / Публ. и комм. А.Н.Муравьева. Киев, 1869. Примеч. к письму № 344 от 26 ноября 1857 г.). Высочайше утвержденный проект инструкции министра иностранных дел Поликарпу см.: Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т.2. М., 2000. С. 53–54.
- ¹⁸ Там же. С. 54.
- ¹⁹ Из дневника архимандрита Порфирия (Успенского): «30 ноября 1856 г. А.Н. Муравьев шептал мне, что граф Толстой на место мое в Иерусалиме избрал диакона Оптинской пустыни Ювеналия (из дворян) и держит его здесь в доме матери его, дабы при первых переговорах о возобновлении нашей Миссии в Иерусалиме явить его миру, яко великого постника и молитвенника о душах наших. А шептал он это, ударяя себя по челу и приговаривая, что только крайне ограниченный ум может думать, что в Иерусалиме нужен нам монах, служащий одни обедни, панихиды и молебны» (*Порфирий (Успенский), епископ.* Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки / Под ред. П.А. Сырку. Т. VII. СПб., 1898. С. 44–45).
- ²⁰ Титов Владимир Павлович (28.02.1807–15.09.1891) — дипломат, поэт, писатель. По окончании благородного пансиона при Московском Университете определен в Московский архив Министерства иностранных дел (1823). Секретарь дипломатической миссии в Константинополе (1830), генеральный консул во Влахии и Молдавии (1839). С июля 1840 г. поверенный в делах, с 24 апреля 1843 г. посланник и полномочный министр в Константинополе. Сыграл большую роль в развитии русского присутствия в Святой Земле в 1840–1850-х гг. Отозван в 1853 г. в связи с разрывом дипломатических отношений в канун Крымской войны.
- ²¹ Потемкина Татьяна Борисовна (урожд. княжна *Голицына*; 1797–1869), статс-дама, благотворительница — влиятельная представительница неформальных петербург-

ских придворных и церковных сфер, нередко способствовавшая на личном и домашнем уровне решению тех или иных церковно-политических, в том числе кадровых, вопросов. Содействовала развитию православных духовных миссий в России и за рубежом. Делала щедрые пожертвования на церкви и монастыри. Ее участие в делах на Православном Востоке высоко ценили А.Н. Муравьев, А.С. Норов, Порфирий (Успенский).

- ²² Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) — ученый и государственный деятель, герой Отечественной войны 1812 г., министр народного просвещения в 1854–1858 гг. Дважды совершил путешествие в Святую Землю. Результатом поездки 1834–1835 гг. стала книга «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (СПб, 1838; 1844; 1854) — «бесспорно лучшее описание Святой Земли, которое существует в русской литературе», по оценке В.Н. Хитрово. Второе путешествие на Восток (в Палестину и на Синай) состоялось в 1861 г., его описание было издано посмертно (*Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток / Публ. и предисл. В.Н. Хитрово. СПб., 1879.*)
- ²³ *Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. VII. СПб., 1898. С. 56.* Ср. более подробную запись происходившей беседы: Там же. С. 69.
- ²⁴ *Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. (Из записок поклонника) // Душеполезное Чтение. 1866. № 1. С. 1–36; № 2. С. 69–96; № 3. С. 137–160. № 4. С. 191–217. Отд. изд.: М., 1866; Изд. 2. М., «Индрик», 2007.*
- ²⁵ Из дневника 1857 г. // *Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 / Сост., комм., вступ. статья. Р.Б. Бутовой. М., 2010. С. 397–426.*
- ²⁶ Записка В.М. Жемчужникова предназначалась, как сказано выше, для представления императрице Марии Александровне.
- ²⁷ Имеется в виду отчетный доклад Б.П. Мансурова 1857 года, который обсуждается выше, в публикуемой в данном выпуске «Православного Палестинского Сборника» записке В.С. Неклюдова.
- ²⁸ Вряд ли можно согласиться с подобным оптимистическим мнением, хотя его со времен Порфирия и доньше разделяют многие наши церковные историки и публицисты. Патриархия не имела намерения передавать построенное по проекту Порфирия здание *в собственность* Русской Миссии или вообще России.
- ²⁹ Историю создания первой арабской типографии в Иерусалиме см. в отчете начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Порфирия (Успенского), который и был тогда, при переговорах с Патриархом Кириллом II, информатором и главным советчиком А.П. Озерова (Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т.2. М., 2000. С. 47–49).
- ³⁰ Имеется в виду период 1830–1840 гг., когда Сирия и Палестина были оккупированы египетскими войсками.
- ³¹ См.: *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Участие русских дипломатов в церковно-политической жизни Восточных Патриархатов в середине XIX в. // Российская история, 2009, № 1. С. 5–25.*

- 32 Далее приводится полностью письмо архимандрита Порфирия (Успенского) к А.П. Озерову от 3 декабря 1852 г., изданное в свое время П.И. Бартевым — без указания имен автора письма и его адресата, с примечанием: «Характерное письмо это печатается здесь с подлинника» (Письмо из Иерусалима от русского архимандрита к нашему поверенному в делах в Константинополе // Русский Архив. 1878. № 7. С. 350—353). Включение в текст «Замечаний» данного *личного* письма свидетельствует о том, что А.П. Озеров мог вполне произвольно дополнять текст Антонина, едва ли даже согласовывая с архимандритом некоторые церковно-дипломатические (и этические!) шероховатости.
- 33 *Фр.* «песчинку, о которой говорит Паскаль и которая иной раз, если ввести ее в человека самого просвещенного, самого возвышенного и добродетельного, может немедленно преобразовать его в чудовище».
- 34 Первые слова молитвы, которая поется на литургии на Великом входе и называется Херувимской песнью. В последней фразе письма Порфирий просил своего молодого, как ему показалось, друга и единомышленника, сохранить до времени доверенные ему мысли о радикальной реорганизации церковно-дипломатической работы в Иерусалиме в тайне («Иже херувимы *тайно* образуеще»). Для Порфирия в данном контексте важно слово «тайно», подчеркивающее вполне конфиденциальный характер письма. Однако адресат, А.П. Озеров, очевидно, не был расположен оставлять его «тайным херувимом», включив письмо в свои (совместно с Антонином) «Замечания» 1858 г., а затем и передав его в подлиннике для публикации П.И. Бартеву (1878).
- 35 Помещая полностью данное письмо в свой, совместно с Антонином, отзыв на статью Жемчужникова, Озеров явно нарушает эту «херувимскую» тайну. См. предыдущее примечание.
- 36 Автор имеет в виду, что при возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме после Крымской войны в 1857 г. Порфирий (Успенский) не был назначен ее начальником.
- 37 Цитируется всеподданнейший доклад министра иностранных дел князя А.М. Горчакова о преобразовании Иерусалимской Духовной Миссии от 23 марта 1857 г.
- 38 А.П. Озерову удалось посетить Иерусалим с дочерьми Ольгой и Еленой лишь 1–8 мая 1884 г.
- 39 Имеется в виду максимально благоприятная для российского присутствия на Ближнем Востоке ситуация, возникшая после Адрианопольского мира 1829 г. и Ункияр-Искелесского соглашения 1833 г.
- 40 Суждение авторов «Замечаний» о русских сестрах милосердия глубоко несправедливо и не соответствует действительности. Крестовоздвиженская община сестер милосердия, основанная великой княгиней Еленой Павловной и действовавшая во время Крымской войны в госпиталях Севастополя и Симферополя под руководством великого русского хирурга Н.И. Пирогова и духовным окормлением иеромонаха Вениамина (Лукьянова), проявила себя самым лучшим образом (см. нашу публикацию в предыдущем выпуске ППС: Игумен Вениамин (Лукьянов), Севастопольский и Ие-

русалимский, в документах и переписке // Православный Палестинский Сборник. вып. 109. М., 2014. С. 219–288). Основание в 1858 г. Русской больницы в Иерусалиме с неизбежностью поставило вопрос о привлечении русских сестер для обслуживания больных российских паломников. Разумеется, воспитание и образование сестринского персонала в российских учебных заведениях, в условиях нараставшего нигилизма и атеизма, накладывало свои особенности на их менталитет и пластику поведения. Тем не менее, делать из русских сестер, в массе своей тружениц и подвижниц, некий жупел для Православного Востока, нет ни малейших оснований.

- 41 Последняя фраза свидетельствует о том, что даже люди, достаточно близкие к русскому делу на Востоке, не всегда могли разобраться в тонкосплетениях и противоречиях петербургских «сфер», кружков и инстанций. В частности, Антонин и Озеров явно не делают различия между позициями императрицы Марии Александровны, которой адресован отзыв, и Морского министерства во главе с великим князем Константином Николаевичем, доверенным лицом которого выступал в Иерусалиме Б.П. Мансуров. Для них, как, видимо, и для многих других, далеких от дворцовых интриг людей, все оттенки и противоречия невольно сливались в представлении о единой «силе, исходящей прямо из Императорского Дома».
- 42 Вопрос о значении слова «миссия» применительно к Русской Духовной Миссии в Иерусалиме доньше неоднозначно толкуется в нашей духовной литературе. В отзыве митрополита Филарета на донесение архимандрита Антонина от 18 октября 1865 г. содержится правильное и вполне однозначное понимание термина: «Название миссионеров в отношении к членам Миссии неуместно. Посольство называется миссиею. Но служащие в посольстве не называются миссионерами: так и члены Духовной Миссии в Иерусалиме». Сам Антонин в различных документах использовал, из тактических соображений, то одну (дипломатическую), то другую (миссионерскую) трактовку, добавляя порой и третью (мессиянскую), то есть, переводя разговор на уровень исторической *миссии* России и Русской Церкви на Востоке.
- 43 Сформулированные ниже тезисы представляют особый интерес как первое по времени изложение взглядов архимандрита Антонина по проблемам обустройства Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.
- 44 Автор хочет сказать, что главным проводником русского влияния в Иерусалиме должна стать Богословская школа в монастыре Святого Креста, созданная Патриархом Кириллом II в 1855 г. Подробнее: *Соколов И.И.* Богословская школа Креста в Иерусалиме. Исторический очерк // Сообщения ИППО. 1906. Т. XVII. Вып. 3. С. 409–459.
- 45 В синодальном переводе: *Кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит иуде, тот вор и разбойник, а входящий дверью есть пастырь овцам* (Ин. 10, 1–2).
- 46 Прогноз авторов документа оказался ошибочным. Как показала история созданного четверть века спустя, в 1882 г., Православного Палестинского Общества, именно открытие и поддержка школ для арабских детей стало наиболее успешным и перспективным средством укрепления русского присутствия в регионе. См. раздел «Школьная деятельность ИППО» в т. 3 настоящего издания.

⁴⁷ Здесь мы впервые встречаемся с излюбленной идеей Антонина — о создании должности апокрисиария (постоянного полномочного представителя) Русской Церкви при Вселенской (Константинопольской) Патриархии, с возложением на него же и обязанностей начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Пройдет семь лет — и в первом же своем официальном отчете-донесении в Св. Синод архимандрит, назначенный управлять временно Русской Духовной Миссией и разобраться с причинами нестроений в ней, будет убеждать начальство в необходимости создания такого апокрисиариата. См. донесение о. Антонина от 18 октября 1865 г.: РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 155–182. То же: *Хитрово В.Н.* История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Ч. III. Архимандрит Леонид. Рукопись. Библиотека ИППО, шифр: И.П.П.О. Н. VII. № 510. Приложение 8 (листы в рукописи не нумерованы).

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ВРЕМЯ, В КОТОРОЕ МЫ ЖИВЕМ,
ТРЕБУЕТ НАСТОЯТЕЛЬНОГО
ПЕРЕСМОТРА ПРОШЕДШЕГО»:
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА).
МОСКВА, 23 АПРЕЛЯ 2014 Г.

СПОДВИЖНИЦЫ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА: «ВЕЛИКИЕ РОССИЙСКИЕ БАБЫ»

Р.Б. Бутова

Статистика — абсолютно неумолимая и мало отрицаемая — показывает, что во второй половине XIX в. 66% всех паломников в Святую Землю составляли женщины, из которых от 85 до 90% были выходцами из просто-народья. По данным секретаря ИППО В.Н. Хитрово, из 22 238 человек, прошедших через учреждения Палестинского Общества в Палестине с 1883 г. по 1896 г., дворянок было лишь 373, купчих 179, представительниц мещанского сословия 1926, солдаток 865, монашенок 536 и 11012 крестьянок. Так что у русского паломничества было «женское лицо». При этом, статистика первой половины XIX в. абсолютно противоположна, там было мужское большинство.

Я выношу за скобки причины этого явления, как в России, так и на Ближнем Востоке, они требуют отдельного рассмотрения. Но о некоторых моментах все же напомним.

Россия второй половины XIX в. — это отмена крепостного права и целая серия реформ, затрагивающих все стороны общественной жизни. Это время распада социально-бытовых устоев традиционной русской жизни. Изменившиеся социально-экономические условия привели к существенным переменам во всех областях. Теряет былое господствующее положение дворянство, уступая его буржуазии. Промышленное производство выводит на арену истории пролетариат. Бурный рост производства и необходимость его обслуживать дали толчок развитию научных, фундаментальных и прикладных исследований, особенно естественнонаучных и технических. Формируется новый интеллектуальный слой, который начинает занимать влиятельное положение в социальной структуре общества.

Наконец, во всей остроте встает т.н. женский вопрос — понятие, широко трактуемое все проблемы, связанные с положением женщины в русском обществе второй половины XIX в., т.е. совокупность проблем правового,

социального, политического, экономического, ценностно-нормативного характера, от которых зависел общественный и семейный статус женщин. Женщины «освобождались», уходили из семейного гнезда, уезжали из деревень и маленьких городков и пытались найти свое призвание.

Отчеты Палестинского Общества не позволяют судить о возрастном распределении женщин среди паломнического контингента, но, как писал А.А. Дмитриевский, «не подлежит сомнению, что паломниц престарелых или таких, на которых суровая жизнь уже наложила свой неизгладимый отпечаток, в Иерусалиме сравнительно мало. Большинство из них — женщины средних лет, от 35 до 45–50, но есть немало и значительно моложе»¹.

Существовал и другой тип паломниц, близко похожий на тот, о котором горевал еще в XII в. архиепископ Новгородский Нифонт: «ходяче праздно, пити и ясти». Это о них архимандрит Антонин писал через полтора года после своего приезда в Иерусалим, в одной из статей, ставших со временем традиционными. Рассказывая о праздновании Пасхи, схождения Благодатного огня, богослужении Великой Субботы, такой казалось бы благостный рассказ Антонин завершает совершенно неожиданно рядом пожеланий:

« — Чтобы лиц, удостоившихся поклониться святым местам, положено было не пускать снова ко святым местам ранее истечения *десяти лет*;

– Чтобы за возвратившимися домой наблюдаемо было, не называются ли они *новым* именем, не занимаются ли *торговлей* вынесенными ими из Палестины предметами народного благоговения и не производят ли тайных *сборов* на святыя места;

– Чтобы поклонницам, не достигшим 35-летнего возраста, внушаемо было, кем следует, отлагать исполнение благочестивого намерения видеть святыя места до более *зрелой поры* жизни;

– Чтобы какое-нибудь ведомство взяло на себя труд, ежегодно, по окончании поклоннического периода (после Пасхи), *обнародовать* имена всех посетивших святыя места к общему сведению и к частному руководству»².

Еще через 8 лет, по окончании паломнического сезона, летом 1875 г. Антонин пишет очередную статью «Из Иерусалима» с подзаголовком *Нежеланные палестинские богомольцы из России*, в которой расскажет о том, что, «кроме саранчи проходимцев, налетающих на Иерусалим ежегодно с севера и отчасти устроивших в нем оседлое пребывание, Святой Град служит сборищем и личностей высшего полета, частью водворившихся в нем даже давно и «на веки», частью избравших его пунктом частовременных (грозящих быть ежегодными) посещений»³.

Антонин говорит далее, что «наши перелетные пташки прибывают в Иерусалим со всем скарбом своих застарелых привычек, местных влияний, сословных воззрений и с прибавком ко всему этому какой-то черескрайней восторженности, при первой возможности переходящей в бестактность или

безалаберность, характеризующую вообще русских туристов за границей. «Заграница», конечно, широка, и в общей сложности русское безалаберство и бывает в ней, как капля в море. Совсем иначе дело видится и бывает на тесном и узком, но, к сожалению, слишком видном пространстве заграничном, именуемом Палестиной. Иерусалим, несмотря на свою всесветную славу, есть весьма необширный город, вроде наших из больших губернских городов, и, подобно им, имеет все условия (даже несравненно большие) к образованию своего «провинциального» духа со всеми его чадами и исчадиями, известными под именем слухов, вестей, пересудов, сплетней, распрей, сцен, историй и прямых безобразий. Под этот-то недущеспасительный дух и попадают наши добрые богомолицы, ступающие на Святую Землю с полной, но, конечно, ошибочной надеждой, что там уже ничто не напомнит им их оставленное гнездо... Увы! Очень скоро они устроятся совершенно подомашнему на чужбине до того, что чужбина чурается их, отрешивается от них и не знает, как избыть их. Непроходимое самолюбие, большею частью смешное и жалкое, разносится во все стороны и от их кельи, и от их обстановки, и от их беседы, и от их молитвы... Над их неловкостью, тупостью, не приложимыми к краю понятиями и требованиями, заносчивостью, обидчивостью, ревнованием, податливостью и проч. смеются туземцы — даже те самые голодраные арабы, на которых они с высоты своих замкнутых понятий смотрят как на скотов. Вот тут-то и видится нам, во всей своей непроглядной наготе, упомянутое выше одностороннее самолюбие, русское, слепое, и так сказать беспардонное»⁴.

Был и еще один, особый разряд русских паломниц в Иерусалиме, «почтенных и богатых, пользующихся всеобщим уважением», — как описывал их один из русских писателей-паломников. «Такие богомолки остаются еще долго после Пасхи, а иногда живут здесь по несколько лет. Им, конечно, не хочется потерять почетное положение и ехать в Россию. Время своего жития в Божьем городе они проводят в молитвах и разных благотворениях»⁵.

Но вернемся к Антонину. «Что-то неудержимо влекущее имеет Святая Земля в себе для наших бывалиц, — писал он в цитированной уже нами статье, — до того, что некоторые решаются и совсем оставить родину, поселившись навсегда в Иерусалиме, — благо теперь там есть русское начальство, русское духовенство, русская служба и русская земля. Нам указывали в Иерусалиме русскую «генеральшу» и «генеральскую дочь», «полковницу» и «дочь полковника», «дочь бригадира» (откуда взялся в наше время этот чин?), «советницу», «поручицу» и других многих чиновниц, безвыездно проживающих во Святом Граде»⁶.

Вот с таким разным, очень сложным контингентом приходилось ежедневно встречаться Антонину, работать и созидать Русскую Палестину. Это требовало от него и определенного такта, и знаний, и опыта, может

быть, пермской, мужицко-поповской хитринки, безусловно, смелости и определенного неследования сословным условностям, а иногда прямого их нарушения. Долговременное служение в Иерусалиме вынуждало его сталкиваться практически со всеми из перечисленных и неперечисленных категорий и типов русских женщин.

Это были представительницы российского общества, имевшие **разный социальный статус** — начиная от самого высокого. В сентябре-октябре 1888 г. Антонин принимал в Иерусалиме великого князя Сергея Александровича с супругой — **великой княгиней Елизаветой Федоровной**.

Ему запомнилась эта встреча. Когда в Лазареву субботу, 13 апреля 1891 г., принцесса Элла стала православной, Антонин подарил ей уникальные византийские украшения из найденного незадолго до того в Иерусалиме клада. «Это событие, отпразднованное всей Россией совместно с величайшим из праздников христианских, имело свой отголосок и в Святой Земле», — писал архимандрит в письме вел. кн. Сергию Александровичу. В память о Палестине архимандрит передал в подарок Елизавете Федоровне «несколько античных вещиц, хранившихся в недрах ее (Палестины) более тысячи лет и как бы ждавших только случая заявить собою новой поборнице православия о православии древнейших времен», а именно: найденные при раскопках 11 византийских солидов (золотых монет) 518–610 гг., два золотых браслета и золотой перстень, украшенный маленьким деисусом — изображением Христа Спасителя с предстоящими Богородицею и Предтечей⁷.

А вот несколько примеров дам высшего петербургского круга — княгинь, графинь, баронесс.

Графиня Ольга Евфимьевна Путятинна, член-учредитель ППО (1882), почетный член ИППО. Дочь адмирала Е.В. Путятинна. Приехала впервые в Иерусалим в июне 1884 г., проездом в Японию, менее чем через 2 месяца уже уехала, но сохранила с Антонином прекрасные отношения и состояла с ним в переписке — до тех пор, пока не приехала в 1888 г., когда была поставлена во главе учебных учреждений Православного Палестинского Общества в Палестине и Сирии. Построила на свои средства амбулаторию в Назарете (1886), завещала 2000 рублей на постройку амбулатории в Бет-Джале, где была школа, построенная Антонином (амбулатория освящена после смерти Ольги **Евфимьевны**, в 1892; здание сохранилось до нашего времени).

Другой пример — **графиня Мария Владимировна Орлова-Давыдова** (1840–1931) — фрейлина императрицы Марии Федоровны. Это была щедрая благотворительница, попечительница общины сестер милосердия во имя Христа Спасителя, основанной в 1844 г. ее бабушкой княгиней М.Ф. Барятинской. Мария Владимировна основала в селе Щеглятьево Серпуховского уезда под Москвой церковно-приходскую школу (1885). В 1898 г. там же ею была основана женская иноческая община «Отрада и утешение», в которой, приняв монашество с именем Магдалина (1903), она стала игу-

меньей. Она была членом-учредителем ППО (1882). В 1889 г. совершила паломничество в Святую Землю на Пасху. На ее средства и по ее поручению архимандрит Антонин приобрел в 1890 г. участок Эль-Атн в Вифлееме, переданный графиней после смерти Антонина Палестинскому Обществу (1896) и записанный в 1898 г. на имя великого князя Сергея Александровича. В 1997 г., в связи с посещением Святейшим Патриархом Алексием II Святой Земли для участия в торжествах 150-летия РДМ, половина прежнего участка была подарена правительством Я. Арафата Русской Православной Церкви. В настоящее время здесь построена патриаршая гостиница⁸.

Баронесса Аделаида Александровна Фитингоф (1838–1917) приехала в Иерусалим паломницей в 1885 г. Судя по дневникам, Антонин неоднократно пил с ней чай, беседовал, водил — показывал достопримечательности, она ему рассказывала об Игрицкой-Смоленской иконе Божией Матери. Благодаря ее материальной помощи был восстановлен монастырь на Горе Искушения.

Посетивший гору в 1885 г. писатель-паломник Е.Л. Марков писал: «Теперь там устроился опять маленький православный скит в пещерах, вырубленных древними отшельниками в толщах горы. Переходы и спуски, скрытые от взора человека, соединяют эти недоступные стрижиные гнезда иноков, висящие над страшною бездною. Кое-где к черному входу пещер, разбросанных на различной высоте, прилеплены утлые балкончики, галерейки и лесенки, на которые даже снизу нельзя глядеть без содрогания... В маленьком монастырьке живет всего 3–4 монаха. По остаткам стенных фресок и другим археологическим признакам, нужно думать, что древнейшие следы монастыря относятся еще ко времени первых византийских императоров. Только небольшая часть старых пещер занята теперешним монастырем. Большая же часть рассеяна по разным недоступным обрывам и складкам горы, так что до многих добраться нельзя без веревок и лестниц»⁹.

А между тем Аделаида Александровна была очень известна в Башмаковском р-не, Пензенской обл., она владела усадьбой, несколькими сотнями десятин земли, кирпичным заводом, Соломинской ковровой фабрикой. По воспоминаниям местных жительниц, «она дала женщинам работу. Сначала вышивали бисером, а потом образовали ковровое производство. Фабрика долго у нас была, до 90-х гг. XX в., до перестройки. Ковры пользовались большим спросом, за ними стояла всегда очередь. И даже тем, кто работал на фабрике, их давали как награду». При этом баронесса Фитингоф была также и основательницей в 1890 г. женской монашеской общины во имя Всемиловитого Спаса, уничтоженной к началу 30-х гг. Это был высший слой представительниц русского общества.

Широко известна благотворительная деятельность Марии Михайловны Киселевой (1798–06.12.1887) — выдающейся общественной деятельницы и благотворительницы. Уроженка Самары, дочь премьер-

майора, саратовского губернского предводителя дворянства (1815–1821) князя Михаила Никитича Чегодаева (†1861). Ее тетка по отцу, м. Досифея, была рясофорной монахиней Симбирского Спасского женского монастыря и состояла в переписке с известным афонским духовным писателем, иеромонахом Арсением (Мининым). После смерти мужа, статского советника А.Г. Киселева (†1847), Мария Михайловна полностью предалась делам милосердия и храмостроительства. В Святой Земле на ее средства были построены храм св. пророка Елисея в Иерихоне (совместно с А.Д. Богдановой) и храм Спасителя на горе Свержения в Назарете (освящен митрополитом Назаретским Нифонтом 15 мая 1880 г.). Еще при жизни ею был выделен значительный капитал (100 тыс. рублей) для помощи православным бедным в Болгарии, Греции, Палестине. По духовному завещанию оставила 50 тыс. рублей Православному Палестинскому Обществу и 25 тыс. рублей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме¹⁰.

Близкая знакомая и помощница М.М. Киселевой **Богданова Александра Дмитриевна** — паломница и благотворительница из Пензы. В свои приезды в Иерусалим жила в греческом Архангельском монастыре в Старом городе, с 1873 г. имела также собственный дом с садом и участком в Иерихоне — достаточно вместительный и комфортабельный для того, чтобы в нем останавливался погостить Патриарх Иерусалимский. Уполномоченный Палестинского Общества Д.Д. Смышляев писал 12 февраля 1886 г. в письме к В.Н. Хитрово: «В Иерихоне обнаружил целую русскую колонию. Кроме превосходного дома о. Антонина, я нашел там дома и сады Иоасафа (Плеханова), Богдановой, Сушковой... Купчиха Киселева (это ошибка Смышляева) построила церковь, которую на второй неделе поста Патриарх приедет освящать. Церковь очень хорошенькая. Образа все писаны в России, где и иконостас делан»¹¹.

Дружбу и доброе отношение таких паломниц Антонин умел ценить. Он видел в них не один лишь источник пожертвований для Духовной Миссии. Нередко они становились сокровенными участницами его историко-литургических замыслов и строительных проектов.

Иногда роль и значение посиделок с «барынями» за чаем и душевные многочасовые разговоры оказывались крайне важны для осмысления богословского и литургического значения святого места. Так, в Горнем должен был возникнуть не просто скит, но обитель, возглавляемая Самой Богородицей. И храм монастыря должен быть посвящен празднику, специально учреждаемому в память евангельского события — Целования Божией Матери и праведной Елизаветы в Горнем Граде Иудове. Создается новая историко-литургическая реальность. Как писал 16 сентября 1880 г. Антонин в одной из своих корреспонденций «Из Иерусалима», «с будущей недели, как слышно, начнется и постройка <...> церкви *во имя Божией Матери в честь и память посещения Ею своей южики праведной*

Елисаветы. <...> В этом «жребии Божией Матери» в близкой будущности устроится обширный приют именитых русских отшельниц, желающих в полной и невозмутимой тишине духа окончить дни своей более или менее тревожной жизни, которому образцом послужит устав древнего скитского жительствова, без игумений, без казначей, без благочинных и т. подобных формальностей, и в основу которого положены будут тайноводственные слова вдохновенной *песни Богородицы*. Да будет!»¹².

Дневник Антонина позволяет день за днем проследить, как постепенно вызревала концепция. «4 декабря 1881. У г-жи Богдановой чай, и затем опять сидение у будущей Горнички (т.е. насельницы Горней. — Р.Б.). *Идеи возможного устройства Богородичного скита с Игуменьей не от мира сего*. <...> 11 декабря. Встал с колоколом вместе. Обедня. Визит москвичкам и чай там же. Целые короба навезли священных облачений. Дома еще стакан чаю. Оные господа с двумя узлами приношений, стаканом варенья и бутылкой грибков. *Наречение Святейшей И Г У М Е Н И И Горней*. Отыскивание в секретной <комнате> кивота для Нее. 12 декабря. Сама г-жа Соболева с воздухами и чаем. Она же потом с деньгами от товарки и благословением строить на ее счет *кафедру ИГУМЕНСКУЮ в Горней церкви*»¹³.

Очень интересна история возникновения Русского Спасо-Вознесенского женского монастыря на Елеонской горе. В 1869 — 1871 гг. архим. Антонин приобрел, один за другим, 11 участков на самой вершине горы и провел здесь изыскания, которые, конечно, вряд ли можно назвать планомерными раскопками, в лучшем случае это разведки, в которых археолог руководствовался интуицией, накопленным опытом и, конечно, историко-религиозными соображениями. Средства на проведение раскопок предоставила А.И. Кадышева, паломница-благотворительница, мечтавшая о собственном доме на святом месте.

История отношений архимандрита Антонина и **Анны Ивановны Кадышевой**, вдовы тит. советника, в монашестве Вениамины (1884), — благотворительницы, финансировавшей елеонские раскопки и постройки Антонина, это история почти 20-летней дружбы-вражды, поскольку их отношения складывались трудно (Антонин называл ее в дневнике то «елеонской игуменией», то «елеонской мегерой»). Дневник от 19 августа 1884: «*Мат<ушка> Анна Елеонская на пути в Яфу, а оттуда и за Синее море. Возвратится не ранее года*»; 26 мая 1888 г.: «О предстоящем отъезде «игумении Елеонской» в Россию к сыну, получившему другое место и глашающему к себе родную матушку. Дорога ей скатертью!»

В списке пожертвований на благотворительные дела Миссии, «прошедших через наши руки с сентября 1865 по сентябрь 1875 года», Антонин указывает 4048 кред. рублей, полученных от Кадышевой¹⁴.

На деньги Анны Ивановны построен архимандричий дом на Елеоне над большой великолепной мозаикой с древнеармянской надписью VI в. «Могила

блаженной Шушаник (Сосанны), матери Артабана. Февраля 18»¹⁵, площадью ок. 20 кв. м (сохранилась примерно треть ковра), с изображениями животных и растений, — один из лучших памятников византийского Иерусалима.

Для сохранения открытых мозаик нужен был некий «архитектурный футляр», а для его возведения нужны были деньги. Как свидетельствует писавший со слов Антонина управляющий иерусалимским консульством С.М. Дмитревский, «г-жа Кадышева (и раньше помогавшая архимандриту. — Н.Л.) согласилась участвовать своими средствами в этом деле, но с тем, однако, условием, чтобы сделать предполагаемую постройку в виде домика, где бы могла жить сама г-жа Кадышева во время своих приездов в Иерусалим. Для этого она предложила спроектировать домик в 2 этажа, устроить наверху жилое помещение, а внизу над большой мозаикой — церковь. При этом она желала, чтобы квартира ее выходила в церковь в виде хор: алтарь же следовало, по ее предположению, выдвинуть к востоку от мозаики и сделать в 2 света, чтобы крыша над алтарем и домом была общая. Такой фантастический проект, конечно, не мог быть одобрен о. архимандритом, и он убедил г-жу Кадышеву видоизменить его. Тогда они согласились выстроить обыкновенный дом в 2 этажа, верхний отдать в распоряжение г-жи Кадышевой, а нижний с мозаикой — для отдохновения случайных посетителей»¹⁶.

С раскопками связано непосредственно и создание Вознесенского храма, когда стало ясно, что именно здесь располагался в византийское время соборный храм женской обители, разрушенной в 613 г. персидским нашествием. Более 1200 трупов было найдено тогда на Елеоне, вырезаны были поголовно и монахини монастыря, руины которого обнаружил Антонин¹⁷.

Строительство храма было начато вскоре по оформлению купчей и затянулось на долгие годы. В 1876 г. — стены были уже подняты на сажень — его и вовсе пришлось прекратить за отсутствием средств. Потом разразилась Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Архимандрит Антонин и весь состав РДМ были вынуждены покинуть Палестину. По возвращении архимандрит продолжал строительство. В 1881 г., по данным дневника, храм уже был завершен, и Антонин заботится о его внешнем и внутреннем убранстве.

В финансировании елеонского проекта, помимо Кадышевой и монахини Филареты (Волковой), участвовали многие достаточно известные лица. Запись в дневнике от 23 апр. 1886 г.: «Письмо от М.П. Степанова с положительной вестью, что графиня Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор (урожденная Яковлева) сама от себя прямо пожертвовала 10 тысяч рублей «на благолепие храма Вознесения на Елеонской горе». Деньги Вел<икий> Князь <Сергий Александрович> приказал переслать мне. Уррррра!» (Дневник за 1886 г. С. 67). Среди др. пожертвований — золото для купола пожертвовала упомянутая уже выше Л.М. Соболева. Имена

жертвователей архим. Антонин записывал в специальной книге, которую планировал опубликовать¹⁸.

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но возник ли бы когда-нибудь монастырь с прекрасным храмом, колокольной «Русская свеча», ставшей на долгие десятилетия визитной карточкой Иерусалима, нашли ли бы мозаики (наверное, нашли бы, но сохранили бы вряд ли) и не было бы тогда прекрасного пола в храме Воскресения Христова на Армянской Голгофе? Наверное, все было бы иначе и не факт, что лучше, не будь Анны Петровны Кадышевой и ее плохого характера, ее вздорных идей, насчет собственной квартиры прямо в храме, заставляющей, прямо подталкивающей Антонина к новым и новым поискам места под храм и колокольню и все больше обретавшего и археологических древностей и выкристаллизовавшего идею храма Вознесения.

Совершенно особая область повседневных общений Антонина — это учительницы во главе с **Елизаветой Федоровной Бодровой** (Бадровой) (†июнь 1876), жившей и работавшей в Иерусалиме почти 20 лет. Она была основательницей первой русской школы в Святой Земле.

Школа открылась в 1858 г. в Архангельском монастыре, где до Крымской войны размещалась Русская Духовная Миссия, начальник которой архимандрит Порфирий (Успенский) еще в 1844 г. предлагал создать школу для арабских детей в Палестине. Ничего не известно о происхождении, воспитании и жизни Елизаветы Федоровны до ее появления в Святой Земле, в документах она подписывалась как «дочь полковника». Финансирование школы, подчиненной формально Иерусалимской Патриархии (патриарший епитроп, митрополит Петры Аравийской *Мелетий* в одном из писем именуется Бодрову «своей духовной дочерью»), осуществлялось императрицей *Марией Александровной*, а деньги из Петербурга в Иерусалим пересылались через Св. Синод и МИД.

Обучение девочек носило подчеркнуто религиозный характер. Очевидец так описывал школу Бодровой в 1860 г.: «она учит арабков и гречанок русской грамоте по Часослову и Псалтири. Эта школа очень походит на детский монастырь, в котором все обряды учения окружены разными религиозными церемониями. Две маленькие мусульманки, обучающиеся в этом монастыре, тоже вполне подчиняются его уставу»¹⁹. Работающая школа вызывала раздражение греческого Святогробского братства, которое настаивало на своем полном контроле за деятельностью школы, и, в первую очередь, над денежными суммами, присылаемыми из Петербурга. В 1865 г. Патриарх Кирилл потребовал вывести школу из Иерусалима. Архимандрит Антонин выбрал арабское православное селение Бет-Джала.

Уже 10 марта 1866 г. Антонин, продав свой бинокль и часы, на собственные средства арендовал дом и разместил Бодрову и ее школу в Бет-Джале.

Из канцелярии императрицы писали: «Ее Величество вполне изволит одобрять благое Ваше намерение, — писал секретарь Мориц, — и разрешает Вам устройство школы в Бетжале, на счет денежных сумм, пересылаемых в Ваше распоряжение из Собственной канцелярии. <...> Государыне императрице давно известно неподражаемое усердие Е.Ф. Бодровой и оценивая оное вполне, остается уверенною, что ее новые труды увенчаются успехом»²⁰. Антонин в дневнике шутливо называет свою школу «институтом хуторных девиц», описывает Бодрову как даму «с вечно неизменной улыбкой доброй и чистой души», называет ее — «Бетджальской наставницей», «Бетджальской схолярхиней», «Бетджальской институтриссой», «Бетджальской директриссой», и, наконец, вполне по-библейски, «Елизаветой Ефрафской».

К 1870 г. школа располагалась на собственном земельном участке, в ее вновь построенном здании обучалось до 120 девочек. В 1871 г. по представлению Антонина Е.Ф. Бодрова за особые успехи в деле организации школы была удостоена особого благословения Св. Синода.

Последний документ, связанный с деятельностью Е.Ф. Бодровой в Иерусалиме — ее расписка от 21 апреля 1876 г. «Сим удостоверяю, что мною получено от начальника Иерусалимской Духовной Миссии архимандрита Антонина из благотворительной суммы Государыни Императрицы сто рублей кредитным билетами. 21 апреля 1876 года. Иерусалим. Елизавета Бадрова. Также из суммы г-жи Киселевой получила 30 руб. серебром. Бадрова»²¹.

23 мая 1876 г. тяжело больная Бодрова, едва оправившись от инсульта, покинула Иерусалим, решив вернуться в Россию. Два месяца спустя Антонин запишет в дневнике последние дошедшие до него сведения о бывшей своей сотруднице: «Достигла благополучно Москвы и своей благодетельницы <княжны> Репниной около 12 июня. Тотчас же слегла в постель и была соборована, а дня через 4 и скончалась. Погребена в Алексеевском монастыре» (*Антонин (Капустин), архимандрит*. Дневник от 24 июля 1875 г.). Посетив Бет-Джалу в феврале 1877 г., Антонин записывает: «24 февраля. Подъем на Бетжальскую гору. Высота 2800 футов. Память Бадровой. Посадки растут хорошо. Но некому утешаться ими. Бедная старушка блаженной памяти! Мир духу твоему».

И здесь нельзя не вспомнить еще об одной знаковой личности Русского Иерусалима конца 1860-х гг., **монахине Магдалине (Эберн)**, смотрительнице женского паломнического приюта в Иерусалиме.

Александра Иосифовна Эберн происходила из дворян Владимирской губернии, была послушницей Владимирского Успенского Девичьего монастыря, приняла монашество в Воскресенском монастыре в Петербурге от Митрополита Исидора под именем Магдалины, причем, как считал игумен Вениамин, первой в Русской Церкви с таким именем.

Удостоенная внимания императрицы Марии Александровны, в мае 1863 г. чрез посредство фрейлины Анны Федоровны Тютчевой была назначена в Палестину, где и служила в последующие годы смотрительницей Женского подворья (Мариинского) на Русских Постройках. По разрешению Святейшего Синода приняла мантию на Голгофе, от архимандрита Антонина.

Ей было трудно на Женском подворье. Елизавета Ширман писала Вениамину 27 июня 1863 г.: «Возложена на нее обязанность надзора за порядком в женском отделении русских поклонников. Между ними часто встречаются неугомонные и сварливые: кому это лучше может быть известно, как не Вам, добрейший о. Вениамин. Я была свидетельницей, когда Вы мирили и успокаивали их. Без сомнения, монахиня Магдалина часто встретит там преткновение». Магдалина не только надзирала за порядком, но восприняла свой пост как своеобразный монастырь, ввела чтение правила вечером, мужчины не допускались на территорию подворья совсем.

Антонин писал в дневнике 26 апр[еля] 1866 г. «Магдалина с «докладом». Воспоминание о стансах, начинающихся так: «Ворвался в приют мужчины. Раскричалась Магдалина. Ой, калина, ой, малина! Ой, мать наша Магдалина!...Прочь бы все! Здесь место свято! Здесь берут одно лишь золото! Ой, калина и пр...». От смешного до горестного один шаг».

Между тем, сталкиваться приходилось иногда и с таким...

Антонин, рассказывал в одной из корреспонденций «Из Иерусалима» о паломнице: «В первый раз она последовала в Иерусалим в 1868 г. на целый поклоннический сезон, т.е. от Рождества до Пасхи. Своими воинственными наклонностями она еще тогда получила громкую известность в женском приюте заведений наших. Тогдашняя смотрительница приюта (мать Магдалина), сама отличавшаяся сильным властным характером, с ужасом рассказывала раз, как благородная дама, во гневе на какую-то соседку по комнате, схватила ее, приперла к стене, пальцами раскрыла ей рот и харкнула в него... Эпизод, избавляющий нас от дальнейшей характеристики человека. В 1870 г. снова воссияла на иерусалимском горизонте эта русская звезда первой величины. Она привезла с собой разные (сборные) приношения для церквей и целый магазин соленой рыбы, грибов, окороков для собственного прокормления, а равно и для открытия русской торговли в Иерусалиме. Ее ежедневные схватки с поклонницами, иски и взыски по делам с местными жителями, участие в контрабандной продаже саванов, ссора и чуть не драка с пономарем в церкви из-за места и прочие подвиги еще долго памятливы были на «постройках» по ее благополучном отбытии восвояси» (1875 г.)

Но подобные вышеописанным происшествия не проходили для Магдалины даром, она часто болела, но незадолго перед смертью успела купить в Бет-Джале, рядом с территорией школы Бодровой небольшой домик и завещала его Антонину.

Описание смерти в дневнике от 16 марта 1870 г.: «Смотрела на нас ясным и спокойным взором. Только раз, сказавши, что ей очень тяжело, впала в глубокую скорбь. Я, что мог, сказал ей в утешение. Обоим нам с о. Вениамином говорила: молитесь обо мне, молитесь обо мне! Это были ее последние слова. Она перестала открывать глаза, и мы вышли за перегородку. Умиравшая повернулась на правый бок и положила обе руки под щеку. Хрипота прекратилась. Слышалось одно редкое и тяжелое дыхание. Я опять пришел в ее каморку. Старица уже отходила. Рот ее раскрывался мало-помалу и стал кривиться. Выступила пена на губы и судорога пробежала по лицу. Еще было несколько редких и весьма слабых дыханий. Наконец, их не стало. Только на верхней губе еще около минуты играла легкая судорога. Наконец, прекратилось все. Боже, раба МАГДАЛИНА скончалась».

Миссии Магдалина завещала: большое распятие, грудной крест со святыми мощами и Елизаветинскую библию.

Через 15 лет 19 окт. 1885 г. соратник о. Антонина иеромонах Вениамин, видимо, решил рассмотреть, что же ему оставила по завещанию Магдалина: «обретший К и в о т (?) в Магдалинином Распятии, вложенный сестрою покойницы, бывшей в замужестве за Ипсиланти (!). Действительно — малейшая золотая коробочка, и в ней в бумажке крошечная частичка Животворящего Древа, рыжеватая и видимо совсем рыхлая. Пересмотр, по сему случаю, иноцветных крупинок того же Честного Древа. Два крестика металлических с таковыми».

В архиве РДМ сохранилась копия письма монахини Магдалины (Эберн) императрице Марии Александровне. Иерусалим, 5 апреля 1865 г.

«Будучи удостоена Вашего Августейшего внимания в 1863 году чрез посредство Анны Федоровны Тютчевой, была определена в Палестину в [слово не читается] Иерусалимские Русские Постройки, где и нахожусь в настоящее время, смотрительницею Женского странноприимного дома.

Глубоко чувствуя и храня в душе моей благодарность ко всему Августейшему дому Вашему, я осмеливаюсь поднести Вам, Всемиловитейшая Государыня, часть Животворящего Креста от Гроба Господня, полученную мной от греческого духовенства в благодарность за сбор [два слова не читаются] России на ризы [название не читается]. Что я и вручила генералу Дактурову для доставления Вашему Императорскому Величеству»²².

Дар был принят, о чем свидетельствует ответное письмо секретаря императрицы Марии Александровны П.А. Морица от 24 мая 1865 г.: «Государыня Императрица, с удовольствием приняв присланную Вашим преподобием часть древа от Животворящего Креста Господня, полученную Вами от греческого духовенства, соизволила повелеть мне благодарить Вас от Высочайшего Ее имени за это усердное поднесение»²³.

Похоронена Магдалина была на православном кладбище на Сионе, отпевание возглавил Патриарх Иерусалимский Кирилл, что говорит, без сомнения, об очень уважительном к ней отношении. Антонин почтил память почившей сотрудницы проникновенным некрологом²⁴.

Еще одна категория иерусалимских жительниц — это **скитницы: Леонида, Павла** в Горнем; **пещерница Марина**, жившая в могиле дочери фараона.

Леонида (1810–1887) — одна из первопоселенок и организатор монастырского устройства в Горней, «старшая скитница», как ее называл архимандрит Антонин. Уроженка г. Липецка, монахиня Лебединского Николаевского монастыря (Киевской губернии). При строительстве храма Сретения Божией Матери и праведной Елисаветы в Горней, Леонида отправилась в Россию для сбора пожертвований. Ею был заказан иконостас для храма (запись в дневнике архимандрита Антонина: «15 мая. Два письма, доставленные турецкою почтою, от м<атушки> Леониды, заказавшей *иконостас для Горней церкви* весь за 700 р.») и приобретены плащаница, сосуды, иконы и другая утварь. К 1886 г. сложилось ядро «русского поселка» вокруг храма. В том же дневнике Антонин записывает 28 января 1886 г.: «Обход келлий Татьяниной, Настасьиной, Митрофаньиной. Кельи Нимфодорина, Антонинина, Эмильина, обе Аннины и, в конце концов, Леонидина — с недужной хозяйкой и с мешком пороха в передней, даже не завязанным! Все это должна хранить Царица Небесная. О, наше простоволосие!». Похоронена в Горней, за алтарем Казанской церкви, проект надгробия — архимандрита Антонина.

Павла (Федорова), монахиня — одна из первопоселенок Русской Горненской обители. Приехала в Святую Землю как паломница из Москвы. «Живет в своем доме, в котором две комнаты и кладовая; имеет послушницу Татьяну Степановну Волкову, Владимирской губернии»²⁵.

Марина Пещерница — русская подвижница в Святой Земле (1870–1890-е гг.). Жила в пещерной келлии в ущелье Вади-Кельт (до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., два года в период войны «укрывалась на берегах Иордана»). В 1885 г. поселилась в Могиле дочери фараона, в 1890-е гг. построила себе дом-келью в Вознесенском монастыре на Елеоне.

1 декабря 1869 г. Антонин отметил в дневнике: «На месте нашем <в Хевроне> открылась древняя еврейская гробница, прямо против Дуба, наверху», и упоминал ее позже (4 января 1885 г.: «Пещерница Марина (о ней выше) с просьбой посидеть с неделю у Дуба и выглядет наши тамошние 6 пещер-могил древних»). Но сидела она там не просто так, она собирала скромные добротные приношения русских богомольцев («2 апреля 1886. Дубная Марина сколотила 400 рублей»).

И, наконец, духовные дочери архимандрита Антонина и, прежде всего, София Константиновна Апостолиди (06.12.1858 — ?) — духовная дочь архимандрита *Антонина*, его близкий и верный друг. Дочь Константина Клеопы Апостолидеса, с семьей которого Антонин дружил в Иерусалиме.

После смерти отца семейства, архимандрит, по собственному его рассказу (в письме к В.Н. Хитрово от 4 февраля 1881 г.), должен был взять на себя «призрение совершенно беспомощных и чуть не буквально голых сирот, еще до моего приезда в Иерусалим считавшихся уже русскими, потому что переданы были дедом (или прадедом) их, блаженной памяти митрополитом Мелетием, на воспитание в «русскую школу», содержимую тогда покойной Е.Ф. Бадровой, и отголе состоявших под постоянным призором Духовной Миссии, так что покойный отец их, умирая, заклил меня не дать погибнуть несчастным малюткам (от одного до семи лет возрастом). Его последние слова, обращенные ко мне, были: “Мои дети — твои дети”. Если бы он даже не просил меня о том и в таком разительном тоне, я, как начальник Миссии, слывшей, так сказать, за официального благотворителя бедных в Иерусалиме (ибо имел в руках своих «благотворительную сумму» покойной государыни), по необходимости оказался бы предстателем и питателем всего семейства, повторяю, считавшегося уже как бы русским... и по смерти владыки Мелетия (тоже в поклонническом мире нашем считавшегося своим и русским) оставшегося без всякого призрения. Патриархия давала ему какой-то подвал для жилища и хлеб, а Миссия (т.е. я) снабждала их одеждой. Но память предсмертной просьбы бедняка вскоре подсказала мне мысль — взять содержание сирот вполне на себя, т.е. на свое собственное жалованье, оказывающееся до сих пор кое-как достаточным для сего, и вот уже лет 12, как я ревниво слежу, чтобы ни пол-парички не издержать на своих приемышей *ниоткуда, кроме своей кассы*, лаская себя мыслью, что хотя, может быть, это, совершенно чистое и бескорыстное, пожертвование мое заговорит за меня на страшном Суде Божиим. “Черный шеф” (т.е. *А.Ф. Чернышев*, автор книги «Пейс-паша» — пасквиля на о. Антонина, «паломничавший» в Иерусалиме в 1879–1880 гг. — *Р.Б.*) застал здесь детей уже на возрасте, старших девиц, именно тех, которые жили у Бадровой и воспитались под ее влиянием совсем в русских, почти невестами, разумеется, бедными, без всякого приданого, воспитанными уединенно и по-монашески, знающими только свой дом, церковь русскую и праздничный визит мне, при котором я имею наблюдать их и с умственной, и нравственной, и главное — экономической стороны. Вот все, что могло представиться чистому и непредзанятому вниманию»²⁶.

Сестер Амерису, Евпраксию и Екатерину Антонин выдал замуж, их брата Евфимия отправил учиться в Россию. София, в отличие от сестер, не вышла замуж — отчасти несомненно под влиянием духовного наставника. Из дневника архимандрита Антонина: «8 июня 1873. Экое сокровище, под-

умаешь! Нет, грешно отдать тебя миру. Надо запереть в келью». Возникает идея построить для нее в Горней отдельную «келейку» — «дом Премудрости». «Солнцезакатные минуты» общения с Софией заставляли верить, «что для души нет старости». София осталась жить с матерью, под опекой духовного отца, до самой его смерти. Пятнадцать лет спустя он записывает в дневнике: «26 января 1888 г. Гостя ранняя с коливом из церкви св. апостола Иакова, молившаяся о моей покойной маменьке, сегодняшней имениннице. Недаром тебя видела когда-то покойница в вешем сне, стоящую в моей келье перед божницей и возносящую свою детскую чистую молитву к Богу. Такою теплою ласкою наваяло на меня это совпадение дорогих любимых лиц». Желая обеспечить хоть минимально ее будущее, Антонин построил в Горнем свой собственный дом, в котором, однако, сам никогда не жил (в нем и при его жизни жила София) и который завещал своей духовной дочери. В завещании, написанном за несколько дней до смерти архимандрита, сказано об этом с особым чувством: «Домик мой в Горнем, с садом и со всеми принадлежностями, как он огорожен, завещаю в полную собственность моей дорогой питомице Софии Константиновне Апостолиди, с тем неременным условием, чтобы по смерти ее, дом сей продолжал быть собственностью того лица женского пола, которое она избрет, а по смерти этого последнего лица дом переходит в собственность русской церкви, находящейся в Горнем»²⁷. В соответствии с волей о. Антонина дом и участок находились в пожизненном владении Софии Константиновны. «До сих пор, — писал в 1959 г. начальник РДМ архимандрит Никодим (Ротов), — дом, где жила Апостолиди, сохранил наименование «дом Софии-гречанки»²⁸.

Подводя итог, можно сказать, что Антонину было очень непросто. Каждая из «великих российских баб», как он однажды в сердцах назвал их, обладала своим, иногда тяжелым, характером. На них уходило время, они портили нервы, — но в итоге созидалась Русская Палестина как политический, экономический, культурный, строительный феномен и происходило это одновременно с ее материальным созиданием, в очень тонкой области — историко-литургического замысла и историко-литургической реконструкции.

¹ Дмитриевский А. А. Деятели Русской Палестины. М., СПб., 2010. С. 148.

² Пасха в Иерусалиме 1867 г. // Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М., 2010. С. 88.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Благовещенский Н. А. Среди богомольцев. Наблюдения и заметки во время путешествия по Востоку. Изд. 2. СПб., 1872. С. 283

- ⁶ *Антонин (Капустин), архимандрит*. Из Иерусалима. С. 167.
- ⁷ Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 72–74.
- ⁸ РГАДА. Ф. 1273, Орловы-Давыдовы. 3384 ед. хр., к. XVII в. — 1918. Оп. 1, ч. 1 — 4.
- ⁹ *Марков Е.Л.* Путешествие по Святой Земле. С.-Петербург. 1891. С. 261, 262.
- ¹⁰ АВП РИ. Ф.: Греческий стол, 2573 (1882 — пожертвования).
- ¹¹ Письмо Д.Д. Смышляева к В.Н. Хитрово // АВП РИ. Ф.РИППО. Оп. 873/1. Д.18. Л. 147.
- ¹² *Антонин (Капустин), архимандрит*. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 283–284.
- ¹³ *Антонин (Капустин), архимандрит*. Дневник. Год 1881 / Изд. подг. Н.Н.Лисовой, Р.Б. Бутова / Отв. ред. Я.Н. Шапов. М.: Индрик, 2011. С. 204, 207. Подробнее об истории формирования сакрального образа Горней см.: *Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б.* Формирование сакрального пространства Русской Палестины (по материалам дневника архимандрита Антонина Капустина) // Религии мира. История и современность. Ежегодник 2006–2010. М., 2012. С. 522–554.
- ¹⁴ *Антонин (Капустин), архимандрит*. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М., 2010. С. 175.
- ¹⁵ *Антонин (Капустин), архимандрит*. Дневник за 1871 г. РГИА. Ф.834. Оп.4. Ед. хр.1126. Л. 178 об., 185–186.
- ¹⁶ *Дмитревский С.М.* Русские раскопки на Елеонской горе. М., 2006. С. 56–57.
- ¹⁷ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Иерусалим, 1886. С. 23.
- ¹⁸ См. например: Отчет о пожертвованиях в Иерусалимскую миссию // Духовная беседа. СПб., 1875. № 12.
- ¹⁹ *Благовещенский Н.А.* Среди богомольцев... С. 283.
- ²⁰ Письмо секретаря императрицы Марии Александровны П.А. Морица начальнику РДМ в Иерусалиме архимандриту Антонину (Капустину). С.-Петербург, 30 июня 1866 г. // Архив РДМ в Иерусалиме. П. 55. Д. 1063.
- ²¹ Архив РДМ. П. 22. Д. 402. 1 л. Документ написан рукой архимандрита Антонина и лишь подписан Е.Ф. Бодровой.
- ²² Архив РДМ. П.59. Д. 1148. 1 л.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Антонин (Капустин), архимандрит*. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 374–378.
- ²⁵ Русская женская община в Горнем, 1894 г. // Россия в святой Земле: документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 240.
- ²⁶ Цит. по: *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность... М., СПб., 2008. С. 230–231.
- ²⁷ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/11. Д. 5. Л. 13.
- ²⁸ *Никодим (Ротов), архимандрит*. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 253.

АРХИМАНДРИТ АНТОНИН (КАПУСТИН) И ПАСТОР ДЖОРДЖ ВИЛЬЯМС: К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНО-АНГЛИКАНСКИХ КОНТАКТОВ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ*

И.Ю. Смирнова

В период после Крымской войны 1853–1856 гг., на фоне широких реформ правительства Александра II, существенно затронувших различные внутренние и внешние стороны жизни Русской Церкви, активизируются и попытки межконфессионального диалога и сближения с протестантскими Церквями и номинациями, прежде всего, с представителями Англиканской Церкви. В старшем поколении русской иерархии этого времени еще жива была память о протестантах, наезжавших с видимыми и невидимыми целями и задачами в Россию в царствования Александра и Николая Павловичей (Пинкертон и Патерсон из Лондонского библейского общества, американские квакеры, англиканский диакон Вильям Пальмер), но прежние контакты носили спорадический характер и не приводили к серьезным, взаимно интересным дискуссиям. В 60-е — 70-е годы XIX в. представители Англиканской Церкви выступили с отчетливо выраженной инициативой о начале последовательных переговоров о возможном сближении Церквей.

История развития англикано-православного сближения достаточно широко представлена в отечественной и зарубежной историографии, но интерес исследователей ограничивался преимущественно, если не исключительно, собственно конфессиональным, богословским аспектом. Между тем, духовная ситуация середины и второй половины XIX в. характеризуется наложением межконфессиональной проблематики на дипломатические и геополитические процессы на Ближнем Востоке.

Конкуренция великих держав, постоянная подспудная работа западных дипломатий, нацеленная на вытеснение России из «европейского кон-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-61-01000 а/П.

цера» в ближневосточном регионе, самым непосредственным образом отражалась и осуществлялась по церковно-дипломатическим, миссионерским и религиозно-культурным каналам.

С этой точки зрения представляет особый исторический интерес анализ взаимных позиций, симпатий и антипатий, противостояний и взаимодействий представителей различных христианских общин Иерусалима в контексте диалога между руководством Русской Духовной Миссии, греческой иерархией и англиканским духовенством.

Архимандрит Антонин (Капустин), без малого три десятилетия возглавлявший РДМ в Иерусалиме, известен активными контактами с представителями прежде всего католического Латинского Патриархата и францисканской Кустодией Святой Земли. Тем более неожиданны и интересны сравнительно немногочисленные свидетельства его общения с англиканским духовенством. В частности, в дневнике архимандрита нашел отражение сюжет о пребывании в Иерусалиме каноника Джорджа Вильямса, прибывшего в Святую Землю летом 1866 г. для переговоров с греческим высшим духовенством по вопросу о воссоединении Церквей.

11 августа 1866 г. в дневнике архимандрита Антонина (Капустина) записано: «Принимал гостя — знаменитость в своем роде — английского священника Джорджа Вильямса, поборника соединения Церквей Православной и Англиканской»¹. Визит Дж. Вильямса в Русскую Духовную Миссию, судя по дневнику Антонина, а также его письмам к Н.П. Игнатьеву, произвел на архимандрита Антонина (Капустина) самое благоприятное впечатление. Беседа с Вильямсом настолько заинтересовала архимандрита, что через день он пригласил его снова: «После обедни зазвал к себе о. Вильямса. Беседовали по-гречески», — записал о. Антонин в дневнике 13 августа, а после отдания визита вновь принимает у себя в Миссии «почтенного о. Williams'a»². 24 августа о. Антонин посетил англиканское богослужение, после которого состоялось прощание. «К 7 часам я был в квартире г. Вильямса, и высмотрел, вместе с патриаршим иеродиаконем, англиканскую обедню. Маркиз прислуживал и одет был во что-то, похожее на стихарь. Оба приобщались. Это была их напутственная молитва... Простился с г. Вильямсом»³.

Кем же был этот англичанин, вызвавший такой интерес отца Антонина?

Джордж Вильямс (1814–1878) родился в Итоне в семье книготорговца и издателя, там же получил начальное образование; в 1832 г. был принят на стипендию в Кингс Колледж (Кембридж), и с 1835 г. по 1870 г. был его членом. В 1840 г. ему была присвоена степень магистра искусств. В 1841 г. Вильямс был приписан к англикано-протестантской миссии епископа Михаила Соломона Александра в Иерусалим, а в 1844–1845 гг. получил назначение капелланом в Кронштадт, что было связано с его интересом к православию и объединению Церквей. По возвращении в Англию он занимал в

1846–1848 гг. пост декана искусств, а затем в 1848–1850 гг. — пост декана богословия в своем колледже в Кембридже. С 10 июня 1847 г. преподавал в Оксфорде, в 1849 г. был произведен в бакалавра богословия в Кембридже (B.D.). На протяжении 1850-х гг. занимал ряд постов в колледже и университете Кембриджа, включая вице-проректорство в King's College с 1854 по 1857 гг. В 1858 г. был назначен инспектором Кембриджского университета*. В 1869 г. он стал викарием в Рингвуде. В 1864 г. он был сделан почетным каноником в Камбрай-Колледже (Шотландия) и в 1874 г. в кафедральном соборе Винчестера. Вильямс был одним из тех кто подписал декларацию духовенства против объявления войны России в 1877 г.

Капеллан в Иерусалиме. Пожалуй, одним из наиболее важных периодов в жизни Вильямса было его пребывание в Святой Земле в составе епископии первого английского епископа в Иерусалиме М.-С. Александра, где провел два года в качестве капеллана с декабря 1841 г. до мая 1843 г. Возможно, его кандидатура была принята по настоянию тракторианцев или, как предполагает Р. Вилер, для того, чтобы их «успокоить»⁴. Уже тогда Вильямс, по его словам, «очень интересовался Восточными Церквами». Но это назначение вызвало у молодого капеллана серьезные сомнения. Они были связаны с опасением, что иерусалимская епископия будет заниматься прозелитизмом среди православных. Позже он писал к епископу Оксфордскому: «Я принял должность, полагаясь на уверение и гарантии, подтвержденные и позже, что наша миссия должна быть посольством мира и доброй воли к этим Церквам. В противном случае я не стал бы иметь с этим дела»⁵.

Уже в первые годы пребывания британского епископа в Иерусалиме имели место единичные попытки обращения в протестантизм православных арабов. И хотя их нельзя считать удачными, тем не менее это послужило поводом к конфликту между епископом и капелланом Вильямсом. В знак протеста в мае 1843 г. «ученый и даровитый пресвитер, — как писал бейрутский генконсул Базили, — поспешил удалиться в Англию»⁶.

Позже Вильямс крайне критично отзывался об англо-прусской епископии. «Действия миссии были совершенно противоположны данным ей предписаниям. Вместо того, чтобы способствовать объединению и примирению прелатов Восточных Церквей, британская миссия только усугубляла положение и вызвала к тому же общее возмущение из-за нарушения своих обещаний»⁷.

Для самого Вильямса важным следствием пребывания в Иерусалиме стало то, что он стал одним из инициаторов и деятельных участников англикано-православных контактов.

---

* Проктор (*англ.* 'proctor') — инспектор в Кембриджском и Оксфордском университете, облеченный полицейской властью.

Пребывание в России. Благодаря своему интересу к восточному православию, Вильямс принял назначение капелланом в Кронштадт, где находился в 1844–1845 гг. Через В. Пальмера, с которым Вильямс познакомился незадолго до отплытия на Восток, он тесно сошелся с А.Н. Муравьевым, с которым впоследствии вел активную переписку⁸, кроме того, он был представлен митрополиту Московскому Филарету (Дроздову). Митрополит Филарет оказывал ему всяческое содействие, вплоть до того, что отредактировал сборник его иерусалимских проповедей Вильямса, изданных в 1846 г. Кроме всего прочего, в этих проповедях речь шла о «достижении желаемой цели воссоединения» как «великом долге христиан», для исполнения которого обязательны такие качества как «проявление смирения и взаимного долготерпения»⁹.

Совершенно покоренный московским святителем, глубиной его богословских познаний, его обаянием и добросердечностью, Вильямс писал А.Н. Муравьеву: «Я никогда не забуду его великую доброту и буду глубоко хранить самые добрые о нем воспоминания. Молю Вас выразить Его Высокопреосвященству заверение моего глубокого уважения и признательности за его незаслуженное расположение и благосклонность»¹⁰.

Подобные неофициальные контакты между представителями Англиканской Церкви и Филаретом Московским красноречиво свидетельствовали о возрастании интереса в Англиканской Церкви к России и Русской Церкви, а если брать шире, то и ко всему восточному православию.

Протесты в Английской Церкви в 1853 г. Накануне Крымской войны прозелитическая деятельность протестантского епископа Самуила Гобата в отношении православных арабов вызывала большое неудовольствие Патриарха Иерусалимского.

В августе 1853 г., как только известие о прозелитизме среди православных достигло Англии, епископы, клирики и миряне *Кафолической Церкви в Англии, Шотландии и Ирландии* составили послание, адресованное всем Восточным Патриархам, а также Святейшим Синодам Российской и Элладской Церквей, в котором выражали свой протест деятельностью епископа Самуила Гобата, главы иерусалимской епископии. Среди подписавших послание (всего было собрано более тысячи подписей), были известные деятели Трактарианского движения — Эдвард Пьюзи, Томас Чемберлен, Джон Кибл, а также Джордж Вильямс. Автором сопроводительного письма для сбора подписей был известный историк Джон Ниль, который написал многотомную Историю Восточных Патриархатов и предполагал посвятить ее митрополиту Филарету Дроздову.

Протест вызвал серьезные разногласия в Англиканской Церкви. В частности, Вильямс чуть было не лишился своего поста наставника-смотрителя Колледжа св. Колумбы в Ратфарнеме, расположенном недалеко

от Дублина. Из-за принципов, которых придерживался Вильямс, последовала крайне неприятная переписка, но Вильямс остался на своем посту до 1856 г.

Послание англиканского духовенства достигло Российского Синода лишь в 1857 г., хотя перевод его, выполненный протоиереем Евгением Поповым, был получен еще в 1854 г. Но, как информировал обер-прокурора Св. Синода графа А.П. Толстого управляющий Министерством иностранных дел, «по причине бывшего в то время прекращения дипломатических сношений России как с Англией, так и с Турциею, по вышеизложенному проекту не было сделано никакого распоряжения со стороны министерства»¹¹.

Возобновление контактов после Крымской войны. После Крымской войны отмечается новый всплеск англо-русских церковных отношений. И опять одним из главных действующих лиц выступает Джордж Вильямс. Летом 1860 г., в разгар сирийского восстания, он совершил «длинную и трудную»¹², по его словам, поездку в Константинополь и в Святую Землю, посетив предварительно Петербург и Москву¹³. Мотивы миссии Вильямса были представлены в рекомендательных письмах графа Е.В. Путятина и Н.А. Сергиевского¹⁴. Помимо обсуждения главного вопроса о церковном сближении с Восточной Церковью, Вильямс, как проректор Кембриджского университета, предлагал и практические меры, направленные на взаимное ознакомление с учением двух Церквей, например, посылать российских и греческих юношей для получения высшего образования в специально учрежденный для этого колледж при Кембриджском университете¹⁵.

Здесь следует отметить, что Вильямс действовал в рамках образовательной программы, инициатором которой выступал граф Евграф Васильевич Путятин, в обсуждении которой приняли участие настоятели посольских церквей в Париже и Лондоне протоиереи Иосиф Васильев и Евгений Попов. Дж. Вильямс был один из заинтересованных представителей англиканского духовенства. Но, как отмечает его британский биограф, проект Вильямса не имел успеха»¹⁶.

Учреждение Греко-Восточной ассоциации. В октябре 1862 г. северо-американские епископы приняли решение о создании Комитета «для обсуждения возможности установления отношений с Русско-Греческою Церковью»¹⁷ и для «сбора подлинной информации о ней»¹⁸. В печати же было объявлено, что назначение Комитета состоит в том, чтобы «помогать Православным Церквам на Востоке и в Турции»¹⁹.

В Англии подобный Комитет был создан на собрании Кентерберийской конвокации на июльской сессии 1863 г. На первом плане стоял все тот же вопрос *о соединении Англиканской Церкви с Греко-Восточной*. В первом же отчете комитета было предложено расширить действия, направленные на взаимодействие с Восточными Патриархатами, а не ограничи-

ваться только Русско-Греческой Церковью»²⁰. Об атмосфере, царившей в церковных кругах Великобритании, красноречиво говорят слова Оксфордского епископа Самуила Вильберфорса, который называл единение с Восточной Церковью мечтой всей своей жизни²¹.

Российский посланник в Бельгии князь Н.А. Орлов²² передавал, что такой известный политический деятель Англии как Гладстон, будущий премьер-министр и член Парламента, «подходил на митинге к нашему протоиерею и говорил, что это мысль великая и что она придет в исполнение». Он также упомянул, что «королева равнодушна к этой мысли, но принц Уэльский восхищен ею»²³.

Не меньший интерес к поднятому в Англии вопросу *англикано-православного сближения* был и в России, причем на самом высоком уровне.

Летом 1864 г. в Англию был командирован обер-прокурор А.П. Ахматов²⁴. О «новейших стремлениях Епископальной Церкви к сближению с Православною» писала в своих письмах великая княгиня Елена Павловна, с большим вниманием следившая за развитием событий в этом направлении не только в Англиканской Церкви Англии и Америки, но и в Римской Церкви. По поручению императрицы Марии Александровны в Англию был отправлен парижский протоиерей Иосиф Васильев для сбора сведений по этому вопросу.

...И вот в июле 1866 г. Дж. Вильямс вновь отправляется на Восток. Эта поездка была согласована с Греко-Восточной Ассоциацией. В синодальном архиве сохранился отчет о его поездке, присланный обер-прокурору Св. Синода лондонским протоиереем Евгением Поповым. Он сообщал, что Вильямс предпринял путешествие по Востоку с посещением Святой Земли, «частью *progrgio motu*, частью по внушению ассоциации и даже при содействии ее в видах сближения Англиканской Церкви с Церковью Православного Востока»²⁵.

Из отчета Вильямса известно, что восточные иерархи встретили его вполне доброжелательно. К его удивлению, несмотря на уверение митрополита Хиосского, что «Константинопольский Вселенский Патриарх равнодушно взглянет на вопрос о восстановлении единения»²⁶, Софроний III отнесся к этому вопросу «с полным участием»: «С величайшим удовлетворением он приветствовал эти первые начатки сношений с нашею Церковью, которые дано было ему видеть в сопроводительных письмах, вверенных мне архиепископом Кентерберийским и многими из наших епископов»²⁷.

Две продолжительные встречи в присутствии членов Константинопольского Синода окончились предложением со стороны Патриарха «сохранить в архивах патриархата в память того, что между Церковью Англиканскою и Церковью Восточною открыты были приятные сношения»²⁸. Константинопольские владыки просили «выразить и архиепископу <Кен-

терберийскому» и епископам свою благодарность за этот знак братского почтения и вместе с тем сердечное желание пользоваться всеми случаями для сохранения и усиления подобных с ними сношений»²⁹.

Патриарх Антиохийский Иерофей, которого Вильямс застал в окрестностях Бейрута, также, по его словам, «к сердцу принял наше дело о восстановлении единения»³⁰. Но наиболее теплый прием встретил английский пастор в Иерусалиме. Патриарх Иерусалимский Кирилл, с которым Вильямс был знаком со времени своего служения при епископе Александре, принял его «со всею нежностью, как отец; он как нельзя лучше знал главную цель моего путешествия по Востоку; то было ему вполне известно из греческих газет — Константинопольских, Смирнских и т. п.»³¹. Но странным образом, именно с Патриархом Кириллом посланник Восточной церковной ассоциации не решился заговорить по существу вопроса. «Мне показалось, — оправдывал себя Вильямс, — что говорить об единении при нем — значило бы посмеяться над этим святым делом, потому что англиканская епископия в Иерусалиме причиняет постоянно новые деления между “овцами и агнцами” этого стада»³².

Тем не менее, перед отъездом Вильямса из Иерусалима Патриарх вручил ему рекомендательные письма к митрополитам Вифлеемскому и Назаретскому, а также к епископу Фаворскому, в которых указывалось, что его цель — «благоспешить делу соединения Церквей»³³.

Святогробские иерархи отнеслись к миссии Вильямса, как можно видеть из его отчета, вполне благосклонно. «Епископ Назаретский, как общает англиканский богослов, — выразил наибольшее и наиболее сердечное участие в исходе того вопроса, который занимал меня и не раз так говорил мне: “Дело ваше есть дело спасения мира!” Епископ горы Фавора, благоговейнейший и благочестивейший человек, глубоко поражен был мыслию о восстановлении единения; утешительно теперь думать, что с уединенных высот Фавора постоянно восходят молитвы о благом исходе нашего дела»³⁴.

Среди лиц, встречавшихся с членом Кембриджского университета, были и такие, кто отнесся к проекту объединения Церквей весьма сдержанно. Как отметил Вильямс в отчете Ассоциации, «из всех восточных прелатов, — говорится в отчете, — которых мне привелось видеть, только один Вифлеемский епископ, по-видимому, питает в себе ту мысль, что это единение может быть достигнуто не иначе, как при посредстве нашего подчинения Православной Церкви»³⁵, чего всячески, на протяжении уже четверти века, пытались избежать англиканские сторонники воссоединения.

Более критично отнеслось к обсуждению этого вопроса руководство богословской семинарии в Крестном монастыре под Иерусалимом. По словам Вильямса, «их взгляды на возможность единения далеко не то, что взгляды многих других», но при этом добавил: «Все-таки не слышалось

от них ничего такого, что могло бы омрачить меня безнадежностью; под конец все они сердечно пожелали мне всякого успеха в нашем деле»³⁶.

В целом же переговоры с греческим духовенством по предмету, которому Дж. Вильямс посвятил четверть века жизни, не лишали его надежды на успех. «Конечно, — заключал он свой отчет, — в этих фактах есть много, что может нас ободрять, среди нашего малодушия, рождающегося в нас при виде встречающихся трудностей»³⁷.

В отчете ни слова не было сказано о неоднократных беседах с начальником Русской Духовной Миссии, хотя, как мы видели из дневника о. Антонина, он неоднократно встречался и беседовал с Вильямсом. Более того, как писал Игнатьеву о. Антонин на следующий день после первого знакомства, Вильямс «остановился, вместе с маркизом, в наших заведениях, — в т. наз. Благородном приюте. По-видимому, остается доволен своим помещением (лучше которого, конечно, напрасно стал бы искать в Иерусалиме)».

«Человек он действительно замечательный. Мы беседуем с ним по-гречески, вмешивая при случае, для большей вразумительности, слова французские, — писал Антонин российскому посланнику. — Сегодня он ради какого-то своего праздника служил литургию в своем №. Мы ему дали для сего вина и просфор (да не увести о сем Св. Синод наш!), так как простого хлеба, приличного для богослужения, в раннюю утреннюю пору во всем дому не отыскалось. Ездил он уже и к Патриарху, с которым разговаривал также по-гречески. <...> Я надеюсь с почтенным гостем совершить не одну археологическую экскурсию»³⁸. 15 декабря 1866 г., как архимандрит Антонин отметил в дневнике, он написал Вильямсу в Оксфорд письмо.

Остается только пожалеть, что не сохранилось записи их бесед. Известно также и содержание антониновского письма. Но судя по всему, им было что сказать друг другу — оба имели искреннюю любовь к Православному Востоку и восточному православию, обладали широкой эрудицией и литературным талантом, трудились и проповедовали в Святом Граде. И хочется думать, что воззрения о. Антонина и Вильямса на предмет, ради которого Вильямс предпринял свое путешествие, позволили им глубже осмыслить перспективы предполагаемого православно-англиканского сближения.

Отзывы Антонина о Вильямсе — «почетный, замечательный» — резко отличаются от его же отзывов об английских миссионерах. Он даже писал Игнатьеву, что «собирается пожаловаться Вильямсу на англиканскую пропаганду в Сирии и Палестине, подкупающую самым бессовестным — и развращающую самым безжалостным образом бедное население арабское». Они, по словам Антонина, «вовсе не помышляли о том, что когда наступит время действительного единения Церквей, может быть, у христиан здешних не окажется никакой веры».

Из этих слов как будто бы можно предположить, что Антонин считал воссоединение Церквей делом недалекого будущего. И все же однозначно утверждать этого мы не можем. Дело в том, что архимандрит Антонин был не просто начальником Русской Духовной Миссии. Он был церковным дипломатом и очень хорошо и тонко понимал дипломатический контекст церковных дел на Востоке. Есть основания утверждать, что его мнение мало отличалось от мнения других церковных экспертов, в том числе митрополита Московского Филарета и архимандрита Порфирия (Успенского), которые прекрасно понимали политический аспект поднятого на Западе вопроса о воссоединении Церквей.

На то, что Запад интересовало в первую очередь политическое преобладание на Ближнем Востоке, напрямую указывали и русские дипломаты. Так, например, в беседе с митрополитом Филаретом российский посланник в Бельгии Орлов сообщил «о готовности Английской Церкви принять православие и что Гладстон видит в этом политическую пользу: Франция Наполеона покровительствует католицизму римскому и содействует так его успеху, что мы на Востоке на всех пунктах поражены; но англичане, единые с нами по вере, действуя с нами совокупно, надеются на успех и преобладание»³⁹.

Не здесь ли следует искать причину заинтересованности Греко-Восточной Ассоциации в сближении в первую очередь с Восточной, а не Российской Церковью?! Ведь, войдя в доверие к Православным Патриархам и получив карт-бланш на церковные программы в Святой Земле и других регионах, они тем самым могли бы подменить Россию в ее покровительстве православным народам Турецкого Востока.

Судя по всему, для митрополита Филарета это было очевидно, по крайней мере, он прокомментировал ожидания Гладстона следующим образом: «Я думаю, что хорош мир и союз во Христе, но что англичане в союзе церковном с нами для себя в политическом отношении сделают много, а нас обманут»⁴⁰.

Не исключено, что такого же мнения придерживался и архимандрит Антонин (Капустин), который в одном из писем отметил свойственное русским дипломатам «сочувствие к протестантам, подкапывающимся под самые основы Церкви нашей»⁴¹. Мнение Антонина во многом схоже с отзывом архимандрита Порфирия (Успенского), который еще в 1843 г. допускал, что «епископальные общины в Англии и Америке мучаются каким-то беспокойством, недовольны своим отщепенством и желают единения Церквей, либо замышляют вовлечь в свои сети православные народы под видом духовного общения»⁴².

Скорее всего, в англиканском стремлении к сближению с восточным православием присутствовали обе тенденции. Были представители, подобные Джорджу Вильямсу, которые без всякой корысти в течение всей

жизни стремились навести мосты между двумя христианскими конфессиями. Но были и такие, которые, декларируя идеи воссоединения, имели прежде всего политические намерения, и, к сожалению, именно это можно было наблюдать в деятельности англиканских миссионеров на Православном Востоке.

Неслучайно Джордж Вильямс написал в своей книге, вышедшей в 1868 г.: «Намерение к объединению и по сей день вызывает много споров и разногласий в пределах Иерусалимского Патриархата»⁴³. О явно политическом характере этого вопроса говорит и отношение дипломатов, которые, по свидетельству князя Орлова, «смеются над этой мыслью»⁴⁴.

Неоднозначность целей и явно политическая окраска, безусловно, не могли содействовать делу церковного сближения, что давало повод московскому митрополиту придти к более чем скептическому замечанию: «Пусть откроются в какой-нибудь лондонской зале беседы о сближении Англиканской Церкви с Православною: что это будет? — Это значит, по русскому выражению, начать длинную песню, без уверенности, можно ли допеть ее до конца, и не окажется ли нужным умолкнуть вскоре после начатия»⁴⁵.

От российской иерархии не могли укрыться намерения англиканского епископата, провозглашавшего тождественность Англиканской Церкви с Восточной Греко-Российской Церковью и направлявшего своих миссионеров в пределы юрисдикции Восточных Патриархатов. Поэтому для предотвращения прозелитизма с особой настойчивостью со стороны русских иерархов в числе основных критериев межконфессионального англиканско-православного диалога выдвигалось жесткое требование приведения вероисповедания Англиканской Церкви в соответствие православному догматическому учению. В этом отношении позиция Св. Синода соответствовала внешнеполитическому курсу российского МИДа.

¹ Запись от 11 августа 1866 г. // Антонин (Капустин). Дневник за 1866 год / Библиотека шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/8.

² Запись от 17 августа 1866 г. // Там же.

³ Запись от 24 августа 1866 г. // Там же.

⁴ Wheeler R. Palmer's Pilgrimage: the life of William Palmer of Magdalen. Vien, London, 2006. P. 157.

⁵ Письмо Джорджа Вильямса к С. Оксону, епископу Оксфорда. Колледж св. Колумбы, 5 декабря 1853 г. // *Williams G. The Orthodox Church of East in the eighteenth century.* London, Oxford, Cambridge. 1868. P. lxii-lxiii.

⁶ *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством. Москва-Иерусалим, 2007. С. 532–533.

⁷ *Williams G. The Orthodox Church of East in the eighteenth century.* London, Oxford, Cambridge. 1868. P. xlv.

- ⁸ Переписку А. Н. Муравьева с Дж. Вильямсом см.: НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 4. Ед. хр. 52.
- ⁹ Sermons preached at Jerusalem by the Rev. G. Williams, M.A. London, 1846. P. III.
- ¹⁰ Письмо Дж. Вильямса к А.Н. Муравьеву. С.-Петербург, 8 октября 1845 г. Пер. с англ. // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 4. Ед. хр. 52. Л. 10.
- ¹¹ Отношение управляющего министерства иностранных дел И.С. Мальцова к обер-прокурору графу А.П. Толстому. С.-Петербург, 27 августа 1857 г. // РГИА. Ф. 797. 1 отд., 2 ст. д. 196. Л. 136об.
- ¹² Courtney W. P. Williams George // Dictionary of National Biography, 1885–1900, V. 61. P. 399–400.
- ¹³ О поездке Дж. Вильямса в Россию в 1860 г. см: РГИА. Ф. 832 (фонд митрополита Филарета (Дроздова). Оп. 1. Ед. хр. 69; НИОР РГБ. Ф. 316. Картон 71. Ед. хр. 20; НИОР РГБ. Ф. 214 (фонд Оптиной пустыни). Ед. хр. 61.
- ¹⁴ Письмо графа Е.В. Путятин к митрополиту Филарету. Гастингс, Англия. 18/20 июня 1860 г. // РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 11об.-12.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Courtney W. P. Williams George // Dictionary of National Biography, 1885–1900. V. 61. P. 399–400.
- ¹⁷ [Сергиевский Н. А.] Движение в Американской Епископальной Церкви к сношению с Церковью Русскою // Православное обозрение. 1863. Т. 10. С. 195.
- ¹⁸ Williams G. The Orthodox Church of East in the eighteenth century. London, Oxford, Cambridge. 1868. P. xlvii.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 33, 3 стол, 2 отд. ед.хр. 247а. Л. 54.
- ²⁰ Williams G. The Orthodox Church of East in the eighteenth century. London, Oxford, Cambridge. 1868. P. xlvii.
- ²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 33, 3 стол, 2 отд. ед.хр. 247а. Л. 57об.
- ²² Орлов Николай Алексеевич (1827–1885), князь — русский дипломат; посланник в Брюсселе с 3 июля 1859 до 13 декабря 1869 г., затем — в Париже (1871–1884) и в Берлине (1884–1885).
- ²³ Запись от 31 мая 1865 г. // Из записок высокопреосвященного Леонида, епископа Ярославского. МЦВ. 1908. №44. С. 2010.
- ²⁴ Письмо князя С.Н. Урусова к митрополиту Московскому Филарету. Петербург, 10 июля 1864 г. // Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (1812–1867), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н.Львовым. СПб., 1900. С. 553.
- ²⁵ Письмо протоиерея Евгения Попова к обер-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому. Лондон, 26 ноября/ 8 декабря 1866 г. // РГИА. Ф. 832. Д. 69. Л. 262.
- ²⁶ Там же. Л. 262об.
- ²⁷ Там же. Л. 262об.-263.
- ²⁸ Там же. Л. 263об.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 263об.-264.

- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Л. 264об.
- ³⁴ Там же. Л. 265.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 264–264об.
- ³⁷ Там же. Л. 265об.
- ³⁸ Письмо архимандрита Антонина (Капустина) к российскому посланнику в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву. Иерусалим, 12 августа 1866 г. // ГАРФ. Ф. 730. П. 1. Ед. хр. 2294. Л. 50об. См. также: *Vovchenko D.* Creating Arab Nationalism? Russia and Greece in Ottoman Syria and Palestine (1840–1909) // *Middle Eastern Studies*, 2013 Vol. 49, No. 6, P. 905.
- ³⁹ Запись от 2 июня 1865 г. // Из записок высокопреосвященного Леонида, епископа Ярославского. МЦВ. 1908. №46. С. 2048.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Письмо архимандрита Антонина (Капустина) к российскому посланнику в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву. Иерусалим, 30 апреля 1867 г. // ГАРФ. Ф. 730. П. 1. Ед. хр. 2294. Л. 50об.
- ⁴² *Порфирий (Успенский), епископ.* Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 134–135.
- ⁴³ *Williams G.* The Orthodox Church of East in the eighteenth century. London, Oxford, Cambridge. 1868. P. iii.
- ⁴⁴ Запись от 31 мая 1865 г. // Из записок высокопреосвященного Леонида, епископа Ярославского. МЦВ. 1908. №44. С. 2010.
- ⁴⁵ Письмо митрополита Филарета епископу Дмитровскому Леониду. Москва, 20 ноября 1866 г. // Письма Филарета митрополита Московского к Леониду, епископу Дмитровскому, впоследствии архиепископу Ярославскому. М., 1883. С. 101.

В ПРЕДДВЕРИИ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ. Из истории Духовной Миссии в Иерусалиме

М.И. Щербакова

Текстология как наука стоит не на трех — на двух китах: это история текста и творческая история произведения. Историю текста гипотетически можно восстановить во всех подробностях — при условии полной сохранности рукописного фонда. С творческой историей это невозможно. В нее входят, наряду с материальными следами творческого процесса, такие нематериальные, как впечатление, размышления, о которых можно лишь догадываться по неким косвенным признакам.

Идея создания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме сравнима с творческой историей в принципиальной неполноте сведений, которыми могут располагать исследователи. Новые документы, а их сегодня появляется все больше в результате энергичных архивных поисков, способны существенно дополнить картину, однако отдельные белые пятна на фоне общей панорамы этого важного исторического события неизбежно останутся.

Первым официальным (точнее — полуофициальным) учреждением Российской Империи, предшествовавшим расцвету Русской Палестины, была созданная в 1847 г. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Первый ее состав пробыл во Святом Граде до 8 мая 1854 г.¹, а 4 апреля 1855 г. Азиатский департамент Министерства иностранных дел выдал последние оклады участникам Миссии, и архимандрит Порфирий записал в дневнике: «Наша миссия кончилась»².

Несколько лет назад в Издательском Совете РПЦ началась подготовка Летописи жизни и трудов епископа Феофана Затворника, приуроченной к 200-летию со дня рождения святителя. Работа над Летописью дополнила раннюю историю Миссии, поскольку ее членом был молодой соборный иеромонах Александро-Невской Лавры Феофан (Говоров) — будущий богослов и подвижник.

Исследователями Феофановского проекта изучены многие архивные фонды — как в России, так и за рубежом. В том числе обнаружен и тщательно проработан фонд Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, а также архивохранилища Москвы, Петербурга, Киева, Рязани, Тамбова, Владимира, Орла. Без преувеличения можно сказать, что перед нами явилась своего рода Атлантида.

Во-первых, удалось выявить множество копий и черновиков той официальной переписки, которая сохранила историю РДМ в Иерусалиме во всех подробностях. Это письма государственного канцлера графа К.В. Нессельроде, обер-прокурора Св. Синода Н.А. Протасова, его преемника А.И. Карасевского, директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Я.А. Дашкова, сменившего его на этом посту Е.П. Ковалевского, директора канцелярии обер-прокурора Св. Синода К.С. Сербиновича, русского посланника в Константинополе В.П. Титова, генерального консула России в Сирии и Палестине К.М. Базили, вице-консула России в Яффе Н.С. Марабутти, архимандрита Порфирия (Успенского), иеромонаха Феофана.

Из документов — Инструкция для начальника Миссии (21 пункт), секретный Указ Святейшего Синода и еще ряд синодальных указов, сметы денежного жалования по штату Миссии, письмо митрополита Антония патриарху Иерусалимскому Кириллу.

Выявленные документы укладываются в хронику Русской Духовной Миссии, носившей характер полуофициальной, а по сути лишь ознакомительный. Анализ этих черновиков и копий позволяет широко видеть границы обсуждавшихся вопросов и ту конечную цель, к которой были устремлены усилия участников переписки.

Еще один пласт материалов по истории Миссии — регулярные и довольно объемные полугодовые отчеты начальника, архимандрита Порфирия (Успенского), отправлявшиеся в Азиатский департамент МИД, а также донесения русского генерального консула в Сирии и Палестине К.М. Базили посланнику в Константинополе В.П. Титову. Это стержень, вокруг которого выстраивается остальной материал.

Отчеты архимандрита Порфирия, со свойственной ему тщательностью, содержат сообщения о деятельности каждого сотрудника Миссии: копирование и переводы древних текстов, писание икон, создание рисунков, планов, эскизов, занятия изучением языков, наконец, регулярные экспедиции в «такого характера места, что никогда не посещаются паломниками и редко когда обозреваются путешественниками. Порфирий же нарочно направляется туда, где, по его выражению, “никто не бывал и ничего не видал”, и там зорко осматривает всякую старину и рисует ее»³. Весной 1850 г., например, была предпринята экспедиция к святыням Египта.

4 сентября 1848 г. в дополнение к официальному извещению Св. Синода о переселении Миссии из Святогробского монастыря в Архангельскую обитель архимандрит Порфирий сообщал в личном письме посланнику Титову:

- «1) Упомянутый монастырь починиваем был скрытно от мусульманской власти во избежание известного взноса денег за право починки, и потому медленно; да и малое число мастеровых отряжаемо было на другие необходимые работы в других местах.
- 2) Миссия помещена в сем монастыре с условием принимать разноплеменных поклонников одного духовного звания и преимущественно из русского духовенства.
- 3) Миссия, без разрешения своего начальства, не осмеливается выполнить сего условия.
- 4) Миссия, кроме церкви, требующей обновления внутри, заняла следующее число келий <...> (далее шло перечисление)
- 5) Все эти келии, кроме архондарика, малы, тесны, низки и убоги.
- 6) В нижнем этаже осталось еще довольно много келий для поклонников, или для будущих членов Миссии.
- 7) В ведомство Миссии отдан немалый фруктовый сад в ограде монастыря. Этот сад требует поддержки и, следовательно, особенной суммы»⁴.

Сохранилось много документов, отражающих историю подготовки к строительству нового помещения для Русской Миссии, рядом с Архангельским монастырем, на его земле. Это уже 1852-й г.

Соприкосновение с архивными материалами обладает важной особенностью; оно способно передать живое дыхание событий, нередко исчезающее при отборе исследователем голых фактов.

Так, известно, что из Петербурга в Палестину Русская Духовная Миссия в полном составе отбыла 14 октября 1847 г. Отъезду предшествовало томительное ожидание.

Запись в дневнике архимандрита Порфирия от 17 сентября: «Осень на дворе; с неба льются дожди; листья на деревьях желтеют и падают на землю; птицы небесные кроются в гнездах, чуя зиму. А я ни с места! У меня кукуль на голове, дорожный посох в руке, указ у груди; ну, вот сейчас побрел бы на Сион, — ан, жди да подожди. Жду, терплю, благодушествовую и, сдастся, скоро уеду из Питера»⁵.

Еще документ: записка иеромонаха Феофана, отправленная С.О. Бурачку. «Спасайтесь! И о мне Бога молитесь. — Скоро все уладим. Час, другой — и отъедем. Кланяюсь всем вам, и всем знаемым чрез вас — и княгине»⁶. Истопили донельзя этими сборами. — Ваш покорный...». Здесь же хозяйственные пометки: «2 — кастрюли... Судки (4 чашки) и рукомойник с тазами и подставкою»⁷.

Множество живых подробностей в письмах иеромонаха Феофана, когда он в отсутствие архимандрита Порфирия исполнял обязанности начальника Миссии.

24 октября 1851 г.: «Ничего нового-важного. Франки, от лица патриарха, устроили госпиталь на 25, кажется, персон. Посылали повсюду известия об открытии и с приглашением. И к нам: только как оно было на Ваше имя, я отослал назад. После узнал, что там писано: кому угодно, пожалуйста. Госпиталь открыт. Состоятельные платят; бедных лечат даром, только он должен представить свидетельство о бедности. Чего ради назначены лица — по всем здесь большим местам — для скрепы свидетельств. Евреи исключены.

Наш новый лекарь хлопочет хорошо⁸. Просил тоже устроить госпиталь, но это нашли неудобным, или требующим времени. Потому по монастырям назначены комнаты для больных и приглашены лица из поклонников же ходить за ними. Хоть и это хорошо.

Школа для девиц — наша — не движется. Учительница больна почти с приезда. Грамота патриарха к христианам по сему случаю еще не читана. И дом, кажется, еще не уготовлен.

Вчера был праздник здешний — Св. Иакова, Брата Божия. Я ходил в церковь и на поздравление. На меня только Св. Петр⁹ добре смотрел, другие крепко косо. И о Вас спрашивали — примаргивая. Чудной народ! Но немощному и это больно. Прочее все хорошо»¹⁰.

7 ноября 1851 г.: «Скажу Вам весьма радостное для меня дело. В Екатерининском устроена больница со всеми удобствами, на манер публичных. Чисто — и кровати с приборами, и пища, и лекарства, и всё... Смотрительница Анна Андреевна. Под нею еще три или четыре для дежурства и прислуживания. Благослови Господи доброе начало. Пока все идет хорошо. Я написал им Распятие — и отослал только вчера.

Скоро станут устроить и в Феодоровском. Помоги Бог. Нет человека, который бы смотрел за всем и говорил с лекарем. Хотят просить о Пахомия, что ездил с Сушкиным. Добрый г. Базили просит написать Св. Дмитрия. Напишу. Фрументий¹¹ здоров и учится.

Из Константинополя едет двенадцать греченков и приедет, говорят, до 40. Школа неисходная будет в Крестовском»¹².

18 декабря того же года: «Между нашими и армянами разлад. Подрались гефсиманские канделапты¹³. И еще: в Вифлееме склали где-то стену наши. Армяне с католиками восстали и довели до того, что ее разорили. Стоило...

Больница, открытая было в Екатерининском, закрыта. Никто нейдет. Трое или четверо умерли от рук нового лекаря — неопытного, но борзого. И конец благому делу!»¹⁴

16 января 1852 г.: «Прошедший раз я только напоянул Вам о шуме вифлеемит¹⁵. Теперь, кажется, дело сие принимает более крутой оборот. Дело состоит вот в чем. Требуют с них 15000 пиастров для мусселима, на-

значенного к ним. Как не они, а, говорят, монастыри требовали сего чиновника, то они и считают вправе себя отказывать и от уплаты сей суммы, и прямо говорят: пусть платят монастыри. Монастыри, между тем, не хотят. В позапрошлую неделю вифлеемиты — все, и православные, и католики, и турки — собрались и стали стражею у ворот монастырей и не пропускали никого в церковь. Владыка наш пошел к мусселиму и с укором сказал ему о смущении народном. Мусселим явился и был прогнан с бесчестьем. И дело осталось в том же виде. Между тем, требования усилены правительством, и вифлеемиты обратились за ходатайством — третьего дня — к англичанам. Им предложено условие перемены веры, так чтоб они сделали это судебным актом — подав прошение в суд и подписав имена. Теперь вифлеемиты рассуждают о сем пункте — может быть, они хотели только дать знак монастырям (ибо не одни начали) о своем сильном неудовольствии, или думали получить ходатайство англичан без большого пожертвования. Чем решится дело — увидим, а теперь так стоит. Наши послали туда доброго, умного и уважаемого всеми вифлеемитами о. Илию, который живет в школе»¹⁶.

На письмо иеромонаха Феофана ссылается К.М. Базили, сообщая 6 февраля 1852 г. В.П. Титову новости о девичьем училище в Иерусалиме, «польза коего очевидна при возрастающих усилиях миссионеров католических и протестантских распространить и на девиц иерусалимских проселитическое свое воспитание»: «Наконец прибыла в Иерусалим в продолжение сей зимы наставница, выбранная Патриархом Иерусалимским, и уже основано училище <...>, предоставляя себе в будущую поездку мою в Иерусалим внимательно обозреть его направление. Между тем, так как о. Феофан пишет мне из Иерусалима, что первой заботой наставницы было внушение молодым арабкам, чтобы они ходили по улицам без обычных в своем краю покрывал, то я долгом считаю просить Преосвященного Наместника, дабы таковое нововведение, весьма предосудительное по многим отношениям и внушающее родителям недоверие, было совершенно отменено, и чтобы наставница лучше постигла вверенную ей обязанность по соображению с краем и со нравом здешних жителей, вместо излишней ревности к материальным и внешним преобразованиям, коими преобилует ныне Восток. Я полагал бы полезным, чтобы Патриарх Кирилл вник бы в сие дело, как оно ни кажется маловажным, и повелел бы от своего имени выбранной Его Блаженством наставнице, чтобы она приняла иное направление и отказалась бы от всяких суетных нововведений, особенно в отношении наследственных нравов и обычаев, ограничиваясь обучением вверенных ей девиц разным рукоделиям, приличию и скромности»¹⁷.

Официальный первый состав Миссии был, как известно, малочислен: архимандрит Порфирий (Успенский) — начальник, иеромонах Феофан и два

студента — Петр Алексеевич Соловьев и Николай Петрович Крылов. Между тем, в документах упоминаются дополнительные сотрудники и волонтеры.

Так, по просьбе архимандрита Порфирия штатному служителю Одесского второклассного монастыря Ивану Будземскому позволили остаться при нем в качестве служителя на все время работы Миссии. О Будземском архимандрит записал: «Этот честный, трезвый и верный служитель по возвращении из Иерусалима со мною в 1854 г. волею Божией скончался в петербургской Мариинской больнице, в 17-й день октября сего же года. Дай ему Бог Царство Небесное!»¹⁸

6 августа 1847 г., собираясь в дальнюю дорогу на Святую Землю, иеромонах Феофан сообщал С.О. Бурачку: «Третьего дня приходит некто и говорит: возьми меня в Иерусалим. Это Семен Петров Соломатов, отставной сотник урядничьего чина, на Невском проспекте, возле Главного штаба, прямо <у> Морской, в конторе дилижансов 3-го заведения. — Родился и служил в Енисейске, был болен, оздоровел и обещал ходить по святым местам, и быть в Иерусалиме. Имеет билет ходить по России и за границу; представлялся Государыне, и у Государя будет. 800 рублей денег у него украли, а то бы не стал беспокоить... Вот история... Отчего не взять доброго человека <...> А ну-ка он окаянный?! Пожалуйста, узнайте — не то ли сие лицо, и таково, как говорит?! Грех отказать, но грех и взять, <не> узнавши. Он видом, *тоном* и печалью наводит на себя подозрение <...> Я ему ничего не сказал, и обещал известить. Спрашивал у на<чальника> своего Порфирия... Он согласен; но узнать надо»¹⁹. Разумеется, с Миссией в Иерусалим казака не взяли, но рассказанная история дополняет многие другие свидетельства стремления русских православных людей на Святую Землю.

17 июня 1849 г. в письме под грифом «секретно» управляющий министерством иностранных дел тайный советник Л.Г. Сенявин обратился к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову с предложением «о назначении в помощь архимандриту Порфирию и иеромонаху Феофану еще одного иеромонаха из общежительных наших монастырей и об умножении числа студентов при Миссии»²⁰. И вскоре с Афона в Миссию прибыл иеродиакон Мельхиседек (Попов), взявший на себя обучение членов Миссии новогреческому языку²¹. С этим сотрудником, судя по отзывам, отношения не клеились.

«На днях о. диакон куда-то хотел идти, — сообщал иеромонах Феофан в письме архимандриту Порфирию в 3-ю седмицу Великого поста 1852 г., — поскользнулся на лестнице и разбил спину. Слава Богу! (извините!) Пусть неволью полежит, если *не хотел сидеть добровольно дома*»²².

В 1848 г. по рекомендации Антиохийского патриарха Мефодия на службу в Русскую Духовную Миссию поступил Фадлалла Сарруф (1826–1902). Выехав в Россию с отозванной Миссией, он в 1857 г. принял российское подданство, получил отчество (Иванович) и впоследствии стал цензором

восточных языков в Главном управлении по делам печати, а также лектором арабского языка в Санкт-Петербургском университете²³.

К 1852 г. относится следующий план сверхштатного перемещения в Миссии. Архимандрит Порфирий писал иеромонаху Феофану из Киева: «Не приедет ли в Иерусалим повар о. архимандрита Софония²⁴ из Константинополя? Он мастер своего дела. Имя его Емельян, послушник. Прошу принять его, с тем чтобы он поучил Юсефа готовить кушанья. Распорядитесь так, чтобы Юсеф не обиделся. А Емельяну скажите, что о. архимандрит по возвращении наградит вас за труды. Ежели Емельян согласится остаться у нас навсегда, тем лучше. Хороший повар — то же, что хорошее золото»²⁵.

По крупицам восстанавливается круг русских поклонников и благотворителей. В их числе фрейлина Мария Павловна Кавелина (урожд. Чихачева; 1808—1891), вдова члена Государственного совета, военного генерал-губернатора С.-Петербурга (1842—1846) Александра Александровича Кавелина (1793—1850); князь Петр Андреевич Вяземский и его жена княгиня Вера Федоровна (урожд. княжна Гагарина; 1790—1886), вдова генерал-лейтенанта Федора Карловича Ширмана (1780—1853), героя Отечественной войны 1812 г., Е.Л. Ширман²⁶, княгиня Прасковья Александровна Щербатова — паломница в Иерусалиме в 1852, супруга генерал-майора князя Д.А. Щербатова (1805—1853)²⁷.

Не все имена, упомянутые в письмах из Иерусалима, поддаются расшифровке. Пока сложно что-либо сказать о подполковнице Елисавете Ивановне Димитриановой, о Марье Поликарповне Протопоповой, Аксиные Яковлевне Власовой, девице Казаковской, отставном лейб-гвардии казачьем корнете Грекове, госпоже Степановой и госпоже Меркуровой. Предстоит выяснить, о ком писал иеромонах Феофан: «Один из русских поклонников оказался живописцем первой руки и уже начал вводить меня в тайны сего искусства; ныне первый раз» (29 января 1852)²⁸.

С другой стороны, паломничество в Иерусалим вице-директора Департамента Народного Просвещения А.Е. Кисловского и Н.И. Ильминского, русского востоковеда и впоследствии члена-корреспондента Императорской Академии наук, обрастает некоторыми подробностями. Оказалось, что 8 апреля 1853 г. они вместе с членами Русской Миссии участвовали в крещении абиссинского отрока Фрументия, воспитанника архимандрита Порфирия, в водах Иордана²⁹.

Из разрозненных документов сложилось свидетельство паломничества в Иерусалим ко Гробу Господню в ноябре 1851 г. командира военной школы «Дротик» капитан-лейтенанта Л.И. Будищева (1818—1855). Не прошло и четырех лет, как он геройски погиб при обороне Севастополя, командуя артиллерийскими батареями третьего бастиона. Одна из улиц города названа теперь его именем.

Не только архивные документы реконструируют историческую панораму событий. В сочетании с ними новое прочтение получают и опубликованные ранее материалы.

Прежде всего, это, конечно, «Книга бытия моего» — дневники и автобиографические записки епископа Порфирия (Успенского).

К рубежу 1849 и 1850 гг. относятся «Письма с Востока» А.Н. Муравьева. Их литературным адресатом, как известно, был Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов). А историческим фоном — пребывание Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, о чем и упомянуто в письмах. Обязанности начальника исполнял в это время иеромонах Феофан. Архимандрит Порфирий находился на лечении и встретился с А.Н. Муравьевым только на возвратном пути — 28 января в Бейруте.

«Письма с Востока» дали бесценный материал для Летописи, а именно: точные даты богослужений с участием братии Русской Духовной Миссии.

Из письма А.Н. Муравьева, датированного 6 января 1850 г.: «Хотите ли знать, как мы праздновали здесь Богоявление, хотя и не на Иордане, несмотря на его близость? Время не благоприятствовало, и я доволен, что совершил путешествие сие прежде. Накануне в сочельник, по чину Иерусалимскому, часы и вечернее служение с Литургией Великого Василия совершились в Патриаршей церкви Св. Апостола Иакова <...> но мне хотелось быть в этот день в храме Воскресения, так как я там провел и сочельник Рождества. Я пригласил туда архиепископа Севастийского на служение с русской братией монастыря Архангельского; торжественно совершили Часы Царские на обоих языках в главном соборе; потом облаченный архиерей, неся Животворящий Крест над главою, при пении крестного тропаря *Спаси Господи люди Твоя* поднялся на Голгофу, где совершилась Божественная литургия на трех языках: греческом, славянском и грузинском, ибо в память обладания грузин сим святилищем я пригласил служить единственного их пресвитера во Св. Граде, игумена Предтечевой обители. После освящения воды на Голгофе архиерей со всем клиром при пении стихир обошел все святые места, останавливаясь на каждом поклоняемом месте и окропляя святой водой все алтари, равно наши и иноверные; трижды обошли мы священную Кувуклию, однажды Камень миропомазания тела Господня и однажды весь храм, спускались и в подземелье, где был обретен Крест; часть его была в руках освящавшего архиерея, и тем умильнее было торжество. Вечером я опять заключился с русской братией в храме, чтобы слушать там утреню и потом раннюю обедню на Голгофе, на языке родном; позднюю же должен был совершать сам Наместник, с двумя Епископами, внутри Св. Гроба, как в день Святителя Николая. <...> Только во время таких торжеств можно видеть все великолепие церковной утвари Иерусалима, массу серебра и богатство облачений. Богатейшая завеса, вся шитая жемчугом и драго-

ценными камнями, висела над входом Св. Кувуклии, которая была освещена разноцветными огнями. Долго не понимал я значения слова *кувуклия*, и наконец нашел его в Чиновнике греческих царей: кувикуляриями назывались постельники императоров, от латинского названия их ложа, *cubiculum*, а здесь трехдневное ложе Христа Царя. Я окончил этот день на террасах храма Воскресения: какой очаровательный вид открывается во все стороны, на Иерусалим и его окрестности, особенно к востоку по скату горы! Солнце садилось и румянило вершину Елеона; кипела его багряными лучами глубокая пропасть Мертвого моря, за которой в лазурных лучах поднимался хребет Аравийский Карака. Обе мечети Омара были у ног моих; долго любовался я зрелищем, доколе на соседнем минарете не возгласил муеззим свою обычную молитву; я удалился, чтобы не оскорбить ею священных впечатлений»³⁰.

В сопровождении членов Русской Духовной Миссии А.Н. Муравьев посетил Горнюю, «где остатки великолепного здания ознаменовали место свидания Пречистой Девы с матерью Предтечи, когда “возставше Мариам, иде в горняя, во град Иудов и целова Елисавет”. Имея на устах это чудное Евангелие, столь часто слышимое в церкви, я как будто созерцал самое событие посреди развалин. Широко раскинуло одно столетнее дерево отрадную тень свою на дворе бывшей обители; еще целы те сени, на праге коих воскликнула в радостном восторге Елисавета: “откуда мне сие, яко прииде мати Господа моего ко мне?” Тут устроен алтарь западных иноков, где совершают они литургию всякую субботу; в сенях видно начало полуобрушенной летницы, которая вела в верхние покои. Сердце умилилось внутри священного преддверия, где с евангельской простотой впервые раскрылась миру тайна воплощения; мы все невольно пали на колени пред алтарем и русская братия воспела вдохновенную песнь, некогда здесь произнесенную устами Честнейшей Херувим: “Величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем”. Сладки были для нас церковные припевы, разделяющие по стихам сию дивную песнь»³¹.

Глубоко тронула А.Н. Муравьева русская вечерняя служба на Голгофе 13 января 1850 г. «Вечером я затворился в храме. Русская братия обители Архангельской отслужила для меня всенощную на Голгофе; потом мы читали акафист сладчайшему Иисусу и молитвы причащения, на Св. Гробе; потом я обошел, во мраке и тишине ночи, все святые поклонения, слабо освещенные тусклыми лампадами, исключая только Св. Кувуклии и Голгофы, ярко горевших, как бы великие светила на тверди святилища для просвещения нашего греховного дня и греховной ночи. Оставался еще час до утрени греческой в соборе: я сел в углублении на Голгофе в ожидании службы, чтобы несколько отдохнуть, и успел прочесть все Евангелие от Луки. О как сладко и вместе страшно читать на Голгофе, в виду, можно

сказать, самого события, сии знаменательные слова кающегося разбойника: “помяни мя Господи во Царствии Твоем”, при которых невольно подгибаются колена. Утренняя в большом соборе была невыносима от холода и ветра, широко ходившего по всему храму; а на площадке Св. Гроба шел дождь и снег из прогнившего купола, который не дают починить франки из зависти к грекам³². Нет, зима не есть время способное для посещения Иерусалима; он как бы создан для весны духовной и естественной; великий пост и Пасха — вот его время³³.

13 декабря 1849 г. «братия обители Архангельской» сопровождала А.Н. Муравьева, когда он, после девятнадцатилетнего перерыва, вновь посетил Вифлеем «и имел утешение, которого не получил тогда, слушать Литургию славянскую в вертепе Рождества»³⁴.

В последующие дни иеромонах Феофан выехал с А.Н. Муравьевым из Иерусалима на Иордан: через Вифанию в Фаранскую Лавру Харитона Исповедника, в Лавру Св. Евфимия Великого, в Иерихон.

С ними же был игумен Лавры Саввы Освященного Иоасаф. «Никто кроме него не мог объяснять в пустыне развалины обителей, которые неоднократно посещал, подражая их древним аввам подвижнической жизнью; но ради смирения не позволял он себе даже сесть на осла, пешком поспевая за нами, и только изредка на горах я заставлял его, из послушания, отдыхать верхом от трудного пути»³⁵.

16 декабря 1849 г. впервые на берегу Иордана служилась Литургия на славянском языке. И вот какие подробности сообщает А.Н. Муравьев: «Мы взошли в чашу кустов на прибрежный холм, под которым с шумом струился Иордан, ударяя в него углообразным течением. Густые ивы, склонившиеся над водами и осенившие холм, укрыли нас совершенно от взоров агарянских, и мы могли свободно приготовить все для желанного богослужения. Старец Иоасаф с иеромонахом русским Феофаном соорудили престол из принесенных столбцов и древесных ветвей, срубленных на месте; покрыв его зеленью трав, одели парчовой одеждой и положили сверху антиминос, данный им от Наместника Патриаршего, крест и Евангелие, с иконой Богоявления Господня, зажгли свечи, воскурили фимиам, и игумен Св. Саввы, совершив проскомидию, начал Божественную литургию на родном языке. Отрадны были его звуки на берегах Иордана, над звучным течением его вод, которые, конечно, впервые огласились нашими родными напевами! Мы, все русские, составили хор, и давно не помню я столь торжественной Литургии, хотя и под открытым небом, и в чаще леса. Служба была полная Богоявленская <...> По окончании Литургии мы взяли свечи и икону и при пении: “глас Господень на водах: приидите, примите Духа премудрости, Духа разума, явльшагося Христа”, крестным ходом сошли в самую реку на камни, где совершили освящение вод, как бы в самый день Богоявления; уже немного оставалось до сего праздника»³⁶.

«Замечательное лицо этот Иоасаф, — поясняет А.Н. Муравьев, — тридцать три года спасающийся в Лавре, над которой недавно поставлен настоятелем. Духовная простота доходит в нем до детской невинности, всегдашняя улыбка на устах, терпение беспримерное с братией и с арабами, которых любовь приобрел до такой степени, что повсюду ходит один; между тем он общий духовник и русских, и греков, потому что одарен глубокой проницательностью и начитан духовных книг, знает все жития Св. отшельников и любит их как присных. Это достойный преемник и подражатель Св. Саввы; но, признаюсь, в новую минуту мне не пришло на мысль, что столь глубокие познания таились под оболочкой столь грубой, по-видимому, простоты, хотя и был я предварен о его высокой жизни. Вот как мы, неопытные миряне, можем часто обманываться, увлекаясь внешностью»³⁷.

Игумен Иоасаф отошел ко Господу 17 мая 1874 г., в течение почти 30 лет оставаясь игуменом Лавры, в которой прожил 58 лет.

В 1854 г. Русская Миссия была вынуждена покинуть Иерусалим из-за начавшейся войны. 8 мая в четыре часа все выехали из Святого Града. Архимандрит Порфирий записал: «За воротами нас ожидали конные всадники паши, хорошо вооруженные, и духовник наш, игумен Саввинского монастыря о. Иоасаф, муж поистине святой. Он на ослике ехал в Яффу. Нас проводили недалеко одни немногие арабки православные, закутанные в белые простыни, так что и лиц их нельзя было видеть. Я догадался, что это были матери тех девочек, для которых устроена мною школа, и тех юношей, для которых я выхлопотал у патриарха месячное жалованье, только бы они ходили в патриаршее училище. Мужья этих благодарных существ не могли провожать нас страха ради магометанского. А наши поклонницы запоздали, однако догнали нас, когда мы отдыхали на половине пути. День был ясный и прохладный. Ветер с моря освежал нас, особенно на пахотной равнине от Рамлы до Яффы. Над этой равниной в небе хоры птиц пели нам: “Здравие вам и спасение и во всем благое поспешение и многая лета”. А отец Иоасаф шел подле нас пешком и тихо, наизусть, читал вечерние молитвы. Вот святой отшельник! И в дороге молится по уставу церковному. Весьма приятно было нам иметь такого спутника»³⁸.

21 мая (это была пятница) австрийский пароход «Императрица» с русскими монахами на борту из Сиры отправился прямо к афинской пристани Пирей и остановился там рано утром на короткое время, до 6 часов пополудни. «Я воспользовался этим временем, — записал в путевом дневнике архимандрит Порфирий, — и съездил в коляске в столицу греческого королевства Афины для осмотра, хотя и беглого, тамошних пресловутых древностей»³⁹.

В этот же день в другом дневнике — архимандрита Антонина (Капустина), в то время настоятеля церкви при русском посольстве в Афинах — также сделана запись: «Петр, приехав, сказал мне, что о. Порфирий давно ожидает меня. Вот тебе сюрприз новый. Пришел домой, нашел гостей и

о. диакона. Их было трое: о. Порфирий, о. Феофан и один студент с ними. Сколько я ни упрашивал их остаться хоть ненадолго в Афинах, не мог уговорить. Выпив по рюмке вина, отправились к о. иконому. Посидев там с четверть часа, отправились в Пирей. Пароход уже дымился. На палубе его встретил целую Россию баб-богомолок. Имел честь и удовольствие познакомиться с о. Вениамином. Еще раз простились с <...> отцами Иерусалимскими, передав поклон в Рим. Выпив в кофейне по стакану лимонаду, возвратились в Афины. <...> Остаток дня проведен был в отдыхе. Сколько ждал иерусалимлян... Увидел как во сне»⁴⁰.

Спустя 15 лет, 27 мая 1869 г. епископ Феофан рекомендовал иеромонаху Тихону (Цыпляковскому; впоследствии своему духовнику), отправлявшемуся на Святую Землю: «В Миссии в Иерусалиме о. архимандрит Антонин — сокровище мудрости. С ним можно жить; но там все официально. Там еще есть русский старец — Вениамин. С ними потолкуйте <...> В Саввинском монастыре старец Иоасаф — глубокий и великий аскет. Се Вам отцы»⁴¹.

Упомянутый старец Вениамин (Лукьянов; † 1897) — афонский монах, с 1846 г. по благословению Патриарха Иерусалимского Кирилла II безвозмездно совершал службы для русских паломников; основатель Вениаминовского подворья в Иерусалиме; выехав в Россию с началом Крымской войны, был направлен в Севастополь как духовник Крестовоздвиженской общины сестер милосердия⁴².

Первый состав Русской Духовной Миссии с честью выполнил свой долг первопроходцев. В одном из писем иеромонаха Феофана, адресованных А.Н. Муравьеву, без жалоб, но с пронзительной горечью описано то, что приходилось преодолевать русским монахам. «Дела наши текут своим чередом. Жилища наши были для нас в сию зиму крайне зверски. Только я не болел, за то, верно, что болел первые годы. А другие все — Никола едва не умер в белой горячке, от своей прескарденной комнаты... О. архимандрит был при смерти, и три ночи мы с терзанием смотрели на его томления от непонятной болезни под ложечкою и в левом боку. Петр и теперь еще сух и блед от лихорадки... Читая сие, и Вы пожалеете нас; а мы никак уже не можем удержаться от справедливого чувства скорби. Что мы за выкидыши? И что за небрежная мачеха, на которой лежит неотлагаемый долг попечения о нас? Добро бы — дитя не плачет, мать не понимает. Писано и переписано. И так, и сяк... Это грех пред Богом и людьми... И вредит нашей цели!.. Ибо и слепой увидит, что мы кинуты, след. ... Что еще обиднее, нам служить не в чем. В последней русской деревне служат в лучших ризах, нежели члены Иерусалимской Миссии великого государства Российского в Святом Граде Иерусалиме. — Не нужны, так пусть возьмут нас назад. Я, с своей стороны, в ножки

бы поклонился тому, кто бы это сделал; хотя рассуждающий человек весьма о том пожалеет... Здесь неизбежно нужен пробудитель спящих, или указатель слепым. Смотри на нас... нет, виноват... у нас ничего нельзя видеть, кроме нищенства... Лучше скажу... иногда слово, другое, намек довольно пробуждает, чему имеем и опыты. Слух носится, что вскоре по всему нашему патриархату будут устроены или оправлены, как следует, церкви, снабжены книгами, утварью и одеждами. Сей слух распространили скоро после того, как я вздумал ездить по христианским деревням с целью писать в их церкви иконы, как умею. Камараш, ездивший в Назарет, видел некоторые в самом крайне жалком положении... Сие дело, впрочем, под вопросом. Между тем, мы не теряем надежды, когда нам помогут устроить мало-помалу быт церквей... иконами и книгами»⁴³.

По окончании Крымской войны Русская Миссия была возвращена в Святую Землю. Бывший иеромонах Феофан — теперь уже в епископском сане — занимал Тамбовскую кафедру, при которой учредил печатный орган: «Тамбовские епархиальные ведомости». 20 августа 1861 г. газета, не без благословения преосвященного, поместила на своих страницах перепечатанный из «Домашней беседы» материал «Вести из Иерусалима».

«Водворение русских на Святой Земле, благодаря Всевышнему, началось, и началось блистательно. <...> Представьте себе угол почти прямой, образованный Яффской и Дамасской дорогами. В этом углу, в пяти минутах от Иерусалима, куплено нашим правительством и навсегда утверждено султанским фирманом 11000 квадр. саж. земли. На этом прекрасном пространстве, откуда видны и Елеонская гора, и весь Святой Град, вся священная окрестность, быстро вырастают русские здания в обширных размерах. Посреди строится храм в византийском вкусе с хорами, на две тысячи человек; близ него дом Русской Миссии с архиерейской церковью на триста человек; там большой корпус с комнатами на одного, на два, на три человека и так далее до семи; в нем будут помещаться более достаточные русские поклонники и путешественники обоюбого пола. Другой корпус, который тоже строится, предназначен для бедных русских поклонников, а третий для таковых же поклонниц. К этим корпусам пристраиваются все необходимые хозяйственные здания — конюшня, прачечная, кузница, караульня и проч. Сделано несколько дождевых колодцев (систерн), из которых рабочие уже пользуются водой. Работы производят туземные арабы, которые благословляют Россию за предоставленную им возможность поправить заработками свою бедственную участь; управляют же работами два русских архитектора и восемьдесят опытных русских мастеровых, которые привезены в Иерусалим с семействами своими на казенный счет.

Этот маленький русский городок на Святой Земле обнесен каменной оградой, за которой, по другую сторону Яффской дороги, будет русское кладбище, а за Дамасской красуется русский сад с лимонными и апельсиновыми деревьями. За садом, к северо-востоку, русский огород, из которого нынешним летом наше консульство уже пользовалось огурцами и другой зеленью. Сад и огород обнесены каменными стенами, и в каждом из них — по домику для караульного. Кроме этого, в Иерусалиме, близ самого Храма Воскресения, куплено у коптов превосходнейшее место для постройки русского консульского дома и две каменные колонны времен царицы Елены, принадлежавшие ограде Воскресения, которые будут украшать ворота этого дома. Здесь двенадцать покоев предназначаются для ночлега тех из русских поклонников, которые, по какому-нибудь случаю, не успеют воротиться в свой загородный приют. Все начатые постройки наши, по соображениям архитекторов, будут окончены в 1864 г., а до тех пор нанято нашим правительством шесть домов, кроме дома Миссии. Первый из этих домов занимается консульством; второй назначен для посетителей и посетительниц более значительных; тут каждая комната снабжена необходимой мебелью: зеркалом, железной печью, постельным бельем, тюфяками, чайным прибором и самоваром. В третьем доме помещаются недостаточные русские поклонники, в четвертом — поклонницы, а в пятом — русские рабочие. Во всех комнатах последних трех домов, по числу лиц, имеются железные кровати. Наконец, в шестом доме помещается русский госпиталь, которым заведует доктор М<азара>ки. В эту больницу, если позволяет место, принимаются болгары и другие иностранцы. В каждом из последних домов находятся из русских — смотрительница, дворник и служанка, все они имеют даровую квартиру и пищу; сверх того, смотрительница получает в месяц жалованья 200 пиастров, а дворник и служанки по 10 пиастров. В консульском доме есть библиотека, в которую великий князь Константин Николаевич прислал книг на три тысячи рублей. <...> В Назарете, Раифе, Яффе и Рамле также наняты дома для приюта русских странников...»⁴⁴

То, о чем молились первые подвижники Русской Миссии, во имя чего претерпевали трудности и лишения, начало стремительно воплощаться в жизнь.

¹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки / Под ред. П.А. Сырку. Т. 5. СПб., 1899. С. 216.

² Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. VII. СПб. 1901. С. 15.

³ ИР НБУ. Ф. 160. Д. 1830. Л. 68–69.

⁴ АВП РИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 3606. Л. 10–10об.

⁵ Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. III. СПб. 1896. С. 159.

- ⁶ *Княгиня* — Лукомская Пелагея Сергеевна.
- ⁷ ЦИАМ. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 262. Л. 67.
- ⁸ Имеется в виду доктор Харламий Васильевич Мазараки (†1891) — грек по происхождению. В октябре 1851 г., когда по ходатайству начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Порфирия (Успенского) в Екатерининском монастыре в Иерусалиме была устроена небольшая больница для русских паломников, Мазараки был назначен в нее врачом.
- ⁹ Так называли русские паломники митрополита Петры Аравийской Мелетия, оставшегося при отъездах патриарха в Константинополь епитропом — заместителем патриаршего престола.
- ¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1, № 41. Л. 130–131.
- ¹¹ Фрументий — мальчик-эфиоп, выкупленный из неволи и взятый на воспитание архимандритом Порфирием (Успенским). О нем см. ниже, примеч. 29.
- ¹² СПбФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 132–133.
- ¹³ Канделап (греч.) — возжигатель свечей в храме.
- ¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 134—135 об. Ср. запись в дневнике архимандрита Порфирия: «Так как он (Мазараки) не говорит и не понимает по-русски, а из наших никто не знает ни по-гречески, ни по-французски, и так как он успел уморить 3–4 недужных, то другие больные не пошли лечиться у него, и больница была закрыта 15 декабря того же 1851 года» (*Порфирий (Успенский), епископ*. Книга бытия моего. Т. IV. С. 276). При возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме после Крымской войны, с 1857 г., Мазараки вновь был назначен врачом Русской больницы.
- ¹⁵ Вифлеемиты — жители Вифлеема.
- ¹⁶ АВП РИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 13. Л. 68–69 об.
- ¹⁷ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517. Ч. 1. Д. 745. Л. 60–61.
- ¹⁸ Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. III. СПб. 1896. С. 155—156.
- ¹⁹ ЦИАМ. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 262. Л. 65 об., 65.
- ²⁰ АВП РИ. Ф. 161. II–9. Оп. 46. Д. 20. Ч. 2. Л. 5.
- ²¹ Материалы для биографии еп. Порфирия. Т. . С. 487.
- ²² СПбФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 142–143 об.
- ²³ *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М. — Л., 1950. С. 197.
- ²⁴ Имеется в виду архимандрит, впоследствии архиепископ, Софония (Сокольский; 1800–1877), известный историк-востоковед. В описываемое время — настоятель русской посольской церкви в Константинополе. Паломник в Святой Земле в 1850 г.
- ²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 150–151.
- ²⁶ Ширман Елизавета Леонтьевна, жена генерал-лейтенанта Ф. К. Ширмана (1780–1853). Совершила в 1853 паломничество в Иерусалим (встретила там Пасху), где познакомилась с архимандритом Порфирием (Успенским), иеромонахами Феофаном (Говоровым) и Вениамином (Лукияновым). В годы Крымской войны — одна из организаторов, под руководством вел. княгини Елены Павловны, Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. Друг и покровительница о. Вениамина, назначенного ду-

- ховником Общины. Сохранились ее письма к Вениамину. См.: *Лисовой Н.Н.* Игумен Вениамин (Лукьянов), Севастопольский и Иерусалимский, в документах и переписке // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 281–282.
- ²⁷ Там же. С. 282.
- ²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 136–137 об.
- ²⁹ В «Книге бытия моего» опубликовано метрическое свидетельство о крещении отрока на Иордане, подписанное о. Феофаном: «Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что домоходец настоятеля Духовной Миссии нашей в Иерусалиме архимандрита Порфирия, именем Фрументий, из черного племени Абиссинского, тринадцатилетний возрастом, крещен и миропомазан был мною по обряду Восточной Православной Церкви в 9-й день апреля 1853 года Господня, и что восприемным отцом его был помянутый настоятель. Состоящий при Миссии иеромонах Феофан. При крещении присутствовали: состоящий при Миссии студент Петр Соловьев, профессор Казанской Духовной Академии Николай Ильминский, чиновник Министерства народного просвещения Алексей Кисловский. 1853 года 10 апреля (Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 44).
- ³⁰ *Муравьев А.Н.* Письма с Востока в 1849 1850 годах. Ч. . СПб. 1851. С. 268—271.
- ³¹ Там же. С. 272—273.
- ³² О 35-летней истории ремонта купола храма Гроба Господня см.: *Лисовой Н. Н., Кроза Д., Смирнова И. Ю., Микелева М. А.* Проект двух императоров: у истоков русско-французского союза // Российская история. 2013. № 6. С. 65–86; *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Из архитектурной истории храма Гроба Господня в XIX в.: документальное исследование // ППС. Вып. 109. 2014. С. 27–58.
- ³³ Там же. С. 292—293.
- ³⁴ Там же. С. 179.
- ³⁵ Там же. С. 196.
- ³⁶ Там же. С. 204–206.
- ³⁷ Там же. С. 95.
- ³⁸ Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. V. СПб. 1896. С. 217—218.
- ³⁹ Там же. С. 223—224.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 1123. Л. 18 об.
- ⁴¹ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Вып. I. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». 1994. С. 12.
- ⁴² О нем: *Лисовой Н.Н.* Вениамин, игумен, основатель Вениаминовского подворья в Иерусалиме // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 626–627; *Мельникова Л.В.* Памятник Крымской войны. Вениаминовское подворье ИППО в Иерусалиме и его основатель игумен Вениамин (Лукьянов) // Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания. Труды международной научной конференции. М., 2012. С. 69–80; *Лисовой Н.Н.* Подворья Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме. М., 2012. С. 146–158.
- ⁴³ НИОР РГБ. Ф. 188. К. 10. Ед. хр. 7. Л. 1–2об.
- ⁴⁴ Тамбовские епархиальные ведомости. 1861. № 8. 20 августа. Офиц. С. 60–63.

ИЗ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
ПРИ АН СССР

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА РПО

ЧАСТЬ 2. 1979—1985

Сост. и подг. текста Н.Н. Лисового

1. Докладная записка ученого секретаря РПО при АН СССР
В.И. Иваненко. Москва, 12 июня 1979 г.

Глубокоуважаемый Борис Иосифович!

По договоренности излагаю обстоятельства, связанные с переносом общего собрания Российского Палестинского Общества при АН СССР.

Во-первых, мне как ученому секретарю РПО пришлось готовить и проводить ежегодные годовые отчетные собрания РПО, начиная с 1974 г. С отчетным докладом на них выступал бывший тогда председателем общества видный советский востоковед член-корр. АН СССР С.Л. Тихвинский. За годы его пребывания на этом посту РПО выросло качественно и количественно. К моменту его избрания РПО насчитывало всего 70 членов. На 1 января 1978 г. в РПО состояло уже 200 членов, организованных, помимо Москвы, в три отделения, действующие в Ленинграде, Ереване и Горьком.

В составе РПО — 7 академиков, 5 членов-корреспондентов, 49 докторов наук и 96 кандидатов наук. Остальные члены РПО — работники МИД СССР, АПН, Госкомитета по телевидению и радио при Совете Министров СССР, журналисты, писатели, художники и т.д.

В Москве члены РПО создали две секции, занимающиеся проблемами лингвистики и современной истории Палестины и других стран Ближнего Востока. Первую секцию возглавляет д.ф.н. Жуковская Л.П., вторую — к.и.н. Евсеев Е.С.

Ленинградское отделение возглавляет д.и.н. Дандамаев М.К., Горьковскую секцию — д.и.н. Кузнецов Е.В., ереванскую — академик АН Арм. ССР Еремян С.Т.

Коллектив РПО отличает высокая научная и политическая активность, выражающаяся не только в участии в работе РПО, но и в пропаганде решений партии и правительства. Собрания секций всегда проходят на должном уровне и по-деловому.

Благодаря хорошим организаторским данным и высокому научному авторитету, тов. Тихвинскому С.Л. удалось повести за собой коллектив РПО и нацелить его на изучение актуальных научных проблем.

При помощи Президиума АН СССР и Бюро истории АН СССР Общество проводило и проводит большую и полезную работу на высоком научном и политическом уровне (см. годовые отчеты).

На годичном собрании в 1978 г. в связи с просьбой тов. Тихвинского С.Л. об освобождении его с поста председателя РПО по причине крайней занятости на основной работе в МИД СССР, Президиумом АН СССР рекомендована в качестве председателя РПО член-корреспондент АН СССР З.В. Удальцова, которая и была избрана участниками собрания.

Коллектив воспринял с должным пониманием и одобрением кандидатуру тов. Удальцовой З.В., которая на этом собрании заверила членов РПО, что она будет продолжать активную деятельность по примеру предыдущих руководителей РПО, которые всегда находились на высоте научных задач и понимания роли РПО в науке.

В своем первом и единственном выступлении перед членами РПО тов. Удальцова З.В. нарисовала многообещающие перспективы работы, включая и должную оценку деятельности активистов Общества (награды медалями, грамотами, премиями и т.п.).

Она обещала срочно рассмотреть вопросы, связанные с избранием нового Совета РПО и редколлегии «Палестинского сборника».

Все это осталось невыполненным, и председатель РПО буквально на следующий день забыла о своих обещаниях, появившись в Обществе только через год, на собрании 6 июня 1979 г.

Во-вторых, проект годового отчета за 1978 г. был также подготовлен мною своевременно и вручен тов. Удальцовой З.В. для его дальнейшей подготовки к собранию.

Годовые собрания РПО по уставу должны проводиться в апреле каждого года, однако из-за болезни и занятости тов. Удальцовой З.В. оно было перенесено председателем на июнь 1979 г. Приглашительные билеты в количестве более 100 были разосланы членам РПО в Москве за 10 дней до намеченного срока.

О дне собрания были уведомлены руководители отделений РПО в Ленинграде, Ереване и Горьком. Приглашения были также вручены лично директору института востоковедения акад. Примакову Е.М. и его заместителям тт. Широкову и Беневоленскому.

В-третьих, к началу собрания в зале заседания находилось только 30 членов РПО, и в связи с этим участники собрания предложили перенести его на другой день, чтобы иметь необходимый кворум. Собрание отчетное, и оно должно не только заслушать годовой отчет и утвердить его, но также заслушать отчет Ревизионной комиссии и утвердить акт комиссии по бюджету РПО. Кроме того, повестка дня предусматривала организационные вопросы, включая прием новых членов (18 заявлений). Собрание также должно было заслушать соображения и рекомендации председателя РПО о новом составе Совета РПО и редколлегии «Палестинского сборника», которые были обещаны тов. Удальцовой З.В. еще год назад, но так и не были созданы. Фактически, РПО работало целый год без Совета.

В ответ на резонные соображения, учитывающие требования Устава РПО, председатель в раздраженном тоне заявила, что у нее более двадцати поручений, которые тоже требуют времени, и она не намерена переносить собрание еще и по той причине, что собирается с 12 июня на отдых за пределами Москвы (как оказалось, председатель намеревалась отдыхать в пределах Москвы — санаторий «Узкое»).

Удальцова З.В. охарактеризовала предложение перенести собрание как «обструкцию», чем оскорбила участников собрания и вызвала их недовольство. Игнорируя обычные процедурные вопросы избрания президиума и председательствующего, тов. Удальцова З.В. заявила, что собрание все равно надо провести, так как никаких решений приниматься не будет. Это вызвало у присутствующих еще большее недоумение, ибо у каждого на руках был текст повестки дня, предусматривавший рассмотрение группы серьезных вопросов. Усугубляя возникшую напряженность и недоумение членов РПО, тов. Удальцова вышла на трибуну и начала читать доклад.

В ходе доклада тов. Удальцова З.В. неоднократно отвлекалась от текста, бросала оскорбительные реплики в отношении отдельных членов РПО, а доктору юридических наук, профессору Моджорян Л.А. в грубой форме предложила покинуть собрание.

В докладе безосновательно и в возвышенных тонах преподносились результаты работы ряда авторов, которые не имеют никакого отношения к деятельности РПО за 1978 г. Что же касается деятельности активных членов РПО, то она ограничилась лишь беглым упоминанием некоторых из них, демонстративно игнорируя творческие успехи членов РПО за 1978 г. Это также оказало неблагоприятное впечатление на участников собрания.

Тов. Удальцова заявила присутствующим, что члены общества якобы заставили отказаться от работы в обществе бывшего председателя РПО тов. Тихвинского С.Л. и добиваются, чтобы ушла и она. Она заявила: «Я

не уйду. Я буду работать, но с другими членами общества». Это окончательно вывело из равновесия присутствовавших членов общества. В связи с отказом председателя извиниться за некорректное поведение и оскорбительные характеристики отдельным членам общества, за неуместные взаимные реплики, присутствовавшие предложили прекратить взаимные пререкания и упреки, закрыть собрание и, ввиду его неправомочности решать какие-либо вопросы, считать его предварительным обсуждением отчетного доклада (см. стенограмму).

После собрания в моей рабочей комнате состоялась беседа тов. Удальцовой З.В. с некоторыми активистами общества, в которой было выражено сожаление по поводу происшедшего. Со своей стороны, тов. Удальцова З.В. заявила, что она учтет критику в ее адрес и продумает пути нормализации отношений между нею и коллективом. Присутствовавшие на беседе члены РПО заверили ее, что они со своей стороны будут делать все необходимое, чтобы работа Общества продолжалась успешно, и все задачи, поставленные Президиумом АН СССР перед Обществом, будут выполнять неуклонно.

Несмотря на заверения, что она учтет высказанные в ее адрес замечания и пожелания, на следующий же день тов. Удальцова З.В. занялась распространением искаженной информации среди ученых института востоковедения и других организаций. Ее необъективные, нервные усилия привели к тому, что это событие перестало быть внутренним делом РПО. Она попыталась, в частности, вовлечь в ход событий руководство ин-та востоковедения, представив ему составленную в субъективном виде картину собрания, которое якобы в какой-то степени взяло на себя задачу критики произведений сотрудников института.

Как мне известно из бесед с отдельными учеными ин-та востоковедения, это событие активно обсуждается и всячески обыгрывается в плане дискредитации Российского Палестинского Общества и его научной работы.

Не исключено, что по этой причине неправильная информация о собрании может стать достоянием некоторых граждан арабских стран, которые имеют в какой-то степени отношение к институту востоковедения в качестве аспирантов, стажеров и т.д.

Такова, многоуважаемый Борис Иосифович, краткая информация по интересующему Вас вопросу.

Считаю целесообразным для нормализации положения, которое не стоит драматизировать и усугублять, рекомендовать председателю РПО тов. Удальцовой З.В. довести до конца отчет, а также провести правильное отчетное собрание при наличии кворума для решения всех вопросов, касающихся перспектив работы РПО. Собрание можно провести в начале июля с.г.

P.S. При подготовке общих собраний проект доклада традиционно всегда обсуждался на Совете РПО с активом. Данный доклад не обсуждался из-за болезни председателя.

Ученый секретарь РПО при АН СССР (подпись) В.И. Иваненко

Примеч. Д.С. Волгиной: «Отпечатано > 3 экз. 26.10.84 г.»

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

2. Письмо председателя РПО З.В. Удальцовой в редакционно-издательский совет Академии наук СССР. Москва, б.д. [1982].

В связи с задержкой выхода «Палестинского сборника» № 28 из-за создавшейся на Ближнем Востоке опасной ситуации, Совет РПО считает целесообразным осуществить издание специального сборника статей (без номера), посвященного актуальным проблемам кризисного положения на Ближнем Востоке и разоблачению агрессивного курса, идеологии и практики правящего режима Израиля.

Сборник подготовлен членами РПО. Его материалы согласованы и одобрены в Отделе международной информации ЦК КПСС, Отделе Ближнего Востока МИД СССР, пресс-бюро КГБ СМ СССР.

Учитывая международную обстановку, имеется настоятельная необходимость его срочного издания в первом квартале 1983 г.

Совет РПО при АН СССР просит поручить его издание ленинградскому отделению издательства «Наука», где издается «Палестинский сборник».

Совет РПО утвердил ответственным редактором специального сборника ученого секретаря РПО при АН СССР В.И. Иваненко. Тов. Иваненко В.И. дипломат, журналист-международник, автор многих книг по внешнеполитическим вопросам.

Председатель РПО при АН СССР член-корр. АН СССР З.В. Удальцова.

Приложение: Содержание сборника.

К читателям «Палестинского сборника» — 1 стр.

Сообщение о встрече Ю.В. Андропова с Я. Арафатом — 2 стр.

Совместное советско-палестинское коммюнике — 5 стр.

Письмо Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Ливане Сарвара Азимова (бывшего) — 2 стр.

Обращение Совета РПО — 2 стр.

- Письмо представителя ООП в Москве членам РПО — 2 стр.
Благодарность Представительства ООП в Москве
Российскому палестинскому обществу при АН СССР — 1 стр.
Иваненко В.И. Российское палестинское общество
(к столетию основания) — 15 стр.
Куманев В.А. К 75-летию академика Б. Б. Пиотровского — 14 стр.
Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.
Мир можно обеспечить только общими усилиями — 13 стр.
Кулаченков Д. Объединенные нации против сионистского
расизма — 15 стр.
Семенов Е. Культура по-сионистски — 13 стр.
Фомин О.И. Сионистская экспансия в Иерусалиме — 26 стр.
Евсеев Е.С. Идеиная близость сионизма и нацизма — 20 стр.
Махмуд Аббас (Абу Мазин). Сионисты и гитлеровцы — 47 стр.
Морозов В.П. Идеология палестинофильства как
«теоретический источник сионизма — 29 стр.
Данюшин П.Д. О некоторых «теоретических» концепциях
международного сионизма — 20 стр.
Бабинцев В.П. Реакционность социально-политических
целей сионизма. Критика концепций Марка Нордау — 23 стр.
Федоров Г. Концепция Мартина Бубера как составная
часть идеологии сионизма — 38 стр.
Широков С.С. Империалистическая сущность учения о «духовном на-
циональном центре» в Палестине. Концепция Ахад Гаама — 24 стр.
Фомин О.И. Остановить агрессора, обеспечить мир — 5 стр.

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

3. СПРАВКА О РОССИЙСКОМ ПАЛЕСТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРИ АН СССР.
МОСКВА, Б.Д. [1982?].

I.

Постановлением Совета Министров СССР от 31/03–1950 г. № 2392-930сс возобновлена деятельность Российского Палестинского Общества при АН СССР.

Совет Общества действует на основании Устава, утвержденного Постановлением Президиума АН СССР от 12/03-1951 г. (протокол № 19–113 § 116).

Уставом определена цель Общества, права, обязанности и средства.

Общество является организацией, находящейся на самостоятельном балансе и имеет отделение в Израиле на простой отчетности.

Общество имеет свой расчетный счет в Госбанке.

Средства Общества:

1. Взносы членов общества.
2. Дотация из Госбюджета, выделяемая по смете АН СССР.

Контроль осуществляется:

1. Ревизионной комиссией Общества,
2. Отделом внутриведомственного контроля АН СССР,
3. Райфинотделом,
4. Отделением Госбанка,
5. Планово-финансовым управлением АН СССР.

Общество ежегодно в установленные сроки составляет СМЕТУ доходов и расходов (в сов. рублях и инвалюте) и представляет ее в ПФУ АН СССР.

Система учета двойная:

оборотный баланс на каждый месяц,
мемориальная система (ордера),
карточки аналитического учета,
лицевые карточки рабочих и служащих,
расчетный счет в отделении Госбанка,
кассовый план поквартально (для Госбанка).

II. ОТЧЕТНОСТЬ

1. Отчет о доходах и расходах в сов. рублях.

Составляется 1 раз в год, утверждается Советом общества после проверки ревизионной комиссией.

2. Отчет по капиталовложениям за границей.

Составляется 1 раз в год в январе и представляется в отдел внутриведомственного учета АН СССР тов. Голованову (ул. Вавилова, 44, кор. 2, комн. 32 (2 экз.))

3. РАСЧЕТ командировочных расходов общества.

Составляется 1 раз в год в январе, расшифровывается подробно. Представляется в Отдел внутриведомств. учета (2 экз.).

4. Отчет о расходах на содержание аппарата управления. Форма № 14-бюдж. Составляется 2 раза — за 9 месяцев и за год. Представляется до 10 октября и до 19 января в отдел внутриведомственного учета АН СССР тов. Голованову (3 экз.).

5. Отчеты о выполнении плана по труду. Форма № 1-т.

Составляются ежеквартально, представляются до 5 числа след. месяца в ПФУ АН СССР и ЦСУ Ленинск. р-на (3 экз.)

6. Отчеты о выполнении плана по фонду заработной платы. Форма 1-т срочная. Составляется ежемесячно. Представляется до 3 числа след. месяца в ЦСУ Ленинск. р-на и ПФУ АН СССР (3 экз.)

7. Отчет о численности работников аппарата управления, и о распределении их по должностям. Форма № 8-а. Составляется ежегодно. Пред-

ставляется до 25 сентября в ЦСУ и ПФУ АН СССР (ул. Вавилова, 44, кор. 2, этаж 4, комн. 14, тел. 135-78-98, Павловой З.П.).

8. Расчетная ведомость по взносам на гос. социальное страхование. Составляется ежеквартально и представляется в бухгалтерию Президиума АН СССР (5 корп., 2 этаж, комн. 28) до 3 числа последующего месяца.

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

4. План мероприятий РПО при АН СССР на 1983 год.
Москва, б.д. [январь 1983 г.]. Копия.

УТВЕРЖДАЮ:
Председатель РПО при АН СССР
Член-корр. АН СССР
З. В. Удальцова

План составлен в свете решений XXVI съезда КПСС, Пленумов ЦК КПСС, положений и выводов, данных в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова, политической декларации государств — участников Варшавского Договора, решений Президиума АН СССР.

Как и в двадцатые-тридцатые годы, так и в настоящее время ЦК КПСС и Советское правительство по Ленину сверяют направление, ритм и накал своей повседневной работы. И нет для них чувства более радостного, возвышающего, чем ощущение этой преемственной связи борьбы и труда с великими деяниями и предназначениями Ленина. Идеи Ленина — высоты нашего века, величавые и неколебимые при любой исторической непогоде, в грозу и бурю.

Проходят годы и десятилетия, и народы на советском опыте познают, что все дороги, как учил Владимир Ильич, ведут к светлому будущему, к коммунизму.

Исполинская фигура Ленина предстает все более величественной в глазах человечества, и время все сильнее и ярче подчеркивает значение его бессмертных идей во имя счастья людей труда. Идеи Ленина и сегодня наш верный компас, указывает наша партия. Грандиозные планы коммунистического строительства, разработанные XXVI съездом КПСС, — это воплощение в жизнь ленинского учения *Поэтому реально в тех условиях, в которых находится РПО, оно концентрирует свою деятельность в основном на обсуждении наших докладов, научных сообщений и на издании «Палестинских сборников».

Вопрос, который стоит перед РПО, — это каким вопросам, проблемам и темам мы должны подчинить свою деятельность. После 1948 г. на тер-

ритории Палестины по решению ООН должны быть созданы 2 государства — арабское и еврейское. Должны ли мы заниматься только арабской проблематикой? Или заниматься также и Израилем? Должны ли мы ограничивать себя только историческими исследованиями или же изучать и обсуждать также современные проблемы, в том числе такие как вопросы арабо-израильского конфликта, палестинская проблема и вопросы противодействия идеологии сионизма и т.д.?

Наша точка зрения такова, что все эти вопросы РПО может обсуждать на своих заседаниях и выступать по этим вопросам в печати.

С учетом этой точки зрения, Совет РПО вносит на рассмотрение Бюро Отделения следующие вопросы.

— Разрешить РПО наряду с «Палестинским сборником» — традиционно-исторического и филологического направления — издавать также «Ежегодник» — сборник научных трудов советских ученых по ближневосточной проблематике под условным названием «Вестник РПО» (Сборник научных публикаций и сообщений), в котором могли бы сотрудничать советские, а также прогрессивные зарубежные ученые, прежде всего из социалистических и ближневосточных стран. В перспективе можно было бы вести дело к изданию «Вестника» на английском, французском и арабском языках. Одновременно с этим Совет РПО ставит вопрос, чтобы ему было разрешено утверждать и печатать научные работы под маркой РПО, кроме «Палестинского сборника» и «Вестника».

По нашему мнению, назрела необходимость приступить к подготовке таких публикаций по ближневосточной проблематике как «История Палестины», «Советский Союз за справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке», «Исторические связи России с народами Ближнего Востока».

Необходимость в подготовке указанных монографий по проблеме Палестины и Ближнего Востока объясняется растущим интересом советской и мировой общественности к проблемам Ближнего Востока, важностью всестороннего освещения и аргументации советской позиции в вопросах ближневосточного урегулирования в противовес различным планам «решения» палестинской проблемы, выдвигаемым США и Израилем.

В целях популяризации деятельности РПО готовит брошюру «РПО: история и современность», рукопись которой будет готова к изданию в конце 1985 г.

Все предложенные нами исследования позволят поднять научную роль РПО как внутри нашей страны, так и в арабском мире и сыграют важную политическую роль по укреплению позиций СССР среди интеллигенции арабских стран.

РПО считает целесообразным совместно с институтами академии наук — Востоковедения, Африки, ИМЭМО, Археологии, Этнографии, Все-

общей истории — подготовить предложения о проведении в 1986 г. Международной конференции на тему: «Палестина и палестинский народ» с приглашением ученых из социалистических и арабских стран. Срок 3 месяца.

Учитывая необходимость расширения внимания к развитию арабистических исследований в нашей стране, а также политическое значение расширения интереса советской научной общественности и интеллигенции в арабских странах, создать филиалы РПО при республиканских академиях наук, в которых ведутся исследования по арабистике и по ближневосточной проблеме, а также при Казанском и Новосибирском университетах (Отделения РПО созданы в Ленинграде, Ереване, Горьком, при Академии наук Грузинской ССР, создаются при АН Казахской ССР и Таджикской ССР).

Вторая проблема, по которой Бюро Отделения должно принять решение, — это судьба недвижимой собственности РПО. Речь идет о собственности на многие десятки миллионов долларов. Для меня здесь много неясного. Эта собственность нигде не находится на балансе. Она сейчас фактически бесхозная, никто не несет за нее ответственности. Почему так получилось — я не нахожу ответа. МИД СССР считает, что Академия наук СССР несет ответственность за эту собственность.

О том, в каком состоянии находится здание нашего Представительства в Иерусалиме, говорится в письме Главного редактора «Советской культуры» Ю.Я. Барабаша, который в марте 1984 г. посетил Израиль. Он пишет: «Глава Духовной Миссии РПЦ с чувством большой тревоги говорил о судьбе земель, в свое время приобретенных Россией в Палестине, а ныне находящихся на территории Израиля. Израильские власти явно ведут дело к тому, чтобы прибрать эти земли к рукам: используют для своих нужд, а то и вовсе сносят сохранившиеся на этих землях старые постройки, строят новые здания, отводят целые участки под спецобъекты и т.п. Духовная Миссия ведет постоянную борьбу за земли, принадлежащие РПЦ. Но на те земли, законным владельцем которых является РПО, юрисдикция Миссии не распространяется. Она фактически беззащитна. Израильские власти, ссылаясь на отсутствие между нашими странами дипломатических отношений, утверждают, что у этих земель, дескать, нет хозяина. Архимандрит Пантелеймон не без горечи отмечает, что не раз обращал на это внимание разных представителей нашей страны, бывающих в Израиле, но никаких сдвигов нет».

В апреле 1984 г. я имел встречу с главой Отдела внешних сношений РПЦ Митрополитом Филаретом. Он подтвердил факты, изложенные в письме Ю. Барабаша, и сказал, что РПЦ готова помочь РПО в защите его прав на собственность, если будет на то соответствующая доверенность.

В июне 1984 г. РПО обратилось в Бюро Отделения истории и к вице-президенту Президиума АН СССР академику П.Н. Федосееву разрешить

выдать Духовной Миссии РПЦ в Иерусалиме доверенность на управление нашим имуществом.

Чтобы по-настоящему разобраться с правопреемственностью РПО на собственность в странах Ближнего Востока, Совет РПО утвердил тему кандидатской диссертации аспиранта УДН им. П. Лумумбы Е. Мартыненко «Международно-правовой статус собственности РПО на Ближнем Востоке». Научный руководитель — профессор И.П. Блищенко. Перед аспирантом поставлена задача изучить историю приобретения собственности и ее юридически-правовое положение на сегодняшний день.

Я также поставил вопрос перед МИД СССР о передаче РПО подлинных документов или копий на владение собственностью, т.к. пока у нас нет на руках этих документов, мы не можем ничего конкретно предпринять в отношении закрепления наших прав на эту собственность. А действовать здесь надо, ибо она может быть конфискована израильскими властями как «брошенная собственность». У них есть такой закон.

По вопросу о собственности РПО в Иерусалиме и других странах Ближнего Востока, по нашему мнению, следует предпринять следующие шаги:

1. Добиться получения подлинных документов или их копий на право владения собственностью РПО в странах Ближнего Востока.

2. После этого следует незамедлительно выдать представителям Русской Православной церкви (РПЦ) в Иерусалиме доверенность на управление и распоряжение имуществом, принадлежащим РПО, чтобы показать израильским властям и другим странам, что РПО не отказывается от своих прав на это имущество.

Принципиальная договоренность по этому вопросу с главой Отдела внешних сношений Митрополитом Филаретом имеется.

Оставлять открытым вопрос о собственности РПО не может, так как речь идет о сохранении государственной собственности, исчисляемой десятками миллионов долларов. В 1966 г. она оценивалась в 18—20 млн долларов.

3. Целесообразно было бы направить в Израиль в 1986 г. делегацию Академии наук СССР, которая совместно с Духовной Миссией Русской Православной церкви в Иерусалиме ознакомилась бы с состоянием советского имущества в Израиле и, в частности, выяснила судьбу библиотеки, которая находилась в здании представительства РПО.

Совет РПО просит Бюро Отделения истории поддержать это предложение.

Одновременно с этим после получения документов на собственность следовало бы все принадлежащее РПО имущество в Иерусалиме взять на баланс Академии наук. Это повысит ответственность Академии наук СССР за имущество РПО.

II. О Библиотеке РПО

Совет РПО считает целесообразным создать авторитетную комиссию для решения вопроса о судьбе библиотеки Российского Палестинского

Общества, которая до революции насчитывала несколько тысяч томов, значащихся в изданном каталоге книг этой библиотеки. После революции, когда деятельность РПО вплоть до 1951 г. была фактически приостановлена, библиотека была передана на временное хранение в различные научные учреждения Ленинграда. Значительная часть ее фонда уже утрачена. К сожалению, до сих пор эта уникальная библиотека не восстановлена. В 1982 г. 8 тысяч томов этой библиотеки было передано без ведома РПО Московской Патриархии.

Библиотеку желательнее разместить в Москве, где она станет центром научной, культурной и общественно-пропагандистской деятельности среди арабской и советской общественности (чтение лекций, проведение семинаров, работа с арабскими аспирантами и студентами и т.п.). Для этой цели необходимо подыскать для РПО небольшое здание в центре Москвы. В этом случае РПО и его библиотека станут своеобразным домом арабской культуры и науки.

III. Другие вопросы

Просим Бюро Отделения истории поддержать предложение, чтобы РПО через посредство Всесоюзного общества «Знание» организовало циклы лекций по ближневосточной и палестинской проблематике. Предварительное согласие В/О «Знание» имеется.

По нашему мнению, было бы, очевидно, целесообразно существующую Комиссию комплексных проблем по борьбе с сионизмом при Президиуме АН СССР преобразовать в Межведомственный Совет или Комплексную Комиссию при Президиуме АН СССР по координации советских исследований по ближневосточным проблемам, включая палестинскую проблему и противодействие сионистской пропаганде, а также по выработке научно-практических рекомендаций. В Межведомственный Совет, наряду с представителями институтов АН СССР, целесообразно включить представителей МИД СССР и других государственных учреждений и общественных организаций.

Что касается укрепления финансовой и материальной базы деятельности РПО, то она будет решаться в зависимости от того, каков будет профиль деятельности РПО и какие перед ним будут поставлены задачи.

В организационной области Совет РПО просит Бюро Отделения:

1. Утвердить решение Общего собрания РПО от 14 апреля 1984 г. об увеличении числа членов Совета с 5 до 10 человек.
2. Разрешить принимать в состав РПО коллективных членов — институты, библиотеки, государственные и общественные организации.

Помета Д.С. Волгиной: «Отпечатано» 4 экз. 24.05.85 г.».

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

14. ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РПО ПРИ АН СССР В.Г. СОЛОДОВНИКОВА
ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР АКАДЕМИКУ П.Н. ФЕДОСЕЕВУ.
МОСКВА, Б.Д. [АПРЕЛЬ 1985 Г.].

По вопросу активизации деятельности Российского Палестинского Общества при АН СССР (РПО) и расширения и укрепления научных связей АН СССР с научными и учебными центрами на Ближнем Востоке

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В условиях обострившейся борьбы между двумя мировыми системами в различных сферах, особенно в идеологической, приобретает возрастающее значение активизация деятельности различных научных ведомств и научных учреждений, в том числе Академии наук СССР по целенаправленной пропаганде за рубежом коммунистических идей и миролюбивой политики нашего государства. Особенно актуально и остро стоит этот вопрос в отношении развивающегося мира и таких «горячих» точек, как Ближний Восток, где происходит прямая конфронтация с силами империализма и сионизма, сопровождаемая усилением политической и идеологической борьбы вокруг нерешенных проблем ближневосточного урегулирования.

Для того чтобы РПО могло успешно выполнить свою роль по укреплению нашего влияния на Ближнем Востоке, необходимо решить следующие вопросы.

1. В качестве одного из первых конкретных шагов в этом направлении стоило бы незамедлительно выдать представителям Русской православной церкви (РПЦ) в Иерусалиме доверенность на управление и распоряжение имуществом, принадлежащим РПО, чтобы показать израильским властям, что РПО не отказывается от своих прав на это имущество (см. по этому вопросу Памятную записку Посольства Финляндии в Москве, направленную МИД СССР, от 22 марта 1976 г.).

Принципиальная договоренность по этому вопросу с главой Отдела внешних сношений РПЦ Митрополитом Филаретом имеется.

Одновременно с этим следовало бы все принадлежащее РПО имущество в Иерусалиме взять на баланс Академии наук СССР.

2. Разрешить РПО наряду с «Палестинским сборником» — традиционно-исторического и филологического направления — издавать «Ежегодник» — сборник научных трудов советских ученых по ближневосточной проблематике под условным названием «Вестник РПО (Сборник научных публикаций и сообщений)», в котором могли бы сотрудничать советские, а также прогрессивные зарубежные ученые, прежде всего из социалистических и ближневосточных стран.

В перспективе вести дело к изданию «Вестника» на английском, французском и арабском языках.

3. В целях популяризации деятельности РПО готовится к изданию брошюра «РПО: история и современность», рукопись которой будет готова к изданию в IV квартале 1985 г.

Просим выделить РПО необходимые средства для перевода и издания этой брошюры ротاپринтным способом на русском, английском, французском и арабском языках.

4. Разрешить создать Отделения РПО при республиканских академиях наук, в которых ведутся исследования по арабистике и по ближневосточной проблеме, а также при Казанском и Новосибирском университетах (отделения РПО созданы в Ленинграде, Ереване, Горьком, при Академиях наук Грузинской ССР, создаются при АН Казахской ССР и Таджикской ССР).

5. Оказать содействие в восстановлении библиотеки Российского Палестинского Общества, которая до революции насчитывала несколько тысяч томов, значащихся в изданном каталоге книг этой библиотеки. После революции, когда деятельность РПО вплоть до 1951 г. была фактически приостановлена, библиотека в 1923 г. была передана на временное хранение в различные научные учреждения Ленинграда. Значительная часть ее фонда уже утрачена. К сожалению, до сих пор эта уникальная библиотека не восстановлена.

Библиотеку желательно разместить в Москве, где она станет центром научной, культурной и общественно-пропагандистской деятельности (чтение лекций, проведение семинаров, работа с арабскими аспирантами и студентами и т.п.). Для этой цели необходимо подыскать для РПО небольшое здание в центре Москвы. В этом случае РПО и его библиотека станут своеобразным домом арабской культуры и науки.

6. Разрешить РПО при участии Институтов востоковедения, Африки и других Институтов АН СССР организовать через посредство Всесоюзного общества «Знание» циклы лекций по ближневосточной и палестинской проблематике.

7. Учитывая, что проблематика и характер деятельности РПО выходит за рамки одного какого-либо Отделения Президиума АН СССР, целесообразно подчинить его в научно-организационном отношении непосредственно Секции общественных наук Президиума АН СССР.

8. Было бы, очевидно, целесообразно существующую Комиссию комплексных проблем по борьбе с сионизмом при Президиуме АН СССР преобразовать в Межведомственный Совет или Комплексную Комиссию при Президиуме АН СССР по координации советских исследований Ближневосточной проблемы в ее самом широком аспекте, включая палестинскую проблему и противодействие сионистской пропаганде, а также по выра-

ботке научно-практических рекомендаций. В Межведомственный Совет наряду с представителями институтов АН СССР целесообразно включить представителей МИД СССР и других государственных учреждений и общественных организаций.

Осуществление предлагаемых выше предложений позволило бы укрепить советско-арабские связи и сотрудничество в научной области, что создаст благоприятные предпосылки для усиления нашего идеологического и политического влияния в арабском мире.

После рассмотрения и одобрения указанных мероприятий по активизации деятельности РПО будут представлены на Ваше рассмотрение предложения об усилении организационной работы и об укреплении секретариата РПО специалистами по Ближнему Востоку.

Председатель РПО при АН СССР член-корр. АН СССР В.Г. Солодовников.
Помета Д.С. Волгиной: «Отпечатано» 3 экз. + 1. 12.04.85».

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

15. Протокол заседания Совета РПО при АН СССР. Москва, 4 апреля 1985 г.

Присутствовали: член-корр. АН СССР В.Г. Солодовников, д.ю.н. Л.А. Моджорян, д.и.н. Медведко Л.И., д.и.н. Е.Д. Пырлин, к.и.н. Р.Ш. Турдиев, В.И. Иваненко.

Иваненко В.И. — считаю, что сегодняшнее заседание мы должны отложить, т.к. вопросы по реорганизации РПО, которые нам сегодня предстоит обсуждать, должны быть рассмотрены в присутствии актива РПО (Л.Н. Кутаков, Д.С. Чувахин, Д.С. Чальян, Е.С. Евсеев, В.В. Беляков, Д.Г. Соколов, Скурлатов В.И., Г.В. Рыжиков). А кроме того, члены общества признают только старый Совет, утвержденный Президиумом АН СССР, а не 10 человек новых.

СЛУШАЛИ:

Председателя РПО, члена-корр. АН СССР В.Г. Солодовникова.

Товарищи! Работу РПО будут проверять на Бюро Отделения истории Президиума АН СССР. Прошу вас внимательно изучить мой доклад и сделать свои замечания, причем обязательно в письменном виде. Здесь сегодня должно быть решено, каким быть Обществу, будет ли оно приносить пользу или прозябать в том состоянии, в котором находится сейчас.

Я в своем докладе поднимаю четыре группы вопросов:

1) Наша недвижимая собственность — этот вопрос надо довести до конца. Мною были написаны два письма академикам Тихвинскому и

Федосееву с просьбой выдать доверенность представителю РПЦ в Иерусалиме на управление нашей собственностью. Ответа пока нет, но если в МИДе скажут нам этим не заниматься, то тогда снимем вопрос с повестки.

Подлинных документов на собственность у нас нет, в АН наше имущество на балансе не числится!? Если Израиль на основании своего закона «об отсутствующих хозяевах» предъявит права на наши земельные участки и строения, то ответ придется держать Обществу!

2) О библиотеке — ее раздали в 1923 г. 4-м организациям. Прошло уже 60 лет, а вопрос так и не решен. В 1982 г. 8 тыс. экз. было передано РПЦ — надо выяснить, какие это книги. Поехать в Ленинград и провести ревизию по каталогам. Библиотеку нашу растаскивают, надо решить, наконец, есть она или уже нет! Предлагаю создать комиссию.

3) Наша научная деятельность — предлагаю сохранить традиционный «Палестинский сборник» и создать еще «Ежегодник» по современным проблемам.

Предлагаю созданную в 60-е годы Комплексную комиссию по делам сионизма при АН СССР, которую раньше возглавлял Гафуров, а теперь Примаков, реорганизовать, быть может, в Координационный Совет по арабистическим исследованиям (условно), т.к. Комиссия эта мертворожденная, интереса у нее к работе по этой тематике нет.

В в/о «Знание» согласились сделать для нас 1 цикл лекций, а потом дали отбой, сославшись на отсутствие популярности темы. Но в июне с.г. они готовы послушать одну пробную нашу лекцию. Хочу поставить вопрос перед Отделением истории, чтобы нам разрешили вести лекции, и тем самым показать арабским странам, что мы их не игнорируем.

А теперь прошу всех высказать свои замечания и потом оформить их в письменном виде. В своих предложениях я не вижу никакой политики, одна только наука.

СЛУШАЛИ: Турдиева Р.Ш.

1) Замечание ученого секретаря РПО о том, что Президиум АН СССР не утвердил новый состав Совета РПО, несмотря на то, что этот вопрос ставился уже дважды, говорит о том, что мы не можем рассматривать себя в качестве членов Совета. Поэтому мое выступление будет носить частный характер.

2) Председатель Совета упомянул, что предложенный на обсуждение доклад характеризуется как «политизированный», что в нем много «политики». Я согласен с подобной оценкой. Ведь действительно, если взять Устав общества, то его главной задачей была и остается культурно-просветительная деятельность и именно в этом направлении должны быть сосредоточены усилия общества.

Председатель Совета в своем вступительном слове кратко охарактеризовал основные вопросы, которые стоят перед обществом. Однако,

если прочитать проект доклада для Бюро Отделения истории, то выясняется, что эти основные вопросы тонут в общих рассуждениях о положении в мире и на Ближнем Востоке и советско-арабских отношениях. При этом вносятся предложения, которые совершенно не вписываются в рамки полномочий РПО. К примеру, создание Международной Ассоциации друзей стран народов Бл. Востока, создание в Москве «Дома арабской науки и культуры», созыв международной конференции «Палестина и палестинский народ». Упоминалось в выступлении председателя предложение об активизации деятельности Комиссии по антиссионистской пропаганде во главе с академиком Примаковым Е.М. Предлагается, чтобы РПО было предоставлено право вносить предложения о направлении в загранкомандировки на различные симпозиумы, семинары, конференции и т.д. Думаю, все эти вопросы выходят далеко за рамки компетенции РПО и их не стоит ставить в ходе отчета Общества на Бюро Отделения истории от имени РПО.

Разумеется, в более широком плане, исходя из наших интересов на Ближнем Востоке, отдельные предложения могли бы быть поставлены, но не в увязке с деятельностью РПО.

Председатель Совета поставил серьезный вопрос о собственности общества в Палестине. При этом в проекте доклада говорится о том, что не ясно, кто же имеет ответственность за эту собственность? Думаю, так вопрос нельзя ставить. РПО — есть как раз то юридическое лицо, которое несет ответственность за эту собственность. При этом, главное в этой области — четко представлять себе, чем мы владеем и где находятся документы на собственность. Насколько я понимаю, такой ясности нет. Председатель говорит, что ему не дают документов. Видимо, и не следует ждать, что РПО их получит, поскольку это — документы государства. Другое дело — получить их копии, знать, что где находится, чтобы квалифицированно защищать советскую собственность за рубежом.

Второй вопрос о библиотеке. Председатель говорит о какой-то комиссии, о том, что не известно, остались ли вообще какие-либо книги из библиотеки общества. Но ведь это такая проблема, которую следовало бы руководству РПО решать без каких-либо комиссий, командировав 1–2 человек членов общества в Ленинград, или дать соответствующее поручение Ленинградскому отделению РПО.

Иными словами, мне хотелось бы подчеркнуть необходимость сосредоточения внимания на практических делах общества, а не ставить перед собой задачу разработки различных предложений по ближневосточному урегулированию и т.п.

В этой связи отмечу еще один аспект. Вряд ли правильно, что в выступлениях председателя общества делаются резкие антиссионистские вы-

сказывания в условиях, когда собственность РПО находится по существу без надзора и, как говорит сам председатель, израильские власти могут в любой момент захватить эту собственность в соответствии с законом о собственности отсутствующих лиц. Здесь надо проявлять определенную гибкость, как это делает РПЦ. Не следует раздражать израильтян там, где не надо.

РПО — общественная организация, имеющая определенные функции. Это, разумеется, не означает, что отношение РПО к арабо-израильскому конфликту расходится с принципиальной линией Советского Союза.

СЛУШАЛИ: д.ю.н. Моджорян Л.А.

Я согласна с глубоким и объективным анализом, данным Р.Ш. Турдиевым. Доклад действительно получился необъятным и затрагивает такие сферы, которые нас не касаются. Не нам поучать академиков, что нужен мир на Ближнем Востоке. «Политические» моменты необходимо убрать из доклада. Но основываться следует на заявленных четырех группах вопросов.

В руководстве Обществом я состою с 1972 г., и неправильно было бы говорить, что общество ничего не делало и не делает. Раньше мы всегда собирались регулярно один раз в месяц — делались интересные доклады, сообщения, рецензировались статьи для «Палестинского сборника», членами общества защищались докторские и кандидатские диссертации, и даже фильм был поставлен по инициативе общества и пр.

Комиссию по библиотеке также не считаю нужным создавать, а поставить вопрос перед Академией Наук о переводе ее в Москву необходимо.

Правильно сказано об усилении политического и идеологического влияния в арабском мире. Но нам прежде всего надо использовать культурные связи и научные для политического влияния на прогрессивные силы.

СЛУШАЛИ: Пырлина Е.Д. д.и.н.

В докладе действительно телега ставится впереди лошади. Прежде всего нам надо поставить вопрос о роли РПО в системе Академии Наук — из этого будет следовать и все остальное (собственность, библиотека и т.д.).

Давать директивные указания кому-либо мы не имеем права — только самим себе. Так, мы не вправе указывать Президиуму АН об упразднении Комиссии по борьбе с сионизмом — она была создана по решению ЦК КПСС.

Руководство арабистикой осуществляет ИВАН, нам впрягаться в это не следует.

Совместные международные конференции с институтами и научными центрами тоже не наше дело.

Нельзя ставить в зависимость сотрудничество с зарубежными центрами от отсутствия машинки с латинским шрифтом и переводчика в секретариате.

Проводить ремонт нашего Представительства в Иерусалиме за счет ООН — нонсенс. Мы таким образом ставим под удар отношения нашего государства с палестинцами.

Издание «Энциклопедии Палестины», на мой взгляд, неосуществимо, а справочник по Ближнему Востоку — вполне возможно. По этому вопросу работают институты, и РПО тоже может подключиться.

Надо смягчить тон доклада (ак-ку Федосееву инкриминируется чуть ли не государственное преступление). Нам не нужно быть директивным органом для других организаций.

«Ежегодник» — это хорошо, но нет базы.

СЛУШАЛИ: Медведко Л.И. д.и.н.

Конечно, доклад получился слишком обширным, в первой редакции мы делали его короче, некоторые страницы можно полностью убрать.

По поводу политической линии РПО — речь в будущем будет идти о сосуществовании на одной территории двуединого государства — Израиля и Палестины. И мы могли бы выполнять роль организации, которая помогла бы налаживанию связей и с арабской и еврейской частями.

Наши функции: наука, культура, литература, церковь — мы тут просто необходимы. Но мы можем выполнять и определенные политические функции. Согласен с Е.Д. Пырлиным, надо сначала поставить цели, а потом их достижение.

Есть Научный Совет по странам Африки, почему же не может быть такого Совета по странам Ближнего Востока?

СЛУШАЛИ: Председателя РПО В.Г. Солодовникова

В заключение — если мы не должны раздражать израильтян, то как нам тогда заниматься вопросами сионизма? Я считаю, что наш стратегический и политический интерес к Ближнему Востоку прямой — это соседи. А у нас получается, что работу с арабами мы игнорируем.

Предлагаю всем членам Совета конкретно определить цели РПО в современной ситуации и представить их в письменном виде.

В связи с намеченным на 25 апреля с.г. годовым собранием, предлагаю тов. Иваненко В.И. выступить с отчетом по работе общества, т.к. я сам полностью занят докладом для Бюро Отделения истории Президиума АН СССР.

Председатель РПО при АН СССР член-корр. АН СССР В.Г. Солодовников
Ученый секретарь РПО при АН СССР В.И. Иваненко

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

16. ЗАПИСКА. К СПРАВКЕ УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ РПО В.И. ИВАНЕНКО.
МОСКВА, 9 АПРЕЛЯ 1985 Г. АВТОР НЕ УКАЗАН.

22 декабря 1984 г. без согласования с Советом РПО при АН СССР тов. Солодовников В.Г. организовал «расширенное» заседание Совета РПО при АН СССР в г. Загорске.

Помимо членов РПО (26 чел.), т. Солодовников пригласил в качестве гостей еще около 70 человек из различных организаций и ведомств.

Подобного собрания, на котором присутствовало бы втрое больше гостей, чем самих членов Общества, за все годы существования РПО не было.

Более того, после завершения официальной части, проходившей в Актовом зале Московской Духовной Академии Троице-Сергиевой Лавры, где член РПО Митрополит Ювеналий прочитал лекцию на тему «Межрелигиозный вклад в решение ближневосточных проблем», а также после демонстрации документального фильма «Во имя мира» от ректора Академии поступило вежливое приглашение на «скромную трапезу». Вместо того чтобы отказаться, как это ему советовали, в связи с всенародным трауром по случаю кончины члена Политбюро ЦК КПСС, Министра обороны СССР Д.Ф. Устинова, тов. Солодовников активно поддержал это предложение вежливых хозяев и в результате состоялось «веселое застолье» с употреблением спиртных напитков. Это мероприятие обошлось хозяевам более чем в две тысячи рублей. Вина за эту непривлекательную сторону поездки в г. Загорск целиком ложится на председателя РПО тов. Солодовникова, который не разобрался в политическом значении этого дополнительного мероприятия в дни траура, и члены Общества оказались в весьма неудобном положении.

Кроме того, как стало известно, ректор Духовной Академии был вскоре освобожден от своего поста, хотя причина не объявлена — она ясна.

Помета Д.С. Волгиной: «Отпечатано» 2 экз. 9.04.85».

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

17. ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА РПО ПРИ АН СССР.
МОСКВА, 18 АПРЕЛЯ 1985 Г.

Присутствовали: член-корреспондент АН СССР В.Г. Солодовников, д.ю.н. Л.А. Моджорян, д.ф.н. Л.П. Жуковская, к.и.н. Соколов Д.Г., к.и.н. Евсеев Е.С., В.И. Иваненко и др.

Повестка дня

Обсуждение доклада Председателя РПО члена-корр. АН СССР В.Г. Солодовникова для Отделения истории (повторное обсуждение).

Слушали:

Председателя РПО, члена-корреспондента АН СССР В.Г. Солодовникова.

Товарищи!

Вопрос о работе РПО будет слушаться на Бюро Отделения истории Президиума АН СССР. Я подготовил предложения по активизации деятельности РПО, прошу их изучить и сделать замечания.

Тов. Солодовников делает краткий обзор предложений (см. доклад — прилагается).

1) В Уставе не сказано, что существует два государства на территории Палестины, не сказано, что мы должны изучать Израиль. Значит, стоит вопрос об изменении Устава.

Нам необходимо заниматься ближневосточными проблемами, а в Уставе этого тоже нет. Поэтому мое предложение для Отделения истории — внести изменения в Устав РПО.

2) Наряду с «Палестинским сборником», издаваемым в Ленинграде, разрешить издавать ежегодник по современной проблематике.

3) Нужно издать брошюру «История Палестины».

4) Готовим брошюру «РПО: история и современность» — я написал 2 главы, остальные готовит К.Н. Юзбашян (Ленинград).

У нас нет ни одной исторической работы по истории РПО, в Америке она есть. Необходимо издать, перевести на другие языки и издать на ротапринте.

5) В 1986—1987 гг. я предлагаю провести общесоюзную конференцию «Палестина и палестинский народ». Нам надо ее провести и показать себя.

6) Затем ставлю вопрос — разрешить создать Отделения РПО при республиканских Академиях наук, где есть ближневосточная проблематика. Сейчас создано отделение в Тбилиси, создаются отделения в Казахской ССР и Таджикской ССР.

Вторая проблема — проблема собственности и не известно, что с ней — есть она или ее нет; подлинных документов мы не нашли.

Мы поручили тему кандидатской диссертации о собственности аспиранту УДН им. П. Лумумбы тов. Мартыненко. Руководитель — Блищенко.

Необходимо выдать доверенность Представителю Русской православной церкви на выяснение вопроса о собственности. Но доверенность может быть лишь тогда, когда у нас будут документы, а их у нас пока нет.

Целесообразно направить делегацию в Израиль для инспекции этой собственности.

В Израиле есть закон «о брошенной собственности», он направлен против арабов, но израильтяне могут направить его и против нас.

Фотографии здания Представительства РПО в Иерусалиме я передал в МИД СССР.

7) О библиотеке. В 1982 г. 8000 томов было передано РПЦ. Нужно создать комиссию для решения вопроса о библиотеке РПО, после чего необходимо ставить вопрос о здании для Библиотеки. И решать этот вопрос нужно вместе с Ленинградским Отделением РПО.

Затем председатель РПО коснулся вопроса о расширении материальной базы Общества, об увеличении числа членов Совета до 10 человек, разрешить прием коллективных членов.

Выступили:

Иваненко В.И. — доклад Председателя для Отделения истории уже однажды обсуждался, был подвергнут серьезной критике. За полтора прошедших года только ставились задачи, ни одна из них не выполнялась.

Жуковская Л.П. — когда в 1951 г. в связи с постановлением Совета Министров Российское палестинское общество возобновило работу, то ставилась задача тем самым оправдать существование нашей собственности. Мы имеем право на эту собственность и ставить вопрос отказаться от собственности — неправильно.

Евсеев Е.С. — неправильно ставить вопрос существования Общества в зависимость от собственности. Ликвидировать Общество мы не имеем право. Вопросом собственности нужно заниматься.

Что касается доклада, то получается, что в работе одни предложения на будущее.

Что касается научной стороны вопроса, то надо отметить, что проходили обсуждения книг (О.А. Колобов, Е.С. Евсеев, Д.К. Пономарев).

Что касается политической стороны, то палестиноведов конкретных у нас действительно мало (это сектор в Институте востоковедения), они за это получают деньги.

Политическая деятельность не выпадает из нашей научной, т.к. обе эти стороны лежат в русле Постановлений нашей партии.

О библиотеке: в 1983 г. В.И. Иваненко и я были 2 дня в Ленинграде. Перспективы отыскания этой библиотеки ясны. Это и организации, и отдельные лица. Я думаю, книги можно вернуть. Но этим необходимо заняться серьезно. Что касается 8000 томов — то с РПЦ, я думаю, можно договориться, но это литература богословская, они взялись за то, чтобы спасти эти 8000 томов.

Изменение Устава может повлечь изменение юридического статуса Общества.

Доклад затрагивает судьбы Общества, его будущее и настоящее. Поэтому предлагаю доклад делать коллективным.

Соколов Д.Г. — я сторонник Устава и менять его мы не имеем права. В состав Совета Общества всегда входили руководители секций.

По вопросу о собственности — существует «Инюрколлегия», только она может разобраться в этом деле.

Моджорян Л.А. — 1) вопрос, существовать или не существовать Обществу не должен даже ставиться, тем более нецелесообразно ставить вопрос о присоединении РПО к Институту. Тем, что я написала 2 книги — во многом я обязана Обществу.

2) Всякий пересмотр Устава вызовет остановку работы и может повлиять на юридический статус Общества.

3) Если встанет вопрос о ликвидации секции, то надо ставить вопрос о жизнеспособности: секция «Культура и искусство народов Ближнего Востока» (Бердников А.Ф.) оказалась нежизнеспособной и надо поставить вопрос — нужна ли она? Единственная секция работоспособная, энергичная, деятельная — это секция «Новая и новейшая история». Надо ценить таких руководителей, поддерживать и продолжать работу секции.

Председатель РПО В.Г. Солодовников поручает подготовить отчетный доклад за год Ученому секретарю В.И. Иваненко и назначает общее годовое собрание на 25 апреля 1985 г.

Помета Д.С. Волгиной: «Отп[ечатано] 2 экз. 23.05.85 г.».

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

18. Справка о всех заседаниях Совета РПО, собраниях и заседаниях секций РПО за период председательства В.Г. Солодовникова. Москва, б.д. [апрель, 1985 г.]

12 октября 1983 г. — Заседание Совета РПО. Присутствовало 10 чел.

Ученый секретарь Секции общественных наук АН СССР т. Куманев В.А. информировал об освобождении от обязанностей Председателя Общества члена-корреспондента УДАЛЬЦОВУ З.В. и назначении нового Председателя — члена-корреспондента АН СССР СОЛОДОВНИКОВА В.Г.

Постановили: рекомендовать общему собранию РПО Председателем Солодовникова В.Г.

10 ноября 1983 г. — Заседание Совета РПО. Присутствовало 11 чел.

Обсуждение проекта плана работы РПО на 1984 год /Солодовников В.Г./

Постановили:

- 1) на очередном заседании Совета обсудить и суммировать все предложения об активизации деятельности РПО;
- 2) подготовиться к отчетному годичному собранию;
- 3) руководителям секций представить планы работы;
- 4) наметить план мероприятий к «Году Палестины» (1985)

16 ноября 1983 г. — заседание секции «Литературные связи Востока и Запада» в помещении Гос. Исторического музея. Руководитель Л.П. Жуковская; присутствовало 67 чел., членов РПО — 10 чел.

Отчет участников экспедиции в Русский Пантелеимонов монастырь на горе Афон (12.09—20.10.1983).

22 декабря 1983 г. — расширенное заседание Совета РПО. Руководитель В.Г. Солодовников.

Обсуждение доклада Председателя РПО, чл.-корр. Солодовникова В.Г. «О мероприятиях РПО в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Главные задачи Общества:

- а) о сохранении правопреимственности на недвижимую собственность на территории Палестины,
- б) о сохранении и переводе в Москву уникальной библиотеки РПО,
- в) об обеспечении научного и общественного авторитета Общества,
- г) о поддержании контактов с советскими и зарубежными центрами палестиноведения.

Постановили: утвердить эти основные направления в деятельности Общества.

27 февраля 1984 г. — расширенное заседание Совета РПО. Руководитель В.Г. Солодовников; присутствовало 15 чел.

- 1) Отчет к.и.н. Евсеева Е.С. о поездке в Ленинград для выяснения состояния библиотеки РПО,
- 2) доклад к.и.н. Колобова О.А. (Горький) «О национальной и культурной экспансии США в странах Бл. Востока».

Постановили:

1) хлопотать о помещении в Москве для библиотеки, объединить фонды ее, сделать переоценку всех оставшихся книг. Литературу религиозного содержания передать Русской православной церкви, оформив дарственную;

2) работу Колобова О.А. оценить положительно и рекомендовать ее в качестве докторской диссертации. Опубликовать монографию в «Палестинском сборнике» № 29 под общей редакцией В.Г. Солодовникова.

12 апреля 1984 г. — общее годовичное собрание РПО. Присутствовало 51 чел., членов РПО — 40 чел.

1) Отчет о деятельности РПО за 1982—1983 гг. (ученый секретарь РПО В.И. Иваненко)

2) доклад «О задачах и направлениях деятельности РПО на 1984—1985 гг. и более длительную перспективу». (предс. РПО — Солодовников В.Г.)

Постановили:

1) утвердить отчет ученого секретаря;

2) принять за основу деятельности РПО предложения, содержащиеся в докладе Солодовникова В.Г., Председателя РПО;

3) поручить Совету РПО принять меры к организации издания второго «Палестинского сборника» по актуальным проблемам Бл. Востока;

4) поручить Совету РПО принять меры к распространению деятельности РПО на республиканские Академии наук путем создания отделений или секторов РПО;

5) одобрить деятельность Совета по выяснению положения с библиотекой; принять меры к сохранению ее, обратиться в Президиум АН СССР с предложением принять меры к подысканию помещения для размещения библиотеки в Москве;

6) утвердить решение Совета РПО по приему новых членов общества (27 чел.);

7) исключить из членов РПО за пассивность в работе и неуплату членских взносов 3-х чел. (Веймарн Е.В., Журин О.И., Шарбатов Г.Ш.);

8) увеличить число членов Совета РПО до 10-ти человек и внести соответствующую поправку в Устав.

6 июня 1984 г. — заседание секции «Новая и новейшая история» РПО. Руководитель Е.С. Евсеев; присутствовало 18 чел.

Обсуждение плана работы секции на 1984—1985 гг. в свете решений и материалов годового отчетного собрания.

Постановили:

на основе высказанных предложений составить конкретный план работы секции, обсудить его и представить на рассмотрение Совета РПО.

5 июля 1984 г. — Расширенное заседание Совета РПО. Руководитель В.Г. Солодовников; присутствовало 19 чел.

1) Сообщение В.Г. Солодовникова о Международном Семинаре в Париже по ближневосточному урегулированию и о VI Конгрессе ОСНАА в Алжире;

2) о подготовке Всесоюзной конференции на тему «Палестина и палестинский народ»;

3) сообщения руководителей секций Евсеева Е.С. и Жуковской Л.П. о планах работы на 1984—1985 гг.

Постановили:

1) в 1985 г. провести Всесоюзную конференцию «Палестина и палестинский народ»; создать оргкомитет, включить в план Академии Наук; суммировать все предложения по темам докладов; возможно, пригласить делегацию из арабских стран; обсудить окончательный план конференции в сентябре-октябре 1984 г.

2) широко оповещать всех членов РПО о научных сообщениях и докладах на секциях РПО; контроль за выполнением плана работы секций и проведении научных дискуссий возложить на ученого секретаря РПО — Иваненко В.И.

3) завершить работу по выявлению и получению документов на собственность РПО, находящихся в Архиве МИД СССР.

4 октября 1984 г. — Расширенное заседание Совета РПО. Присутствовало 36 чел.

1) Сообщение В.Г. Солодовникова об участии в Семинаре ООН по вопросу о Палестине (Тунис, 13—17 августа 1984 г.);

2) информация В.Г. Солодовникова о создании отделения РПО в Тбилиси (Постановление Президиума АН Груз. ССР от 27 сентября 1984 г.), председатель — Каджая Омар Шалвович.

Постановили:

1) поручить тт. Евсееву Е.С. и Чальяну Д.С. подготовить записку о спорных вопросах в части оценки международного сионизма в выступлениях лекторов и других авторов;

2) поручить д.ю.н. Моджорян Л.А. подготовить положение о выборе почетных членов РПО;

3) командировать Евсеева Е.С. и Соколова Д.Г. в Ленинград для сплошной проверки всех книг библиотеки РПО по каталогам;

4) утвердить перечень публичных лекций, входящих в два цикла и предложить их В/О «Знание»;

5) всем членам Совета передать тов. Иваненко В.И. замечания о распределении обязанностей среди членов Совета.

26 октября 1984 г. — расширенное заседание Советского Комитета дружбы и солидарности с арабским народом Палестины и РПО (проходило в Доме дружбы народов, руководитель Ю.Я. Барабаш), присутствовало 10 чел. членов РПО.

28 ноября 1984 г. — собрание Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, и РПО, посвященное Междуна-

родному дню солидарности с арабским народом Палестины. Руководитель Ю.Я. Барабаш, присутствовало 8 чел. членов РПО.

6 декабря 1984 г. — заседание секции «Новая и новейшая история» РПО. Руководитель Е.С. Евсеев; присутствовало 25 чел.

1) доклад «Русско-палестинские связи XIX в.» (советник МИД СССР П.В. Стегний)

2) разное.

Состоялось обсуждение различных текущих вопросов работы секции.

22 декабря 1984 г. — расширенное заседание Совета РПО. Руководитель В.Г. Солодовников, проходило в Загорске, присутствовало 26 чел. — членов РПО и 60 чел. приглашенных.

1) Лекция митрополита Коломенского и Крутицкого Ювеналия «Межрелигиозный вклад в решение ближневосточных проблем»;

2) заключительное слово председателя РПО, чл.-корр. АН СССР В.Г. Солодовникова;

3) вопросы и ответы;

4) концерт;

5) фильм «Во имя мира»;

6) прием.

17 января 1985 г. — заседание РПО (Совет и актив)

1) Доклад «Об итогах XVII сессии Исполкома ООП» (Р.Ш. Турдиев)

2) Разбор заявлений о приеме в Общество (Грядунов, Матuzов, Вахромеев, Стефанкин, Голубев)

27 февраля 1985 г. — заседание Совета РПО

1) О целях и задачах Международной Ассоциации по защите и сохранению палестинского культурного наследия» (д.и.н., профессор Р.Т. Ахрамович)

2) Утверждение рецензии В.И. Скурлатова на рукопись Д.К. Пономарева «Агрессивный альянс ЮАР—Израиль».

2 апреля 1985 г. — заседание секции «Новая и новейшая история»

1) Доклад «Русско-палестинские связи XVIII—XIX в. (Ректор Ин-та стран Азии и Африки д.и.н., профессор Р.Т. Ахрамович)

4 апреля 1985 г. — закрытое заседание Совета РПО

Обсуждение доклада В.Г. Солодовникова для Бюро Отделения истории

18 апреля 1985 г. — заседание Совета и актива

Повторное обсуждение доклада В.Г. Солодовникова для Бюро Отделения истории.

22 апреля 1985 г. — заседание актива РПО
Обсуждение отчетного доклада ученого секретаря В.И. Иваненко.

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг. На 5 стр.

19. СПРАВКА О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ С СОВЕТОМ РПО ПРИ АН СССР.
Москва, б.д. [1985?].

27 марта 1980 г. — На общем годовичном собрании избран Совет из 5 человек во главе с чл.-корр. АН СССР З.В. Удальцовой.

12 апреля 1984 г. — На общем годовичном собрании председатель РПО чл.-корр. Солодовников В.Г. предложил избрать Совет из 10 человек, сославшись на то, что этот вопрос согласован в ЦК и Президиуме АН. Голосование проходило списком.

25 апреля 1985 г. — Общее годовичное собрание поставило вопрос о неправомочности Совета из 10 человек в связи с тем, что это является нарушением Устава РПО.

Решения собрания по этому вопросу принято не было.
Зам. ученого секретаря РПО при АН СССР Н.А. Дагурова

Помета Н.А. Дагуровой: «<Напечатано> 20.01.88 г.».

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

20. ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР.
Москва, 13 ноября 1985 г. Копия.

О результатах проверки работы Российского Палестинского Общества
<Докладчики:> член-корр. АН СССР Солодовников В.Г.,
член-корр. АН СССР Новосельцев А.П.

В обсуждении приняли участие: Б.А. Рыбаков, А.А. Искендеров,
З.В. Удальцова, В.В. Беневоленский, В.И. Иваненко

Бюро Отделения истории ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Заслушав и обсудив сообщения чл.-корр. АН СССР Солодовникова В.Г. и чл.-корр. АН СССР Новосельцева А.П. о результатах проверки работы Российского Палестинского Общества в 1984–1985 гг., Бюро Отделения истории отмечает, что деятельность Общества в указанный период нельзя

признать удовлетворительной. Наметилась тенденция отхода от лучших традиций прошлой деятельности этой организации, имеет место несогласованность, конфликты в ее руководящем органе — Совете, нарушение порядка издания «Палестинского сборника», ослабли научные связи Общества с институтами Отделения истории АН СССР.

Бюро Отделения истории ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Считать целесообразным сосредоточение работы РПО на изучении традиционных проблем прошлого Палестины и связанных с ней стран, а также при активной помощи институтов Отделения — на исследовании научных проблем современной истории Ближнего Востока.

2. Рекомендовать РПО пополнить свой состав новыми членами, специализация которых соответствует направлениям деятельности Общества.

3. Предложить РПО рассмотреть вопрос об укреплении научных связей с институтами Отделения истории АН СССР, прежде всего с Институтом востоковедения, Институтом всеобщей истории, Институтом истории СССР, а также с близкими по профилю Общества учреждениями союзных республик, в особенности Армении и Грузии.

4. Согласиться с просьбой чл.-корр. АН СССР В.Г. Солодовникова об освобождении его от обязанностей председателя РПО. Признать необходимым укрепить руководство РПО.

5. Считать целесообразным разработку нового устава РПО.

6. Контроль за осуществлением настоящего постановления возложить на Отделение истории АН СССР.

Академик-секретарь Отделения истории АН СССР (подп.) академик Тихвинский С.Л.

Ученый секретарь отделения истории (подп.) к.и.н. Козлов В.П.

Верно: ИВИ АН СССР. Заказ 306 тир. 3 экз. 04.03.86.

Помета Н.А. Дагуровой: «<Получено> 5.03.86».

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

21. РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА АН СССР № 10105-2266.

Москва, 30 декабря 1985 г. Копия.

О председателе Российского Палестинского Общества

1. Освободить члена-корреспондента АН СССР Солодовникова В.Г. от обязанностей председателя Российского Палестинского Общества по собственному желанию.

2. Назначить члена-корреспондента АН СССР Новосельцева Анатолия Петровича председателем Российского Палестинского Общества.

Вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосеев

Круглая печать секретариата протокольного отдела Президиума АН СССР
Пометы Н.А. Дагуровой: Внизу листа: «<Получено> 15.01.86; на обороте
листа: «Отпечатано» 2 экз. 18.04.86 г.».

Архив ИППО. Документы РПО. Папка: 1979–1985 гг.

Сост. и подг. текста *Н.Н. Лисового*

ПРОБЛЕМЫ и ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИППО

ОТЧЕТ О РАБОТЕ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА ИППО ЗА 2013—2014 ГГ.

О.И. Фомин

В дореволюционной России Императорское Православное Палестинское Общество успешно участвовало в ближневосточной политике, способствуя русскому духовному, культурному и политическому присутствию в Святой Земле. Главные итоги этой деятельности — создание, совместно с Церковью и государственными институтами, и сохранение Русской Палестины, неоценимый вклад в дело просвещения православных арабов и сохранение арабской христианской общины в Святой Земле.

В советский период Российское Палестинское общество при Академии наук СССР вынуждено было ограничиваться лишь историческим и политологическим анализом проблем Ближнего Востока и научно-издательской деятельностью, осуществляемой на этом направлении силами востоковедов и историков — членов Общества.

Лишь в последние годы Императорское Православное Палестинское Общество в целом и члены Секции международного сотрудничества и культурного обмена (СМСИКО) получили возможность продолжить дело своих великих предшественников, благодарная память о которых до сих пор сохраняется в сердцах людей, деды и прадеды которых учились в «московских школах» Палестины, Сирии, Ливана. Благодаря школам ИППО в начале XX в. многие жители средиземноморского побережья от Бейрута до Латакии заговорили на русском языке. Сегодня, спустя 100 с лишним лет, мы стремимся восстановить и развить разработанные основателями Общества основные направления его деятельности, сформулированные в обновлённом Уставе ИППО: установление и развитие культурных, общественных, научных и духовных связей с народами Ближнего Востока и Средиземноморского региона, с иностранными и международными объединениями, включая специализированные учреждения ООН.

Палестинское Общество — международная общественная организация. Этим определяется значение секции международных связей в системе взаимодействия ИППО с МИД Российской Федерации. В своем докладе на праздновании 125-летия Общества министр иностранных дел С.В. Лавров охарактеризовал это взаимодействие в следующих словах: «Общество служит и, уверен, будет продолжать служить добрую службу России во внешней политике. Мы на это очень рассчитываем. Министерство иностранных дел будет и впредь всячески поддерживать Общество в его усилиях по укреплению духовного и культурного наследия России в Святой Земле, через программу паломничества, через поддержку очагов русской культуры среди палестинских арабов и их соседей (как православных, так и мусульман), через образовательные обмены и создание медицинских центров, через возвращение созданной усилиями Общества собственности России в Святой Земле». В своих выступлениях, интервью, обращениях к членам ИППО руководитель нашей организации С.В. Степашин подчёркивает, что она «...содействует усилиям Российского государства в решении палестинской проблемы и установлении справедливого мира и спокойствия на всём Ближнем Востоке».

XXI век стал веком не только духовного и культурно-просветительского, но и материального возвращения России и Палестинского Общества в Святую Землю. Наше Общество, старейшая российская неправительственная организация, сыграло важнейшую роль в возвращении России Сергиевского подворья в Иерусалиме, создании российского Музейно-паркового комплекса в Иерихоне, открытии Российского центра науки и культуры, а также школы с углубленным изучением русского языка в Вифлееме. ИППО принимало активное участие в подготовке официальных визитов в Палестину по приглашению Палестинской Национальной Администрации Президента и Премьер-министра Российской Федерации. Члены ИППО и, прежде всего, нашей Международной секции, своей общественной и информационной деятельностью вносят значительный вклад в осуществление российской ближневосточной политики. Они не только участвуют в общественно-политических мероприятиях в поддержку законных прав палестинского народа, но и развивают российско-палестинское культурное сотрудничество, подключаясь к проведению всемирной кампании «Иерусалим — культурная столица арабского мира», знакомя российскую общественность с творчеством палестинских поэтов, писателей, художников. Наше Общество силами Международной секции также способствует установлению связей между университетами России и Палестины, Сирии и Ливана и обмену молодёжными делегациями. За заслуги ИППО в развитии российско — палестинских отношений его председатель Сергей Вадимович Степашин был удостоен высокого звания «Почётного гражданина Государства Палестина». Он

и ряд членов Общества недавно были награждены высшими орденами Государства Палестина.

Секция международного сотрудничества и культурного обмена в своей деятельности опирается на созданную ею широкую сеть контактов с отечественными и зарубежными учреждениями, общественными объединениями, культурными и образовательными ассоциациями. СМСиКО поддерживает постоянные рабочие контакты с посольствами Палестины и других стран библейского региона: Сирии, Ливана, Иордании, Египта, а также Марокко, где находится Комитет по Иерусалиму ОИС, с землячествами и земляческими организациями арабских стран в России и странах СНГ, в частности, с Ассоциацией арабских землячеств в Москве и Союзом арабских студентов, обучающихся в России и странах Содружества.

Основными партнерами Международной секции являются такие, близкие нам по целям организации, как Российский комитет солидарности с народами Ливии и Сирии, Центр по изучению и сохранению духовного и культурного наследия Святого города под кратким названием «Русский центр «Иерусалим»», благотворительный фонд «РУССАР», утвержденный российскими и сирийскими гражданами, региональная общественная организация «Центр палестинской культуры», Сирийское культурное объединение, Ливано-Российский Дом. Следует подчеркнуть, что Комитет солидарности с народами Ливии и Сирии, Русский центр «Иерусалим» и благотворительный фонд «РУССАР» созданы и возглавляются членами Международной секции ИППО и нередко участвуют в совместных мероприятиях с нашим Обществом.

Члены Международной секции активно сотрудничают с такими учреждениями и светскими организациями, как Союз писателей России, Ассоциация российских дипломатов, ОСНАА, фонд «Русский мир», фонд стран Черного и Каспийского морей, Международный детский фонд «Дети Востока», Русская инженерная компания, Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицина, Дом национальностей в Москве, Федерация мигрантов России, Ассоциация породненных городов, Российская ассоциация международного сотрудничества (членом которой недавно стало ИППО), Академия геополитических проблем и Международный центр геополитического анализа, Фонд культурного многообразия народов, Международная молодежная организация «Содружество», Общество российско-сирийской дружбы, Советы российско-сирийского и российско-палестинского делового сотрудничества, Российское дворянское собрание, Международный меджлис тюркских народов, Антиглобалистское движение России, Центр партнерства цивилизаций при МГИМО, Фонд развития гражданского общества «Народная дипломатия», российская ветеранская организация «Боевое братство».

В своей деятельности Международная секция использует налаженные контакты с депутатами Государственной Думы и Совета Федерации, а также с руководством и сотрудниками МИД РФ, МЧС, Министерством регионального развития, таможенных органов. Связи в МЧС и таможенных органах наработаны в ходе работы по отправке гуманитарной помощи.

Члены Секции взаимодействуют также с православными и исламскими духовными и духовно-просветительскими и научными организациями и объединениями. Это — ОВЦС, Всемирный русский народный собор, Международный фонд единства православных народов, Фонд святого всехвального апостола Андрея Первозванного, Фонд духовного наследия святого апостола Павла, издательство РПЦ, Клуб православных меценатов, культурно-просветительское сообщество «Переправа», Управление международными делами Совета муфтиев России, Центральное духовное управление мусульман России, исследовательский центр «Россия — исламский мир», Институт исламской цивилизации (г. Москва), Ассоциация исламских культурно-просветительских объединений «Собрание» и др.

Большинство перечисленных выше рабочих связей приобретены в процессе деятельности Международной секции ИППО за последние два года.

Что же составило основу нашей деятельности за отчетный период?

Вернемся на два года назад. Тогда в своем выступлении перед членами Международной секции я привел слова Антуана Сфейра, директора журнала «Cahiers de l'Orient», президента Исследовательского и дискуссионного центра Ближнего Востока, не без ревности писавшего: «...сейчас с Францией — со времён Франциска I защитницей христиан в бывших провинциях Османской империи успешно соперничает на этом поле Владимир Путин. «Русский царь» не скрывает своих амбиций и претендует сейчас на роль защитника христиан Востока с помощью государственной, а также церковной православной дипломатии и духовенства». Приведя эту выразительную цитату, я задался вопросом: А где же на этом фоне государственной и церковной активности наше Палестинское Общество, позиционирующее себя как защитника христиан и помощника российского государства в установлении мира и справедливости на Ближнем Востоке?

Я призвал тогда не ограничиваться лишь словесной поддержкой, а тут же перейти к конкретным делам, рассказав, что в недавно созданном по инициативе членов Международной секции ИППО Российском комитете солидарности с народами Ливии и Сирии уже готовится отправка гуманитарной помощи в Дамаск.

В ноябре 2012 г. на заседании Совета ИППО Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл поддержал инициативу членов Международной секции по защите гонимых христиан на Ближнем Востоке и идею отправки гуманитарной помощи пострадавшим в Сирии. Святейший отме-

тил, что Русская Церковь готова включиться в этот благородный проект. Самое деятельное участие в осуществлении проекта принял председатель Московского отделения Общества С.Л. Байдаков, взявший на себя заботы о привлечении к сбору помощи волонтеров, имевших опыт этой работы в связи с трагедией в Крымске, об обеспечении транспортом и другими компонентами логистики. В конце 2012 г. С.В. Степашин утвердил создание Оргкомитета ИППО по защите христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке, который возглавила заместитель председателя Общества Е.А. Агапова. Хотелось бы отметить большую роль в работе этого комитета О.Л. Блажко. Новое направление в деятельности ИППО с самого начала было поддержано и координировалось с заместителем Министра иностранных дел РФ М.Л. Богдановым и председателем Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии митрополитом Волоколамским Иларионом.

22 марта 2013 г. Палестинское Общество объявило всенародный сбор гуманитарной помощи народу Сирии, где, как отмечалось в нашем обращении, «продолжается эскалация насилия, льется кровь, рушится межконфессиональный мир и безмерно страдают наши братья по вере». Сбор гуманитарной помощи осуществлялся по благословению Патриарха Кирилла при участии РПЦ и содействии Российского комитета солидарности с народами Ливии и Сирии. В ходе первого этапа акции (с 31 марта по 12 апреля 2013 г.) было собрано около 70 тонн гуманитарного груза — медицинские препараты, капельницы, шприцы, перевязочные материалы, продукты длительного хранения, детское питание, школьные и канцелярские принадлежности, предметы первой необходимости. На открытый счет поступило 3 миллиона 270 тысяч рублей от российских граждан. В сборе средств принимали участие мужской Новоспасский ставропигиальный монастырь и женская Марфо-Мариинская обитель, неразрывно связанные с историей ИППО.

14 апреля 2014 г., ко Дню Независимости Сирийской Арабской Республики, самолетом сирийских авиалиний в Дамаск двумя членами Международной секции ИППО и представителем РПЦ в Дамаске была доставлена первая партия гуманитарного груза — медицинские препараты и подарки для осиротевших детей. В соответствии с решением Оргкомитета по оказанию помощи груз был передан двум духовным вождям Сирии — Патриарху Антиохийскому и всего Востока и Верховному муфтию САР для распределения среди наиболее нуждающихся вне зависимости от религиозной принадлежности. 24 апреля двумя самолетами МЧС России (ИЛ-76) в Латакию была доставлена вторая партия гуманитарного груза, собранного членами ИППО. Это были лекарства, кровоостанавливающие, дезинфицирующие и перевязочные средства, продукты, постельное белье, средства гигиены, школьные принадлежности.

7 и 14 июля 2013 г. самолетами «Сирийских авиалиний» в Дамаск были доставлены две партии лекарств и кровоостанавливающих средств, по согласованию с Патриархом Антиохийским и всего Востока и Верховным муфтием Сирии переданные Министерству социальной защиты для распределения между больницами и госпиталями Дамаска.

29 июля члены Международной секции ИППО доставили в Дамаск первую партию медицинской техники, купленной на собранные в ходе акции средства: дефибрилляторы, аппараты искусственной вентиляции легких, инкубаторы для новорожденных, инвалидные коляски, перевязочные столы, каталки с гидроподъемниками, укладки для оказания скорой медицинской и травматологической помощи. Инкубаторы для недоношенных детей были переданы университетской больнице Дамаска, инвалидные коляски — военному госпиталю, остальная техника — центральной больнице Дамаска.

23 августа был объявлен второй этап сбора помощи народу Сирии. Перед этим к членам Рабочей группы по проведению гуманитарной акции ИППО обратились представители сирийских социальных ведомств, простые граждане, а также представители Антиохийского Патриархата и Верховного муфтия Сирии с просьбой рассмотреть возможность доставки в Сирию детского питания. В стране стало нечем кормить маленьких детей, поскольку в результате экономических санкций, введенных странами Запада, было запрещено под разными предлогами продавать в Сирии сухие молочные смеси — заменители грудного молока для детей. С этого времени мы стали приобретать на все собранные денежные средства преимущественно детское питание.

В ответ на гуманитарные акции ИППО Патриарх Антиохийский и всего Востока Иоанн Х, Верховный муфтий Сирийской Арабской Республики д-р Ахмед Бадр Эд-Дин аль-Хассун, Министр социальной защиты и председатель Сирийского комитета по сбору и распределению гуманитарной помощи Кинда Шаммат направили благодарственные письма Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу и председателю ИППО Сергею Вадимовичу Степашину. В одном из этих писем Верховный муфтий Сирии писал Святейшему Патриарху: «Сегодня Сирия принимает представителей Вашей славной паствы — членов ИППО, которые доставили гуманитарную помощь своим братьям и сестрам в Сирии, противостоящей разбою, разрушению и тирании экстремизма..Так встанем же вместе против экстремистов, которые пытаются уничтожить народы Сирии и региона с их цивилизацией и историческими корнями. Экстремизм сегодня пытается просочиться и в Российскую Федерацию, но по воле Божией он не преуспеет в этом».

Оба лидера крупнейших религиозных общин Сирии, Патриарх Антиохии и всего Востока Иоанн Х и Верховный муфтий Сирийской Арабской

Республики д-р Ахмад Бадр эд-Дин аль-Хассун, направили совместно благодарственные письма за двумя подписями на имя Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и председателя ИППО Сергея Вадимовича Степашина. В первом письме они заявляли: «Мы, сирийские мусульмане и христиане, с надеждой взираем на справедливую человеческую, политическую и экономическую позицию России... Получаемая нами гуманитарная помощь сирийскому народу из России, и в частности, её последняя поставка, осуществленная Палестинским Обществом, имела благоприятные последствия для облегчения страданий сирот, престарелых и беженцев». В письме на имя С.В. Степашина сирийские духовные вожди благодарят ИППО за оказанную гуманитарную помощь и моральную поддержку сирийского народа, которые помогают ему «превозмогать утраты и потери, увереннее смотреть в будущее».

30 ноября 2013 г. председатель ОБЦС МП, митрополит Волоколамский Иларион в передаче «Церковь и мир» на телеканале «Россия 24», обращаясь к приглашенному на передачу Сергею Вадимовичу Степашину, сказал: «Роль и значение ИППО чрезвычайно возрастает, так как оно напрямую занимается гуманитарной деятельностью. Вы уже направили в Сирию восемь самолетов с гуманитарной помощью, которая распределяется не только среди христиан, но и мусульман. А это значит, что ИППО — не просто научное сообщество, хотя оно и проводит постоянно научные конференции. Сегодня это, прежде всего, организация, которая помогает людям».

5 декабря 2013 г. председатель Московского отделения ИППО С.Л. Байдаков доложил общему собранию Отделения, что рейсами самолетов МЧС в Латакию и «Сирийских арабских авиалиний» в Дамаск в Сирию уже отправлена гуманитарная помощь на сумму почти в 60 миллионов рублей. Две недели назад в Латакии приземлился самолет МЧС с 11-й партией гуманитарной помощи. Хочу отметить, что в результате активного взаимодействия Международной секции ИППО с Посольством Сирии в Москве члены многочисленной сирийской общины также отправили в Сирию рейсами наших самолетов МЧС адресную гуманитарную помощь — в основном, глюкозу и другие медицинские препараты, и теплые одеяла.

Не могу не упомянуть ещё об одной гуманитарной акции, осуществленной членами Международной секции. Речь идет о приеме на двухнедельный отдых в живописных окрестностях Москвы около 100 сирийских сирот — учеников школ-интернатов для детей погибших военнослужащих и воспитанников православных приютов при монастырях Антиохийской Православной Церкви. Расходы на прием детей были оплачены Фондом святого апостола Андрея Первозванного и Центра национальной Славы, а все организационные заботы по транспортировке и пребыванию детей в России взяли на себя члены Международной секции ИППО Н.А. Кускова и Е.Г. Аверкова.

Не могло наше Общество не откликнуться на беды и страдания населения Донецкой и Луганской областей, мужественно противостоящих карателям. По инициативе членов Международной секции решением III конференции ИППО в июне 2014 г. был объявлен всероссийский сбор средств на оказание гуманитарной помощи попавшим в беду нашим соотечественникам. В эти дни на собранные средства приобретаются лекарства и предметы первой необходимости для раненых, пострадавших и нуждающихся. В августе текущего года члены Международной секции при участии Московского отделения ИППО при организующей роли его руководителя С.Л. Байдакова провели в Москве вместе с Фондом развития русской культуры «Крафт» выставку-продажу (аукцион) картин и других художественных произведений и на вырученные средства собрали в школу 86 детей беженцев из Луганска, Донецка, Славянска и Краматорска, обосновавшихся в приюте храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Отрадном Новоусманского района Воронежской области.

На последнем заседании Совета ИППО было принято решение о направлении гуманитарной помощи от нашего Общества населению Газы, разоренной израильской военщиной. Уже собраны средства, включающие крупное пожертвование одного из членов ИППО и денежные поступления от отдельных граждан в ответ на призыв членов Международной секции ИППО, прозвучавший на российских радио и телеканалах. На этот раз денежные средства будут переведены представителю ИППО в Государстве Палестина для целевого использования на месте, что избавит от сложностей доставки помощи в Газу.

Не прекращающаяся вот уже полтора года деятельность ИППО и его Международной секции по оказанию гуманитарной помощи нуждающимся в ней, в первую очередь, на Святой Земле, позволяет нам с полным правом констатировать превращение Палестинского Общества в действующую благотворительную организацию. Таков один из важнейших результатов работы Международной секции за последние два года.

Не менее важным новым направлением, тесно связанным с гуманитарной деятельностью Общества, является поддержка христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Если когда-то, в период до Первой мировой войны, ИППО видело своей важнейшей задачей многостороннюю поддержку в Святой Земле православия, терпящего ущерб от миссионерской деятельности католических «ловцов душ» более, чем от Османской Порты, то в современной обстановке своего защитника и покровителя в лице Общества видят практически все христианские Церкви и деноминации на Ближнем Востоке. А таковых здесь насчитывается не менее восемнадцати. Никто не может отрицать, что первые призывы о необходимости оказания Императорским Православным Палестинским Обществом материальной, моральной и информационной поддержки христианам в Святой

Земле и других странах библейского региона прозвучали из Международной секции. Именно члены нашей Секции разрабатывали и первыми начали осуществлять программы по защите христиан в регионе, по сохранению их присутствия на Святой Земле. Полное понимание на этом направлении они встретили со стороны руководства Московского отделения ИППО. Затем к этой работе подключились Нижегородское, Калужское, Владимирское отделения ИППО. Поездки руководителей региональных отделений и делегаций ИППО в Палестину, Иорданию, Сирию, Ливан, организованные Международной секцией, вовлекали в орбиту нашего влияния христианские общины этих ближневосточных стран. Представители Международной секции встречались и договаривались о сотрудничестве с патриархами и иерархами Церквей Востока в Москве, Дамаске, Бейруте, Вифлееме и Иерусалиме. Расширению этой деятельности способствовало утверждение по инициативе Международной секции официальным представителем ИППО советника посольства Российской Федерации в Бейруте А.С. Воробьева. Общество осуществляет контакты с многочисленными общественными православными организациями Ливана. Силами Международной секции в Москве был принят ливанец Родерик Хури — председатель Партии Ближнего Востока — первой православной политической партии в регионе. Герб этой русофильской партии — копия герба Российской Империи, а один из гимнов организации — русский «народный гимн», как его называли до революции, «Боже, царя храни». В неформальной православной столице Ливана — Амьуне, где делегацию Московского отделения ИППО встречали колокольным звоном, было создано Ливанское Императорское Православное Культурное Общество. Давая оценку этой нашей работе, председатель ИППО Сергей Вадимович Степашин на заседании Совета ИППО в апреле этого года заявил: «Теперь наше основное направление деятельности — защита христиан на Ближнем Востоке и в других регионах. Его осуществляет недавно созданный при ИППО Общественный центр по защите христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке, возглавляемый заместителем председателя ИППО Еленой Александровной Агаповой». Этот Центр создавался при полной поддержке Международной секции и руководства Московского отделения по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Члены Международной секции входят в состав Центра и плодотворно работают в нем.

Тесно сопряжена с двумя главными направлениями Палестинского Общества — защитой христиан и благотворительной деятельностью — информационно-пропагандистская работа Международной секции ИППО. Она особенно активизировалась с появлением нового официального сайта ИППО, чутко реагирующего на постоянно меняющуюся обстановку в таком взрывоопасном геополитическом регионе мира как Святая Земля, где

продолжается израильская оккупация палестинских и других арабских земель, реализуется международный заговор западных стран во главе с США и арабских реакционных режимов против Сирии, подвергаются гонениям как в языческие времена христиане. Члены Секции участвуют в мониторинге политической обстановки, положения христиан и межконфессиональных связей в Святой Земле и в странах Ближнего Востока и Северной Африки, обеспечивают информационное сопровождение основных направлений нашей деятельности в регионе. Пребывание членов Международной секции, сопровождающих гуманитарные грузы, или посещение ими Сирии, Ливана, Палестины в составе официальных делегаций ИППО, Государственной Думы, российских общественных организаций наполнены встречами с представителями местных электронных и печатных средств массовой информации. В ходе пресс-конференций, круглых столов, интервью они рассказывают об истории и современной деятельности ИППО, знакомят местную общественность с российской позицией относительно событий в регионе и анализируют её в русле внешнеполитических установок руководства и МИД Российской Федерации. Тон информационно-пропагандистской работе задают пресс-конференции в РИА «Новости», Интерфаксе, интервью ближневосточным информационным агентствам и российским газетам и журналам председателя ИППО Сергея Вадимовича Степашина. Резонансно на Ближнем Востоке прозвучало письмо С.В. Степашина Бараку Обаме с осуждением гегемонистской агрессивной политики США. Члены Международной секции — непременные участники круглых столов, проводимых МИА «Россия сегодня» на темы, касающиеся положения христиан на Ближнем Востоке и в мире, развития политической обстановки в ближневосточном регионе. Они же — организаторы пресс-конференций гостей ИППО: религиозных, христианских и мусульманских, деятелей, послов ближневосточных государств, руководителей движений и общественных организаций различных христианских конфессий в регионе.

В качестве примера можно привести проведенный ИППО при поддержке Международной секции 9 ноября прошлого года в Манеже в рамках XII церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь — к Дню народного единства» круглый стол, посвященный теме защиты христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке «Положение христиан: новые угрозы и гуманитарные миссии ИППО». В мероприятии участвовали С.В. Степашин, послы Сирии, Ливана, Палестины, депутаты Государственной Думы, политологи. 11 ноября 2014 г. в том же Манеже состоялся круглый стол «Ближний Восток в огне. Кто защитит христиан?».

Члены Международной секции тесно контактируют с московскими бюро информационных агентств Сирии, Ливана, Ирака, Ирана, Турции и регулярно дают им интервью на злободневные темы, имеющие отношение

к деятельности ИППО. Одним из свидетельств таких тесных отношений является, например, совместно проведенное с депутатами Государственной Думы, с которыми мы вместе посещали Дамаск, награждение по-смертно погибших и двух раненых при освобождении сирийской армией христианского города Маалюля под Дамаском журналистов ливанского информагентства «Аль-Манар» медалью «100 лет газете «Правда». Руководитель и члены Секции чуть ли не еженедельно дают интервью телеканалу «Russia Today» на арабском языке, арабской редакции иновещанию МИА «Голос России» и другим агентствам, выражая реакцию Палестинского Общества на текущие события в регионе. В этой информационно-пропагандистской деятельности самое плодотворное участие принимают такие члены Международной секции как Н.А. Нарочницкая, Е. А. Агапова, В.Н. Ганичев, С.Н. Бабурин, А.И. Зотов, П.С. Акопов, О.Г. Пересыпкин, М.И. Якушев, О.И. Фомин. Заместитель председателя ИППО Н.Н. Лисовой вооружает членов Международной секции уникальной информацией, содержащейся в его замечательных лекциях и фундаментальных трудах. Во главе этого списка по праву надо поставить заместителя Министра иностранных дел РФ, заместителя председателя ИППО и куратора его Международной секции М.Л. Богданова. Активно включились в эту работу вновь избранные члены Совета ИППО — представитель Патриарха Московского и всея Руси при Патриархе Антиохии и всего Востока игумен Арсений и секретарь по межхристианским отношениям ОВЦС МП иеромонах Стефан (Игумнов).

Ещё несколько лет тому назад об ИППО, кроме Палестины, ничего не знали ни в Сирии, ни в Ливане, ни в Иордании, ни тем более в Ираке. Сегодня же наша организация — желанный гость в самых высоких кабинетах ближневосточных стран. Принимая делегацию нашего Общества в апреле сего года в Дамаске, Президент Сирийской Арабской Республики Башар Асад тепло благодарил Сергея Вадимовича Степашина за оказываемую гуманитарную помощь и заявил: «В Сирии перед ИППО все двери открыты». В Бейруте Е.А. Агапову и О.И. Фомина принимал генерал Мишель Аун — один из основных претендентов на пост Президента Ливанской Республики. Среди собеседников руководства ИППО — Блаженнейшие Патриархи Антиохийский и Иерусалимский, Его Святейшество Папа Римский, президенты Сирии, Палестины, Израиля, парламентарии Ливана и Иордании. В активе Международной секции налаженные контакты с Маронитским Патриархом, Патриархом Святой Апостольской Соборной Ассирийской Церкви Востока, иерархами Сиро-Яковитской Церкви. Население, и не только христианское, этих стран знает ИППО, а некоторых его членов и в лицо по их регулярным выступлениям на телеканалах. К нам поступают заявки с пожеланиями иметь возможность знакомиться с материалами на сайте ИППО на арабском языке.

Наряду с новыми направлениями деятельности — благотворительная, защита христиан и информационно-пропагандистская, члены Международной секции продолжали реализовывать ранее запланированные проекты и проводить традиционные мероприятия. Так, за отчетный период были созданы отделения ИППО в Сирии, Республике Абхазия, Республике Черногория, Эстонии и Латвии. В Ливане создана вышеуказанная партнерская организация, в Израиле — отделение в Назарете в стадии создания. В ближайшее время Вифлеемское отделение будет преобразовано в Палестинское с филиалами в Восточном Иерусалиме, Вифлееме, Рамалле и Иерихоне. По предложению палестинской стороны подписано соглашение о сотрудничестве между ИППО и палестинским Обществом дружбы с Россией. Готовится подобное соглашение между ИППО и ливанской общественной организацией «Православные семьи Ливана».

Члены Международной секции участвуют и выступают на санкционированных митингах солидарности с народами Сирии и Палестины. ИППО впервые занял активную позицию в отношении трагических событий в Газе, приведших к большим жертвам среди детей, женщин и престарелых. На Ближнем Востоке и во всем арабском мире позитивно воспринято Заявление ИППО, интервью и выступления руководства ИППО и членов Международной секции, осуждающие преступления израильской военной полиции против гражданского населения Газы.

Секция поощряла развитие сотрудничества молодежи России с молодежью Святой Земли. Она оказывала содействие Калужскому отделению ИППО в осуществлении международного гуманитарно-просветительского проекта обмена молодежных волонтерских групп «Россия — Святая Земля: связь времен и поколений». В рамках этого проекта калужская молодежь уже дважды побывала в Святой Земле, а палестинские представители скаутской организации и культурного Центра православного образования в Бет-Джале в августе этого года побывали на калужской земле. Перед этим они были приняты членами Международной секции в Центре ИППО на улице Забелина в Москве.

В июле сего года руководитель Международной секции участвовал во II конференции христианской молодежи России во Владикавказе и сопровождал на ней представителей Сирии и Ливана. Члены Секции регулярно встречаются с молодежным активом Московского отделения ИППО.

Международная секция находится в постоянном контакте с Вифлеемским и Кипрским отделениями ИППО, оказывая им методологическую и информационную помощь. Как руководитель секции я приветствую новое направление деятельности Вифлеемского (Палестинского) отделения ИППО, выражающееся в поездках его членов в палестинские населенные пункты с целью инспекции положения в них христиан и оказания им необходимой помощи. Причём эта работа ведётся не в ущерб христианско-исламским отношениям.

Исключительно силами Международной секции были организованы официальные визиты и реализованы содержательные программы их пребывания в Москве ливанской Партии Леванта (Ближнего Востока); ливанской общественной организации «Православные семьи Ливана»; приняты в Москве направлявшиеся во Владимир делегация Вифлеемского муниципалитета во главе с мэром города, где родился Иисус Христос, и направлявшееся вместе с туристической группой из Амьёна в город-побратим Мещовск руководство Ливанского Императорского Православного Культурного Общества.

Международная секция дважды принимала в России председателя Патриотического движения Ассирии Ашура Гиваргиса. После организованных встреч и переговоров с заместителем Министра иностранных дел М.Л. Богдановым, председателем ИППО С.В. Степашиным, заместителями председателя ИППО архиепископом Марком Егорьевским и И.Р. Ашурбейли, а также пресс-конференции и интервью ряду российских и арабских средств массовой информации, г. Гиваргис и представители московской ассирийской общины заявили: «Благодаря ИППО сто лет спустя возобновились российско-ассирийские отношения, и теперь у ассирийских христиан появилась надежда, что Россия не оставит их в беде». Несколько дней тому назад руководители Международной секции и Общественного центра ИППО по защите христиан побывали в столице Иракского Курдистана — Эрбиле, где провели переговоры с лидерами общественных организаций, представляющих весь политический спектр.

Наша секция стремится активизировать культурно-просветительскую деятельность Палестинского Общества в Святой Земле и в окружающих странах, его участие в государственных российских программах по распространению русского языка, обеспечению объективного положительного восприятия Российской Федерации и достоверной информации о российской истории, культуре, духовной жизни, многовековом добрососедстве представителей различных вероисповеданий в России. Одновременно мы знакомим российскую общественность с различными аспектами жизни и борьбы ближневосточных народов за свою национальную идентификацию и независимость. В качестве одного из примеров такой деятельности приведу установление контактов Международной секции с недавно возрожденной Ассоциацией писателей Азии и Африки (АПАА). В годы расцвета эта международная организация литераторов издавала журнал «Лотос», учредивший одноименную премию за выдающиеся заслуги в развитии литературы. Между прочим одним из лауреатов этой премии, наряду с М.А. Шолоховым, был Михаил Нуайме — выпускник школы ИППО в ливанском православном селении Бискинта.

Словом, мы можем с полным правом утверждать, что за последние годы ИППО превратилось в активный субъект общественной дипломатии на

Ближнем Востоке. Оно деятельно взаимодействует на этом направлении с Русской Православной Церковью, Министерством иностранных дел РФ, Россотрудничеством и другими российскими министерствами, ведомствами и общественными организациями. Этому способствует и специальный консультативный статус нашей организации при Экономическом и Социальном Совете (ЭКОСОС) ООН, что позволило нам отстаивать права наших братьев по вере на полях заседаний Совета по правам человека ООН в Женеве.

В свете меняющейся геополитической картины мира и усиления роли России в международных делах и в частности на Ближнем Востоке перед членами Международной секции открывается широкое поле деятельности для проявления миротворческого, просветительного и гуманитарного потенциала ИППО, способного сослужить хорошую службу России в сохранении межконфессионального сотрудничества, соработничества между христианами и мусульманами на Ближнем Востоке. Члены Секции считают, что ИППО, являясь частью российской «мягкой силы», способно внести и вносит свой вклад в подъем имиджевых позиций нашей страны в регионе, которые после развала Советского Союза были существенно утрачены.

При наличии немалых, перечисленных и не перечисленных выше реальных заслуг ИППО в его международной деятельности, надо признать, что нашей организации ещё предстоит большая работа по обретению черт действительно мощного инструмента русского присутствия на Ближнем Востоке.

ЮБИЛЕИ и ГОДОВЩИНЫ

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЕ ДНИ В ДАРМШТАДТЕ. К 150-летию со дня рождения Председателя ИППО ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ

А.В. Громова

1 ноября 2014 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Председателя Императорского Православного Палестинского Общества в 1905–1917 гг. великой княгини Елизаветы Федоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители в Москве, снискавшей уважение и любовь современников делами милосердия и благотворительности, принявшей мученическую смерть в шахте под Алапаевском и прославленной Русской Православной Церковью в лике святых как преподобномученица.

В Германии, на родине великой княгини, с 1 по 3 ноября 2014 г. прошли юбилейные торжества, в которых приняли участие Председатель Императорского Православного Палестинского Общества Сергей Степашин, члены Совета и многие члены ИППО.

Инициатором торжеств выступило Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество, возглавляемое членом Совета ИППО А.В. Громовой.

31 октября, накануне дня рождения Елизаветы Федоровны в Дармштадт начали прибывать группы из России, стран Европы, со Святой Земли. 1 ноября гости посетили места, связанные с жизнью великой княгини. Одно из герцогских имений располагалось в девяти километрах к югу от Дармштадта в живописнейшем Хайлигенберге («Святые горы») с нависающим над городом средневековым замком и красивым парком у его подножия. Это место знаменательно для российской истории: здесь впервые встретились дочь великого герцога Людвига II, будущая императрица Мария Александровна, и наследник российского престола будущий император Александр II — родители великого князя Сергея Александровича, здесь не раз они потом бывали со своими детьми, сюда приезжали Сергей и Элла после помолвки.

В тот же день участники торжеств возложили цветы к усыпальнице родителей великой княгини Елизаветы Федоровны в Розенхёе («розовый холм»). Торжественная процессия, в которой приняли участие несколько

десятков человек, отправилась к фамильному склепу герцогов Гессен-Дармштадских от храма св. равноап. Марии Магдалины.

Русский храм св. равноап. Марии Магдалины на Матильденхёэ («холм Матильды») построен на личные средства почетных членов Императорского Православного Палестинского Общества императора Николая II и императрицы Александры Федоровны (Принцессы Аликс Гессен-Дармштадтской, младшей сестры Эллы). Они хотели во время приездов в Дармштадт молиться в русском храме. Церковь построена в древнем ярославском стиле и стоит на земле, привезённой в Дармштадт из России и собранной со всех губерний. Первый камень церкви был заложен 16 октября 1897 г. На освящение 26 сентября 1899 г. прибыла императорская чета с детьми. С началом Первой мировой войны храм был закрыт, все имущество конфисковано. Значительный ущерб был нанесён храму бомбардировками в 1944 г. В настоящее время церковь в Дармштадте является для русских эмигрантов и музеем, и местом паломничества и почитания царственных мучеников.

Вечером 1 ноября в храме Марии Магдалины было отслужено всенощное бдение, которое возглавил архиепископ Марк Берлинско-Германский и Великобританский в сослужении участников мероприятий в священном сане. Певческую службу святой преподобномученице великой княгине Елисавете Феодоровне распева Супрасльской лавры XVI в. исполнил Московский Синодальный хор под руководством заслуженного артиста России Алексея Пузакова.

Праздничную литургию 2 ноября также возглавил архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк, которому сослужили архиепископ Марк Егорьевский, член Совета ИППО, митрополит Августин (Константинопольский Патриархат), архиепископ Феофан Берлинский и Германский (Московский Патриархат), епископ Иоанн Пальмирский (Антиохийский Патриархат). Богослужение сопровождалось пением Синодального хора.

Из России была принесена одна из пяти икон св. прмц. великой княгини Елисаветы Феодоровны, специально написанных для первого паломничества по скорбному посмертному пути великой княгини Елисаветы Феодоровны и канонизированной вместе с ней инокини Варвары из Алапаевска в Иерусалим через Китай, организованного в 2013 г. благотворительной компанией «Социум-А» совместно с храмом св. преподобномученицы Елисаветы в Покровском-Стрешневе. В икону вложены капсулы с частицами земли с мест поклонения, где останавливались паломники, — Екатеринбург, Алапаевска, Пекина, Иерусалима. В этом году состоялось второе паломничество по этому маршруту с иконами св. прмц. инокини Варвары, в которые тоже заложили частицы земли из памятных мест. В оргкомитет паломничества входят Председатель ИППО С.В. Степашин, а также заместители Председателя ИППО архиепископ Егорьевский Марк и ктитор Патриаршего подворья храма св. преподобномученицы Елисаветы в Покровском-Стрешневе И.Р.Ашурбейли.

После богослужения в здании музея дармштадтских герцогов начала свою работу двухдневная Международная научно-общественная конференция «Елизаветинское наследие сегодня». Отечественные и зарубежные исследователи собрались обсудить значение личности и деятельности Елизаветы Федоровны в истории русской духовности и культуры, российской и европейской благотворительности.

На пленарном заседании председатель Наблюдательного совета Елизаветинско-Сергиевского просветительского общества, член Совета Императорского Православного Палестинского Общества Анна Громова огласила приветствие председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации Сергея Евгеньевича Нарышкина. Анна Витальевна преподнесла в дар Дармштадту портрет великой княгини Елизаветы Федоровны и предложила сделать традицией проведение дней памяти Елизаветы Федоровны в ее родном городе.

Архиепископ Егорьевский Марк огласил приветствие Патриарха Московского и всея Руси Кирилла:

«Преосвященные архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую организаторов и участников торжеств по случаю 150-летия со дня рождения преподобномученицы великой княгини Елизаветы.

На протяжении XX в. в России и за ее пределами росло почитание великой княгини Елизаветы Федоровны, прославленной впоследствии в лике святых. Церковная канонизация — это призыв следовать тем идеалам, которые воплотил в своей жизни тот или иной угодник Божий. Великая княгиня, посвятившая себя молитве и подвигу, жертвенной заботе о нуждающихся, стала примером для многих благочестивых мирян, монахинь, сестер православных сестричеств.

Пусть Милостивый Господь ниспошлет всем, собравшимся в эти дни в Германии, дабы почтить память преподобномученицы Елизаветы, Свою обильную помощь на пути возрастания в христианских добродетелях любви и милосердия.

Призываю на вас Божие благословение».

Председатель Императорского Православного Палестинского Общества Сергей Степашин рассказал о масштабной деятельности великой княгини Елизаветы Федоровны как благотворительницы, которая может служить достойным примером для подражания и сегодня. «Она нас учит тому, что сегодня очень важно для людей: мир, благополучие, уважение друг к другу», — сказал Сергей Степашин.

Глава Палестинского Общества сообщил о состоявшемся в рамках юбилейных мероприятий ИППО торжественном гашении почтового блока, посвященного Императорскому Православному Палестинскому Обществу. На одной из трех марок изображена августейшая председательница ИППО великая княгиня Елизавета Федоровна.

Великая княгиня Елизавета Федоровна возглавляла ИППО двенадцать лет, с февраля 1905 г. по апрель 1917 г., которые пришлись на трудные военные и революционные годы. И, тем не менее, Палестинское Общество за это время построило храм в Санкт-Петербурге, основало скит во имя преп. Сергия под Калугой, завершило строительство Николаевского подворья в Иерусалиме, построило паломнический комплекс с храмом в итальянском городе Бари, открыло две новые школы и содержало более ста школ в Палестине, Сирии и Ливане. Отделы ИППО в России продолжали свою работу по сбору пожертвований и просвещению народа, в 1916 г. открылся 52-й отдел Общества в Чите. Когда для содержания и совершенствования школ для арабских детей недостаточным стало собственных средств Палестинского Общества, по ходатайству Елизаветы Федоровны необходимую помощь оказал император Николай II, подписавший в 1912 г. принятый Государственной Думой закон о государственном финансировании сирийских школ ИППО. Государь Николай Александрович всегда считал Палестинское Общество нужным и полезным. Авторитет великой княгини на посту Председателя ИППО был по-настоящему заслуженным, она сумела сохранить высокую планку, заданную ее супругом.

От имени Императорского Православного Палестинского Общества Сергей Степашин поблагодарил организаторов торжеств в Дармштадте и вручил почетные грамоты Елисаветинско-Сергиевскому просветительскому обществу и лично председателю Наблюдательного совета фонда, члену Совета ИППО Анне Громовой.

После приветствий были заслушаны доклады российских и германских ученых. Чрезвычайный и Полномочный посол, член ИППО, доктор исторических наук Петр Стегний выступил с докладом на тему «Гессенские принцессы в истории России». Профессор Франц выступил с сообщением «Государственный архив Дармштадта. Документальные свидетельства о великой княгине Елизавете Федоровне». Директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук Сергей Мироненко осветил тему «Материалы о великой княгине Елизавете Федоровне в собрании ГАРФ». Руководитель международного центра по изучению гражданского общества Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук Анна Громова рассказала об истории изучения и новых исследованиях личности великой княгини в российской и зарубежной историографии.

Вечером 2 ноября в костеле св. Павла, в главном концертном зале Дармштадта состоялась мировая премьера концерта «Путь ко Христу» в исполнении Московского Синодального хора, дореволюционное творчество которого очень ценила великая княгиня Елизавета Федоровна.

В концерт старинной духовной музыки были включены православные песнопения, являющиеся певческими святынями Древней Руси: песнопения дня памяти святой преподобномученицы великой княгини Елисаветы

Федоровны по образцу распевов Супрасльской лавры XVI в. и партесное пятиголосие праздничного чина неизвестного автора I-й половины XVII в. Дешифровка, составление распевов, транскрипция и обработка — профессора А.В. Конотопа. Художественный руководитель и главный дирижер — заслуженный артист России Алексей Пузаков. Публика аплодировала артистам стоя. Второе исполнение концерта состоялось уже в Москве, 4 ноября, в Концертном зале им. П.И. Чайковского.

Название концерта приводит на память параллель с известным живописным сюжетом. «Путь ко Христу» — так называется центральная роспись в трапезной части Покровского храма Марфо-Мариинской обители кисти Михаила Нестерова, которую он поместил в проеме над аркой. Расписывать храм художника пригласила сама основательница обители великая княгиня Елизавета Федоровна. На фреске изображены верующие, в основном из простого народа, мужчины, женщины, дети, которые идут в поисках пути к спасению, к Христу.

Исполнение возрожденных древних напевов в сочетании с названием, пробуждающим нестеровские образы, словно перенесло публику к истокам русской духовности — в Святую Русь, любовь к которой питали две герценские сестры, ставшие русскими святыми — великая княгиня Елизавета Федоровна и императрица Александра Федоровна. Под звуки пения каждый слушатель в стенах католического храма смог как будто прикоснуться к их православной душе, стирая межконфессиональные различия.

3 ноября научная конференция продолжила свою работу. Гостям и участникам представили свои доклады доцент Международного института ЛИНК, кандидат исторических наук Дмитрий Гришин, член-корреспондент Российской академии архитектуры, доктор архитектуры Инесса Слюнькова, кандидат искусствоведения Елена Ржевская, декан Миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, настоятель храма Свт. Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской галерее протоиерей Николай Соколов, первый вице-президент Фонда святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного и Центра национальной славы, член ИППО, кандидат исторических наук Михаил Якушев, исполнительный директор Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества, секретарь Московского областного отделения ИППО, кандидат исторических наук Ритта Бутова и др. В завершение был представлен проект Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества «Елисаветинское наследие сегодня».

Завершились юбилейные мероприятия экскурсией в замок Кранихштейн (“Журавлиный утес”). Именно в этом охотничьем замке, построенном в 1572 г. и расположенном в четырех километрах к северо-востоку от Дармштадта, по одной из версий историков родилась великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

МОЛИТВА В КАМНЕ: АНТОНИО БАРЛУЦЦИ (1884–1960) И ЕГО ХРАМЫ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ (К 130-летию со дня рождения архитектора)

Н.Н. Лисовой

14 декабря 1960 г. в Риме, в небольшой комнатке, в подворье францисканской общины Святой Земли, умер крупнейший церковный архитектор XX в. Антонио Барлуцци.

Крупнейший — не значит в данном случае знаменитый. Большинство из присутствовавших в день отпевания в римской базилике Святого Антония вряд ли отдавали себе отчет в том, какого человека хоронят и почему присутствует на скорбной церемонии кардинал Теста, генеральный прокуратор Францисканского ордена и иные титулованные особы. В полном соответствии с заповедями смирения и нестяжательства великий зодчий никогда ничего не делал для своей славы и популярности.

Путь в Палестину

Он родился в Риме 25 сентября 1884 г., в семье, традиционно и самым непосредственным образом связанной с Ватиканом. Его отец (и дед по отцу) служили хранителями дипломатической переписки папской канцелярии. Дед по матери был архитектором, назначенным следить за состоянием собора Святого Петра. Родители были уже шестнадцать лет в браке, когда в семье родился младший, тринадцатый ребенок, — сын, получивший имя в честь одного из наиболее почитаемых патронов католической Италии — святого Антония Великого.

С пяти лет мальчик лучше и охотнее всего рисовал церкви. По воскресеньям синьора Барлуцци водила младших детей любоваться римской архитектурой, дворцами и историческими достопримечательностями. В 1902 г. восемнадцатилетний Антонио, окончив школу, заявил было матери, что хочет стать священником. В эти годы он захлеб читал всю литературу по религии, какая попадала ему в руки. Но духовник, отец Коррадо, отговорил юношу. Как потом оказалось, ему суждено было иное служение

Богу. Он поступает в Инженерно-строительную школу Римского университета — к тому времени старший брат Джулио был уже архитектором и получил престижный заказ на проектирование первого католического храма в далеком Пекине. Антонио очень гордился братом, с удовольствием копировал его чертежи и также мечтал о карьере зодчего.

В 1907 г. он окончил университет и отбывал воинскую повинность в замке Святого Ангела над Тибром, где руководил археологическими раскопками. В этом и состояла его служба. В 1912 г. ему предложили помогать брату Джулио, подрядившемуся строить госпиталь для Итальянского Миссионерского общества в Иерусалиме. Осенью того же года братья прибыли в Святой Город. Никто, и сам Антонио менее других, не мог тогда предполагать, что жизнь и творчество его навсегда окажутся связанными со Святой Землей.

Итальянский госпиталь на улице Пророков, выходящей к Дамасским воротам, представляет собой большой внушительный комплекс. Строительство затянулось на несколько лет. И уже в следующем году братья были привлечены в качестве архитекторов к другому проекту. Кустод Святой Земли, то есть глава всех францисканцев в Палестине, пригласил их для разговора о предполагаемом строительстве храма на горе Фавор. Уже были сделаны предварительные работы и подготовлены чертежи, когда началась первая мировая война.

Палестина была тогда частью Османской империи. Францисканские, как впрочем и другие, в том числе наши русские православные монахи были эвакуированы из Святой Земли. Турки закрыли все школы, больницы и иные гуманитарные заведения, основанные европейцами. Итальянский консул предложил Антонио ехать домой.

Он вернулся в Рим, сдал профессору Скьяпарелли, главе “Италика Дженс”, Итальянского Миссионерского общества, подробный отчет о ходе строительства иерусалимского госпиталя... и остался не у дел. Казалось, сам Бог велел вернуться к давней юношеской идее — учиться на священника. Ему тридцать лет, и в Фомину неделю, то есть первое воскресенье после Пасхи 1915 г., Барлуцци поступает в духовную семинарию при папском кафедральном соборе Сан Джованни-ин-Латерано.

Скажем честно, войти в новый ритм жизни оказалось непросто. Сомнения в правильности выбора не оставляли его. 25 мая он решается еще раз переломить судьбу — и поступает в армию.

Италия воевала на стороне Антанты, Турция — в союзе с Германией и Австрией.

Когда отдел кадров узнал, что имеет дело с офицером-строителем, да еще с опытом работы в Святой Земле, его направляют в Палестинский экспедиционный корпус.

Бог бережет своего будущего певца и зодчего: 10 июля 1915 г. корабль отчалил из Неаполя, а сразу за Мальтой был торпедирован немецкой подлодкой. Британский береговой катер подобрал Антонио вместе с другими

новобранцами Палестинского корпуса. Другое английское судно доставило их в Триполи. Лишь через несколько месяцев, осенью, его подразделение оказывается наконец в месте назначения.

Для Палестины в октябре семнадцатого первая мировая уже кончилась.

Барлуцци довелось только участвовать в торжественном вступлении союзных войск в освобожденный от турок Иерусалим. Теперь он понимает, что возвращение в Святую Землю для него не случай, а указание свыше. И действительно с этого времени он навсегда остается в Иерусалиме.

Победа Антанты ознаменовала начало нового периода в истории Святой Земли — периода трудного, ибо колониального, и одновременно плодотворного. Со времен крестоносцев Палестина не видела такого бурного строительства. В том числе, церковного и монастырского. Антонио вновь приглашен для беседы с Кустодом Святой Земли. Это уже другой человек, преподобный Фердинандо Диоталлеви.

Но когда Барлуцци вошел к нему, первое, что он увидел, были чертежи фаворского храма, сделанные им с братом в канун войны.

Здесь уместно сказать несколько слов о том, кто такие «кустыды» и вообще францисканцы, что представляет собой «архитектура францисканцев».

...Во второй половине XIII столетия в самом центре Италии, в городе Ассизи, жил молодой человек по имени Франческо, что означает в переводе “француз”. Он не был французом, это имя дал ему отец, связанный с Францией многолетними торговыми связями. А для Франческо судьба готовила иную дорогу. Отказавшись от наследства, от богатства и всякой собственности, включая одежду, Франческо явился однажды в городской храм совершенно голый, чтобы принести обет бедности. Так начиналась история францисканского ордена — первого и наиболее известного из так называемых нищенствующих монашеских орденов католической Европы. Франциск, так звучало его имя на латыни, стал основателем иноческого братства, привлекавшего верующих молодых людей искренним горением веры и самоотверженным служением Богу и ближним.

В 1217 г., когда начался Пятый крестовый поход, Франциск Ассизский со своими учениками отправился с крестоносцами на Восток. Он проповедовал в стане рыцарей в Египте, обращал в христианство египетского султана, получил от него фирман, то есть разрешение на беспрепятственное прохождение по всем мусульманским владениям Ближнего Востока. В 1219 г. Франциск посетил Иерусалим и Вифлеем, заложив духовную основу будущей миссионерской деятельности францисканцев в Палестине.

Сто лет спустя римским папой была утверждена францисканская “Стража Святой Земли”. Глава ее и получил латинское именование “Гвардиан” или греческое “Кустод” (то и другое в переводе означает “страж”). В условиях, когда в принадлежавшей мусульманам Палестине не существовало официального папского представительства, францисканцы действительно выступили един-

ственными хранителями святых мест и участков земли, которые были приобретены в разное время “франками”, как называли на Востоке католиков.

Мы сказали уже, что эпоха британского мандата на Палестину (1918-1948), при всех неизбежных издержках колониального режима, ознаменовалась явным подъемом христианского культурного, в том числе религиозно-храмового созидания. Скажем прямо: отнюдь не английская администрация (с ее воинственно- “светским”, типично англосаксонским меркантильным духом) тому причиной. Просто сняты оказались традиционные препятствия для развития христианских духовных и гуманитарных проектов со стороны турецких властей. На этой волне — одни назовут это совпадением, другие — промыслом Божиим — и взлетает архитектурный талант будущего певца Святой Земли.

Очевидно, произвести на умудренного Реверендиссимуса («преподобнейший» — такова официальная титулатура отца Кустода) столь сильное впечатление, чтобы он доверил главные, по сути дела, на земле архитектурные проекты молодому неизвестному зодчему, могла лишь программа достаточно революционная и в то же время парадоксально традиционалистская как в собственно эстетическом, так и в богословском отношении.

Начнем с того, что Антонио с первого до последнего дня своей жизни воспринимал любую работу прежде всего как религиозное призвание и церковное служение. Тем более труд церковного зодчего, который недаром называли в старину «монументальным богословием». В его письмах и дневниках сохранились неоднократные свидетельства именно такого понимания. «Работа выполняется подлинно с вдохновением миссии», — писал он одному из друзей еще на первом этапе Гефсиманского проекта. И в другом письме: «Возможность посвятить всю свою жизнь храмам Святой Земли наполняет верой и вдохновением мой ум, сердце и душу».

А вот свидетельство более позднего периода. Уже зрелый и признанный мастер, Антонио говорит: «Я по-прежнему чувствую непреодолимое желание полностью отдать свои силы Святым Местам, если благословит Господь — в полном смиренном сознании, что не мне суждено явить здесь собственные мои таланты, но чрез меня свершается одно из чудес, которые может творить Господь даже с самыми негодными средствами». Его творческое горение основывалось на твердой уверенности в том, что своей профессиональной работой — и только ею — он может исполнить волю Божию. «Я не ищу наград, и факты говорят за меня; гораздо более интересует меня воздаяние вечное. В конце концов мои работы свидетельствуют лишь о том, как Господь может использовать даже таких слабых и ничтожных людей, как я, для приумножения своей славы. Поймите, что для меня это не вопрос хлеба насущного (которого всегда хватает серьезно работающему архитектору), но вопрос духа, стремящего осмыслить Божьи веления».

Таким образом, первый и исходный импульс творчества великого зод-

чего — религиозная вера, умение видеть, чувствовать в истории и в собственной своей работе осуществление замысла Божьего.

Второй принцип, вдохновлявший самого выдающегося из церковных зодчих нашего, столь нецерковного столетия, — стремление к достижению максимально возможного соответствия художественного уровня проектов с религиозным статусом Иерусалима и Святой Земли как сакрального центра мира. В одном из писем Барлуцци сформулировал это для себя так: «Храмы Святой Земли имеют значение неизмеримо высшее по сравнению с любой другой церковью на земле. Именно они являются подлинно «католическими» (в православной терминологии «кафолическими», то есть «вселенскими». — *Н.Л.*). Все сокрушаются о плачевном, иногда почти кощунственно убогом состоянии этих святынь. (Так было во времена Барлуцци, практически так же обстоит дело и сегодня. — Автор.) При любой возможности долг всех христиан спасти эти реликвии и оказать им подобающую честь. В этом отношении, я уверен, никто не может сделать слишком много, ибо никаких стараний, никаких материалов не хватит, чтобы воздать должное столь великим святыням».

Наконец, третий критерий, положенный им в основу всей своей религиозно-строительной программы, заключался в поиске оптимального внутреннего «средства» архитектурного образа и богословского задания, связанного конкретно с тем или иным из Святых Мест. Поясним, что имеется в виду.

Может ли быть выражено архитектурными средствами и индивидуальное богословское содержание того или иного конкретного религиозного праздника? Как удалось, например, добиться этого создателям Покровского собора (храма Василия Блаженного) на Красной площади, шатер которого, окруженный самыми разнообразными, в восточном стиле стилизованными куполами, отлично выражает идею собиранья Москвой великих и малых народов России под материнский благодатный Покров.

Так вот, среди тезисов, сформулированных когда-то молодым Антонио Барлуцци в беседе с почтенным Реверендиссимусом, самым, пожалуй, важным и впечатляющим был такой.

- В Палестине, — сказал тогда Антонио, — каждое из Святых Мест имеет прямое отношение к конкретной мистерии в жизни Иисуса Христа. Совершенно естественно в этом случае отказаться от типовой архитектуры, постоянно повторяющей одно и то же, и попытаться строить архитектурный образ так, чтобы он выражал религиозные чувства, вызываемые именно данной мистерией. Тогда верующий, входя в святилище, легко сможет представить себе соответствующий Евангельский рассказ и сосредоточиться мысленно на самой сути именно здесь, в единственный миг истории свершавшегося таинства. Не выбирать сначала — более или менее стандартно или, наоборот, субъективистски, — ту или иную архитектурную форму и потом все подгонять под нее, а определить основную религиозную концепцию Святого Ме-

ста, для которого строится храм, и архитектуру подбирать под нее, под эту концепцию, каждый раз интуитивным и независимым образом.

Согласие старого Кустода с вдохновенными пророческими вещаниями молодого архитектора стало «францисканским» благословением всей многолетней программы церковного строительства Барлуцци в Святой Земле. И действительно, как обещал Антонио, ни одно из его созданий ни разу не повторило в чем-либо предыдущего. Все вышли совершенно различными, каждый проект соответствовал индивидуальной евангельской, исторической и эмоциональной «ауре» данного места. Судите сами.

...Храмы на Фаворе и в Гефсиманском саду строились параллельно, в течение 1919–1924 гг., оба освящены с интервалом в один месяц в 1924 г., оба проекта не только принадлежат одному зодчему, но и осуществлялись одними и теми же инженерами и дизайнерами. И при этом трудно вообразить два более непохожих друг на друга здания. Светлый, летящий храм на вершине горы Фавор, кажется, каждой деталью внешнего облика и внутреннего многоуровневого пространства выражает идею Преображения Господня. Напротив, приземистая на первый взгляд базилика, воздвигнутая Барлуцци на месте («моления о чаше»), последней Гефсиманской молитвы Спасителя всей сумеречной — круглосуточно сумеречной! — атмосферой своей погружает входящего паломника в состояние молитвенной сосредоточенности и мистического созерцания.

Забегая вперед (о каждом из названных и еще не названных нами храмов, построенных Барлуцци, мы расскажем подробнее в следующих очерках), вспомним, что храм «Господь плачет» — на месте Евангельского плача Спасителя о будущих судьбах Иерусалима — увенчан кровлей, явственно создающей образ оплывающей слезы. Храм на Поле Пастушков в Вифлееме построен в форме древнего бедуинского шатра. Интерьер храма Бичевания на Крестном пути украшен огромным Терновым Венцом в куполе... Словом, Барлуцци свято исполнил свое обещание главе палестинских францисканцев: в каждой церкви воплотил точную философскую идею, каждой сумел придать неповторимый архитектурный образ.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ФАВОРА

Архитектуру часто называют «застывшей музыкой». Именно это сравнение приходит в голову при первом же взгляде на созданную Антонио Барлуцци базилику Преображения на горе Фавор.

...Работы начались, как помнит читатель, в 1919 г. Во время поездки в Рим, после беседы с Кустодом Святой Земли, Антонио не только заканчивал свои итальянские дела (он, наверное, еще не знал и не думал тогда, что расстанется с Италией почти на всю жизнь), но и набирал, как принято теперь говорить, «команду». Набирал «под себя», таких же молодых, энер-

гичных, готовых к нестандартным решениям.

В первую очередь он привлек к работе своего друга Чезаре Филиппи, молодого венецианца, которому не исполнилось к тому времени и двадцати двух. Другой из «двадцатилетних» энтузиастов, которым предстояло столь радикально обновить архитектурный язык церковной Палестины, Пьер Риччи, уже год работал с ним на гефсиманском проекте. Барлуцци и Филиппи вместе поехали на Фавор. В то время, надо сказать, это была достаточно трудная поездка. Первое, что они сразу поняли, — мрамор, гранит и другие материалы придется доставлять к месту строительства на вершину по сложной серпантинной дороге, в длинных повозках типа нашей российской телеги, на традиционной для Ближнего Востока тяге — послушных и выносливых мулах. Правда, для своего друга Филиппи Антонио сразу купил лошадь.

Немедленно приступили к формированию рабочего штата. Филиппи был назначен генеральным суперинтендантом проекта, прорабом стал рослый человек по имени Де Регибус, прибывший из Пьемонта (Северная Италия), два его кузена были мастерами-каменщиками. Все скульптурные работы выполнялись под руководством художника из Романьи. Дворянин-калабриец (из Южной Италии) возглавлял бригаду рабочих-землекопов. Иными словами, вся почти Италия — от севера до юга — была представлена в команде Барлуцци. Наконец, 350 арабов-палестинцев, нанятых из окрестных деревень, составляли главную рабочую силу.

Сам Антонио работал день и ночь. Часто ему приходилось быть в одном лице и архитектором, и инженером, и сторожем, и чернорабочим. Посмотрев однажды, как будто даже растерянно, на свои руки, все в ссадинах и волдырях, он шутливо сказал Филиппи: «Теперь ты понимаешь, почему так испортился мой почерк».

Рабочие-мозаичисты и другие отделочники бойко курсировали между Фавором и Гефсиманией — так как два храма строились одновременно и параллельно. По мере того как подвигалась работа на Фаворе, сто простых галилейских феллахов, вчерашних погонщиков верблюдов, обучались непривычному для них искусству итальянских каменотесов, обрабатывая камень, добытый тут же, со склона горы под абсидой базилики. (В Иерусалиме на строительстве Гефсиманского храма также было налажено обучение палестинцев новым строительным профессиям.)

В отличие от других подрядчиков, нещадно эксплуатировавших почти даровую арабскую рабочую силу, Барлуцци всегда проявлял отнюдь не типичную для колониальной страны заботу о своих строителях. Если рабочий болел, его доставляли в госпиталь в Назарете, с сохранением содержания. На вершине Фавора были оборудованы времянки для рабочих, чтобы не заставляя их каждый день совершать утомительное двухчасовое восхождение на вершину. Он чувствовал психологию по-детски простых и наивных палестинцев, умел ценить их душевную чистоту, смире-

ние и трудолюбие, и арабы, в свою очередь, по-настоящему любили его и называли Мальми — «маэстро» по-арабски. С особой обязательностью он появлялся на Фаворе в дни зарплаты, чтобы лично выдать рабочим золото, полученное накануне из иерусалимского банка.

Менее чем за пять лет была проделана огромная работа. Подчеркнем еще раз — не в европейских городских условиях, а в полудикой стране, без дорог и инфраструктур, без подготовленной рабочей силы. Да еще на вершине, пусть и небольшой по альпийским меркам (588 метров), но и сегодня не имеющей простых подъездных путей горе. Да еще с неизменным условием сохранения — и, значит, органического включения в новую постройку архитектурно-археологических напластований прежних эпох. 1 июня 1924 г. кардинал Джорджи, прибывший для освящения базилики, лично прикрепил золотую медаль римского папы Пия XI на выходной белый пиджак Барлуцци. Но, может быть, еще более важным было для него одобрение старшего брата Джулио, стоявшего у истоков архитектурной карьеры Антонио и специально приехавшего из Рима на его праздник.

...По древнему преданию, всякий значительный архитектурный памятник требует «строительной жертвы». Мы упомянули, что одним из верных сподвижников Барлуцци был П. Риччи. Еще не был освящен храм на Фаворе, а Антонио уже послал его в Иерихон строить там по своему проекту церковь и хоспис для паломников. Однажды во время поездки молодого архитектора на гору Нево, где умер Моисей, по ту сторону Мертвого моря, лошадь его понесла, и Риччи, упав, жестоко разбил себе голову. Раненого отвезли в Мадабу, потом в Амман, наконец, в госпиталь в Иерусалим. Антонио горько переживал несчастье, приключившееся с другом. Здоровье Пьера впоследствии так и не восстановилось. После лечения в Риме он вернулся на Ближний Восток, получив место в археологической экспедиции в Иордании, но совсем ненадолго — для того только, чтобы умереть в ноябре 1928-го. Ему не было тридцати двух.

Но вернемся к Фаворской базилике. Храм посвящен празднику Преображения Господня, и вряд ли без благословения Божия могло совершиться это чудо архитектурного преображения Фавора.

...»И взял с собой Иисус учеников Петра, Иакова и Иоанна и восшел с ними на гору весьма высокую, чтобы помолиться. И когда молился, преобразился вид лица его, и одежды его сделались белыми, сияющими как снег». Воспоминанию этого события и посвящен древний церковный праздник Преображения Господня.

В Евангелии не названа по имени гора, на которой преобразился перед учениками Спаситель. Но уже ранние христианские историки безошибочно узнавали Гору Преображения в Фаворе — небольшую, поросшую лесом гору, высящуюся, по образному выражению старого русского паломника, «яко стог сена, хорошо сметанный», посреди зеленой плодородной

долины Ездrelон, древней житницы Израиля.

Вершина Фавора издревле была местом языческого богослужения. Разные народы разным богам приносили на ней кровавые жертвы. Позже на горе располагалась пещера Мелхиседека — таинственного царя-первосвященника, которого встретил библейский Авраам, впервые пришедший со своим племенем в Палестину, «и почтил его, и дал ему десятину — то есть десятую часть от всякого стада и всякого жита».

«Мелхи-седек» означает в переводе примерно то же, что «Свято-слав»: святость силы небесной и слава власти земной, воплощенные в одном лице. (Ведь и в славянском «князь» и «ксендз» — одного корня.) Подобным «Мелхиседеком» был по апостольному учению Господь Иисус Христос, совмещавший в себе служение царственное, первосвященническое и пророческое. Более того, именно в событии Преображения, явившем ученикам Божественную славу Учителя, он и предстал, прежде всего и более всего Мелхиседеком.

Церковная жизнь на Фаворе начинается во времена императрицы Елены, матери равноапостольного Константина, сделавшего христианство государственной религией Римской империи. Елена посетила Святую Землю в 327 г., ей обязаны мы первыми — и главнейшими — церковно-археологическими находками: обретение Честного Животворящего Креста, Голгофы и Гроба Господня. Она же стала и первоустроительницей христианских святынь в Палестине — сохранившихся до наших дней храма Воскресения в Иерусалиме и Рождества в Вифлееме.

Храм Преображения, воздвигнутый императрицей на Фаворе, не сохранился. Слишком трудной была история этого отовсюду столь заметного места. В начале седьмого столетия все церкви и монастыри Палестины уничтожило персидское нашествие. В XII в. христианское святилище на горе восстановили (точнее, заново построили) крестоносцы. Но и они недолго владели Святой Землей. С Фавора виден Киттим — холм, у подножия которого курд Саладин нанес окончательное поражение крестоносному воинству в 1187 г. Все христианские постройки на вершине Фавора мусульмане сравнивали тогда с землей...

Пройдет семь столетий, прежде чем православным и католикам — практически одновременно — удастся хотя бы частично восстановить былую церковную славу евангельской вершины. В середине XIX столетия среди фаворских развалин поселился старец Иринарх, славянин из Румынии, «православный дервиш», как почтительно называли его местные бедуины. После многих лет тайного молитвенного подвига в пещере Мелхиседека Иринарх, на средства жертвователей, в том числе, из России, смог приступить к сооружению храма. Старец чуть-чуть не дожил до его освящения в 1862 г.

С началом православного строительства оживились и францисканцы. Правда, им турецкие власти разрешили строительство не сразу. Поневоле пришлось обратиться за моральной поддержкой к православным. Митро-

полит Назаретский Нифонт выдал необходимую грамоту, подтверждающую, что во все предыдущие годы католические монахи, приходя из Назарета, неопустительно совершали службу среди древних руин на Фаворе в праздник Преображения. (На паритетных началах францисканцы выдали — на всякий случай! — грамоту точно такого же содержания представителям Православной Церкви.)

В результате, в семидесятые годы прошлого столетия Фавор был полюбовно поделен между православными и францисканцами. Обе стороны воздвигли, строго по линии размежевания, прочные каменные ограды своих владений, с узкой, метра два шириной, «нейтральной» дорожкой между ними. Вскоре после православного храма Преображения появился над восточным обрывом Фавора и католический — совсем маленькая базилика, посвященная тому же празднику. О том, как выглядел этот первый францисканский фаворский храм, можно судить по фотографии начала века.

Такой представляется в самом кратком очерке архитектурно-строительная история католического участка горы к тому моменту, когда, преодолев знойный и пыльный путь от Иерусалима до Афулы, молодой Барлуцци и спутник его Филиппи увидели впервые перед собой зеленую полусферу Фавора.

БАЗИЛИКА СВЕТА

За много километров виден на вершине Фавора комплекс зданий во главе с величественной базиликой Преображения. Храм словно готов уплыть в небо, снявшись с вершины, подобно кораблю, с алтарем, устремленным на восток. Даже издали глядя на него, невольно вспомнишь, что само слово «неф» собственно и означает в переводе «корабль».

Многие считают эту базилику не только высшим созданием архитектурного гения Барлуцци, но и лучшим храмом Святой Земли.

...Поднявшись по серпантину дороги к вершине горы, проходим через известную арку, именуемую Баб-эль-Хава — «Врата ветра». Действительно, даже летом здесь всегда почему-то чувствуется дыхание бриза, а всмотревшись в захватывающую панораму всей почти Галилеи, простертой у твоих ног, начинаешь понимать, что могли значить для древних святилища на горах — в соседстве с небом и с Богом. Мистическое дыхание вершин воздействует на человека куда сильнее и глубже, чем самые величественные из развалин. Не только присутствие Творца в красоте и величии созданного им мира, но и зримые черты почитания его — в разных формах, у разных народов, от каменного века до наших дней, с алтарями, жертвоприношениями, молитвами и гимнами, — облагораживает и преображает душу.

Три горы в библейской поэзии носят имя обиталища славы Божией: снежный Ермон на самом севере Израиля и знаменитый Сион на юге, в Иерусалиме, и посередине — Фавор. «Север и юг — Ты создал их, Господи, Фавор и

Ермон о имени Твоем веселятся», — сказано в одном из псалмов Давида.

На какой из святых гор совершилось евангельское событие Преображения? Она не названа по имени в Новом Завете, но церковное предание исконно связывает Преображение с Фавором. Именно поэтому современная базилика, воздвигнутая Барлуцци, должна была стать своеобразным итогом и синтезом древних архитектурных памятников.

...Тенистая кипарисовая аллея ведет от Ворот ветра прямо к центральному portalу храма, четко вырисовывающемуся за железным узором решетки. Специалисты говорят, что базилика построена «в романско-сирийском стиле», то есть воспроизводит тот тип храмового зодчества, который особенно расцвел в IV — V столетии в восточных провинциях Римской империи. Хотя церковь, стоящая, как говорится, на самом юру, на семи ветрах, вот уже три четверти века подвергается неблагоприятным воздействиям ветра, дождя и тумана, иногда по нескольку дней окутывающего вершину Фавора, она и сегодня удивляет чистым кремовым цветом своих стен, сохранивших, кажется, теплоту рук арабских строителей, обученных командой Барлуцци. «Камень, напоенный солнцем», — так можно было бы обозначить основной оттенок использованного строительного камня. И вся базилика, как и следовало бы ожидать от храма, посвященного светлomu празднику Преображения, есть гимн солнцу и свету.

...Кстати, о чистоте стен. Едва вы входите за упомянутую узорную решетку, бросается в глаза как бы не вполне уместное, почти шокирующее на первый взгляд предупреждение. Дело в том, что многие туристы, отнюдь не одни только наши соотечественники, имеют дурную привычку оставлять свои имена и росписи на том или ином из великих памятников старины и архитектуры. На Фаворе вы этого не встретите. Братья-францисканцы нашли по-своему гениальную формулировку для устранения этой вечной беды для архитекторов и реставраторов. На табличке написано просто и смиренно: «Если вы веруете в Бога, милости просим, приходите и молитесь. Если же вы пустой и невоспитанный человек, не уважающий право собственности и чувства других людей, смело пишите свое имя на наших стенах».

Но продолжим рассказ о базилике. Каждая деталь ее пронизана глубокой богословской символикой. Сама структура фасада в своих архитектурных членениях отражает главную идею праздника Преображения — откровение людям Бога — Троицы. Она троична — в ознаменовании не только Трех Божественных Лиц, но и в память трех участников события (Иисуса, Ильи и Моисея) и трех учеников-очевидцев (Иоанна, Петра и Иакова). Две боковые башни, достаточно традиционные для католического храма, содержат в нижних ярусах капеллы, посвященные, соответственно, пророкам Моисею и Илье. Они разделены центральным высоким порталом, который в свою очередь отделен от главного здания своеобразным нартексом (притвором) под открытым небом. Восточные мотивы декора и

два алавастровых окна в каждой из башен демонстрируют особенности стиля, избранного мастером.

Раскрываются огромные бронзовые двери, каждая весом в полторы тонны, и мы видим, сразу за левой створкой, мемориальную доску с чеканной латинской надписью, гласящей о «Юлии и Антонии Барлуцци, братьях-архитекторах, создателях храма сего», о закладке первого камня «в двенадцатые календы ноября (т.е. 20 октября) 1919 г.» и об освящении храма легатом римского папы Пия XI «в июньские календы (т.е. 1 июня) 1924 г.» Отмечен также и художник, создатель центральной мозаики Преображения и автор оформления боковых приделов Ильи и Моисея — Родольфо Виллани.

Внутреннее пространство храма производит, может быть, еще более сильное впечатление, чем внешний облик. Поражает искусство архитектора, который сумел ухватить самую суть святого места, и окружающего ландшафта, и совершившейся здесь мистерии и воплотил их смысл в камне, мозаике и бронзе.

Через центральный неф — мы отметили уже выше, что это слово означает в первоначальном своем смысле «корабль», так называли свои храмы и наши русские старообрядцы, — уже сразу от входа открывается полный вид на восточную полукруглую абсиду. Необычность пространственного решения состоит в том, что по мере движения к востоку видишь, что алтарь храма имеет два уровня. Ни один из них не соответствует уровню пола в центральном нефу. Алтарь помещается выше и ниже нашего человеческого уровня. Верхний ярус — взойти к нему можно по широким боковым лестницам — посвящен божественной природе Христа. Нижний — своеобразная «крипта» алтаря — призвана напоминать о различных проявлениях его человеческой природы.

Мозаика в верхнем ярусе, созданная замечательным мастером Родольфо Виллани (он же автор художественного оформления боковых капелл Ильи и Моисея), представляет традиционную иконографию Преображения — разумеется, в католическом, западнохристианском ее прочтении. Три ученика повержены ниц при виде преобразившегося Спасителя, беседующего с Ильей и Моисеем. «И преобразился пред ними», — поясняет латинская цитата из Евангелия. Из голубого полукружия неба с золотыми звездами бьют нисходящие лучи и звучит голос: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, его слушайте». Присутствие двух великих пророков Ветхого Завета утверждает одну из важнейших евангельских истин: «Не думайте, что я пришел разрушить закон и пророков; не разрушить пришел я, но исполнить» (Мф, 5,17). Взор Христа молитвенно устремлен к небу, словно он слушает Отца, вся фигура его залита примиряющим небо и землю естественным солнечным светом.

...Простите, должен немножко разочаровать читателя. Все действительно, по замыслу Барлуцци и Виллани, должно быть наполнено солнцем. Но, как правило, мы видим храм и его алтарную мозаику при свете

электричества. Только если вам повезло, и вы можете войти в храм зимним утром, около шести часов, когда солнце только-только встает из-за Голанских высот, вы сможете по-настоящему воспринять эту сияющую мозаику, подлинный шедевр Фавора.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

К востоку от стен Старого Города, сразу за Кедронским потоком, высится над Иерусалимом Елеон — в русском переводе Евангелия Масличная гора, а в англоязычных путеводителях Mount of Olives. Как ни скажи, название на всех языках происходит от маслин (олив). Гора и сейчас, почти до вершины, покрыта оливковыми садами.

Внизу, у подножия, находится знаменитый Гефсиманский сад, имя которого тоже связано самым непосредственным образом с маслинами. Гефсимания — от еврейского Гет-шемен («маслодавильня, давяльный пресс»). Христос любил это место, часто уходил сюда от городской суеты и шума — для уединенной молитвы и беседы с учениками. Именно это место их тайных собраний укажет первосвященникам Иуда и приведет сюда воинов и толпу с дрекольем, чтобы взять Спасителя под стражу.

Но палачи и предатели всегда опаздывают. Прежде их прихода здесь уже совершилось пусть не всеми донине осознаваемое чудо Гефсиманской молитвы...

Построить храм Молитвы (именно не «для молитвы», но посвященный Молитве и в честь нее освященный), да еще в формах современного архитектурного языка, — задача более чем сложная. «Дом мой домом молитвы наречется», — сказал Христос, изгоняя торгующих из храма. Церковное искусство знает попытки художественного претворения темы. В древнерусской православной иконографии есть образ «Спас Благое Молчание» — специальная икона Молитвы.

И все же слишком таинственна, сокровенна, невыразима сама природа молитвы — умно-сердечно-словесного восхождения к Богу, — чтобы можно было надеяться когда-либо адекватно представить ее в очевидных пластических образах. Как воплотить неземное — на земле? Внутреннее, сокровенное, трепетное — в формах внешних, зримых и осязаемых?

Для такой задачи нужен художник если не конгениальный, — кто же из смертных конгениален Молящемуся Богочеловеку? — то интимно, изнутри владеющий материалом, музыкально точно отзывающийся своим человеческим «тремоло» на великий Божественный Трепет.

Именно таким художником был Антонио Барлуцци. Если на Фаворе он сумел максимально использовать, реализовать в архитектуре преобразующую, «боготворящую» стихию и динамику света, то в Гефсимании нужно было, напротив, смягчить, «углубить» свет почти до сумрака, чтобы во-

плотить ночь отчаяния, овладевшего душой Сына Человеческого.

Что же происходило в ту последнюю ночь жизни Иисуса здесь, в Гефсиманском саду? В Евангелии рассказывается о том, как после Тайной Вечери, прощальной праздничной трапезы Господа с учениками, он вывел их из Сионской Горницы, улицей-лестницей повел с Сиона вниз, в долину Кедрона, и затем через поток в Гефсиманский сад. И оставив учеников в пещере, взял с собой лишь троих — Петра, Иакова и Иоанна (тех же самых, которых брал с собой на Фавор!) и сказал: «Душа моя скорбит смертельно, побудьте здесь и бодрствуйте со мной».

О чем скорбела душа его? В Гефсимании, в этой, по самому смыслу слова, «давилъне», Христос окончательно становится Иисусом, Бог — человеком. Сын Божий до конца, до последнего бессилия и сознания, что Бог и Отец оставил его, принимает на себя нашу грешную, падшую человеческую природу. Вся земная жизнь Спасителя, все Евангелие — о том, как Бог становился — и стал — человеком. Строго говоря, последнюю точку в истории этого «вочеловечения» поставит Голгофа, но переборол себя Иисус окончательно и бесповоротно, преодолел, преопределил к кресту и смерти здесь, в Гефсимании.

Бывает «полдень духа», зенит восхождения и славы в жизни человека. Бывает и «полночь» — предельное сгущение тьмы безверия, состояние, наиболее, может быть, актуальное для современного обезбоженного человечества. Не случайно один из наиболее глубоких русских богословов XX в., митрополит Антоний (Храповицкий), считал Гефсиманскую Молитву центральным моментом во всей истории спасения — искупления Спасителем рода человеческого. Мы говорим: Христос взял на себя грех всего мира. Как именно взял? Не так ли, что ощутил и осознал себя самым великим из грешников, самым ничтожным из маловеров и неверов, которых так часто укорял в своих проповедях и притчах? Теперь он страдает от собственного неверия — в себя и в Бога. В милосердие и благодатную помощь Божию и в способность человека вынести предстоящие ему нравственные и физические испытания. Да, и это нужно было преодолеть Сыну Человеческому: уврачевать и исцелить последнюю, смертную язву человечества — страх. Страх физической боли бичевания и пыток — и нравственного страдания от унижения во власти судей и палачей. Страх самой позорной, «проклятьем заклеянной» крестной смерти — и притом смерти бесконечно мучительной.

...Некоторые считают храм слишком темным. Но когда, оглядевшись, отрешившись от света и шума, «утишив чувства», как сказано в нашем православном Молитвослове, привыкнешь к этой необычной архитектуре, необычной системе освещения, — тогда начинаешь постепенно понимать единственную возможность именно такого и никакого другого решения — то, что и называется буквально «уникальностью» замысла и воплощения.

К слову, знаменитая базилика Рождества Христова в Вифлееме, воздвиг-

нутая в VI веке, тоже показалась первоначально главному заказчику — императору Юстиниану слишком темной. Недолго думая, «благочестивейший и самодержавнейший» повелел за это отсечь архитектору голову. К счастью, в XX в., когда работал Барлуцци, художественные просчеты зодчих уже не наказывались смертной казнью. К тому же в случае с базиликой Гефсиманской Молитвы «темнота», как явствует из всего сказанного, — не архитектурный просчет, а сознательный богословский замысел.

Мы входим обычно в храм через главные двери. Так поступают и паломники — посетители гефсиманской базилики. И зря. Дело в том, что фасад храма, выходящий к руслу Кедрона, оказался, независимо от воли архитектора, слишком приближенным к проезжей части шоссе, ведущей из Иерусалима в Вифанию. Оказывается, не всегда хорошо, если дорога «ведет к храму». В данном случае, она прошла от него невольнительно близко, сделав невозможным для зрителя нормальное приближение и восхождение к нему, а значит, по сути, и восприятие здания с главной, фасадной его стороны. Великолепный портик, украшенный мозаикой огромный фронтон, ведущая к главному, западному входу парадная лестница, — все это практически теряется, так как ограда, отделяющая церковь от проезжей части шоссе, срезает церковный участок сразу у нижней ступени лестницы.

И другое. Если всходишь по этим ступеням прямо из слепящего иерусалимского солнца в храм, первые минут десять глаз просто ничего не различает. Не понимаешь, где ты. Вошедший с тобой свет разрушил бережно поддерживаемую таинственно сумеречную атмосферу святилища.

Но если войти боковой северной дверью... Сначала вы попадаете в сад — малую часть того подлинного, стародавнего евангельского сада. Восемь древних неохватных маслин, ровесниц Иисуса, встречают вас в этом саду. Говорят, что оливы так долго не живут. Эти — живут. И не только живут, но и по-прежнему дают урожай. Если вам повезет, сторож или кто-нибудь из братьев-францисканцев подарит вам несколько на память.

Минуя сакристию — то, что у нас зовется в церковном обиходе ризницей, — вы сразу видите главное, для чего пришли, ради чего построен храм. Церкви Палестины все почти являются функционально прежде всего своеобразным религиозно-архитектурным футляром, призванным защитить и сохранить для будущих поколений то или иное из святых мест. В большинстве случаев это камни. Весь Иерусалим, вся библейская история — в святых камнях, своеобразный священный палеолит. Мечеть Омара (по-арабски «Купол над скалой») воздвигнута над камнем, на котором Авраам готов был принести в жертву своего сына Исаака. Храм Гроба Господня — над скалистым «теменем» Голгофы, над «Камнем миропомазания» (на котором жены-мироносицы помазали миром тело Спасителя перед погребением), и над самим высеченным в скале Святым Гробом. Ча-

совня Вознесения — над камнем, сохранившим отпечаток стопы Вознесшегося Христа.

Так и здесь. Базилика Гефсиманской Молитвы воздвигнута над подлинным камнем, который прожег Иисус в последнюю свою земную ночь молитвенными слезами и каплями кровавого пота.

ЦЕРКОВЬ ВСЕХ НАЦИЙ

...Лишь постепенно проясняются, проступают из полумрака другие элементы церковного убранства. Камень Иисусовой Молитвы — Моления о чаше, как называют этот сюжет в мировом искусстве, окружен низенькой железной решеткой, сплетенной в форме тернового венца. Дополнительный символ жертвенности и беспомощности Невинного Страдальца, взявшего на себя грех мира и ужас смерти, — две белые голубки по углам решетки, будто запутавшиеся в терновнике и обреченные на медленную гибель.

Большая мозаика над алтарем изображает тот же кусок скалы с простертым на нем в изнеможении Спасителем. В самом верху видна рука Бога Отца, несущего знак победы — в уверение того, что Христос не до конца оставлен Отцом. Ниже — спускается с небес посланный утешить скорбящего ангел. Художник, Д'Акьярди, сумел создать мозаичную икону предельной красоты и пронзительности. Лицо Иисуса явственно отражает не только глубокую печаль, но и почти недоумение, даже отчаяние. Как пишут искусствоведы, это действительно произведение «великого мастерства и религиозного вдохновения». Оказывается, мозаики XX в. умеют не хуже классических византийских и средневековых передавать тончайшие оттенки, которым нет равных по выразительности ни в каком другом материале.

Главный алтарь, с его максимальным смягченным светом, проходящим сквозь пурпурные фильтры, является напоминанием и символом той «молитвы до кровавого пота», о которой сказано в Евангелии. Мозаики двух боковых нефов изображают другие важнейшие моменты Гефсиманского действия: предательство Иуды и добровольный выход Христа навстречу толпе: «Вот я!»

Продвигаясь затем — как бы «обратным ходом» — от алтарной части внутрь церкви, мы в деталях увидим, как старательно и умело воссоздает архитектор атмосферу ночной мистерии. Шесть монолитных колонн поддерживают свод, устроенный в форме двенадцати малых куполов, — по числу 12 апостолов, — и каждый из них «увит» ветвями маслин и мерцает звездами на фоне ясного ночного неба. Сквозь алавастровые окна, просвечивающие, но не прозрачные, свет проникает только почти совсем фиолетовый — литургического цвета, цвета молитвы и покаяния.

...Базилику Гефсиманской Молитвы называют в Иерусалиме «Церко-

вью Всех Наций» — потому что верующие почти всего католического мира приняли участие в ее убранстве и украшении. Мы имеем в виду финансирование исключительно затратною художественных работ по мрамору, кованому металлу, золотой мозаике.

Так, например, мы сказали уже, что центральная мозаика выполнена художником Д'Акьярди. Но оплачена эта грандиозная работа — во всю алтарную стену — и материалы для нее католиками Венгрии. Мозаики боковых нефов — южного, изображающая «Поцелуй Иуды», и северного, с сюжетом «Взятия Христа под стражу» — выполнены художником М.Барберини, а оплачены, соответственно, Ирландией и Польшей. Мозаики в 12 куполах финансировались католическими общинами Англии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Германии, Испании, Италии, Канады, Мексика, Франции, США, Чили и несут на себе гербы соответствующих стран. Терновый венец вокруг алтарного Камня выполнен на средства далекой Австралии. Итого, пятнадцать держав. «Когда вознесусь, — говорил Спаситель, — всех привлеку к себе».

Если мы выйдем теперь, наконец, из базилики, воспользовавшись ее центральным входом, и спустившись по ступеням, оглянемся на парадный портик и фронтоны храма, то увидим в треугольном тимпане еще одну большую мозаику, представляющую Христа — Первосвященника, работы итальянского мастера Дж.Бергеллини. Для храмов Барлуцци и их богословской программы всегда непосредственно важна связь с окружающим ландшафтом. Храм Гефсиманской молитвы расположен напротив Золотых Ворот — через них совершился Вход Господень в Иерусалим (в Вербное воскресенье) — и мечети Омара («Купола над скалой»), воздвигнутой на месте древнего Соломонова храма. Поэтому главная тема обращенного к Иерусалиму фасада Гефсиманского храма — утверждение мысли, что великая искупительная жертва Сына принята Отцом. Латинский текст внизу упомянутой мозаики содержит цитату из апостола Павла: «Он с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти, и был услышан за свое благоговение» (Послание к Евреям,5,7).

Статуи четырех евангелистов стоят на утяжеленных капителях, венчающих сложные по архитектонике столпы-колонны парадного фасада. В самом верху фронтоны увенчан крестом, с двумя оленями по сторонам, иллюстрирующими стих из псалма Давида — утверждение любви и веры: «Как стремится олень на источники вод, так желает душа моя к Тебе, Господи» (Пс.41,2).

Во всех практически церковных проектах Барлуцци — так было на Фаворе и будет в других созданных им храмовых комплексах — базилика в Гефсиманском саду не только построена точно на месте древнего храма, но и бережно хранит археологическую память о нем. Архитектурно-строительная история этого места уходит в глубину веков. Еще сто лет назад,

в результате раскопок 1891 г. и 1901 г., археологи вскрыли здесь руины посвященной Спасителю церкви крестоносцев, построенной в двенадцатом веке и разрушенной в конце тринадцатого. (Остатки ее сохранились в левой (северной) части современной базилики).

Но и эпоха крестовых походов не предел для святых Иерусалима. Когда Барлуцци в 1920 г. начинал строительство в Гефсимании, и проводились предварительные работы по заглублению фундаментов, археологи обнаружили фундаменты гораздо более древнего церковного сооружения — классической византийской трехнефной базилики, построенной императором Феодосием Великим и описанной Сильвией Аквитанкой, знаменитой паломницей из Галлии, посетившей Иерусалим в конце IV века. В ее алтарной абсиде и находился первоначально камень Святой Молитвы, топографическая память о котором была надежно сохранена ранней церковной традицией и поддерживалась практикой у древних христианских захоронений вблизи священного места. Разумеется, базилика Феодосия, просуществовавшая чуть более трех столетий и разрушенная персами в 614 г., была значительно меньше нынешней. От нее остались лишь найденные при раскопках фрагменты богатого мозаичного пола и обломки стенных мозаик. Наиболее интересными с точки зрения истории архитектуры были вскрытые следы атриума с цистерной для сбора воды.

Соединение древности и современности, архитектурной традиции и инновации было, как мы уже говорили, одним из творческих принципов Барлуцци. Его храмы всегда «коренятся» в старинных фундаментах. Так поступил он и здесь, в Гефсимании — остатки древнего пола сохранил под матовыми стеклянными крышками, а мотивы римского атриума и текущей воды отразил в оттенках белого и зеленого мрамора.

Базилика Гефсиманской Молитвы была освящена, как мы упоминали выше, в июне 1924 г. Это было еще самое начало творческой биографии Антонио Барлуцци. С тех пор год за годом он непрерывно что-нибудь строит — преимущественно в Святой Земле и по соседству (в Ливане, Иордане, Сирии).

В 1924–1925 гг. он построен небольшой храм и Приют Доброго Пастыря в Иерихоне. В октябре 1925 г. мы видим архитектора в Тегеране, где он восстанавливает пострадавшую от пожара резиденцию Папского Легата. В 1926 — 1928 гг. он строит госпиталь в Аммане, столице Иордании. В 1928–1929 гг. реставрирует капеллу Бичевания на Крестном пути в Иерусалиме. В 1930 г. Кармелитский монастырь в Хайфе поручает ему строительство нового здания и реставрацию храма на горе Кармил. В 1931–1933 гг. воздвигнут госпиталь в Кераке. В 1933 и 1937 гг. в два приема осуществляются строительные-реставрационные работы на Голгофе — в храме Гроба Господня, пострадавшего от землетресения 1927 г.

1937 г. — храм на Горе Блаженств, 1938–1940 гг. — храм Посещения Де-

вой Марией Елизаветы в Горнем (Айн-Карем), 1948–1949 гг. — реставрация францисканского монастыря в Вифлееме, 1952–1953 гг. — храм Святого Лазаря в Вифании, 1954 г. — храм на Поле Пастушков в Вифлееме. Наконец, 1954–1955 гг. — храм «Dominus Flevit» («Господь плачет») на Елеоне...

Не правда ли, такого числа работ, как правило, масштабных, нередко приводивших к созданию подлинных шедевров, хватило бы, чтобы прославить имя нескольких архитекторов. Но творческий подвиг Барлуцци производит тем большее впечатление, если принять во внимание бесчисленные трудности, с которыми приходилось сталкиваться зодчему: отсутствие нужных материалов, воды, дорог, квалифицированных инженеров и компетентных строителей. Только неизменный энтузиазм, то «горение Божие», которое он впервые ощутил в себе еще в возрасте 33 лет, когда духовник сказал ему: «Иди и строй храмы», позволили мастеру пройти свой крестный путь, не страшась и не уклоняясь.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

В полдень 14 июля 1927 г. Господь тронул земную ось. Через Иерусалим, Святую Землю, весь прилежащий регион прошла мощная тектоническая волна землетрясения. Пострадало множество старинных зданий, храмов и монастырей. Знаменитая Русская Свеча — самая высокая в Палестине колокольня Вознесенского монастыря на Елеоне — ходила, по словам очевидцев, как маятник. И все же устояла.

Сохранились и здания, построенные Барлуцци, — притом дом, в котором жил архитектор, был полностью разрушен. Катастрофа не пощадила и самых древних памятников Святого Города. Второй раз — после дня Распятia — тряслась Голгофа. (Несколько лет спустя Барлуцци будет поручена реставрация латинского, то есть католического, голгофского придела храма Гроба Господня). Но сначала, в 1928 г., встал вопрос о храмах, расположенных на Крестном Пути.

...Виа Долороза — Скорбный путь — так называют в Иерусалиме на латинский лад совокупность улиц, поворотов и переулков, которыми прошел с крестом Господь Иисус Христос от римской цитадели Антонии, резиденции Понтия Пилата, до места казни преступников за пределами тогдашней городской черты. Строго говоря, Виа Долороза лишь с известной натяжкой может считаться моделью подлинного Крестного Пути — условной и приблизительной, как всякая (в том числе историческая и археологическая) модель.

Не говорим уже о том, что прошедшие двадцать веков привели к отложению глубокого культурного слоя, так что подлинный уровень улиц, по которым ходим мы сегодня в Иерусалиме, лежит на 2 — 3 метра выше тех

реальных улиц, по которым ходил Христос. Практически только в трех — четырех местах Старого Города благодаря архитектурно-археологическим реконструкциям мы имеем возможность «спуститься на землю» времен Спасителя.

Но когда мы говорим об относительной «современности» Виа Долороза, мы имеем в виду не только «подземный» характер археологического евангельского Иерусалима. Сама традиция Крестного Пути, его, если можно так сказать, «маршрут», такой, каким мы знаем его сегодня, восходит исторически не глубже, чем к XIV столетию. И с самого начала его происхождение связано с деятельностью Францисканского ордена.

Мы говорили уже о том, что история францисканской миссии в Иерусалиме начинается с миссионерских хождений по Египту и Палестине святого основателя ордена — Франциска Ассизского (1219 г.). С конца XIII в., когда эпопея крестовых походов закончилась полным изгнанием рыцарей из Святой Земли, хранителями католических святынь здесь оставались францисканцы. У новых владык Палестины, воинственных мусульман-мамлюков, не было, понятно, оснований любить католиков, с именем которых связана на Востоке память двухсот лет непрерывных крестоносных войн. Более чем сдержанно относились к «франкам» (так называли в Палестине всех европейцев) и православные, слишком хорошо помнившие время, когда хозяйничавшие в Иерусалиме рыцари изгоняли православных из исконно, с византийских времен, принадлежавших им храмов и обителей. Католики в местной полемической греческой традиции доныне пишутся в два слова: «като, лики» — «прочь, волки».

Только к францисканским «дервишам», босым, в подпоясках, мусульманские власти относились более или менее снисходительно. В 1342 г. римский папа Климент издал особую буллу, подтверждавшую права ордена быть преимущественным хранителем католических святых мест в Иерусалиме и Палестине. Почти пятьсот лет Кустодия «сторожила» Святую Землю (Кустодия в переводе с латинского и значит «стража»). Неудивительно, что с деятельностью францисканцев, их молитвенной практикой, богословием и аскетикой связаны многие черты современного облика христианского Иерусалима. Памятником их «архитектурно-литургического» творчества и является Виа Долороза.

Дело в том, что Виа Долороза — это действительно не просто архитектурный и даже градостроительный (поскольку охватывает несколько улиц) феномен, но именно — и прежде всего — «архитектурно-литургическое действие», пространство еженедельного, по пятницам, в память Страстной Пятницы, Крестного хода францисканцев. Специфика католического религиозного миро- и Богоощущения неразрывно связана с чувственным, пластическим, телесно воплощенным почитанием Сына Божия, Богородицы, святых. Тем более, если речь идет о почитании святых мест

— памятников, непосредственно, археологически связанных с событиями библейской истории.

Сам тип святости, молитвенно-духовного устройства иноков-католиков, — другой, чем у православных. Вершиной западного типа духовного подвига и экстаза не случайно стали стигматы святого Франциска — раскрывшиеся на его руках и ногах «гвоздиные язвы», телесно, физически воспроизводившие крестные раны Спасителя. Такое же примерно отношение перенесли францисканцы на священные евангельские памятники Иерусалима. Символично в этом смысле, что «печатью», знаком «Стражи Святой Земли», которым отмечены владения и храмы францисканцев, являются две скрещенные руки — пронзенная голгофским гвоздем рука Иисуса и ладонь Франциска, со знаком (стигматом) распятия, полученным им в молитвенном экстазе незадолго до смерти.

Виа Долороза, таким образом, есть путь к Голгофе. Во внутреннем, молитвенно-аскетическом плане — путь к стигматам. Крестный путь души, воплощенный в камне и статуе.

Францисканская традиция выделяет на Крестном Пути 14 так называемых «станций» — молитвенных остановок Крестного хода: 1 — место осуждения Христа, Лифостратон, над которым построил Барлуцци свою часовню, 2 — арка и храм Ессе Ното («Се Человек»), куда вывел Пилат невинно осужденного, 3 — апокрифическое место первого падения Иисуса под тяжестью Креста (здесь находится польская католическая часовня), 4 — место последней встречи Иисуса с Матерью (армянская католическая часовня), 5 — место возложения Креста на Симона Киренейского, начало медленного подъема к Голгофе (францисканская часовня), 6 — дом Вероники, отершей платом лик Божественного Страдальца (часовня католического монастыря «Младших сестер Иисуса», восстановленная все тем же Барлуцци, о чем позже), 7 — римская колонна на месте второго падения Иисуса (францисканская часовня), 8 — место беседы Иисуса с женами иерусалимскими (крест на стене греческого православного монастыря), 9 — «третье падение» Спасителя при виде открывшегося Ему за Судными Вратами места предстоящей казни. Остальные пять «остановок» находятся внутри храма Гроба Господня.

Архитектурно-строительная история Капеллы Бичевания, которую довелось восстанавливать и перестраивать Барлуцци после землетрясения 1927 г., как и в случае других его иерусалимских проектов, сложна и многообразна. Мы не знаем точно, существовала ли на этом месте какая-либо церковь в византийское время. Во времена крестоносцев — и до XIV в. — точно существовала.

При раскопках 1901–1903 гг. археологи обнаружили на месте нынешнего двора Францисканского Библейского Института остатки почти квадратной в плане трехнефной средневековой капеллы, в которой четыре мощные ко-

лонны поддерживали купол над древним римским помостом — тем самым Лифостратоном (дословно «каменным мощением»), расхаживая по которому беседовал Пилат с Иисусом. Правда, над этими древними фундаментами сейчас стоит вторая из парных, находящихся в ограде Института францисканских церквей — Капелла Осуждения, воздвигнутая в начале столетия, — раньше, чем появился в Иерусалиме Барлуцци.

Пилигримы XVIII столетия отмечают, что здание использовалось как конюшня при османском правителе Мустафе-Бее (1623–1640). Когда он вздумал построить над бывшим храмом помещение своего гарема для нескольких десятков своих «многонациональных» жен, здание не выдержало и рухнуло (1632). Есть свидетельство, что в XVIII в. оно использовалось турецкими ткачами. Наконец, Ибрагим-паша вернул это место францисканцам, и они реставрировали и расширили древнюю капеллу в 1839 г.

В 1928 г., чтобы освободить место для нового храма Барлуцци, старую францисканскую церковь Бичевания полностью разобрали. Капелла, воздвигнутая на месте, где, по церковному преданию, Христос был подвергнут бичеванию римскими воинами, должна была стать первой «станцией» Крестного Пути. Одним из главных, наиболее впечатляющих элементов новой постройки по замыслу Барлуцци должна была стать высокая квадратная колокольня (потом оказалось, что на нее не хватило денег). Правой рукой Антонио при строительстве Капеллы Бичевания был все тот же инженер Чезаре Филиппи, с которым мы познакомились уже на строительстве Фаворской базилики.

Капелла представляет собой простую строгую однефную церковь, во внутреннем убранстве которой прежде всего обращает на себя внимание мерцающий купол над алтарной частью (хором). Это, как во всех барлуццианских храмах, стилизованная под Византию золотая мозаика. Вся внутренняя полусфера купола занята огромным терновым венцом. Барлуцци словно хочет сделать нас очевидцами предсмертных пыток, через которые прошел Господь, преданный в руки римских солдат. Без мук, без тернового венца нет победы над адом и смертью, нет спасения. Поэтому сквозь шипы и иглы венца вдруг просвечивают неожиданно яркие звезды — символ победы, которую Спаситель своим Крестом и Воскресением одержал над грехом и смертью.

Три витражных окна изображают: в центре — Иисуса, привязанного к колонне и бичуемого солдатами, слева — Пилата, умывающего руки, справа — разбойника Варраву, освобожденного по требованию иерусалимской толпы вместо Иисуса. Капелла, как мы отметили выше, находится на том самом месте, где совершались избиения и поругания Господа. «Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить его. И воины, сплетши венец из терна, возложили ему на голову, и одели его в багряницу и говорили: Радуйся, Царь Иудейский! и били Его по ланитам. Пилат опять вышел и

сказал им: Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины. Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: Се, Человек! Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: Распни, распни Его!» (Евангелие от Иоанна, глава XIX, стихи 1–6).

ГОРА БЛАЖЕНСТВ

В 1935 г. Италия вновь вступила в войну. На сей раз речь шла о Северной Африке, о завоевании Эфиопии, или, как тогда чаще говорили, Абиссинии. И А. Барлуцци в свои пятьдесят лет вдруг решил, что должен вернуться, как истинный итальянец и патриот, в действующую армию. С большим трудом главе Францисканского ордена падре Белло и Кустоду Святой Земли (им был в то время Назарено Якопоцци) удалось убедить беспокойного Антонио в том, что его долг архитектора и патриота — целиком посвятить себя церковному строительству в Палестине.

Тогда же, во время пребывания в Риме, Антонио узнал о планах Миссионерского общества воздвигнуть храм на Горе Блаженств...

Сначала несколько слов о Миссионерском обществе. В год рождения Барлуцци, в 1884 г., молодой археолог по имени Эрнесто Скьяпарелли, близко ознакомившись в период раскопок в Верхнем Египте с трудностями миссионерской работы предоставленных самим себе итальянских проповедников, пришел к выводу о необходимости создания общественного движения с целью поддержки Итальянской Миссии в мире. Последняя треть XIX столетия вообще была временем бурного развития миссий. Вспомним, что и миссии Русской Церкви успешно работают в это время в Иерусалиме, в Корее, в Урмии (в Иране) и иных местах. Ближний Восток активно осваивали — и не только в чисто духовных целях — миссионеры Британии, Франции, Германии. Скьяпарелли решил, что Италии нельзя отставать в этом культурном и политическом состязании.

В 1887 г. им была создана в Риме «Национальная ассоциация поддержки итальянских миссий». Эту организацию и называли потом сокращенно «Миссионерским обществом». Общество основывало школы, духовные семинарии, больницы для местных жителей, проводило конгрессы для соотечественников за рубежом, строило подворья и хосписы для католических паломников по Святым Местам. Подразделения общества активно работали до 1945 г. в Албании и Греции, Палестине и Иордании, Египте, Турции, Эфиопии — странах Средиземного моря, которое имперски настроенные итальянцы предфашистской и фашистской эпохи считали сферой своих национальных интересов и именовали *Mare Nostrum* — «Наше Море».

Один из таких паломнических центров был основан Миссионерским

обществом на участке, приобретенном в 1907 г. в Палестине, у моря Галилейского.

...Галилея — родная земля Иисуса. В ее городах — Назарете, Кане, Капернауме — вся география Евангелия. На ее полях — колосья, которые срывали на ходу ученики в странствиях за Спасителем, и лилии, «которые не прядут и не ткут, но украшены Господом так, как не одевался и сам Соломон». На ее холмах...

Горы всегда имели особое значение в древних религиях. Вся земная судьба, человеческий путь Иисуса — от Жизни к Смерти, с Севера на Юг, от истока Иордана к его устью — Мертвому морю. После цветущих холмов Галилеи — безжизненные горы Иудеи, сплошная каменная Голгофа.

Таков зеленый небольшой холм, проросший по склону древними мохнатыми (в буквальном смысле — от слова «мох») валунами, возвышаясь на берегу Галилейского моря, неподалеку от Капернаума, в районе так называемого Семиключия (от греческого Гептапегон, «Семь ключей», происходит современное арабское название Табга). Обычно паломник, спешащий в Капернаум, проходит мимо, не обращая внимания на этот склон. Между тем, именно здесь прозвучали когда-то слова, положившие начало всему христианскому благовестию и вошедшие в историю мировой литературы и философии как Нагорная проповедь. Иисус любил это место — будто нарочно уготованное природой для многолюдной беседы, естественный амфитеатр на гулком побережье, далеко разносящем звук человеческого голоса. Отсюда открывался вид на Геннисаретское озеро — это его часто называют Галилейским морем, а древние евреи звали Киннерет — Арфа, по характерному очертанию берега.

В тридцатые годы францисканцы проводили здесь археологические раскопки. Обнаружили остатки маленькой однефной церкви конца IV столетия, украшенной по обычаю того времени мозаиками. Остатки прилегающих зданий свидетельствовали о находившемся здесь, вероятно, в византийское время, монастыре, подтверждая догадку, что именно этот холм традиционно почитали древние христиане как место Нагорной проповеди.

Впрочем, для большинства паломников заповедным стал участок, расположенный чуть выше и в полутора километрах к западу по склону, — там, где нашему герою, итальянскому зодчему Барлуцци, довелось создать еще одну свою «молитву в камне».

...Вернувшись тогда из Рима в Иерусалим, Антонио сразу засел за чертежи. Как всегда, рабочий день его строился строго и наполненно. После ранней (шестичасовой) мессы — за рабочий стол, работа над чертежами до полудня, затем, как положено у францисканцев, два часа молитвы и медитации — и вновь до вечера работа. Строго говоря, его работу иногда лишь с большой натяжкой можно было бы отделить от молитвы и размышления. Иногда он за целый день мог ни разу не взять в руки карандаша,

просто сидел за своим огромным столом и думал.

Храм на Горе Блаженств должен был, как и другие задуманные и осуществленные им церкви, прежде всего соответствовать религиозному значению места, для которого он проектировался. Снова и снова Антонио перечитывает Евангелие.

«Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5, 1–10).

Заповеди Горы Блаженств (холм по ним и получил свое имя) резко отличались от известных каждому ветхозаветных Моисеевых десяти заповедей. Каждая заповедь Моисея представляет собой жесткий запрет: «Не убий!», «Не укради!», «Не пожелай жены ближнего своего!», «Не произноси имени Бога твоего всуе!» Нарушение заповеди — в буквальном смысле «преступление» — готовность переступить черту. Этими чертами-запретами-законами со всех сторон был ритуально огражден ветхозаветный иудей.

Совсем по-другому учит Христос. Не запрет — а стимул, не угроза наказания, а обещание блаженства. И при этом «нормальная» человеческая этика как будто вывернута наизнанку. Разве придет кому-нибудь в голову, что счастлив — «блажен» — не тот, кто богат, а тот, кто нищ? Не тот, кто смеется, а тот, кто плачет? По евангельскому учению — именно так. Более того, сами радость и счастье трактуются не как «награда» и «воздаяние», а как естественное закономерное состояние человека, «чистого сердцем» и делающего добро. Ты не в будущем награжден будешь «блаженством» за сотворенные дела, а само осуществление, сама работа, — если угодно, трудная, слезная, до кровавого пота работа, — она и есть, сама по себе, для христианина награда и блаженство.

Поэтому — блаженны нищие... плачущие... гонимые... Восемь блаженств Нагорной проповеди предопределили образ октогонального в плане храма. Основной восьмерик, возносящий над собой большой, но легкий, крытый медью купол, сложен из местного черного базальта. В декоре интерьеров использовались импортные материалы, заказанные архитектором из родной Италии: мраморы, ониксы, ляпис-лазурь.

Работы начались в 1937 г. Каждое утро, в половине шестого, по условиям климата, сорок арабов-каменотесов принимались за свой нелегкий труд по обработке базальтовых глыб. Работы могли продолжаться лишь до часа дня, когда наступал нестерпимый солнцепек. Между тем политическая ситуация в стране заставляла Барлуцци торопиться. Английские

власти (Святая Земля, напомним, находилась тогда под так называемым «британским мандатом») не любили Барлуцци как патриота фашистской Италии. Возраставший наплыв еврейских иммигрантов был чреват будущими войнами и этническими конфликтами между вновь прибывшими и местным арабским населением. Сложности с доставкой стройматериалов вынуждали архитектора больше рассчитывать на местный камень.

В августе тридцать седьмого прибыли из Италии долгожданные колонны каррарского мрамора. К Рождеству были закончены работы по куполу. Антонио приходилось при этом то и дело отлучаться в Иерусалим, где одновременно велась под его наблюдением реставрация Голгофы.

И все же, несмотря на множество неблагоприятных факторов, храм на Горе Блаженств был завершён и освящён в мае 1938 г. Барлуцци вновь удалось создать нечто невиданное и неожиданное.

...С каждой стороны восьмерика в алавастровом окне (Антонио более всего любил этот материал — типа тончайшего просвечивающего фарфора) большими квадратными буквами четко прописан латинский текст одной из восьми заповедей. Простые строгие стены святилища сделаны из серого мрамора, но внутренняя поверхность купола мерцает золотой, четко выделяющейся на общем фоне мозаикой. Мозаичный пол украшен символами главных христианских добродетелей.

Храм представляет собой ротонду, причём престол находится в самом её центре. Не только священник, совершающий литургию, но и молящиеся видят не только престол, не только стены и окна храма, но и — через окна — весь галилейский окоем. Впечатление внутреннего кругового пространства ещё усиливается такой же круговой, нависающей над холмом крытой галереей, позволяющей посетителям в любое время года любоваться красотой окружающего пейзажа.

...Тургенев создал уникальный поэтический жанр «стихотворений в прозе», храм Барлуцци искусствоведы называют «стихотворением в архитектуре». Когда приближаешься к нему,ходишь в него, невольно приходит мысль, что выстроен храм не из базальта и мрамора — из неба, моря и Евангелия. Барлуцци не церковное здание возвел, привязав ландшафтно к вершине одного из Галилейских холмов, — наоборот, Галилею, живую, с цветами, запахами, синей арфой берега, сумел ввести в церковь. Похоже, природе и искусству нигде в другом месте не удавалось достичь столь плотного (от человеческого, трепетного «плоть») взаимопонимания, взаимопроникновения, слияния.

Быть может, это не любовь,

Но так похоже на блаженство, —

вспоминаются строки русского поэта. Гора Блаженств — с храмом Барлуцци на ней — действительно «похожа на блаженство». На евангельские заповеди блаженства, для которых храм служит архитектурным аналогом.

И на само обещанное блаженство...

Оно уже в том, что вы стоите там и видите все так, где стоял и как видел Иисус в то весеннее утро 30-го года первого христианского века, за три весны до Голгофы, которую кто бы смог тогда увидеть отсюда, но которой уже с самого начала так много в горящей музыке прозвучавших здесь евангельских строк.

Блаженны плачущие... Блаженны изгнанные...

«Величит душа моя Господа»

Рождество 1937 г. стало важной вехой в творческой биографии Барлуцци. Мессу в рождественскую полночь впервые служили под куполом еще недостроенного храма на Горе Блаженств. Два дня спустя Антонио спешил в Иерусалим — участвовать лично в завершении работ по реставрации католического придела на Голгофе, в храме Гроба Господня. Принимая от архитектора и его сотрудников этот рождественский подарок, новый Кустод, преподобнейший отец Альберто Гори, впервые заговорил о строительстве храма в Горнем.

...Под Иерусалимом, в восьми километрах по современным путеводителям, в долине меж живописных гор лежит селение, именуемое в православной библейской традиции «Горним» (то есть «Верхним, нагорным градом Иудовым»). Современные арабы называют поселок- Айн-Карем — «Источник в виноградниках». Здесь жили праведные Захария и Елизавета, родители Иоанна Предтечи, здесь родился будущий Креститель. Сюда пришла, согласно Евангелию от Луки, к своей двоюродной сестре Елизавете Пресвятая Дева Мария сразу после Благовещения, получив от архангела известие о том, что станет Матерью Богочеловека.

Снова источником вдохновения было для архитектора Евангелие. По богословскому, а значит, и архитектурному заданию речь шла о воплощении не только исторического, но и мистического, космического события — встречи Марии и Елизаветы, двух беременных женщин, носивших в те дни под сердцем одна — будущего Предтечу, последнего из пророков Ветхого Завета, другая — младенца Христа, Сына Божия, основателя Нового Завета. Предстояло воздвигнуть в буквальном смысле слова храм Встречи — встречи двух Заветов, двух разных религиозно-космических эпох. Но одновременно, помимо этой всемирно-исторической идеи, храм должен был воплотить в пластической, даже лирической форме ликующую душу Матери, обычной земной женщины, но рожающей не простого младенца — Бога и Спасителя мира.

Перед Антонио снова стояла задача перевести на язык камня и фрески молитву — на сей раз гимн Богородицы: «Величит душа моя Господа». Ведь монастырь, для которого строили церковь, так и зовется «Магнификат» (Magnificat — «величит» — первое слово молитвы в латинском переводе).

С другой стороны, как во всех святых местах, имеющих давнюю тра-

дицию литургического почитания и сложную по архитектурно-археологическим напластованиям предысторию, Антонио должен был бережно сохранить и ввести тактично в тело нового храма остатки прежних, существовавших на этом месте христианских святилищ.

...Тщательные археологические раскопки показали, что место дома Елизаветы и Захарии на склоне Айн-Каремского холма было обитаемо еще с незапамятных времен, более чем за тысячу лет до Рождества Христова. Сохранились остатки жилищ эллинистического периода, монеты и керамика времени Христа Спасителя.

В V–VI вв. нашей эры здесь был построен первый христианский храм. На обнаруженных фрагментах штукатурки отчетливо читаются процарапанные верующими кресты, слова греческих молитв и литургических надписей.

Археология надежно подтверждает свидетельства письменных источников. В апокрифическом «Первоевангелии Иакова» (конец II в.) рассказывается о бегстве Елизаветы с младенцем Иоанном в горы от убийц, посланных Иродом (в дни «избиения младенцев»). Сохранились пещера, где они прятались (ныне францисканская пустынь во имя Иоанна Предтечи, в часе ходьбы от Магнификата), кусок скалы с выемкой, куда Елизавета укрыла ребенка (Барлуцци поместил эту древнюю реликвию в специальной, отделенной железной решеткой нише Нижнего храма). Писатели VI в. определенно говорят о «доме Елизаветы в Айн-Кареме», входившем в маршруты паломнических посещений. В месяцеслове Иерусалимской Православной Церкви VII — VIII вв. отмечается особое празднование: «28 августа. В селении Айн-Карем, в церкви Праведной Елизаветы, служба в ее честь».

Крестоносцы в двенадцатом столетии возобновили древнее святилище, превратив небольшую по размерам старую византийскую церковь в крипту нового, двухъярусного храмового комплекса. Именно тогда над пещерой, почитаемой остатками дома Елизаветы и Захарии, воздвигается Верхняя церковь — мощное, почти фортификационного типа сооружение со стенами до 3 метров толщиной. Достаточно сказать, что лестничный подъем в Верхнюю церковь, сохранившийся до наших дней, был устроен в толще одной из стен.

Крестоносцам принадлежит и общая структура монастыря — с небольшим внутренним двориком и высокими внешними стенами.

К лету 1938 г. начинается строительство нового монастырского ансамбля. Строить приходится на крутом склоне холма, откуда открывается дивная панорама долины. А Антонио живет внизу, в обители францисканцев, в долине, с тремя старыми монахами, приобщаясь понемногу к их опыту духовной жизни, подчиняя волю и время монастырскому уставу и распорядку дня.

Ситуация в Палестине становится, между тем, взрывоопасной. Пале-

стинцы пытаются заставить Английскую Колониальную Администрацию остановить нашествие на Святую Землю евреев-сионистов, вытесняющих мирное арабское население с исконных обжитых земель. Британцы оказались между двух огней: арабским сопротивлением, переходящим от демонстраций протеста к вооруженному восстанию, и сопротивлением еврейским, отрабатывающим тактику террористической борьбы и считающим своим ближайшим врагом не только арабов, но и препятствующих сионистской колонизации англичан.

Многие из палестинцев, работавших у Барлуцци на строительстве в Айн-Кареме, вчерашние мирные феллахи, вооружившись кирками и лопатами, уходят в окрестные горы, в партизанские отряды. И Антонио не может и не считает себя вправе их останавливать. Англичане ужесточают репрессии, против кайла и лопаты бросают танки. Хватают не только подозрительных мусульман — арестован и брошен в тюрьму, по грубому недоразумению, один из итальянцев, ближайший помощник Барлуцци. Лишь с большим трудом удается добиться его освобождения...

Начинается вторая мировая война — Антонио строит храм Любви и Радости Материнства. Работы продолжаются в 1939-м... 1940-м... Он теперь не успеет довести до конца задуманное — ни на интерьерях Верхней и Нижней церквей, ни по оформлению традиционного монастырского двора, клуатра. Вынужденный покинуть Святую Землю и уехать в Италию, он сможет вернуться лишь в 1947-м. Окончательный современный вид Магнификат приобретет лишь к середине пятидесятых...

...Итак, Антонио предстояло соединить почти несоединимое: древнееврейское, прислоненное к естественной пещере жилище родителей Предтечи, крипту византийского времени, мощную архитеконику руинированной Верхней Церкви крестоносцев...

Но главное, та историко-философская сверхзадача, о которой говорилось выше, — тема встречи Ветхого и Нового Заветов. Ее Барлуцци решил с геометрической простотой и изяществом. Ведь Новый Завет не только «вырастает» над Ветхим, но и во всем, образно говоря, «перпендикулярен» ему. Барлуцци искусственно удлиняет западный фасад Нижней церкви, создавая за счет пристроенной к храму галереи аркаду — отчетливую линию севера — юга. А для церкви Верхней, базиликально вытянутой в направлении запад — восток, делает главный вход — после нескольких поворотов лестничного восхождения по террасам монастырского сада — с южной, солнечной стороны. В результате Верхняя церковь оказывается действительно перпендикулярна Нижней — при том, что алтари обеих обращены к востоку.

Нижняя Церковь представляет собой небольшую по площади, почти квадратную в плане капеллу, как бы прислоненную к скале и врубленную в толщу горы алтарной своей частью. Прямо напротив входа в алтарной

стене симметрично расположены две, не одинаковой глубины, ниши. В левой, неглубокой, — мраморный алтарь-престол с барельефным изображением Агнца и тернового венца — в напоминание слов Крестителя об Иисусе: «Се, Агнец Божий, берущий на себя грех мира».

В правой нише, совпадающей по размерам с древней пещерой и укрепленной современным сводом, с древней криптой, находится главная святыня монастыря: колодец над святым источником. В тот миг, по Евангелию, когда Елизавета вышла встречать Марию, «вызграл младенец во чреве ее» — Предтеча приветствовал Мессию — и забил источник, горный ключ, из безжизненных недр скалы.

Совсем по-другому решен интерьер Верхней церкви. Эта типичная, довольно высокая однефная базилика с кронштейнами кровли, явно стилизующими эпоху Юстиниана, также украшена фресками — но совсем иного уже времени и подобия. Некоторые называют такие стилизации «джоттесками» — в стиле Джотто. Всю восточную, запрестольную стену создал росписей итальянский художник Ч. Вагарини занял огромной композицией, изображающей «Триумф Марии». Северная, находящаяся напротив входа стена (вход в храм с южной стороны), занята пятью живописными сюжетами: «Третий Вселенский собор», утвердивший именование Марии Богородицей, «Брак в Кане Галилейской», где по просьбе Матери Господь сотворил первое чудо: «Защитница грешных», напоминающая нашу православную иконографию Покрова, и другие эпизоды, связанные с прославлением Царицы Небесной в истории Церкви. Храм очень светлый — каждому из названных «северных» сюжетов соответствует расположенное строго напротив в южной стене большое окно, так что в целом в храме почти до самого вечера господствует праздничная атмосфера золотого, пропитанного солнцем воздуха и ярких нарядных фресок.

Важным элементом ансамбля стала кампанилла — колокольня у правого, северо-западного угла комплекса. Барлуцци мечтал проявить себя в проектировании звонниц еще в 1927 г. — при строительстве Капеллы Бичевания. Тогда не получилось — и хорошо. Крестный путь не место для высокого звона. Здесь, на склоне Айн-Каремского холма, колокольня была уместна — благовест наступления Новой Эры.

Клуатр Магнификата тоже стал своего рода архитектурной достопримечательностью. Вся его западная (отчасти и северная) стена, подпирающая крутой склон и отделяющая францисканскую обитель от Русского Горненского монастыря, в который Магнификат вдается небольшим клином, занята майоликовыми плакетками, каждая из которых содержит текст Молитвы Богородицы на разных языках мира. Сейчас их более сорока, для других еще есть место.

Одна из надписей содержит наш, церковнославянский текст молитвы,

ежедневно звучащей в богослужении Православной Церкви: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасе Моём».

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Только в 1947 г. Барлуцци смог вернуться в Иерусалим. Оказалось, что дом его давно занят английскими солдатами, Антонио никогда больше не переступит его порога.

Он поселяется в Вифлееме, где братия местного францисканского монастыря поручила ему реставрацию старинного клуатра — внутреннего монастырского двора времен крестоносцев, неотъемлемого архитектурного элемента католических монастырских комплексов, служившего традиционно убежищем уединенных молитв и медитаций, а в конце прошлого столетия безжалостно урезанного и искаженного при строительстве храма святой Екатерины.

Церковные перестройки прошлого века (как католические, так и православные) еще не знали — да так ли уж знают и сейчас? — последовательной идеологии «исторического стиля», с традиционализмом новой и ориентацией на максимальную сохранность старой архитектурной формы. Установка Барлуцци на сознательную и возможно точную стилизацию клуатра именно XII в. стала возможной лишь в середине века двадцатого. Да и теперь казалась многим не то причудой, не то... непозволительным новаторством. К счастью, материал для стилизации был. Из 64 колонн, которые украшают сегодня сводчатые галереи вифлеемского клуатра, реально к эпохе крестоносцев относится порядка двадцати, остальные — новодел.

В рамках небольшого замкнутого пространства Антонио сделал, пожалуй, максимум возможного. Помимо восстановленной симметрии трех сторон монастырского двора, примыкающего к храму, с разнообразными вышеуказанными колоннами (говорят, ни одна не повторяет полностью другую), архитектор поставил в центре клуатра столп со статуей блаженного Иеронима, основателя Вифлеемской обители. Иероним, известный прежде всего как создатель латинского перевода Библии — так называемой Вульгаты — долгие годы до самой смерти (в 420 г.) жил в Вифлееме, при храме Рождества, в отдельной пещере-келье, сохранившейся до нашего времени. Полуподвальное окошко из жилища Иеронима выходит как раз в монастырский сад, недалеко от того места, где стоит памятник великому филологу и богослову — та самая увенчанная статуей колонна, которая в полном соответствии с авторским замыслом Барлуцци архитектурно держит весь ансамбль.

...Осенью 1949-го случилась беда. Антонио начал катастрофически терять зрение. Друзья отвезли его сначала в Амман, в им когда-то построенный госпиталь, затем, весной следующего года, в Рим, где в одной из луч-

ших клиник врачи успешно выполнили операцию по снятию катаракты.

В «пепельную среду» пятидесятого года (так называется у католиков первый день Великого поста, соответствующий нашего Чистому Понедельнику) епископ, возглавлявший богослужение в соборе в Аммане, сказал Барлуцци, что в храме читалась специальная молитва о здравии и сохранении зрения «рабу Божию Антонио, дабы он и далее мог воздавать хвалу Господу своими храмами». И зрение вернулось к архитектору.

...В 1952–1953 гг. благодарный Антонио возводит храм Воскресения Лазаря в Вифании.

Вифания, в переводе с еврейского «дом финиковых пальм», — деревня на южном склоне Елеона, по дороге из Иерусалима в Иерихон. Сколько раз прошел по этой знойной дороге Иисус со своими учениками, направляясь в Святой Город на праздник. Ни разу в Евангелии не сказано, чтобы Господь ночевал в Иерусалиме. Он предпочитал каждый раз возвращаться в Вифанию, где жили его друзья: Лазарь с сестрами Марфой и Марией.

Здесь, в Вифании, совершил Иисус одно из самых значительных своих чудес — воскресил умершего Лазаря. Гробница сохранилась. Правда, над ней высится минарет мусульманской мечети — типичная картина для святых мест Палестины. Нынешние паломники входят в гроб Лазаря, — а в древнееврейские гробницы именноходишь, как в нарочитое, высеченное в скале архитектурное сооружение, — не так и не с той стороны, как пошел тогда Иисус. В XVII в. мусульмане разрешили францисканцам пробить в скале другой, боковой вход, от которого узкая лестница приводит к гробнице, из которой вышел когда-то по властному окрику Сына Божия уже три дня как погребенный мертвец.

Это место почиталось христианами с древнейшего времени. На строительной площадке нового храма Барлуцци пришлось иметь дело с археологическими пластами трех разновременных церквей — от византийского периода до эпохи крестоносцев. Все развалины, которые можно было сохранить для будущих поколений паломников, архитектор бережно консервировал и использовал в качестве окружающей среды.

...Перед ним стояла новая архитектурная — а следовательно, и богословская — проблема: выразить в пластических формах память человечества о впервые свершившемся здесь чуде восстания из мертвых. Бог не только вернул художнику зрение — он обрел и новый духовный опыт, новое видение. Барлуцци приходилось уже работать с различными градациями освещения — от залитой солнцем базилики Преображения на Фаворе до фиолетовых витражных сумерек храма Гефсиманской Молитвы. Храм в Вифании будет весь построен на игре светотени — Смерть и Жизнь, Радость и Скорбь.

Церковь крестово-купольного типа (таких еще не строил Барлуцци),

с равноконечным крестом в плане, совсем небольших размеров — чуть больше семнадцати метров в длину и ширину, с подкупольным квадратом, сторона которого составляет около восьми метров. Компактное и со всех сторон изолированное здание легко обойти — и «обсмотреть», — чего тоже никогда не было у Барлуцци в прежних его постройках. Герметические, без окон, стены из твердых пород вифлеемского камня (его так и называют «вифлеемит») увенчаны невысоким куполом, поднятым на восьмерике барабана. В северо-восточном углу — то есть между северной и восточной ветвями креста — поставлена тонкая башня-колокольня, причем гладкая поверхность стен, отсутствие окон (за исключением, кажется, бойницы в одном из ярусов) делают ее похожей не на звонницу — на стройный обелиск.

Простота пространственного решения оттеняется благородством материала, строгостью — хотя отнюдь не бедностью — скульптурного и мозаического убранства. В целом храм производит впечатление мавзолея, надгробного сооружения. Это впечатление усиливается, когдаходишь внутрь и оказываешься как бы в подземном святилище ранних христиан. Даже сами алтари (в католическом храме это собственно только престол, в соответствии с первоначальным латинским смыслом слова «алтарь» — «каменное возвышение»), а они помещены Барлуцци не только в главном, восточном рукаве внутреннего креста, но и в северном и южном, выглядят издали в своих сводчатых аркосалиях как древние саркофаги.

Завершает композицию — и определяет атмосферу и общий облик церкви — застекленное круговое отверстие в куполе (по типу римского Пантеона), являющееся единственным источником света в помещении. Свет падает в результате вертикально вниз, чем обеспечивается необычность и напряженность светотеневых градаций. Верхние части храма пронизаны светом — рукава креста остаются в вечной тени.

В каждом из четырех рукавов, в люнете под аркой свода, — мозаики, изображающие главные, связанные с Вифанией события (художник Чезаре Вагарини). В главном, восточном люнете — Христос, возглашающий: «Аз есмь Воскресение и Жизнь». В левом, северном — знаменитая беседа Христа с Марфой и Марией: «Ты, Марфа, печешься о многом, тогда как одно только на потребу. Мария же избрала благовую часть». Марфа и Мария давно уже стали символом двух сторон христианского служения в мире — практического, деятельного (Марфа) и молитвенно-созерцательного (Мария).

В южном люнете — сцена воскрешения Лазаря. В западном — мы видим эту мозаику, только когда уже поворачиваемся выходить из храма, — пир у Симона Прокаженного, в доме которого Мария Магдалина возлила на голову Иисусу сосуд драгоценного мира — «помазала его к погребению».

Так претворил Барлуцци в камне и мозаике евангельский сюжет о пер-

вом воскрешенном от смерти к жизни земном человеке: внизу — приземленность, тьма и «сень смертная», сверху, в струящемся из купола вертикальном свете, — устремление к небу, вера и чаяние Воскресения.

«СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ»

В ночь Рождества Христова пастухи в долине, недалеко от Вифлеема, — город и сама пещера Рождества расположены на крутом взгорке, — стали очевидцами дивного видения. Вдруг в ночной тьме воссиял свет, и явившиеся в сиянии Ангелы возгласили праздничную песнь:

— Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!

В переводе с древнеславянского, который в свою очередь точно передает греческий оригинал, эта молитва означает примерно: «Вышние силы (т.е. ангелы) славят Бога за то, что Он ниспослал мир на землю, явив людям свою благую волю в рождении Сына Божия».

Услышав благовестие, сказано в Евангелии, пастухи направились в Вифлеем и действительно нашли в пещере, в яслях, Божественного Младенца, которому суждено было стать Спасителем мира.

Место, где было вифлеемским овцеводам ангельское явление, так и называют Поле пастырей, или, как говорят ласково русские благочестивые паломницы, «Поле пастушков». Церковное почитание этого святого места восходит к первым временам христианства, а само Поле как бы поделили мирно православные и католики. На православном участке сохранилась крипта древнего византийского храма, — по преданию, та самая пещера, в которой укрывались пастухи со своими овцами в ту холодную декабрьскую ночь. Алтарь отмечает место, где похоронены были, по древним свидетельствам, первые очевидцы Рождества Христова. В недавнее время рядом воздвигнута новая греческая церковь.

Храм на католическом, францисканском участке построен тоже сравнительно недавно: заложен в канун Рождества 1953 г., освящен ровно через год, на Рождество 1954 г. Барлуцци назвал его «храмом Ангелов». Как во всех барлуццианских проектах, архитектура полностью подчинена историко-богословской концепции. На большой цельной скале развернут типичный древний бедуинский шатер. Именно такими были жилища пастухов-кочевников времени Христа Спасителя.

Архитектор продолжает экспериментировать. После восьмериков (на горе Блаженств, в Вифании) храм приобретает в плане форму десятигранника. Каждая вторая грань оснащена мощным контрфорсом — вполне декоративным, ибо конструкция храма представляется достаточно простой и легкой. Над нижним, основным сложнофигурным многоугольником вырастает десятерик барабана и над ним купол, также разделенный белыми

поясами на десять сегментов. Иными словами, принцип десятиричности, напоминающий о церковной десятине — приношении Богу десятой доли от каждого стада и каждого урожая, — проведен архитектором, что называется, сверху донизу.

Барлуцци не был бы самим собой, если бы не попытался и здесь «поиграть» со светом. Помните, в Евангелии прежде всего говорится о том, что на поле «воссиял свет». Этот нездешний, не от земных источников происходящий свет Антонио моделирует специальной продуманной системой окон и окошек. В каждой из десяти граней барабана, под специальным треугольным кокошником прорезаны мощные не то люкарны, не то иллюминаторы. Купол весь превращен в своеобразное ячеистое полусферическое окно: небольшие круглые отверстия в обычном для архитектора алавастровом исполнении, по 88 в каждой из десяти полос кровли, наполняют внутреннее пространство храма загадочным струящимся светом.

Бронзовый ангел — символ тех, рождественских Ангелов — простирает крылья над входом. В церкви три алтаря — к востоку, северу и югу. Над каждым из алтарей размещены большие фрески работы художника Умберто Нони. Он был еще студентом Академии изящных искусств в Риме, когда Барлуцци впервые, в 1923 г., пригласил его помогать в изготовлении мозаик для базилики на горе Фавор. Фрески повествуют о трех последовательных эпизодах из жизни вифлеемских пастырей: явление Ангелов, возвещающих Рождество Спасителя; поклонение Младенцу и Его Матери в Вифлеемской пещере; возвращение радостных пастырей к своим овцам.

Как ни странно, может быть, именно фрески потребовали тогда, в 1953 г., наибольшего труда и заботы. Песок для фресок нужно было возить более чем за сто верст — от берегов Галилейского моря. Поскольку демаркационная линия после еврейско-арабской войны разделила Святую Землю колючей проволокой и блок-постами, лишь немногие высокопоставленные дипломаты могли беспрепятственно пересекать границу. Тем не менее, Барлуцци настоял на том, чтобы песок везли из Галилеи — в «неприкосновенных» дипломатических лимузинах. И другая трудность. Художнику приходилось работать в полутьме, при масляных светильниках. И едва он подносил лампу ближе к стене — свежеподготовленная штукатурка слишком быстро сохла, относил подальше — и создаваемая фреска тонула в сумерках.

Церковь Ангелов на Поле пастушков была освящена, как мы сказали, в праздник Рождества, 25 декабря 1954 г. Барлуцци уже полностью поглощен к этому времени новым проектом.

«ГОСПОДЬ ПЛАЧЕТ»

...В Вербное Воскресенье, за пять дней до Голгофы, когда Спаситель, совершая торжественный свой Вход в Иерусалим, спускался с Елеонской горы к Золотым воротам, Он замедлил на одной из террас и — при виде залитой солнцем панорамы Святого Города, с величественным многоукрашенным Храмом, — не удержался, заплакал.

— Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать сынов твоих, как птица собирает птенцов под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст (Лк. 13, 34–35).

Как можно выразить языком архитектуры плач Иисуса?

Барлуцци накрывает храм черным куполом, нарочито отягченным книзу, словно оплывающим в форме слезы. И по углам кровли ставит тонкие не то вазоны, не то ампулы — говорят, в такие античные плакальщицы в буквальном смысле слова «собирали» слезы.

...Войдя внутрь (снаружи храм выглядит как небольшая часовня), видим, что он представляет собой в плане крест или, точнее, квадрифолий. В силу особой камерности внутреннего пространства каждая линия властно направляет твой взгляд вверх — к сводчатой золотой чаше купола.

В восточном «лепестке» квадрифолия — ниша с мраморным византийским алтарем, вокруг которого бережно расчищен мозаичный пол раскрытой археологами церкви. В левом, южном, «лепестке» — полукруглая плита с текстом Евангелия от Луки — о том, как на этом самом месте заплакал Иисус. В правом, северном, над входными дверьми — ктиторская доска с надписью: «Христу Плачущему — при Кустоде Святой Земли отце Гиацинте Фаччио, архитектор Антонио Барлуцци, Италия, Канада и Мексика — приносят в лето Господне 1955». (Перечислены страны, участвовавшие в финансировании проекта).

Бросается в глаза, что алтарь обращен не к востоку, а к западу. Но к какому Западу! В момент Евхаристии в полуовале окна, за решеткой в форме тернового венца, с причастной чашей и гостией посередине, — верующие видят прямо перед собой весь Иерусалим с Золотыми воротами, золотым куполом мечети Омара и серым — ротонды Гроба Господня. Сам Гроб Господень — символически — и является в данном случае подлинным Алтарем.

Храм «Господь плачет» стал последним в авторском списке Антонио Барлуцци. Архитектор пытается еще поехать в Назарет, где начаты подготовительные работы к строительству новой базилики Благовещения. Почти десять лет — с 1944 г. — Барлуцци работал над проектом назаретского храма. Грандиозный ансамбль Храма Воплощения, воплощения Бога в человеке, должен был стать его лебединой песней. Но проект старо-

го мастера был на сей раз отвергнут, церковные власти предпочли другого архитектора. Антонио, как скажет он в одном из писем, чувствует себя так, словно с него живьем сняли кожу. В первый раз он не знает, что делать, чем заняться. Друзья зовут его домой, в Рим. Кустод Святой Земли, Альфредо Полидори (их сменилось 15 за сорок с лишним лет палестинской эпопеи Барлуцци), обещает, что в случае возвращения в Италию великому зодчему будет предоставлено на выбор, где жить — в монастыре, в больнице или дома, в кругу родных.

Жизнь кончена. Барлуцци пакует в пяти больших ящиках свое нехитрое достояние: книги, альбомы, чертежи и эскизы созданных и несозданных храмов. Все свое, как подобает философу, он унесет с собой...

Последние годы он жил в Риме, сначала с сестрой, в небольшой квартире, у Колизея, потом перебирается в монастырь — на подворье Стражи Святой Земли. Слишком привык он к монашескому францисканскому распорядку, к ежедневной утренней мессе... Когда Антонио не сможет больше вставать с постели, монахи будут оставлять открытой дверь его кельи, чтобы он слышал богослужение из храма.

Потом придет Сестрица Смерть, как сказал бы святой Франциск...

Он умер 14 декабря 1960 г. в Вечном Городе, в котором родился и который любил, может быть, не меньше, чем дальний, знойный, святой и проклятый, столь же вечный Иерусалим.

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 110

Ответственный редактор
д.и.н. Н.Н. Лисовой

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100¹/16. Печать офсетная.
21,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

